

RUSSIAN JEWRY ABROAD. Vol. 17

LET US BUILD THE WALL OF JERUSALEM

**JEWS FROM RUSSIA
IN PALESTINE/ISRAEL**

Book 3

Compiled and edited by
Yulia SISTER

Editorial Board:
Konstantin Kikoin, Lena Dragicky, Dan Haruv

Jerusalem, 2008

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ. ТОМ 17

ИДЕМТЕ ЖЕ ОТСТРОИМ СТЕНЫ ЙЕРУШАЛАИМА

ЕВРЕИ ИЗ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ, СССР/СНГ В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ
И ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ

Книга 3

Редактор-составитель

Юлия Систер

Редакционный совет:

Константин Кикоин, Лена Драгицкая, Дан Харув

Иерусалим, 2008

Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

Научный руководитель и главный редактор *Михаил Пархомовский*

Том 17

ИДЕМТЕ ЖЕ ОТСТРОИМ СТЕНЫ ЙЕРУШАЛАИМА

ЕВРЕИ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР/СНГ
В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ И ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ

Книга 3

Иерусалим, 2008

Редактор-составитель:

Юлия Систер

Редакционный совет:

Константин Кикоин, Лена Драгицкая, Дан Харув

Издано при участии Министерства абсорбции Израиля

© НИ центр *Русское еврейство в зарубежье*

© Авторы статей

Research Centre for RUSSIAN JEWRY ABROAD
Direction for Scholarly Works Mikhail Parkhomovsky
Volum 17

LET US BUILD THE WALL OF JERUSALEM
RUSSIAN JEWS IN PALESTINE/ISRAEL

Book 3

Jerusalem, 2008

Compiled and edited by

Yulia Sister

Editorial Board: *Konstantin Kikoin, Lena Dragicky, Dan Haruv*

ISBN 965-222-911-3

На обложке: *Борис Зеленый*. Иерусалим (1-я стр.)

Цветущее дерево (2-я стр.)

*60-летию Государства Израиль
посвящается*

От редактора-составителя

...Теперь у нас уже есть Израиль. Сюда евреи из России привезли накопленные ими духовные богатства.

Амос Оз

Настоящее издание является продолжением серии книг «Идемте же отстроим стены Йерушалаима» и, как и предыдущие тома, посвящено вкладу евреев – выходцев из Российской империи, СССР, СНГ в различные области науки, культуры, образования, промышленности, военного дела в Израиле. Оно так же представляет собой сборник очерков о жизни и творчестве известных, малоизвестных и забытых деятелей еврейского ишува и Государства Израиль.

Том 17 (книга 3) открывает статья д-ра Алека Эпштейна «Создание Государства Израиль как национальный проект российского еврейства», в которой убедительно показано, что идеи сионизма были высказаны Л.Пинскером задолго до Т.Герцля (палестинофильские идеи). Это признавал и сам Т.Герцль, и другие политические деятели.

На протяжении нескольких десятилетий – с начала 1880-х до середины 1920-х – большинство прибывших в Эрец-Исраэль с целью на практике возродить землю предков (возвести поселения, построить города, укрепить обороноспособность) составляли российские евреи, и именно они заложили политические, социальные и культурные основы Государства Израиль. Свой вклад в развитие и процветание нашей страны внесли и вносят последующие поколения русских евреев.

Выражаю благодарность основателю и руководителю Центра д-ру Михаилу Пархомовскому за ценные советы и работу в качестве главного редактора.

Благодарю изд-во «Филобиблон» (руководитель д-р Леонид Юниверг) за литературную редакцию, корректуру и составление указателя имен и Александра Кучерского (изд-во «Достояние») за подготовку к печати иллюстраций и форматирование книги.

Признательна добровольным помощникам, друзьям нашего Центра Эльвире Берман-Штернфельд, Белле Струцовой и Елене Гольцфарб-Лурье.

За постоянную поддержку особую благодарность выражаю муниципалитету Реховота и его Отделу абсорбции.

Юлия Систер

ИСТОРИЯ

Создание Государства Израиль как национальный проект российского еврейства

Алек Эпштейн (Иерусалим)

Хотя основоположником политического сионизма принято считать Теодора Герцля – уроженца Будапешта, прожившего большую часть своей жизни в Париже и в Вене и лишь однажды (в 1903 году) посетившего Россию, не будет преувеличением сказать, что без русского еврейства сионистская идея не имела ни малейших шансов быть реализованной.

Менахем Усышкин

Во-первых, почти все основоположники главных направлений сионистской мысли родились на территории Российской империи: Ахад-ха-Аам (Ашер Гинцберг), родоначальник так называемого «духовного» сионизма, – в Украине, в местечке Сквир в 1856 году; Менахем Усышкин, лидер «практических сионистов», – в местечке Дубровна Могилевской губернии в 1863 году; Авраам Ицхак ха-Коэн Кук, фактический создатель доктрины религиозного сионизма, – в Даугавпилсе в 1865 году; Владимир (Зеэв) Жаботинский, ведущий идеолог и лидер так называемого «ревизионистского» движения, – в Одессе в 1880 году; Берл Кацнельсон, ведущий идеолог рабочего движения, – в Бобруйске в 1887 году. Собственно, практически все ведущие идеологи социал-демократического сионизма – уроженцы Российской империи: Аарон Давид Гордон появился на свет в городе Троянов Житомирской области в 1856 году, Нахман Сыркин – в Могилеве в 1868 году, Бер Борохов – в Золотоноше, в Украине, в 1881 году... Основоположником политического сионизма принято считать Теодора Герцля, но это, скорее, – историческое недоразумение: за полто-

Лев Пинскер

Ахад-ха-Ам

Нахум Соколов

Зеев Жаботинский

ра десятилетия до «Еврейского государства» практически те же идеи высказал в «Автоэмансипации» уроженец Томашполя (Волынская губерния) врач Лео Пинскер. Когда Т.Герцль прочел книгу Л.Пинскера, то записал в дневнике: *«Поразительное совпадение в критической части, значительное сходство в части конструктивной. Жаль, что я не прочел это произведение до того, как моя книга была подписана к печати. В то же время даже хорошо, что я не был знаком с ним, — вполне возможно, что тогда я бы и вовсе отказался от своего труда»*¹. Похожего мнения придерживался, кстати, и М.М.Усышкин, получивший и прочитавший брошюру Т.Герцля в 1896 году. По его словам, *«в ее теоретической части сионисты России, после уже вышедших брошюр Пинскера и Лилиенблюма, не найдут ничего нового»*². В высшей степени показательно, например, что первая глава фундаментальной монографии Ицхака Маора «Сионистское движение в России» посвящена именно периоду, предшествовавшему деятельности Т.Герцля³.

¹ Цит. по: Герцль — личность и деятельность. Сионистская мечта и ее воплощение: Методическое пособие / Всемирная сионистская организация. Иерусалим, 2004. С.15.

² Цит. по: *Свет Г.* Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 года / Союз русских евреев. Нью-Йорк, 1960. С.255.

³ *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1977. С.5–34 [на иврите опубликовано в 1973 г.].

Хотя сам Т.Герцль был ассимилированным европейцем, достаточно комфортно чувствовавшим себя как в Австро-Венгрии, так и в Германии, Швейцарии и Франции, у него были значительные проблемы во взаимоотношениях с евреями Западной Европы. Не случайно израильский исследователь Йосеф Гольдштейн называет обращение к российскому еврейству «переломным моментом» в деятельности Т.Герцля⁴. *«Отчаявшись заручиться поддержкой таких западно-европейских еврейских финансовых магнатов, как бароны Гирш и Ротшильд, Т.Герцль решил обратиться к широкому еврейскому массам Восточной Европы»*, – отмечает Й.Гольдштейн. К первым политическим шагам Т.Герцля сторонники кружков *Хиббат-Цион* («Любящие Сион») в России отнеслись положительно, что нашло отражение в аналитических статьях Нахума Соколова, редактора газеты «Ха-Цфира», выходившей в Варшаве и выражавшей обычно мнения национально настроенных евреев Российской империи. Три с половиной десятилетия спустя, в 1931 году, сам Н.Соколов станет главой Всемирной сионистской организации (после его смерти в 1935 году этот пост вновь займет Хаим Вейцман), а пока, начиная с 1896 года, российское еврейство проявляло постоянно растущий интерес к личности Т.Герцля. Несмотря на скептицизм М.М.Усышкина, книга Т.Герцля «Еврейское государство» была переведена на несколько языков (в том числе на русский, идиш, украинский, польский) и расходилась среди евреев как в черте оседлости, так и за ее пределами. Впрочем, очень может быть, что М.М.Усышкин был прав, и факт благосклонного принятия этого сочинения российскими еврейскими читателями (в отличие, кстати, от того отторжения, которое эта брошюра вызвала среди западноевропейского еврейства) объясняется как раз тем, что почва уже была подготовлена российскими предшественниками Т.Герцля.

Во-вторых, создание первоначальной организационной инфраструктуры сионистского движения – тоже дело рук российских евреев. В те дни, когда Теодор Герцль только грезил о создании Сионистской организации, у российских сионистов – они называли себя палестинофилы, – подобная организация уже была: Общество вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине (называлось также Одесским палестинским обществом, вкратце – Одесский комитет), основанное в 1890 году. Одесский комитет собирал

⁴ Гольдштейн Й. История сионистского движения / Открытый университет Израйля. Раанана, 2006. Т.2 (ч.3). С.82 [на иврите опубликовано в 1980 г.].

средства в помощь еврейским поселенцам в Палестине/Эрец-Исраэль и распространял собранное при посредстве своего представительства в Яффо, возглавлявшегося уроженцем Елисаветграда Владимиром Темкиным. Аналогичные структуры были созданы и Т.Герцлем (Еврейский национальный фонд, Еврейский колониальный банк), но это случилось значительно позже, в 1901–1902 годах. Одесский комитет организовал в Одессе, Стамбуле, Бейруте, Яффо, Иерусалиме и Хайфе сеть информационных бюро для оказания помощи переселенцам. Представителем Одесского комитета в Палестине/Эрец-Исраэль был избран Иехиэль Пинес, уроженец Ружан Гродненской губернии, совершивший алию еще в конце 1870-х. Одесский комитет основывал сельскохозяйственные поселения – *мошавот* и мелкие единичные хозяйства для сельскохозяйственных рабочих, поддерживал ряд культурно-просветительных учреждений в Палестине/Эрец-Исраэль (школы, в том числе первые школы с преподаванием на иврите, детские сады), издавал книги и журналы и т.п. Среди прочего, именно Одесский комитет внес первый взнос в фонд, предназначенный для приобретения участка и создания Еврейского университета в Иерусалиме.

Руководство Одесского комитета обсудило книгу Герцля в июле 1896 года. Активист Одесского комитета Григорий (Цви) Белковский сообщил, что Т.Герцль обратился к нему с просьбой стать его личным представителем, а также изложил основные пункты проекта Т.Герцля и предложил комитету поддержать его начинания. После длительного обсуждения, на котором прозвучали и критические замечания, было принято решение поддержать проект и установить контакты с автором книги. Г.Белковский сообщил Т.Герцлю: «За Вами стоит Одесский комитет»⁵. Как отмечает Й.Гольдштейн, еще перед созывом I Сионистского конгресса Т.Герцль *«понял, что его успех зависит прежде всего от участия в нем российских делегатов, и попросил своих сподвижников убедить членов Одесского комитета в серьезности его намерений. <...> Весной 1897 года он послал двух своих эмиссаров, Иехошуа Бухмиля и Реувена Шнирера, в ряд городов России и Литвы, где они пытались убедить местных лидеров кружков Хиббат-Цион принять участие в конгрессе»*⁶. Среди 197 зарегистрированных делегатов I Си-

⁵ Письмо Г.Белковского Т.Герцлю от 20 сент. 1896 г. [на немецком языке] // Центральный сионистский архив, единица хранения А-171/20; цит. в книге Й.Гольдштейна «История сионистского движения». Т.2. С.84.

⁶ Гольдштейн Й. Указ. соч. Т.2. С.88, 111.

онистского конгресса было 66 представителей России⁷. В 1898 году в России насчитывалось 373 сионистских кружка – больше, чем в какой-либо иной стране в то время; спустя всего пять лет их число выросло до 1572!⁸ Начиная с III Сионистского конгресса (он прошел в Базеле в августе 1899 года), делегаты из России составляют более трети членов руководства Сионистской организации (так называемого «Большого исполкома»).

О впечатлениях самого Т.Герцля от российских представителей, с которыми ему довелось встречаться и общаться, красноречиво свидетельствует следующая его дневниковая запись: *«Хотя российские сионисты не слишком активно участвовали в официальных прениях на конгрессе, мы все же сумели оценить их по беседам в кулуарах. Если сформулировать в одной фразе самое сильное впечатление о них, то можно сказать: они сохранили внутреннюю цельность, потерянную большинством западноевропейских евреев. Они чувствуют себя национально мыслящими евреями, но без ограниченности, нетерпимости и национального высокомерия. <...> Они не ассимилируются ни в одном из других народов, но при этом готовы перенять лучшее у каждого из них. Им удается оставаться гордыми и естественными. <...> После того как мы их увидели, мы поняли, что давало силы нашим предкам оставаться евреями во всех испытаниях. Они открывают нам нашу историю во всей ее полноте и жизнеспособности. Мне пришлось много размышлять о том, почему поначалу в качестве аргумента против меня часто выдвигалось следующее утверждение: “Этим делом ты сможешь увлечь только российских евреев”. Если бы сегодня я снова услышал это, то ответил бы: “Вполне достаточно!”»⁹.*

Собственно, I Сионистский конгресс можно назвать первым лишь с определенными оговорками. За тринадцать лет до конгресса, прошедшего в Базеле в августе 1897 года, первый сионистский съезд прошел в ноябре 1884 года в Катовице. В нем приняли участие 34 делегата от различных палестинофильских групп, большинство из которых приехали из России, однако присутствовали и делегаты из Румынии, Франции и Англии. Приглашение на съезд было составлено на иврите (!), а к нему прилагались переводы на различные языки. На съезде планировалось

⁷ Свет Г. Указ. соч. С.256.

⁸ Гольдштейн Й. Указ. соч. С.101.

⁹ Герцль Т. Базельский конгресс // Речи и статьи (1899–1904), Иерусалим: Сионистская библиотека, 1976. Т.1. С.143–145 [на иврите].

отметить столетний юбилей Моше Монтефиоре, пришедшийся на тот же год, и отдать дань уважения его деятельности в Палестине/Эрец-Исраэль.

В речи на открытии Катовицкого съезда Лев Пинскер говорил о необходимости вернуться в Палестину/Эрец-Исраэль, которую назвал «нашей старой матушкой». Л.Пинскер говорил также, что именно труд на земле поможет возродить еврейский народ в Палестине/Эрец-Исраэль: *«Колонизация станет светочем на нашем пути, нашей путеводной звездой, нашим сегодняшним знаменем. Эта идея уже вышла за рамки простого замысла и претворяется российскими евреями в действительность. Пока злые языки порочили их имя, наши первопроходцы собственными руками всего лишь за два года создали сельскохозяйственные поселения – а именно эти поселения дают прочную надежду на будущее наших братьев на горах Сионских»*¹⁰. На съезде было решено направить одну делегацию в Палестину/Эрец-Исраэль – для проверки состояния поселений, выяснения их практических нужд и определения практических шагов, которые нужно предпринять, чтобы способствовать успеху заселения страны, а другую – в Стамбул, чтобы добиться от султана разрешения на дальнейшее заселение Палестины – это было за десятилетие с лишним до подобных (впрочем, столь же безуспешных) поездок Т.Герцля к Абдул Хамиду II! В июне 1887 года состоялся новый съезд российских сионистов – в городе Друскеники Ковенской губернии, два года спустя еще один съезд прошел в Вильно – и все это до конгресса в Базеле! В 1890 году – за годы до того, как дипломатическая деятельность Т.Герцля получит признание правящих кругов, и за тринадцать лет до его визита в Россию российские власти дали разрешение на создание Общества вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине (ключевую роль в получении данного разрешения сыграл Александр Цедербаум).

В-третьих, именно российские евреи добились того, что сионистский проект стал реализовываться в Палестине/Эрец-Исраэль, а не в Уганде или где бы то ни было еще. Именно семь членов Большого исполнительного комитета из России во главе с уроженцем Кременчуга Йехиэлем (Ефимом) Членовым (позднее – вице-президентом

¹⁰ Цит. по: Гольдштейн Й. История сионистского движения (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2004), Т.1 (ч.2). С.258 [на иврите опубликовано в 1980 г.].

Всемирной сионистской организации) покинули в августе 1903 года зал заседаний VI Сионистского конгресса, в ходе которого Т.Герцль представил предложение проверить возможность создания еврейского государства в Восточной Африке. Стихийно сформировалась группа из 128 делегатов конгресса, выступивших против идеи Т.Герцля заменить Палестину Угандой. Показательна развернувшаяся вслед за этим сцена: *«Собравшиеся [в малом зале противники угандийского проекта] выставили у двери двух дежурных, двух крепких парней, строго-настрого наказав им никого не впускать. И вот появился Герцль и выражает желание присутствовать на собрании. Один из дежурных пошел в зал и сообщил об этом председательствующему. Тот попросил довести до сведения Герцля, что это собрание только российских делегатов. Герцль промолчал, отправился в свой отель и вернулся с удостоверением, что он является делегатом конгресса также и от России. Дежурный снова пошел к председательствующему. Тот вышел из зала к Герцлю и сообщил об опасении некоторых заседающих, что он, Герцль, силой своей личности склонит делегатов ко всему, чего захочет. Но Герцль настаивал на своем праве участвовать в собрании в качестве российского делегата, и ему было позволено войти»*¹¹. Представим себе эту ситуацию – Т.Герцль просит разрешения принять участие в дискуссии на Сионистском конгрессе, и этот ассимилированный европеец получает право выступить перед делегатами на основании того, «что он является делегатом конгресса также и от России»! Дабы рассеять опасения, возникшие у значительной части делегатов в результате полемики об Уганде, Т.Герцль счел необходимым успокоить их и произнес традиционную клятву: «Если забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя десница!» И поднял правую руку в подтверждение этих слов. Однако большинство российских делегатов конгресса ему так и не поверили, и в октябре 1903 года они собрались в Харькове, где объединились в группировку *Ционей Цион* («Сионисты Сиона»), лидером которой стал упоминавшийся выше М.М.Усышкин. Усилия российских делегатов принесли свои плоды: VII Сионистский конгресс, прошедший в 1905 году, отклонил «план Уганды», подтвердив приверженность сионистского движения идее создания еврейской государственности только и исключительно в Палестине/Эрец-Исраэль.

¹¹ Цит. по: Маор И. Указ. соч. С.189.

В-четвертых, реализация основной цели сионизма – создание еврейской государственности – была бы невозможной в принципе без массового участия евреев в переселенческом проекте, являвшемся непереносимым условием для формирования общества, которое могло бы претендовать на право на самоопределение. В критические для становления еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль годы – с конца XIX века до середины 1920-х годов, когда, собственно, и произошло международное признание сионизма (достаточно почитать в этой связи Постановление о мандатном правлении в Палестине, принятое в июле 1922 года) – подавляющее большинство прибывавших в страну переселенцев были именно российскими евреями. Без этой иммиграционной волны российских евреев сионизм остался бы еще одной утопической идеологией.

Итак, сыграв центральную роль в формировании сионистской идеологии и организации структур сионистского движения в стране, которая была выбрана этим движением как площадка для реализации национальных чаяний, российские евреи оказались в авангарде переселенческого проекта, который, собственно, и позволил сформировать так называемый «новый ишув». За годы первой алии (1882–1903) в Палестину/Эрец-Исраэль прибыло около 25 тысяч человек, что позволило увеличить еврейское население страны до 47 тысяч. Кроме относительно небольшой группы йеменитов, все остальные были – русские. Почти исключительно «русской» была и 40-тысячная вторая алия (1904–1914), вызванная усилением национального самосознания евреев России после Кишиневского погрома, других антисемитских эксцессов и поражения революции 1905 года. Еще свыше 35 тысяч человек прибыли в Палестину/Эрец-Исраэль в период третьей алии (1919–1923), опять-таки – почти исключительно из России. Многие из иммигрантов, прибывших в страну в те годы, впоследствии покинули ее, но факт остается фактом: именно русские евреи, пусть и не в большинстве, но все же в довольно массовом порядке переселявшиеся в Палестину/Эрец-Исраэль создали реальность, при которой Лига наций постановила: «...историческая связь еврейского народа с Палестиной осознана и признана, так же как и право евреев возродить свой национальный очаг на этой земле»¹². «Соответствующая еврейская организация получит статус официальной организации, в

¹² Здесь и далее цит. по: Мандат на Палестину. Постановление от 24 июля 1922 года // Халамиш А. От «национального очага» – к государству. Еврейская об-

задачи которой входят консультации и сотрудничество с Администрацией Палестины в тех экономических, социальных и других вопросах, которые могут повлиять на создание еврейского национального очага. <...> Такой организацией может быть признана Сионистская организация», – говорилось в статье 4 Постановления о мандатном правлении. Главой Сионистской организации был в то время (и – с небольшим перерывом – на протяжении более чем двадцати лет, до 1946 года) вышеупомянутый уроженец России Хаим Вейцман. И именно переселение в Палестину/Эрец-Исраэль «русских» евреев (другие к тому моменту просто не ехали, за исключением относительно небольшого количества выходцев из Йемена) заставило Лигу наций принять решение о том, что «Администрация Палестины будет обеспечивать наиболее благоприятные условия для иммиграции евреев».

В-пятых, на территории Российской империи родились почти все лидеры «второго поколения» социал-демократического сионизма, прибывшие в Палестину/Эрец-Исраэль в годы второй алии, а в 1920–1960-е годы сыгравшие ведущую роль в создании инфраструктуры независимого Государства Израиль: Давид Бен-Гурион (Грин, род. в Плоньске в 1886 году), первый глава Еврейского агентства, премьер-министр и министр обороны; Хаим Вейцман (род. в 1874 году в местечке Мотл Гродненской губернии), многолетний глава Всемирной сионистской организации, первый президент Израиля; все остальные премьер-министры и президенты страны до середины 1970-х гг.: Моше Шарет, Леви Эшколь и Голда Меир, Ицхак Бен-Цви, Залман Шазар и Эфраим Кацир и другие. М.Шарет (Черток) родился в Херсоне, Л.Эшколь (Школьник) – в Саратове, Г.Меир (Меерсон) – в Киеве, как и Э.Кацир (Качальский), И.Бен-Цви (Шимшелевич) – в Полтаве, а З.Шазар (Рубашов) – в городке Мир Минской губернии. Определение «ашкеназы» не должно вводить в заблуждение: ни выходцев из Германии или Австро-Венгрии, ни уроженцев США или иных англосаксонских демократий среди первых поколений израильских лидеров практически не было – почти все как на подбор являлись уроженцами именно Российской империи. Как отмечает иерусалимский профессор Йонатан Френкель, *«радикальная, левая сионистская молодежь, эмигрировавшая из Российской империи в 1904–1914 гг., сыграла решаю-*

щина Палестины/Эрец-Исраэль между Первой и Второй мировыми войнами / Открытый университет Израйля. Раанана, 2006. Т.2. С.249.

щую роль в истории еврейских поселений и еврейской политики в Палестине. Маловероятно, что без ее появления в ишуве удалось бы создать еврейское государство»¹³.

В-шестых, без деятельного участия российских евреев проект возрождения иврита

Давид Бен-Гурион и Голда Меир

был бы не более успешным, чем проект всеобщего перехода на эсперанто, за который примерно в то же время ратовал Людвиг (Лазарь) Заменгоф. Возрождение иврита в качестве разговорного языка заслуживает особого внимания, ибо это – едва ли не самое удивительное достижение сионистского движения, не имеющее прецедентов в истории мировой социолингвистики. И здесь ключевую роль сыграли именно российские евреи. В принципе, выделить кого-то одного трудно – «главным залогом победы был добровольный выбор иврита как языка повседневного общения в прибывших в Эрец-Исраэль в первой четверти XX века семьях репатриантов второй и третьей волны, в киббуцах и сельскохозяйственных поселениях»¹⁴, иными словами, иммигранты, родным языком которых был либо русский, либо идиш, осознанно переходили на иврит, тем самым и осуществив подлинную «культурную революцию»¹⁵. Однако одно имя не выделить невозможно – конечно же, Эли-

¹³ Френкель Й. Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство, 1862–1917. Москва–Иерусалим: Мосты культуры, 2008. С 471 [на англ. яз. опубликовано в 1984 г.].

¹⁴ Хеймец Н., Копелиович Ш., Эпштейн А. Языковая политика и дилеммы идентичности в Израиле // Общество и политика современного Израиля / Под ред. А.Д.Эпштейна и А.В.Федорченко. Москва–Иерусалим: Мосты культуры, 2002. С.51–52.

¹⁵ См.: Harshav B. Language in Time of Revolution / University of California Press. Berkeley, 1993.

Элиэзер Бен-Иехуда

эзера Перельмана, родившегося в 1858 году в городе Лужки Виленской губернии, взявшего себе в 1881 году псевдоним Бен-Иехуда.

Т.Герцль, надо сказать, отнюдь не был ярким поборником не только ивритского монолингвизма, но и возрождения иврита как такового. Сам он, в любом случае, писал свои книги – и «Еврейское государство», и роман «Altneuland» («Возрожденная древняя страна») по-немецки, и нигде в этих сочинениях не выразил мнения о том, что именно иврит должен стать государственным языком в той стране, о создании которой он грезил.

Отношение Т.Герцля к ивриту было весьма индифферентным¹⁶. Показательна в этой связи запись, сделанная им в дневнике в 1896 году, лишь за год до I Сионистского конгресса: *«На каком языке мы должны говорить? Каждый сможет сохранить тот язык, на котором мыслил у себя дома. Швейцария дает нам пример возможности существования федерации языков. Мы останемся там, в новой стране, такими же, какие мы здесь и сейчас, и никогда не перестанем бережно хранить память о той стране, в которой родились и из которой нас изгнали»*¹⁷. (Кстати, на I Сионистском конгрессе делегат из Гомеля Мордехай Каган был единственным, кто произнес свою речь на иврите¹⁸.) Э.Перельман (Бен-Иехуда) пошел гораздо, гораздо дальше – еще в статье, опубликованной в журнале «Ха-Шахар» (хотя журнал этот выходил в Вене, его бессменным редактором был уроженец Могилевской губернии Перец Смоленский) в 1879 году, он утверждал, что залогом обновления еврейской нации и ее жизни в будущем может быть только возвращение в Сион и возрождение иврита в качестве разговорного языка. Более того, Э.Перельман высказывал мнение, что эти явления взаимообусловлены, т.е. возрождение иврита может произойти только в Эрец-Исраэль, а возрождение еврейского народа в Эрец-Исраэль возможно только в процессе возрождения ив-

¹⁶ См.: Aslanov C. Herzl's Indifference towards the Hebrew Language: Causes and Consequences: Paper presented at 14th Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies. Moscow, January 30, 2007.

¹⁷ См.: Герцль Т. Дневники. Т.2. С.445 [пер. с иврита].

¹⁸ См.: Свет Г. Указ. соч. С.257.

рита¹⁹. Переселившись в Иерусалим, Э.Бен-Иехуда продолжил также дело всей своей жизни – составление словаря языка иврит (публикация «Полного словаря древнего и современного иврита» была начата им в 1910 году; издание этой грандиозной работы было завершено спустя много лет после смерти ее инициатора, в 1959 году, когда вышел последний, восемнадцатый том). Семья Э.Бен-Иехуды была первым еврейским домом в Палестине, где говорили на иврите, а его старший сын Бен-Цион (позднее сменил имя на Итамар Бен-Ави) – первым носителем этого языка как родного спустя более тысячи лет после утраты ивритом разговорной функции. В 1882–1885 гг. Э.Бен-Иехуда учительствовал в иерусалимской школе «Альянса», добившись, чтобы иврит был признан в ней единственным языком преподавания еврейских предметов. Таким образом благодаря Бен-Иехуде эта школа была первой, в которой иврит стал языком преподавания. В конце 1884 года Э.Бен-Иехуда основал еженедельник «Ха-Цви», преобразованный в 1908 году в ежедневную газету, которая с 1910 года называлась «Ха-Ор» и просуществовала до 1915 года. Газета «Ха-Цви» была первым периодическим изданием на иврите, соответствовавшим тогдашним европейским стандартам. Большое внимание Э.Бен-Иехуда уделял обогащению языка, создав огромное количество неологизмов, значительная часть которых существует в иврите и до сих пор. После утверждения британского мандата над Палестиной именно два выходца из Российской империи – Э.Бен-Иехуда и М.М.Усышкин – убедили главу британской мандатной администрации Герберта Сэмюэла провозгласить иврит одним из трех официальных языков страны, наряду с английским и арабским. В 1890 году Э.Бен-Иехуда стоял у истоков *Ваад ха-лашон ха-иврит* (Комитета языка иврит), председателем которого он оставался до самой смерти. Правопреемником Комитета стала Академия языка иврит, первым президентом которой был уроженец Львова Нафтали Херц Тур-Синай (Торчинер), остававшийся на этом посту до своей смерти в 1973 году.

Все сказанное выше не должно создать у читателя превратного впечатления, будто большинство российских евреев еще в конце XIX – начале XX века сделали выбор в пользу сионизма – напротив, сионизм оставался уделом очень небольших групп энтузиастов. Большинство же оставалось в России, где одни поддерживали Бунд, другие – конституционных демократов (кадетов), третьи – социалистов-революцио-

¹⁹ Цит. по: *Маор И.* Указ. соч. С.8–9.

неров (эсеров), а четвертые – большевиков (в Бунде, понятно, евреями были все, однако и во всех трех остальных названных партиях среди руководителей высшего и среднего звена было немало евреев), а если эмигрировали, то преимущественно в США, а не в Палестину/Эрец-Исраэль. Согласно имеющимся данным, в 1881–1914 гг. Россию официально покинули 1 млн 980 тысяч евреев, из коих 1 млн 557 тысяч (78,6%) прибыли в США²⁰ – в Палестину/Эрец-Исраэль отправилось в тридцать раз меньшее число переселенцев, но именно они сформировали тот костяк, без которого Государство Израиль не возникло бы в принципе. Евреи стран Западной Европы и США, в подавляющем большинстве своем, в то время относились к сионистскому движению очень и очень настороженно, и если и были готовы поддержать его, то почти исключительно финансово или дипломатически, но никак не связывая с ним свои личные судьбы. На протяжении нескольких десятилетий – от начала 1880-х до середины 1920-х – некоторая часть российских евреев оставалась единственной группой населения, которая была готова перейти от сионистских слов к сионистскому делу, и именно эта группа заложила политические, социальные и культурные основы будущей израильской государственности.

²⁰ См.: История евреев России / Под ред. Л.Прайсмана. М.: Лехаим, 2005. С.348.

Застенчивый лидер: Иосеф Виткин (1876–1912)

в письмах

Нелли Портнова (Иерусалим)

Иосеф Виткин не нуждается в похвалах и оценках. Как и другие лидеры сионизма, он занесен в историю; его имя живет на карте: есть улицы Виткина, школа его имени в Ришон ле-Ционе, мошав Кфар-Виткин (в 6 км севернее Нетании). Библиография работ о нем обширна, и израильская периодика неизменно отмечает юбилеи инициатора второй алии.

Иосеф Виткин

Сбор материала начался сразу после кончины Виткина с изданием небольшого сборника его статей и выступлений¹. В 1961 г. появился полновесный том, который, как принято в подобного рода изданиях, включил в себя сочинения и письма Виткина, а также воспоминания о нем². Огромную работу в этой области проделала историк заселения Эрец-Исраэль и еврейского национального движения Шуламит Ласков, использовавшая все имеющиеся в ее распоряжении источники для создания адекватного образа Виткина³. Она определила историческую роль Виткина как переходной фигуры между первой и второй алией, его приоритет в призыве к молодежи репатриироваться в Эрец-Исраэль, в лозунге «завоевание работы» и в идее увеличения роли Еврейского Национального фонда (Керен каемет ле-Исраэль) в приобретении и освоении земли в Эрец-Исраэль. Особое внимание Ласков уделила личности Виткина, соответствию между ним и его общественной деятельностью. Она пишет: «...такой застенчивый человек, как Иосеф Виткин, не считавшийся лидером, не причисляемый к могучим светилам времени, все же взял на себя миссию указать путь в то время, когда другие еще шли ощупью во мгле»⁴. Авторы многочисленных откликов на книгу также

¹ יוסף ויתקין. מבחר כתביו. יפו. תרע"ב

² כתבי יוסף ויתקין: מאמרים והרצאות, רשימות, מכתבים, דברים לדמותו, בעריכת אליעזר שוחט, 1961. Тел-Авив, сокращенный интернетовский вариант издания см.: www.benyehuda.org.

³ שולמית לסקוב, קול קורא: חייו וזמנו של יוסף ויתקין, תל-אביב, תשמ"ו, 1968

⁴ Там же.

отмечали этот парадокс. Архив семьи Виткиных–Шапира, самым ценным в котором является семейная переписка, позволяет дополнить и расширить характеристику личности Иосефа Виткина⁵.

Биография Иосефа Виткина подобна роману о герое-народнике или революционере, жертвующем собою ради общего дела. Он родился в Могилеве, в традиционной еврейской семье. Отец – Шимон Виткин был меламедом в образцовом (реформированном) хедере. Материальные трудности заставили семью переехать в Курск, мальчик остался в Могилеве на попечении деда. В доме отсутствовал обычный в еврейских семьях конфликт между поколениями: прапрадед Иосефа «взошел» (репатриировался) на Землю Израиля один (после того как его жена отказалась последовать за ним, и он, в соответствии с еврейским законом, развелся с ней) и поселился в Хевроне. Шимон Виткин после Кишиневского погрома в 1903 г. приобрел альбом марок Еврейского Национального фонда, записал в «Золотой книге» Фонда детали погрома, а ниже приписал: «...и после всего этого наши братья еще не сделали вывода, еще не проснулись, чтобы помочь тем, кто готовит надежное убежище в стране наших отцов».

Иосеф собирался в Эрец-Исраэль как романтик-одиночка, но серьезно: окончил бухгалтерские курсы и проработал по специальности три года. Уже взрослым человеком (в 21 год), преодолевая сопротивление родителей, он уехал в конце 1897 г. в Палестину, оставив отцу деньги на издание своей книги «Швиль тов» («Добрая тропа», Вильна, 1899). Начало палестинской жизни было обычным для русского еврея – физический труд: на стройке новой винодельни в Ришон ле-Ционе. Он подносил камни арабам-строителям и жил с рабочими в «шалаше», т.е. в палатке.

Через пять месяцев после репатриации Виткин был приглашен учителем в школу колонии Гедера. *«Его уроки по еврейским предметам и Танаху были поэзией, – писал его двоюродный брат Иосеф Шапира. – После школы он работал, готовился к занятиям, учил языки, читал педагоги-*

⁵ Первая публикация документов архива на русском языке: Быть евреем в России: Материалы по истории русского еврейства. 1900–1917 / Составление, заключительная статья и примечания Нелли Портновой. Иерусалим, 2002. С.204–247. Приношу глубокую благодарность Ларе Цинман, внучатой племяннице Иосефа Виткина, посвятившей много сил собиранию и обработке семейного архива и предоставившей мне материалы архива Виткиных–Шапира.

ческую литературу. Он не знал отдыха». Общая атмосфера в колониях в это время была упадочнической; сельское хозяйство не кормило, бывшие энтузиасты первой алии стали фермерами, использовавшими арабский труд, – одним словом, сионизм переживал глубокий кризис. Естественно, что и дети, растущие в такой атмосфере, связывали свое будущее с Парижем; основное внимание в школьных планах уделялось французскому языку и литературе. Виткин пошел в наступление, предложив резкие перемены в учебных программах: изучение еврейской истории, экскурсии по Палестине, изучение сельского хозяйства и, главное, преподавание всех предметов на иврите. Родители, составлявшие большинство школьного совета, взбунтовались. В 1899 г. Виткин был уволен из школы. Однако молодой энтузиаст не сдался и продолжил настойчиво требовать от родителей и местных деятелей наполнить школьные программы национальным содержанием. Его беспокоило будущее колоний; и, когда он разглядел в маленькой колонии Седжера (Илания) в Нижней Галилее центр рабочего движения («кусочек родины», по словам Давида Бен-Гуриона), он взялся распространить ее опыт – сначала на Эрец-Исраэль (очерк «О героях Израиля», 1903 г.), а затем, в феврале 1905 года, на еврейскую молодежь галута. «Коль Коре» («Воззвание к молодежи Израиля, сердца которой со своим народом и Сионом!») был написан для распространения в России. Сионистский лидер из Екатеринослава Менахем Усышкин (1863–1941) позаботился отпечатать и распространить воззвание среди еврейской молодежи в России. То был подходящий момент: призыв отдать свои силы спасению национального дела пал на подготовленную почву: после погромов, Кишиневского и Гомельского в 1903 г., и погромов 1905 года, в разгул антисемитизма. В 1905–1907 гг. прибыли в Эрец-Исраэль более 6 тысяч евреев, и среди них значительное число молодых «халуцим» (пионеров). Началась так называемая «рабочая» (вторая) алия. Таким образом, Виткин, появившийся в Стране задолго до второй алии, возродил палестинфильскую идею работы на земле. Лидеры рабочей алии организовали первую политическую партию в Эрец-Исраэль – «Ха-поэль ха-цаир» («Молодой рабочий»), которой Виткин предложил принять план поселения рабочих на земле. План не был принят партией, но первый киббуц, Дгания, появился уже в 1911 г., в последний год жизни Виткина.

С 1901 г. Виткин начинает работать в школе Ришон ле-Циона (один год даже директором), с 1903 г. – в школе Кфар-Тавор (до 1905 г.). Затем

снова в Ришоне, но в 1907 г. он был вынужден поехать на лечение горла в Вену. Там пришлось задержаться. Однако Иосеф не терпел пассивности: в газете появилось его обращение к венским евреям, чтобы пробудить их от спячки, затем, воспользовавшись предложением Одесского комитета «Ховевей Цион», он отправился в Россию в качестве агитатора-посланника. То было время, когда больше половины уезжавших в Палестину возвращались, а на лекции сионистских агитаторов молодежь не ходила. Несмотря на то, что сионистские выступления были запрещены российским правительством, Виткин ухитрялся работать в невероятных условиях, прячась и таясь от властей.

По возвращении в Ришон ле-Цион он снова приступил к работе в школе: ему в конце концов удалось преодолеть сопротивление родителей, и преподавание на иврите, экскурсии по стране и изучение еврейской истории были узаконены. Но его кипучая деятельность была прервана в 1911 г. в связи с резким ухудшением здоровья; пришлось снова ехать в Вену. Операция по поводу рака горла не увенчалась успехом – Иосеф вернулся домой обреченным и через полгода, которые он провел в маленьком домике матери Леи Виткин в Тель-Авиве, 22 января 1912 г., умер. Согласно его желанию, он был похоронен на кладбище Ришон ле-Циона. Мать пережила его более чем на 30 лет и умерла в 1945 г. в возрасте 89 лет в мошаве Тель-Адашим, в пяти километрах севернее Афулы.

Портрет Виткина, как и всякого общественного лица, создается двумя типами документов: свидетельствами современников (воспоминаниями) и его собственными письмами. Очевидно, что если первые представляют личность в исторической перспективе и отражают так или иначе суд времени, то вторые эмпиричны и привязаны к ситуации. Главным свидетельством российского периода жизни Виткина можно считать воспоминания его сестры Сарры, написанные, видимо, для сборника 1961 г. Брат предстает в них героем классического романа, готовящимся выйти из дома на широкую дорогу свершений: *«Наш дом был сионистским, и это было известно в городе. Наш отец ораторствовал на собраниях в синагоге, но это не имело успеха, так как большинство евреев Курска были торговцами и далекими от сионистской идеи, и вообще презирали это бездельничанье, которое называется сионизмом. Брат много страдал от “гоев” в этом русском городе. Он слышал клички “жид”, “свиное ухо” и был вынужден молчать, а*

когда приходил домой, то повторял: как можно терпеть обиды и не отвечать? Это злило его и причиняло большие страдания. Длинными зимними вечерами мы усаживались вместе: я, одиннадцатилетняя девочка, и брат, на “лежанке”, и он рассказывал о колониях: Гедера, Ришон ле-Цион, Петах-Тиква и описывал их так, как будто видел виноградники, апельсиновые рощи, горы и холмы. В особенности его воображение захватывали Тверия и Кинерет, омывающий ее. Он воображал себе обнаженные горы, которые покроются дремучими лесами, в них будут извиваться лестницы, ведущие к санаториям; со всего мира приедут люди вдохновляться красотой ландшафта и купаться в горячих источниках Тверии. Так он воспарял в своем воображении. Когда я спрашивала его, когда же мы поедем в Палестину, он отвечал: “Поедем, конечно, поедем”. Видимо, задолго до отъезда он был предан этой идее, которую утаивал от нас, но его мечта могла осуществиться только после того, как он был освобожден от армии в качестве единственного сына. <...> В субботу он обычно выходил на прогулку за город; иногда я сопровождала его. Когда мы проходили мимо благоухающих фруктовых садов, когда ощущали в воздухе чистоту хлебных полей, создавалось впечатление, как будто это – точь-в-точь Эрец-Исраэль, и он обычно говорил: так будет у нас в Эрец-Исраэль; вокруг нашего дома будут миндальные деревья, у нас будет виноградник, много цветов. Я всем сердцем верила его словам, и мы возвращались домой, окрыленные мечтами <...>. Однажды, вернувшись из школы, я застала маму в слезах <...> Отец объяснил мне, что Иосеф собирается нас покинуть и уехать в Эрец-Исраэль. Я никак не могла понять, почему мама плачет. Ведь он едет в Эрец-Исраэль! Никогда не забуду короткое время между этим известием и самим отъездом. Мама и папа не разговаривали между собой. Нависло тягостное молчание. Я была очень удручена, никто со мной не говорил и ничего не объяснял. Но однажды я услышала, как мама говорит кому-то: “Он будет рабочим? Слабый и избалованный, без родных, неухаживаемый, а если заболеет, не дай Бог, кто позаботится о нем?” Понятно, что мои родители, при всей их симпатии к Эрец-Исраэль, прежде всего были родителями, которые очень боялись за своего единственного сына. И как тяжело было для них расставание! Мой брат тоже молчал и не отвечал на мои вопросы. Было очень грустно. Только однажды он сказал мне: “Через некоторое время и вы приедете. А ты не задавай папе и маме вопросов, которые их расстраивают”. В один из дней, после захода солнца, у нас собрались

люди, пришедшие проститься с братом. Они сидели и молчали, а он говорил и говорил. Вот прибыла повозка, родители и несколько гостей поехали в ней проводить его до железнодорожной станции, а я осталась дома с маленькой сестрой. И еще помню одну деталь: во время прощания брат взял ножницы, отрезал немного волос от моей косы и локон с головы сестры, положил их в два конверта и взял с собой на память».

Атмосфера любви и заботы, в которой рос Иосеф, заложила основы его личности, цельной и искренней. Второе свидетельство относится к следующему, гедерскому, периоду жизни Виткина в Эрец-Исраэль. Герой приступил к свершению подвига. С ним случайно знакомится в дороге только что приехавший в Страну 16-летний Аарон Гинцбург (Хермони; 1882–1960). Вот что он рассказывает: «Как во сне, сидел я в дилижансе, пересекавшем долины и апельсиновые рощи. Все перепуталось в моей голове с того момента, когда я оставил родительский дом. Как будто это был новый мир: ясно-голубое небо, без единого пятнышка облаков, прозрачный воздух, жгучий зной, верблюды, ослы. А рядом со мной – местечковые типы: бородатые и бритые евреи и еврейки, закутанные в платки или в модных шляпах. Все говорят на идиш, немного отличающемся от того, на котором говорят у нас <...>. Справа от меня два молодых человека спорят меж собой на языке, который в первую минуту показался мне странным, но близким и приятным. Я начал вслушиваться. Да это иврит с сефардским акцентом! Мои соседи говорят о тяжелом положении, ограничениях алии, о равнодушии со стороны Ховевей Цион. Сосед почувствовал мое любопытство и спросил: “Вы в первый раз едете этой дорогой?”. Я не мог больше сдерживаться, переборол застенчивость, собрал весь свой запас слов и ответил сидящему рядом:

– Я из Литвы, только что сошел с парохода, пять недель был в пути.

– Если так – добро пожаловать, с прибытием!

Он протянул мне свою теплую руку.

– Мое имя – Виткин, я приехал год назад, сейчас я учитель в Гедере, а это мой друг, хороший парень, рабочий на виноградниках.

Молодой учитель привлек меня с первого момента, когда я еще только слушал его разговор с другом. Тонкое удлиненное лицо, большие светло-голубые глаза, улыбающийся рот, рыжеватая борода. Он был тогда 23 или 24 лет, но мне, бывшим моложе его лет на 10, он казался пожилым.

– Многие здесь говорят на иврите, как вы?

– “Один из города и два из рода” (Иеремия, гл. 3, ст. 14). Но число их со временем вырастет. В нашей школе мы преподаем только на иврите, и ученики начали говорить между собой на нем дома и на улице. У нас есть семьи, в которых даже матери говорят на иврите.

И он начал рассказывать мне о жизни в еврейских поселениях, о работе в поле и на виноградниках. Он говорил как поэт и пророк, и все внимательно слушали»⁶.

Эти воспоминания были написаны в 1945 г., через много лет после встречи, когда Виткин давно был оценен как один из лидеров рабочего движения. Но тот образ, который открывается и вырисовывается в его письмах (из Гедеры и Месхи) – точно такой же. Иосеф равен самому себе, с кем бы он ни говорил и кому бы ни писал: отцу, сестре Сарре, двоюродной сестре Фане, бабушке, тете и дяде, – он одинаково свободен и открыт (только пишет на разных языках в зависимости от адресата). Одно из первых писем отцу из Ришон ле-Циона, от 3.12.1897: «...сидеть сложа руки у людей, хотя и хороших, но чужих, мне было очень тяжело, поэтому я пошел по улице поискать какую-нибудь работу и нашел строителей, возводивших новую винодельню, и там мне дали работу: подносить камни строителям, и в четверг я начал подносить камни на строительство вместе с арабскими подростками, и мой заработок 40 копеек в день. Я был настолько рад этому занятию, что не чувствовал тяжести. Хотел уйти от Левина немедленно, чтобы не принимать филантропию, но он не позволил мне, и я пробыл у него до конца субботы, а в воскресенье перешел на свою квартиру. А сейчас я объясню тебе особенность моего жилища. В Ришоне есть два больших дома для бесплатного проживания рабочих, там дают переночевать только человеку, уже работающему, а не тому, кто еще не имеет работы. И мне, поскольку я уже работаю, дали кровать в “шалаше”, как называют рабочие свои жилища по-русски, в память о тех палатках, в которых раньше на этом месте жили рабочие <...> У меня в кармане есть еще рубль серебром, каждый день буду зарабатывать себе на хлеб, и еще останутся какие-то копейки, что мне еще нужно? Вот я и рассказал вам о своем положении, в следующих письмах напишу о колониях вообще, обо всем, что видел и

⁶ 4.2.1952. אהרון חרמוני. פגישות עם י. ויתקין // הפועל הצעיר.

слышал, о положении рабочих, администрации и т. д. У нас, рабочих, есть большой “самовар”, достаточный для 35 человек, живущих в нашем “шалаше”; три раза в день будем пить чай. Сахар здесь 6 копеек фунт, чай – рубль за фунт, хлеб очень хороший».

«У нас, рабочих...» – Виткин продолжает традицию русских евреев на этой земле и гордится своей самостоятельностью. В его письмах родным – весь комплекс проблем и планов. Сведения о собственном здоровье сообщаются наряду с экономическим здоровьем колоний. Он пишет «мы», и в этом нет никакой риторики: «Моему дорогому дедушке, учителю и наставнику Йехиэлю Михлу, да светится имя его, и всем родным и друзьям, почтение, чтоб жили они в мире! Дорогой дедушка! Прежде всего, сообщаю тебе о своем здоровье: я здоров. В моей жизни вообще ничего нового. Эрец-Исраэль на пользу мне во всем. В России у меня часто болели глаза, а здесь, где болезнь глаз очень распространена, я почти не болею. Малярия, от которой страдают почти все без исключения, мне еще не известна. Но я не уверен, что можно совершенно уберечься от нее. Как бы то ни было, у меня очень хорошее положение. Забот о заработке я не знаю, а что мне еще нужно? Хороших новостей в Эрец-Исраэль нет. Нынешний год был хорошим, но не совсем. Все, что касается зерновых и урожая виноградников, еще неизвестно. Надеемся на средний год <...>».

Столь же важным считает Иосеф описать природу. Она – самостоятельное действующее лицо, и общение с ней загадочно:

«Небо над моей головой всегда глубокое и голубое, воздух прозрачный и чистый, горы и море, широкие и далекие поля, громкие звуки колокольчика на шеях верблюдов, бредущих по дорогам Газы и Хеврона, и одинокая песня арабов – хозяев верблюдов. Что-то грустное и плаксивое в звуке их протяжных голосов, раздающихся в тишине ночи. Когда я поздней ночью вслушиваюсь в песню, слышимую издаля и эхом разливающуюся по горам и долинам, мне кажется, будто какой-то голос изливается на черную и холодную землю: И, и, и! Доколе, почему? И, и, и! Доколе и почему? И так голос исчезает вдали, и снова воцаряется тишина. Какая угрожающая тишина! Ни звука, ни ответа... Звезды дрожат, сверкают, другие разгораются и исчезают, ни звука с высоты, тишина... Случается, правда, лай собаки, вой шакалов (маленькие волки) – как ответ на песню...»⁷.

⁷ Сравним: приехавший в Эрец-Исраэль в 1904 г. Ахарон Давид Гордон написал сразу же (еще по-русски) «Палестинские письма», формально адресо-

Иосеф не только устремлен в будущее; он помнит. Его воспоминания о Могилеве аналитичны и поэтичны вместе. Жизнь могилевских евреев предстает в воображении теперь уже свободного человека: *«Я хотел бы знать, что слышно в Могилеве вообще, как жизнь в моем старом родном городе, что в галуте, чем зарабатывает наш несчастный город, тысячи бедняков? Как они живут? Иногда я в своей фантазии переносюсь в Могилев, гуляю во дворе синагоги, спускаюсь к Баляне или Дубровенке, там прохожу, как призрак, по узким переулкам, вижу всех и не виден никем... Я смотрю в маленькие обеспокоенные лица, опущенные потухшие глаза, вижу их замасленную одежду, слышу шум и суматоху еврейских улиц. Ни громкого смеха, исходящего из сердца свободного человека, ни веселой песни, вырывающейся из здоровой груди, — одни проклятия и ругательства, плач и визг, разные голоса — полуплач, полупение или дикие крики, доносящиеся из темных и узких комнат. Улицы наполнены рядами сгорбленных людей, суетящихся с торбами на плечах. Это нищие, попрошайки... ах, Могилев, Могилев, как дела? Как живешь, мой дорогой, любимый город?»*

Халуцианские идеи, которые он обсуждает в письмах к родным, высказываются с полной серьезностью, обдумываются глубоко, после этого на них строятся лекции и выступления, а затем — статьи: *«Я всегда сержусь, когда пишут, что в Эрец-Исраэль куропатки прыгают в рот. Считают, что этим привлекут людей. Горе было бы нам, если бы наша община на самом деле стояла бы на такой низкой ступени, что без всякого чувства, только с помощью блеска золота и “хорошего бизнеса” нужно было бы привлекать ее к святой идее “возвращения в Эрец-Исраэль”, горе было бы тогда всем нашим идеям и надеждам... Но, слава Богу, наш народ выше этого. За 2000 лет мрачного галута он доказал, что может бороться, приносить много жертв и с великим терпением выстрадать совершенно абстрактную идею,*

ванные другу, Борису Дову Бруцкусу, и предназначенные для печати — автор рассчитывал, так же как Виткин, на отклик. Он писал о том же: о необходимости не владеть землей, а работать на ней: *«...чем мы, т.е. еврейский народ, приобретем нравственное народное право на культурную Палестину, если не работой? Неужели в самом деле деньгами? Право, мой друг, обидно, стыдно и больно!»*, его так же привлекала экзотика природы (столь непохожая на близкую сердцу русскую природу). Но Ахарон Давид Гордон был сосредоточен на выполнении своей миссии и решил воздействовать на евреев по-толстовски, личным примером, и скоро стал культовой фигурой времени. См.: Быть евреем в России. С.247–260.

которая не связана с материальными успехами. И сейчас нужно говорить народу совершенно ясно: нужно хорошо разъяснить ему его общее положение, нужно объяснить, в чем его избавление. Нужно также пробудить в нем все благородные чувства, и тогда, если он соберет свои силы, а также свое терпение, большую веру, тогда, только тогда он победит и достигнет искомого... Народ должен знать, что его родина – единственная его надежда – отдана в очень злые руки, что она опустошена, покинута, полна болезней и несчастий, и все же он должен желать ее, стремиться к ней. Он должен верить, что если он, после многих лет труда и вложения средств, наконец, приобретет ее – тогда она излечится от всех несчастий и превратится в Эдем, в чудесную страну, красивую и богатую, место, в котором несчастный “Израиль” сможет, счастливый и утоливший желания, отдохнуть от далеких и страшных скитаний...».

«Коль Коре» – публичный вариант его писем – как по содержанию, давно продуманному, так и по стилю. В сопроводительном письме Усышкину Виткин писал: *«Мои слова вышли из глубины моего сердца, и я уверен, что они проникнут в сердца молодых и разогреют их»*. Ему не нужна известность и лидерство и вместо своего имени он написал: *«группа молодежи из Палестины»*⁸.

Насколько мудр и активен был Иосеф по отношению к национальным проблемам, настолько он был бессилен в бытовых вопросах. Двоюродной сестре Фане он писал, с чем столкнулись приехавшие к нему в Месху в 1904 г. родители: *«Некоторые стороны нашей жизни им не особенно нравились, нет у нас пока ни молока, ни мяса, ни зелени, ни овощей, ни фруктов, а иногда есть недостаток и в хлебе. Вообще наша колония пока пустыня, с новыми колониями всегда это бывает, однако со временем все это поправится»*. Сам Иосеф жил всегда аскетично, и так было и в Ришон ле-Ционе. Приезжавшие в Эрец-Исраэль молодые люди, прежде всего, направлялись в мошав Эй-н-Ганим (основан в 1908 г., сейчас в черте Петах-Тиквы) для бесед с Ахароном Давидом Гордоном, Иосефом Хаимом Бреннером, Берлом Кацнельсоном, а потом непременно добирались до Ришон ле-Циона, чтобы увидеть Виткина. *«В нем было что-то успокаивающее, несмотря на то, что сам он не знал покоя»*⁹; *«В личной жизни Иосеф был так же прост, как и братья-рабочие. Его квартира в Ришон ле-Ционе была в*

⁸ 23.2.1965. מיכאלי. 60 שנה לקול קורא של יוסף ויתקין // הפועל הצעיר.

⁹ 10.2.1937. זכאי. אזכרה ליוסף ויתקין ברחוב בתל-אביב // דבר.

маленьком бараке. Мебель была такая: кровать из деревянных досок, положенных на жестянки из-под нефти; три такие же жестянки, поставленные одна на другую, – стол; пустая канистра – стул. Днем Иосеф лежал посреди комнаты на циновке с книгой в руках. Когда появлялись гости, расстилалась еще одна циновка – вот и ложе. И от сердца к сердцу течет дружеская беседа»¹⁰.

Но с неустроенностью членов своей семьи согласиться было невозможно. Через год после приезда, в 1905 г., умер отец. В том же 1905 г., после окончания курской гимназии (ведь Иосеф говорил, что Стране нужны высокообразованные люди), к семье присоединилась Сарра, и заботы увеличились: работы для сестры не было ни в школе, ни в детском саду. Ответственность за близких многократно усложнила жизнь Иосефа.

Когда в 1907-08 гг. Виткин ездил по России со своей миссией посланника, героический пафос его писем накалился еще более. Другьям из Ришон ле-Циона Йехиэлю и Нехаме Пухачевским он писал 18 января 1908 г.: *«Моя работа громадна, важна и актуальна настолько, что если бы я прожил только эти полгода, этого было бы достаточно, но, к несчастью, правительственные условия настолько плохие, что я не могу добраться до массы. Чем севернее, тем сильнее давление. Нельзя говорить в синагоге, нельзя выступать перед группой в 10–30 человек. Никто не дает свою квартиру, но все же я выступаю и в тех местах, где запрещено, перед маленькой группой людей с особой осторожностью, дежурят возле ворот и на улице. И бывало, что собирались 100 человек в маленькой комнате и почти задохнулись, а снаружи, на углах прилегающих улиц дежурили девушки-сторожа (чтобы не вызывать подозрений), чтобы, по крайней мере, спасти меня. Только дважды я был удостоен говорить открыто: в Бендерах – с разрешения исправника и в Каменец-Подольске – с разрешения губернатора. Сейчас стараемся достать разрешение здесь, в Проскурове; но старания безнадежны. В Литве я буду, без сомнения, где-нибудь схвачен, но это не смущает меня. В настоящей жизни в России такая вещь обычная. Есть ли в России достойный человек, который не сидел в государственной тюрьме? И если молодому еврею можно сидеть в тюрьме случайно или постоянно за все существующие в мире идеи, почему сионисту нельзя отсидеть несколько месяцев за сионизм?»*

¹⁰ 24 ע. 1946. פרשת חייזר ופעילותו. יוסף ויתקין. יעקב מדרשי.

Свободный и сильный в своих национальных деяниях, Иосеф понимал при этом односторонность такого существования. В письмах он не боится быть откровенным и признается в слабости и одиночестве. В письме из Ришон ле-Циона, от 1907 г., он размышляет: *«...Сердце требует жизни, любви, душа требует какого-то большого стремления, какой-то широты. Хочешь крыльев орла, а нет крыльев, широты – четыре локтя жизни, вместо свободы – несчастная семья, семья, которая требует самых лучших твоих лет. И когда ты освободишься, то останешься одинокой, одной в мире с горьким прошлым и черным будущим; ты боишься этого, и твое неуверенное сердце дрожит. Да, моя сестра, я понимаю все это и хочу утешить, но сейчас не способен. Год назад я мог утешить, тогда я смотрел на мир и жизнь с более высокой точки. Сейчас я так мал, так удручен!»*.

За этими пессимистическими признаниями стояли два обстоятельства, тесно связанные одно с другим. Первой причиной пессимизма была безответная любовь. Скромный и неуверенный в себе, Иосеф не умел вести себя с девушками. Его избранница – бывшая ученица Белла Беннинсон – сначала отвечала на его чувство, но потом начала говорить, что *«...хочет в любом случае быть свободной, что у нее остается право в любую минуту сказать мне, что между нами ничего не было»*; родители Беллы были против связи дочери с человеком неустроенным и обремененным семьей. Письмо сестре похоже на эпистолярный сентиментальный роман о несчастной любви: *«Я хотел сказать ей это прямо, но ведь ты знаешь, что она постоянно окружена людьми. Кроме этого, я боюсь говорить об этом с ней. Я нуждаюсь в ее близости – посмотреть в лицо моего будущего, и вот я страшусь, как маленький ребенок, заглядывающий внутрь темной комнаты. Я боюсь пистолета, висящего над моей кроватью и смотрящего на меня в ночном безмолвии, смотрю и зову. Но ты не бойся, Сарра, я это преодолею. Позволь мне говорить об этом. Чем больше я скажу, тем меньше сделаю»*.

Он сочинил для любимой песню: «Вечер в тишине, полная луна, святая, чудесная ночь...», но это не помогло: *«Мне кажется, она начала избегать меня, – пишет Иосеф Сарре. – Она увильивает от встречи; когда мы встречаемся случайно, она старается пройти мимо, как будто не замечая, и я сержусь, мне больно, меня бросает из жара в холод от гнева на самого себя, от обиды, так болит сердце, достаточно мне такой встречи, – и я теряю сон на целую ночь. Я обязан бежать, бежать на край света! Сарра, ты еще плачешь о том,*

что не можешь жить, а я плачу уже о том, что не могу умереть. О, Господи, как я смешон сейчас, как слаб, мал и беден! Ах, если бы я мог разбить свою голову о стену, о скалу от гнева, от презрения к себе. Сарра, Сарра, чем мы согрешили перед миром, перед жизнью, за чьи грехи мы страдаем? Боже, как я жалок, как слаб, мал и незначителен. Если бы я мог разбить свою голову о стену, о скалу – от стыда за себя»¹¹.

Вторая причина пессимизма – болезнь, которая не оставляла времени на то, чтобы избавиться от комплексов или увидеть реализацию своих инициатив. Но за его рефлексиями стояла и жажда обычного счастья, которая не восполняется жертвенностью.

Все мысли Виткина в последние месяцы его жизни были сосредоточены на матери и младшей сестре, которых он не смог обеспечить и о которых некому будет позаботиться¹². Это было больно и обидно – настолько, что скромный Иосеф напоминал о своих заслугах. Из Вены, готовясь к операции, он написал в гимназию «Герцлия», в которой училась младшая сестра:

«Вена. Общая больница. [19.5.1911] Дирекции гимназии “Герцлия”.

Уважаемые господа! Завтра мне будет сделана очень опасная операция. Может статься, я не увижу больше родины и двух несчастных душ, привязанных ко мне, мою мать и мою сестру Рахель, вашу ученицу. А я, как вам известно, единственная их опора, материальная и духовная. Что они будут делать сейчас? Кто позаботится о Рахели, об этой чистой, возвышенной душе? Эти вопросы стучат в моем мозгу, стучат без перерыва и без ответа. И, в конце концов, я решил обратиться к вам с последней просьбой. Сделайте все, что сможете, для спасения их не только от голода, но и от духовного разрушения. Позаботьтесь о Рахели не как чужие, но как братья. Вам известно,

¹¹ ע. 75–76. שולמית לסקוב. קול קורא: חיינו וזמנו של יוסף ויטקין.

Вскоре Белла вышла замуж за Якова Вайсмана, и молодые переехали в Каир.

¹² О старшей сестре, Сарре, Иосеф уже не беспокоился: в 1909 г. она вышла замуж за своего двоюродного брата Иосефа Шапира, который, как типичный халуц, мечтал работать на земле. Скитаясь вместе с мужем и детьми из одного поселения в другое, она, тем не менее, привязалась к земле, но неудачи и несчастья преследовали семью постоянно. Иосеф и Сарра стали одними из основателей мошава Тель-Адашим. См.: Быть евреем в России. С. 208, 243–247.

что ее отец был большим человеком и всю свою жизнь скромно работал для народа, а моя жизнь – перед вами.

Ваша забота об этих чистых душах будет единственным вознаграждением нам, вознаграждением народа. Мир вам и успеха в работе. Иосеф Виткин».

Иосеф Виткин – необычная фигура в поколении «отцов-основателей» Израиля. Инициатор массового движения, он был одиночкой: один задумал план преобразования колоний, по собственной инициативе сочинил «Коль Коре». В отличие от других халуцим (пионеров), он не видел в себе лидера и не стал им. Даже Ахарон Давид Гордон не был знаком с Виткиным и прочел «Коль Коре» только после смерти автора. Личность цельная и художественная – не случайно все его письма можно рассматривать как один большой роман, – он следовал в своих действиях интуиции и стал «связным»¹³, связным не только между двумя волнами алии, но и между Россией и Эрец-Исраэль, отцами и детьми¹⁴, между физическим трудом и интеллигентным¹⁵. Его письма были не только «связью» его с родными, но самым свободным и органичным способом самовыражения.

Иосеф Виткин, умерший в 36 лет, успел сделать поразительно много. Но для продвижения по предсказанному им пути новому «ишуву»¹⁶ требовались другие личности.

¹³ לסקוב שולמית. קודם כל: מסיפורי ראשונים תל-אביב. 1986. ע. 137–144.

¹⁴ В том числе по отношению к религии. Виткин признавался в сложном отношении к вере отцов: «Когда-то я был совершенно далек от иудаизма. Я был под воздействием других идей и других идеалов и достоиние своего народа забыл. Но образ отца постоянно стоял перед моими глазами, напоминая о необходимости посвятить все свои силы служению народу».

יוסף ויתקין, מבקר כתיבו, יפו, תרע"ב.

¹⁵ «Рабочий и прекрасный учитель», – говорил о Виткине Иосеф Хаим Бреннер, не соглашавшийся с той характеристикой, которая была дана Иосефом Ахароновичем, считавшим, что далекий от опыта революционной борьбы Виткин переживал трагедию, вытесняя личные страдания страданиями народа. Бреннер, всегда воевавший со стигмами «пролетарского сознания», считал, что «страдания человека» ни в коем случае не должны отталкивать его от «страданий народа».

¹⁶ Еврейское национально ориентированное население Палестины.

Жизненный путь генерала Хаима Ласкова (1919–1982)

Герц Финкенберг (Гедера, Израиль)

Авторизованный перевод с иврита Наталии Буряковской

История Израиля начиная с 80-х годов XIX века изобилует именами первопроходцев, заложивших основы сионизма и воплощавших в жизнь мечту о возрождении еврейского государства. В этом очерке пойдет речь о Хаиме Ласкове и его уникальном вкладе в это общее дело народа – он был одним из тех, кто участвовал в основании Государства Израиль.

Начало жизни

Хаим Ласков родился в апреле 1919 г. в г. Борисове Минской губернии, что на берегу реки Березины. Как известно, здесь, у села Студенка, 14–16 ноября 1812 г. переправлялась после отступления из Москвы армия Наполеона. Рассказы о героизме русских солдат на берегах Березины Хаим слышал с детства.

Когда Хаиму было пять лет, его родители репатрировались в Эрец-Исраэль. Семья поселилась в Хайфе. В начальной школе мальчик бредил подвигами. Применение своим устремлениям он нашел в реальной гимназии, став командиром группы усиленного физического воспитания, что было новинкой в тогдашней системе просвещения еврейского ишува. В 1930 г. отец был убит арабами, и мать осталась одна с пятью детьми. В 1932 г. Хаим вступил в ряды Хаганы¹ и в 1939 г. стал заместителем командира особого отряда реагирования в ответ на вооруженные арабские нападения. Здесь он встретился с будущими командирами Хаганы и ЦАХАЛа, своими будущими соратниками в течение многих лет. В начале Второй мировой войны Хаим вступил добровольцем в британскую армию вместе с другими 36 тысячами еврейских юношей и девушек, которые готовы были на любую службу ради возможности воевать с нацизмом. Как и в годы

¹ Подпольные вооруженные силы ишува, самая большая военная организация в Палестине. Хагана подчинялась Национальному комитету, который фактически являлся правительством и исполнительным органом Собрания депутатов ишува – еврейского парламента в подмандатной Палестине.

Первой мировой войны, британские власти опасались призывать евреев в армию – чтобы те со временем не стали угрозой британской военной мощи. Поэтому британцы соглашались принимать евреев лишь в качестве добровольцев-саперов.

Определенные изменения в позиции англичан произошли в 1940 г., когда Германия стала захватывать страны Западной Европы и на Ближнем Востоке возник дефицит живой силы. Тогда были образованы

Хаим Ласков на
передовой в Сенио,
Италия, апрель 1945 г.

первые батальоны «Баффс» (Bufs) в королевском Восточно-Кентском полку, насчитывавшие около 6 с половиной тысяч еврейских солдат. Название «Баффс» происходит от английского слова buff, «светло-желтый», – по цвету воротников мундиров и отворотов гетр, которые носили солдаты полка с XVII века. И хотя это не были еврейские боевые единицы, все видели в них ядро будущей еврейской армии.

Хаим Ласков. Италия, 1945

Ласков оказался перед выбором: остаться в рядах Хаганы или вступить в ряды Пальмаха – ударных отрядов, основанных в мае 1941 г. центральным командованием Хаганы для защиты ишува как от арабов, так и от немцев и итальянцев. Третий вариант был пойти в британскую армию.

Ласков, всегда возражавший против партийной принадлежности военных организаций, отверг Пальмах как слишком левый и присоединился к частям «Баффс» в качестве рядового. Его сразу послали на офицерские курсы, потом он служил в 6-м батальоне, состоявшем из поляков, венгров и представителей других национальностей. Будучи командиром отделения, Хаим проявил себя как отличный инструктор и педантичный наставник, требовавший максимума как от себя, так и от солдат. Когда усилилась угроза вторжения немцев на Ближний Восток, во время тяжелых боев при Эль-Аламейне и в Сталинграде, британские власти решили основать три новых батальона «Баффс». Новобранцы приняли это с воодушевлением. (Отметим, что во 2-м батальоне этого полка служили двое будущих начальников Генштаба ЦАХАЛа: Мордехай Маклеф и Хаим Ласков.)

Время было тревожное и напряженное, в Эрец-Исраэль получили первые известия о Катастрофе европейского еврейства. Нацистская

угроза нарастала, а вместе с ней – стремление быть готовыми к ведению партизанской войны с армиями стран «оси» в случае их вторжения в Палестину. Хаим Ласков тайно присоединяется к крупной операции «Приобретение» – обеспечение оружием любыми средствами, в основном хищением его с британских военных складов.

Отметим, что Хаим, дисциплинированный солдат, давший присягу верности британским властям, не колеблясь нарушил присягу, участвуя в краже оружия для еврейских вооруженных сил.

К тому времени, когда батальон должен был отправиться в Европу, Ласков уже служил офицером-инструктором, и в июле 1943 г. отбыл с батальоном в Египет. Высадка британских и американских войск в Сицилии 10 июля 1943 г. была воспринята как начало освобождения Европы. Солдаты стремились попасть в Италию, чтобы участвовать в боях против нацистов.

Начался период ожидания, интенсивных тренировок и знакомства с новыми видами оружия. Не поддаваясь чувству разочарования и отчаяния, Хаим Ласков, к тому времени получивший звание капитана, старается поддержать дух солдат. Он хорошо понимает их, ему тоже трудно ждать вдали от боевых действий. Однако весь 1943 г., год блестящих военных успехов союзников на Западе и в Советском Союзе, батальон, по сути дела, не участвует в войне. Лишь 20 сентября 1944 г. было получено официальное сообщение британского правительства, в котором говорилось, что принято решение согласиться на требование Еврейского агентства и создать усиленную Еврейскую пехотную бригаду, которая примет участие в военных действиях. Эта бригада будет состоять из еврейских частей Палестинского полка, которым будут приданы артиллерийские, инженерные, медицинские и другие вспомогательные части, набранные в Эрец-Исраэль.

Объявляя в палате общин о создании бригады, британский премьер-министр Уинстон Черчилль сказал: *«Несмотря на то, что многие евреи служат в нашей армии и в армии США на всех фронтах, я считаю безусловно важным, чтобы особое подразделение, состоящее из представителей народа, пострадавшего от нацистов как никто другой, было бы представлено значительным формированием в рядах войск, собирающихся для нанесения врагу окончательного удара»*. Евреи Палестины ликовали – осуществилось желание еврейского народа с оружием в руках воевать с нацизмом. Командиром был назначен бригадный генерал Э.Ф.Бенджамин (1900–1969), еврей, уроженец Канады, прослуживший 25 лет в королевских инженерных частях.

Утверждение отличительных символов бригады – нарукавных позументов с надписью на английском языке и на иврите «Еврейская бригада» и с золотым магендавидом на бело-голубом фоне – приветствовали бойцы бригады. Было также договорено, что в Италию Еврейская бригада прибудет под сионистским знаменем – белое полотнище с двумя голубыми полосами и золотым магендавидом.

В начале ноября 1944 г. солдаты бригады прибыли в порт Таранто на юге Италии, а оттуда – в тренировочный лагерь в городке Фьюджи, примерно в 70 км южнее Рима. В конце февраля 1945 г. 5 тысяч солдат бригады были отправлены в Северную Италию. Им был выделен участок фронта севернее Равенны в составе 8-й армии, включавшей бригады шотландцев, ирландцев, южноафриканцев, новозеландцев, гурков из Непала, поляков и итальянцев-антифашистов.

9 апреля 1945 г. бригада форсировала реку Санио и захватила плацдарм на другом ее берегу. Потери составили 30 человек и 70 были ранены; 21 человек получил воинские награды и 78 упомянуты в сводках. 29 апреля был подписан официальный акт о капитуляции немецких войск в Италии. В мае 1945 г. бригаду перебросили на северо-восток страны, где впервые произошла встреча с евреями, пережившими Катастрофу. В сообщении Черчилля о капитуляции противника на итальянском фронте среди других частей, участвовавших в завершающих битвах, была упомянута «Еврейская бригада, которую мы основали примерно год назад и которая мужественно сражалась на линии фронта».

Закончились бои, и бригада, включая майора Хаима Ласкова – командира 2-го батальона, сосредоточилась на проблемах помощи евреям-беженцам в Европе.

Мстители

Эта страница биографии Хаима Ласкова малоизвестна. Узнав о том, что творилось в немецких лагерях смерти, солдаты из Еврейской бригады спонтанно организовались для мести нацистам, которые скрывались в разных странах Европы и Америки, сменив имена, чтобы избежать суда. Так как военно-судебные органы армий союзников закрывали на это глаза, то организация «Мстители» осуществляла сама следствие и суд и без излишних проволочек приводила в исполнение приговор – казнь пойманных преступников. «Бесчеловечно» – по мнению чистоплюев. «Незаконно» – в глазах формалистов, но понятно обоженным Катастрофой и

воевавшим в Еврейской бригаде. Хаим тайно поддерживал мстителей в этом щепетильном деле.

Дисциплинированный воин и сторонник закона, он оправдывал их действия: «Мы были слабы после Катастрофы, так как потеряли шесть миллионов братьев, поэтому каждый мог действовать по своему разумению». То было выражением национальной боли и горя народа, пережившего трагедию.

«Бриха»

По мере продвижения Красной Армии в Восточную Европу и освобождения лагерей смерти и концлагерей в Польше уцелевшие члены халуцианской молодежи вместе с группами евреев-партизан, учредив в 1944-45 гг. подпольную организацию «Бриха» («Побег»), переправляли евреев из стран Восточной Европы на побережье Средиземного и Черного морей, а дальше – в подмандатную Палестину.

Слово «Бриха» употреблялось первоначально как кодовое наименование этой операции. Она началась как действие отдельных лиц, а потом охватила халуцианские молодежные движения. К ним присоединились солдаты Еврейской бригады, помогавшие переправлять беженцев через границы, часто тайными тропами, нелегально, используя средства британской армии – транспорт, продукты, деньги, опираясь на помощь евреев диаспоры и некоторых правительств, например Польши и Чехословакии, а также американских военных властей в Германии и Австрии. Аннулирование польскими властями в начале 1947 г. соглашения постепенно уменьшило масштабы движения, и в 1949 г. оно окончательно прекратилось.

Хаим Ласков, будучи британским офицером, использовал все свои возможности для легального участия в этом движении. Он не колебался ни минуты. Национальное чувство, как всегда, взяло верх над присягой британской армии.

«Хаапала»

Естественным продолжением «Брихи» была операция «Хаапала» («Дерзновение») – помощь «нелегальной», с точки зрения англичан, иммиграции евреев из лагерей беженцев в Австрии, Германии, Франции и Италии в Эрец-Исраэль. Надо было собрать и на кораблях доставить в Эрец-Исраэль втайне от англичан десятки тысяч *маапилим* – «нелегальных» иммигрантов. Эта работа проводилась с участием

Еврейской бригады и халуцианских движений. Британские власти перехватывали эти суда и отправляли на Кипр десятки тысяч репатриантов. После создания Государства Израиль, между маем 1948 и февралем 1949, более 17 тысяч узников Кипра прибыли в Страну.

Борьба за уцелевших в Катастрофе

В октябре 1944 г. члены Еврейской бригады учредили в Италии центр помощи, концентрации и подготовки к репатриации выживших в Катастрофе. Этот центр сделался своего рода штабом общественной и культурной, а также политической жизни для уцелевших евреев до их репатриации. 17 июля 1945 г. в Удине (Италия) перед «активом» Еврейской бригады выступил с речью «Миссия последних [воинов]» Абба Ковнер, поэт, сражавшийся в Виленском гетто и в рядах евреев-партизан. Он рассказал об ужасах Катастрофы и о надеждах на будущее, выразил поддержку солдатам, спасающим выживших в Катастрофе, призвал к массовой алии и к единству еврейского народа. С 1946 г. солдаты бригады помогали разрабатывать маршруты «Брихи» и исхода из Европы через Германию и Италию и участвовали в подготовке лагерей для приема беженцев. Солдаты Еврейской бригады, участники «Брихи», доставляли мапим на суда, сопровождали их и сражались за них с англичанами. В августе 1945 г. трое солдат бригады добрались до Польши и установили связь с местными руководителями «Брихи».

В начале 1946 г. было решено расформировать бригаду. В июле этого года в Лондоне состоялся парад победы, в котором участвовали 24 офицера и солдата Еврейской бригады, представлявших полтора миллиона еврейских солдат, сражавшихся против нацизма. Над гордо идущими воинами развевалось еврейское знамя, встреченное громом аплодисментов всех присутствующих. Диктор Би-би-си объявил: «Вот шагает во всей своей красе Еврейская бригада».

В августе 1947 г. Ласков был назначен начальником инструкторского отдела генерального штаба Хаганы. Здесь Хаим проявил себя новатором. Не преуменьшая важности Пальмаха и его боевых качеств, он отстаивал свои взгляды и требовал, чтобы система инспектирования и инструктажа строилась на дисциплине, планировании и точном исполнении приказов. Однако в инструкторском отделе борьба против требований Ласкова не прекращалась, и он решил уйти в отставку, устав от «войн генералов».

Однако в этой борьбе были и успехи, как, например, создание в феврале 1948 г. первых офицерских курсов, которые возглавил он, Ласков. Курсы открылись незадолго до ухода англичан из Палестины, когда надо было спешно создавать регулярную армию, чтобы противостоять местным арабам, а затем и арабским странам, начавшим войну с новорожденным Государством Израиль 15 мая 1948 г.

Все это было непросто и нелегко. Ласков старался организовать регулярную армию по британскому образцу, основать ее на четких правилах, ясных и понятных военных терминах и разработанных во всех деталях военных доктринах. За это его обвиняли в излишнем «англизировании». Например, он ввел тактические приемы, которые противоречили военной доктрине членов Хаганы, возвращавшихся после атаки на прежние позиции, если не удавалось захватить объект приступом. Ласков же требовал «жесткой» позиции, по мнению многих – «жестокой», согласно которой нападающие атакуют, останавливаются, при необходимости окапываются, но продолжают понемногу продвигаться, а не возвращаются на исходные позиции. Вокруг этого было много споров. Один из членов Пальмаха, будущий начальник Генштаба Давид (Давид) Эльзар (1925–1976), настаивал на важности новой системы Ласкова, которая в конце концов была понята и принята ЦАХАЛом.

В апреле 1948 г. Ласков принял командование над объединенным батальоном, собранным из различных частей, участвовавших в операции «Нахшон», с целью прорыва блокады Иерусалима.

О дружбе и вражде

В период Войны за независимость судьба столкнула двух офицеров – Хаима Ласкова и Бена Дункельмана. Первый был воплощением британского офицера, второй – канадского. То есть оба относились к британской военной школе, но в то же время сильно отличались темпераментом и личными амбициями. Во время войны они сотрудничали, не имея выбора и признавая достоинства друг друга. 25 мая 1948 г. произошла первая атака на укрепленный район Латрун, контролировавший дорогу на Иерусалим. Следующие атаки состоялись 31 мая и еще три в июне. Однако из-за недостаточной подготовленности многих солдат, недостатка вооружения и разногласий в командовании все они провалились. Правда, были и положительные результаты: проложили так называемую Бирманскую дорогу для снабжения Иерусали-

ма и укрепили связь и взаимопонимание между офицерами Пальмаха и «англичанами» (то есть теми, кто служил в британской армии).

В центре боев в Латруне была 7-я бригада (бригада «Маккаби»), основанная 14 мая 1948 г., во главе которой стоял Шломо Шамир. В этой бригаде Ласков был командиром 73-го батальона. После ухода с должности Шломо Шамира командиром 7-й бригады был назначен Хаим Ласков.

В своей книге «Двойная лояльность» (1977, иврит) Дункельман подчеркивает: «Хаим был моим подчиненным», «...моей бригадой [некоторое время] командовал Хаим Ласков». Однако во время операции «Бин Нун» (две атаки на Латрун 24–25 и 30–31 мая 1948 г.), а также в период операции «Декель» по освобождению Западной Галилеи (8–18 июля 1948 г.) Хаим Ласков командовал, соответственно, 7-й бригадой и самой операцией, а Бена Дункельмана, прибывшего в Эрец-Исраэль в качестве добровольца в марте 1948 г., только в начале июля 1948 г. назначили командиром 7-й бригады. Так что в документе о капитуляции Назарета имя Хаима Ласкова фигурирует на первом месте, а имя Дункельмана – на втором.

В июле 1948 г. Ласков в звании генерал-майора возглавил отдел военной подготовки Генерального штаба. 29-летний Хаим был самым молодым генералом израильской армии. В феврале 1949 г. он торжественно открыл первые высшие офицерские курсы Армии обороны Израиля, среди его учеников были Давид Эльазар, Хаим Бар-Лев, Герцль Шапир. Первые двое стали начальниками Генерального штаба, а последний – генеральным инспектором израильской полиции. После окончания военных действий в 1949 г. Хаим Ласков отправился сам учиться, но был отозван в связи с назначением командующим военно-воздушными силами.

Не будучи профессионалом в этой области, Хаим заражал авиаторов своей энергией и осваивал новую область знаний. Он так докладывал о состоянии ВВС: *«Я нашел хороших летчиков, умеющих водить самолеты, но многие не умеют воевать на них»*. В 1953 г. Ласков передал командование ВВС Дану Толковскому.

Следующие два года Ласков проходил военную переподготовку в Англии и одновременно изучал экономику, политологию и философию в Оксфордском университете. В 1955 г. Бен-Гурион назначил его заместителем начальника Генерального штаба и главой отдела разведки. Этот период был посвящен углубленному изучению уроков Второй мировой войны. Ласков принял решение о необходимости организо-

вать самостоятельные танковые части. Возможно, он пришел к этому выводу, познакомившись с доктриной немецкого генерала Гудериана, согласно которой танки не являются вспомогательными частями при захвате пехотой территорий, как считалось раньше, а выступают в роли самостоятельных войск, действуя на острие прорыва, за ними вступают в бой сухопутные войска. Этой теории пришлось выдержать длительное сопротивление, и только спустя годы Моше Даян признал свою ошибку и принял точку зрения Ласкова о том, что «танки делают историю». После Синайской кампании Хаим Ласков был назначен командующим Южным военным округом и отдал все свои силы и способности созданию сильной и высокоморальной армии, готовой к решению непростых задач.

Ласков был против отступления из Синая в 1957 г., но так решило правительство, и отход войск был осуществлен под его руководством. 29 января 1958 г. его назначили начальником Генерального штаба ЦАХАЛа, пятым по счету, после Якова Дори, Игаэля Ядина, Мордехая Маклефа и Моше Даяна. Эти годы относительного затишья (1958–1961) Хаим Ласков использовал для улучшения дисциплины в армии и приобретения новейшего боевого и учебного вооружения, но не забывал и о мелочах.

Вот пример. В начале 60-х гг. мне довелось руководить молодежными еврейскими лагерями во Франции. В одном из них я договорился с командиром «Гадны» (Организации допризывной молодежи), что молодые люди будут обучаться в одном из ее лагерей и жить в полевых условиях, подобно молодым израильтянам, проходящим допризывную подготовку в Израиле. Хаим Ласков прибыл во Францию, согласно договоренности с ним, чтобы навестить воспитанников. Он переходил от группы к группе, поправляя выполнение упражнений и удивляясь отсутствию закалки у молодых французов, затруднявшихся в ползании под препятствиями, лазании по горизонтальному канату и других подобных упражнениях. Он даже счел необходимым побеседовать с некоторыми из «французов» и расспросить их о жизни, учебе и возможных планах на репатриацию. Воспитанники были в восторге от того, что они лично побеседовали с начальником Генерального штаба, что он пожимал им руки и пожелал вскоре встретиться в ЦАХАЛе. Эта молодежь еще долго вспоминала о так взволновавшем их визите.

Ласков всегда шел до конца в своих взглядах и позициях. Это также проявилось в его уходе в отставку из-за разногласий с министром обороны Шимоном Пересом по вопросам формирования оборонной

политики Израиля. На его место пришел Цви Цур – шестой начальник Генерального штаба.

В 1961–1970 гг. Ласков, возглавляя Управление израильских портов, развивал небольшие порты в Яффе, Тель-Авиве и Эйлате и основывал новый порт, второй по значению после Хайфы – в Ашдоде. Этот период был плодотворным и творческим, но и наполненным борьбой с профсоюзом портовых рабочих. В 1970 г. он ушел в отставку с этого поста и в 1972 г. был назначен Высшим комиссаром по жалобам в Армии обороны Израиля. Здесь Хаим Ласков прославился своей открытостью и вниманием ко всем проблемам, возникавшим в армии, и сделал немало для разрешения жалоб солдат и офицеров и улаживания споров и разногласий между ними. Вершиной его деятельности стало учреждение Международного объединения организаций демобилизованных воинов в Израиле и на Западе. В 1973 г. в Израиле прошел Первый всемирный конгресс этого объединения. После войны Судного дня Хаим Ласков был членом комиссии Шимона Аграната, которая рассматривала упущения, предшествовавшие началу военных действий. Выводы комиссии не только привели к существенным изменениям в командном составе Армии обороны Израиля, но имели также широкий общественный резонанс.

Хаим Ласков скончался в 1982 г. после тяжелой болезни. В 1984 г. тогдашний министр обороны Ицхак Рабин писал о нем: *«Не знаю, был ли еще в ЦАХАЛе командир и начальник Генерального штаба, которого можно назвать, подобно Хаиму, солдатом Армии обороны Израиля номер один».*

Описание жизненного пути Хаима Ласкова будет неполным, если не рассказать о его супруге Шуле Хен – Шуламит Ласков, с которой он познакомился в 1948 г. Она была ведущей сотрудницей Генерального штаба Армии обороны Израиля в Яффе, где в июле 1948 г. Хаим Ласков стал начальником отдела военной подготовки. Шуламит Хен родилась в Голландии в семье выходцев из России, прибывшей в Эрец-Исраэль в 1922 г. вместе с главным управлением Еврейского Национального фонда (Керен каемет ле-Исраэль), в котором работал ее отец, Перец Хен. Ее детство прошло в Иерусалиме, где она окончила школу, а затем изучала общую и еврейскую историю в Еврейском университете. Позже Шуламит уехала на север, в киббуц Эйлон в Западной Галилее движения «Ха-Шомер ха-цаир», где четыре года служила радисткой в Хагане. Позднее она оставила киббуц и училась игре на скрипке, но,

попав в аварию и повредив руку, не смогла продолжать учебу. Работала в Еврейском агентстве и служила связной в Иерусалиме. В 1950 г. переехала в Тель-Авив, где занималась массовой абсорбцией по линии просвещения и культуры. Их свадьба была скромной, на ней присутствовали Бен-Гурион и еще несколько гостей. Поженил их знаменитый раввин Шломо Горен. Шуламит не вмешивалась в дела Хаима, но ее заинтересованность и мнение были важны для него. Хаим прислушивался к ее советам, ценил их и зачастую принимал.

Хаим Ласков (в центре) в кругу родных. *Репродукция с картины Ханана Ласкова*

Шуламит Ласков начала свою литературную деятельность публикацией рассказов и рецензий. В 1965 г. появился ее роман «Каждый отдаст отчет перед собой» (заключительная строка из стихотворения Хаима Нахмана Бялика «Говорила душа моя»). В конце 60-х гг. Шуламит Ласков перешла на научно-исследовательскую работу в Институт истории сионизма им. Хаима Вейцмана (Тель-Авивский университет). Работая в институте, она написала биографию Йосефа Трумпельдора (1972, 2-е изд. – 1982, 3-е изд. – 1995), которая была удостоена премии им. Ицхака Саде за лучшую военную книгу. Монография «Билуйцы» (1979, 2-е изд. – 1981) является одним из лучших исследований на

эту тему. Книга была удостоена премии им. Ицхака Бен-Цви. В том же 1979 г. она подготовила к печати со своим предисловием, в виде отдельной брошюры, большую статью Дова Ариэля Лейбовича «Колония Гедера», опубликованную в 1901 г. в «Луах Эрец-Исраэль» («Палестинский календарь»).

После смерти мужа в 1982 г., преодолев боль утраты, она продолжила свои исторические исследования. В эти годы Шуламит Ласков занималась большим научным проектом – переизданием, в дополненном и расширенном виде, «Документов по истории палестинофильства и поселения [евреев] в Эрец-Исраэль», впервые изданных Алтером Друяновым в 1919–1932 гг. в трех томах. В итоге огромной работы вышло в свет в 1982–1993 гг. семь увесистых томов, охватывающих историю еврейского национального движения в 1870–1889 гг. Параллельно этой большой научной работе Шуламит Ласков опубликовала еще три исследования. Первым из них была публикация дневников и писем Хаима Хисина «Путешествие в страну обетованную» (1982) и «Из записок одного из билуйцев» (1990). В 1986 г. появились сразу две книги Шуламит Ласков: «Прежде всего: из рассказов о первопреходцах» (о людях первой и второй алии) и «Глас вопиющего: Жизнь и время Иосефа Виткина»². В последние годы Шуламит Ласков трудится над биографией Ахад-ха-Ама. В 2000 году была опубликована ее монументальная книга «Ахад-ха-Ам (Ашер Цви Гинцберг): Письма, касающиеся Эрец-Исраэль (1891–1926)», содержащая 314 писем писателя и философа, которые освещают его многолетнюю и многогранную деятельность в Палестине. Последняя (на данный момент!) книга (по счету, но не по значению) Шуламит Ласков, которая вышла в свет в 2006 г., называется «Жизнь Ахад-ха-Ама: Мозаика из его и других сочинений» и представляет собой биографию национального лидера и мыслителя, воспоминания и оценки его современников. Эта книга, как и все остальные, удостоилась высокой оценки научных кругов и широкой публики.

² См. в этом сборнике статью Нелли Портновой.

Факел надежды

Роза Финкельберг (Иерусалим)

В новейшей истории Государства Израиль печальных дат, увы, куда больше, чем радостных. Их так много, что мы уже стали забывать иные трагические инциденты и имена жертв. Настолько привыкли к окружающему нас кошмару и абсолютно иррациональной реакции всего мира на происходящее, что даже сами перестали адекватно реагировать на вопиющие события. Одна-две жертвы, особенно если трагедия произошла за так называемой «зеленой чертой», никого не приводят в ужас. Только растет количество семей, в календаре которых появляется скорбная дата – травма на всю оставшуюся жизнь.

В филиале «Лапид» («Факела») в Сдероте

Террор, захлестнувший Израиль, особенно после начала последней интифады, с сентября 2000 года, – это не только сотни убитых, а еще и тысячи раненых, и члены их семей, для которых привычные будни превратились в борьбу за жизнь близких. Медики справляются с оказанием помощи раненым, но, к сожалению, в этих случаях трудности выходят за рамки медицинских проблем. Ведь сохранить жизнь – лишь часть задачи. Как сделать так, чтобы эта жизнь вошла в нормальную колею, стала полноценной и радостной?

Новая реальность потребовала нового подхода. При ряде организаций начали образовываться фонды помощи пострадавшим для сбора пожертвований. Но материальной поддержкой, как бы важна она ни была для тех, кто потерял кормильца или собственную трудоспособность, не исчерпывается круг насущных потребностей. Особенно когда речь идет о детях, которые в силу телесных или психологических травм перестают посещать школу, кружки, теряют интерес к жизни в уверенности, что ничего хорошего уже их не ждет и никому они, ставшие инвалидами, не нужны.

И тут приходят на помощь люди, которые просто в силу своего характера не могут оставаться в стороне. А характер, для того чтобы

ежедневно сталкиваться с человеческим горем и помогать его преодолевать, надо иметь незаурядный.

Галине Шрайман, преподавательнице английского языка, и в голову не приходило, что когда-нибудь смыслом ее жизни станет помощь пострадавшим от терактов подросткам.

Приехав в Израиль в 1990 году с мужем Анатолием – ученым, изобретателем – и детьми, она, как большинство репатриантов, искала работу по специальности.

Галина Шрайман

Следует отметить, что, в отличие от многих, Галина наделена удивительной энергией и способностью заражать этой энергией окружающих. Она из тех людей, что не хотят прозябать, коротать дни в надежде на спокойную старость, они вечно охвачены какими-то идеями, строят планы, осуществляют проекты.

Еще в Советском Союзе Галина не ограничивалась стандартным преподаванием языка в школах или заказами по синхронному переводу, а одновременно участвовала в различных проектах, часть из которых разрабатывала и пробивала сама. Галина, как блестяще владеющая языком, была приглашена в качестве педагога и представителя СССР в Latin School в шведском городе Мальме. Преподавала английский в Познани (Польша), читала лекции в Дании. Она является автором международных образовательных обменных программ между городами-побратимами Харьковом и Цинциннати, Мальме и Познанью.

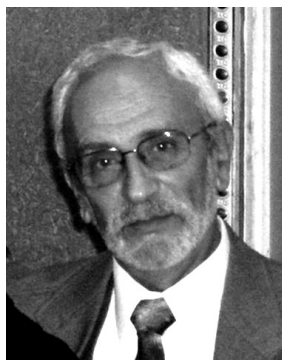
В 1986–1990 гг. Галина разработала и составила программу курсов для старшеклассников по специальности гид-переводчик, а также стала автором курса технического перевода для старших классов на материале английской и американской литературы и страноведения англоговорящих стран.

В Израиле Галина оказалась в возрасте сорока с небольшим лет, к этому времени ее профессиональный опыт и достижения были уже достаточно весомыми. Работать начала сразу, получив должность в средних школах Кфар ха-Роэ (5 км южнее Хадеры) и Раананы. И тут же включилась в общественную деятельность в рамках международных

контактов муниципалитета Раананы. По приглашению Генерального штаба ЦАХА-Ла участвовала в качестве ведущей в симпозиуме начальников Генеральных штабов стран НАТО, проходившем в Израиле.

С 1992 года постоянно, помимо работы в обычных классах, была преподавателем и разработчиком программы преподавания курса английского для проекта НААЛЕ (программа по обучению в Израиле еврейских подростков из других стран).

Английский язык в Израиле, так или иначе, знают практически все – от профессоров университетов до арабов на рынке. Беда в том, как знает его большинство. Ознакомившись с методиками преподавания и вдоволь наслушавшись убогой и неправильной речи старшеклассников, уверенных в своих знаниях, Галина стала вынашивать план организации собственной школы. Анатолий горячо поддержал эту идею. Но, что гораздо более удивительно, проект нашел также поддержку у Якова Эдри – мэра города Ор-Акива, где поселилась семья Шрайман. Вообще-то пробить в Израиле какой-то проект, особенно связанный с преподаванием, дело очень непростое. Но Галин энтузиазм, базирующийся на высокопрофессиональном подходе, зажег сердца даже выдавших виды чиновников. Видимо, не последнюю роль сыграло и умение Галины обращаться с детьми, которые к ней так и липнут. Мэрия выделила помещение, и в 1999 г. в Ор-Акиве был открыт *Lingua International Center* – школа по изучению языков, которая стала учебно-исследовательским заведением, где успешно применяются не только всемирно признанные методики обучения, но и оригинальные израильские разработки, в частности уникальные программы по обучению чтению на иврите и английском. Для освоения русского языка, будь то дети из семей репатриантов или ивритоязычные израильтяне, используется методика преподавания русского как иностранного. Поскольку Галина убеждена, что для правильного освоения речи необходимо погружение в соответствующую среду, в Центре введена программа «Цивилизация», предполагающая изучение всемирной истории и культуры разных стран. Школа *Lingua International Center* стала единственным в Израиле членом международного образовательного проекта *Global School Network*.

Анатолий Шрайман

Постепенно школа завоевала популярность в городе, и Шрайманы уже начали подумывать о распространении проекта на другие регионы страны, но... израильская действительность направила их деятельность совсем в другое русло.

Стыдно признаться, но, когда летом 2001 года мне позвонила из США Инна Аролович, представитель Американской Ассоциации

Галина Шрайман ведет урок

евреев – выходцев из СССР/СНГ, и попросила организовать встречу с Галиной Шрайман и Татьяной Нуржиц, я далеко не сразу вспомнила, откуда фамилия Нуржиц мне знакома.

Что такое 11 сентября 2001 года, знают в любом уголке мира взрослые и дети. А о дате 12 октября 2000 года уже мало кто помнит. Мир забыл без-

умный, не укладывающийся в сознании нормального человека линч над двумя солдатами-резервистами – Вадимом Нуржицем и Йосефом Аврахами. Ребята возвращались домой со сборов и, сбившись с дороги, заехали в Рамаллу – арабский город в Иудейских горах, в 13 км к северу от Иерусалима. В ответ на просьбу показать дорогу их доставили в полицейский участок, где так называемые стражи порядка, вместо того чтобы им помочь, начали подстрекать местных жителей к убийству евреев. Озверевшая толпа растерзала израильтян. Ужасные кадры упивающихся кровью убийц были продемонстрированы на весь мир.

12 октября 2000 года – не просто дата очередного теракта. Это дата капитуляции перед террористами. Резня происходила в полицейском участке, полностью подчиненном администрации Арафата. Двух израильтян линчевала толпа из того самого «мирного населения», о благополучном существовании которого пекутся так называемые миротворцы. Те из арабов, кому «не посчастливилось» обогреть руки кровью, ликовали на площади. Раздавали детям конфеты, чтобы запомнили этот день как праздник. Так потом они ликовали 11 сентября.

Казалось, весь мир содрогнется, поймет, с кем имеет дело. Израиль примет давно обещанные меры, и никакая международная общественность не посмеет его осудить... Не содрогнулись. Не поняли. Не приняли. Но... осудили.

Но что вся эта политика для осиротевших семей? Они не забудут и не смогут смириться.

Вадим Нуржиц с семьей жил в Ор-Акиве, и Анатолий Шрайман решил в память о погибшем юноше сделать в школе мемориальный стенд. Так он познакомился с семьей Вадима. Возникла идея создать мемориальный центр. Идею поддержали Американская Ассоциация евреев – выходцев из СНГ/СНГ и еврейская община Большого Майами. В 2001 году открылся мемориальный Центр «Лапид» им. Вадима Нуржица. Возглавили Центр сестра Вадима Татьяна Нуржиц-Бринберг и жена Ирина – она стала вдовой через неделю после свадьбы, а в положенный срок родила сына Давид, который знает папу только по фотографиям. Галина Шрайман стала директором Центра.

Когда я встретилась с Татьяной, она рассказала: *«Сначала мы думали только о том, чтобы увековечить память Вадима. Но когда в начале интифады страну сотрясла целая серия кровавых терактов, поняли, что не можем ограничиться трагедией только нашей семьи. Теперь наша цель – сохранить память обо всех жертвах террора и способствовать борьбе с этим грозящим всему миру кошмаром. На основе мемориального Центра мы стали создавать музей жертв террора, и первое, с чем мы столкнулись, – это проблема пострадавших детей».*

Первой акцией Центра стало создание выставки «Дети против террора».

Тут надо отметить очень важный момент. Обычно, когда возникает идея некоего проекта, инициаторы начинают обивать пороги различных учреждений с целью получить финансирование, и только в случае удачи осуществляют свою программу. Татьяна Нуржиц-Бринберг и Галина Шрайман пошли по иному пути. Все свободное от основной работы время они посвящали развитию своего проекта не только на добровольных началах, но и вкладывая свои средства. В результате в Ор-Акиве появилась традиция, которая продолжается вот уже не один год – 11 сентября в городском Культурном центре открывается выставка детского рисунка по антитеррористической тематике, причем ежегодно выставка обновляется. Завершается она 12 октября – в день гибели Вадима – торжественным концертом, посвященным памяти

жертв террора. В мероприятии участвуют семьи пострадавших, их друзья, руководство города, приезжают депутаты кнессета, министры. Прилетала на концерты из Нью-Йорка Нелли Брагинская, сын которой – Александр – погиб 11 сентября в нью-йоркских башнях-близнецах.

Однако основная цель – не только увековечить память, но и показать всему миру, что такое террор. И не только показать – предупредить!

Галина загорелась идеей продемонстрировать экспозицию в разных странах. На первом этапе в этом ее поддержал только что созданный, в 2002 году, Всемирный конгресс русскоязычных евреев, который помог организовать выставки в Берлине и Праге. По сути дела, это стало первой акцией Конгресса, позволившей ему заявить о своем существовании. Правда, затем Конгресс начал устраивать аналогичные выставки самостоятельно, забывая упомянуть авторов и создателей проекта. Но дело не в этом. В процессе создания выставок, на которых представлены работы не только израильских и зарубежных детей, но и самих пострадавших, Галина все чаще встречалась с семьями, столкнувшимися с ужасной трагедией.

Те, кому хоть раз довелось поговорить с родителями, чей ребенок погиб или стал инвалидом, хорошо знают чувство растерянности и беспомощности перед чужой бедой. Ну что тут скажешь, чем поможешь!?

Галина решила, что она поможет: найдет врачей, которые справятся с недолеченными ранами, учителей, которые помогут детям вернуться в школу. Но решить это одно, а сделать – совсем другое. Начала Галина с того, что могла сама – стала заниматься с подростками английским языком, необходимым для получения аттестата зрелости. Она приезжает домой к тяжелораненым, те, кто передвигается, собираются у нее. Уроки перетекают в беседы, которые для этих ребят оказываются полезнее занятий с психологом. Бывает, подростки остаются у Галины ночевать.

Для решения всего комплекса проблем в 2004 году Шрайманы под эгидой мемориального Центра «Лепид» им. Вадима Нуржица открывают школу «Лепид» – международный реабилитационно-образовательный центр для детей и подростков, пострадавших от террора. Идею, как и раньше, поддержали Американская Ассоциация евреев – выходцев из СССР/СНГ и еврейская община Большого Майами. На первом этапе организаторы школы «Лепид» составляли списки первоочередных про-

блем каждого пострадавшего ребенка. Это и недолеченные последствия ранений, и психологическое состояние, и отставание в учебе. Задача Центра – найти для каждого оптимальный комплекс мероприятий помощи, учитывающий индивидуальное состояние и ситуацию в семье.

Американская Ассоциация выходцев из СССР/СНГ сумела мобилизовать в США врачей различных специальностей, согласившихся безвозмездно лечить раненых, которым в Израиле по разным причинам не удалось оказать помощь.

Илья Лиснянский, известный врач-отоларинголог, занимается детьми в Израиле. Дело в том, что при взрывах практически в 100% случаев страдают органы слуха. Однако д-р Лиснянский не ограничивается только проверками в своей области. Осмотрев пациента, он определяет, к каким еще специалистам его необходимо направить, и старается найти соответствующих врачей. Ребята, пациенты д-ра Лиснянского, рассказывали мне, что им очень редко доводится сталкиваться с таким внимательным, деликатным и в то же время высококвалифицированным отношением.

Школа «Лепид» одновременно пытается помочь этим подросткам в учебе, разрабатывая специальные программы, привлекая психологов и учителей различных предметов. Излишне говорить, что вся организационная работа делается на добровольных началах.

Параллельно с развитием реабилитационно-образовательного Центра Галина продолжает свой проект школы языков. Трудно представить, насколько сложно это совмещать. Анатолий Шрайман оставил работу по специальности и полностью включился в деятельность своей супруги.

Несколько слов о нем: Анатолий Шрайман родился в Киеве в 1938 году. Окончил технологический техникум, затем Харьковский институт радиоэлектроники. Был руководителем ряда проектов в области шахтостроения. За научные разработки был отмечен золотой и серебряными медалями ВДНХа. Автор уникального комплекса для искусственного замораживания горных пород при криогенных температурах.

В Израиле стал первым членом Международной тоннельной ассоциации, являющейся консультативным органом при ООН. Работал в ряде научно-исследовательских фирм и проектов. Награжден специальным знаком от муниципалитета Ор-Акивы за организацию инженерного Центра. Имеет более 30 научных трудов и изобретений, в том числе и в Израиле. Несмотря на все эти достижения, Анатолий

решил пожертвовать своей профессиональной карьерой и полностью переключился на деятельность, которую посчитал более важной.

В апреле 2004 года Международный центр изучения языков отметил пятилетнюю годовщину своей деятельности. На торжественную церемонию пришли выпускники школы, работники муниципалитета, приехали преподаватели языковых дисциплин со всей страны. Выступая перед собравшимися, Галина Шрайман сказала: *«Нам удалось превратить школу в живой, действующий, динамичный организм, использующий новейшие программы, разработанные в лучших университетах мира. Сейчас, когда наше начинание доказало свою эффективность, к нам стали стекаться лучшие специалисты в области преподавания, которые хотят с нами сотрудничать. Начали мы с обучения новых репатриантов, детей и взрослых, английскому языку. Со временем рамки преподавания расширились по желанию наших учеников, и теперь, кроме английского языка, мы обучаем ивриту, испанскому и русскому как иностранному языку. Мы не ограничиваемся только языком, стараясь преподавать его вместе с историей и культурой соответствующих стран. Мы являемся участниками нескольких международных проектов».*

Ежегодно школу посещают более 100 человек. При школе организованы всеизраильские языковые семинары для учителей-репатриантов. *«Родители наших учеников просят, чтобы наша школа из вечерней превратилась в общеобразовательную. И мы очень рассчитываем, что со временем нам удастся осуществить этот проект».*

Трудно представить, как можно одновременно заниматься двумя такими разными программами. Но семье Шрайман это как-то удается. Правда, совсем не остается времени на то, чтобы заниматься рекламой своих проектов. Видимо, поэтому в различных министерствах и ведомствах так мало о них знают. Зато те, у кого, увы, возникает нужда, быстро находят дорогу к Центру «Лапид». Вернее, Центр находит дорогу к ним.

Мне довелось побывать на нескольких встречах, организованных «Лапидом» для семей пострадавших от терактов. Удивительные это были встречи. Если не знать, о чем идет речь, то создается впечатление, что присутствуешь на собрании какого-то молодежного клуба. Молодые симпатичные ребята улыбаются, общаются – на редкость теплая атмосфера, никогда не скажешь, что у них что-то не так.

Разговариваю с симпатичной девчушкой:

- Ты попала в теракт?
- Да, в дискотеке «Дельфинариум».
- И ты пострадала?
- Да, ранение в ноги.

Стоящая рядом мать девочки сообщает, что у дочери 80% инвалидности.

- Как же ты ходишь?
- А мне просто очень хочется ходить!

Как-то Галина попросила меня сделать снимки ранений одного парнишки по запросу из США, где ему обещали лечение. С виду вполне здоровый подросток. Когда он снял рубашку, оказалось, что все его тело покрыто шрамами после множества операций.

А вот восьмилетний малыш. В теракте была тяжело ранена его сестра. На мальчика это произвело такое впечатление, что он замкнулся в себе и отказался ходить в школу. И только попав в заботливые руки Галины, мальчик начал читать, учиться, общаться с людьми, улыбаться.

Таких примеров много. Я специально не привожу имен этих ребят: невозможно рассказать о ком-то одном, а о других умолчать. Главное, все они в один голос говорят, что школа «Лапид» вернула их к жизни.

А вот о тех, благодаря кому Центр имеет возможность осуществлять свою деятельность, конечно, стоит сказать. Прежде всего, это уже упомянутая Инна Аролович из Американской Ассоциации евреев – выходцев из СНГ/СНГ, которая неустанно оказывает «Лапиду» поддержку. Благодаря ее усилиям все больше организаций в США начинают собирать пожертвования для Центра. Американское отделение Всемирного конгресса русскоязычных евреев, членом которого Инна также является, подарило «Лапиду» мини-автобус, подходящий для перевозки раненых. Директор американского отделения ВКРЕ Леонид Бард привез ребятам в подарок фирменные школьные майки. Григорий Тополянский организовал приезд в США на лечение нескольких раненых подростков. Профессор Игорь Бранован провел ряд уникальных операций. Анна Гринберг, поэт и исполнитель из Бостона, дает благотворительные концерты.

Продолжают сотрудничать с Центром муниципалитет Ор-Аквивы и Рина Ген, представляющая еврейскую общину Большого Майами.

Ряд учеников получает стипендию от Бостонской синагоги «Temple Shir Tikva».

Благодаря всеобщим усилиям учащиеся школы «Лapid» получили переносные компьютеры для подключения к специально разработанным обучающим программам, а их семьи могут рассчитывать на помощь в решении первоочередных задач. Пожертвования идут на покрытие технических расходов, а вся организационная деятельность по-прежнему осуществляется добровольцами, которых, к сожалению, не так много.

О докторе Лиснянском я уже писала. Д-р Яна Кимельфельд ведет психологические консультации. Оказалось, что у многих пострадавших возникают проблемы юридического характера, а средств на адвоката, естественно, нет, и тогда адвокат Алекс Шмерлинг дает консультации бесплатно. Некоторые родители тоже включились в работу Центра и опекают не только своих детей, но и всех, кто попадает в сферу деятельности «Лapида».

Мать одного раненого подростка сказала: *«Мы понимаем, что государство, находящееся в состоянии финансового кризиса, не может обеспечить решение всех наших проблем, и мы бесконечно благодарны тем людям, которые, не жалея времени и сил, поддерживают нас. Для многих детишек Галя стала буквально второй мамой».*

Слово *лapid* в переводе с иврита означает «факел». Факелом надежды называют ребята свою школу.

Элиэзер Шульман – исследователь Библии и Талмуда

Ася Рожанская, Лидия Подольская (Холон, Израиль)

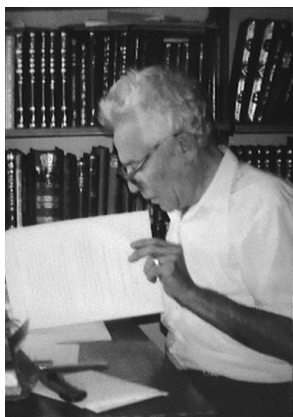
Профессор Хаим Гварьяу, председатель Общества по исследованию Библии и председатель Всемирного библейского общества, написал о первой книге Элиэзера Шульмана «Последовательность событий в Библии»:

«Элиэзер Шульман обучал Библии своих детей в тяжелых, необычных условиях, когда они находились в далекой сибирской ссылке. Он вычерчивал для своих детей годы и даты библейских событий в виде наглядных таблиц и графиков. В процессе изучения выяснилось, что таким путем можно найти объяснения важным явлениям, происшедшим в начале истории человечества и в начале истории еврейского народа. Элиэзер Шульман создал отличное и многостороннее справочное пособие для общедоступного и правильного восприятия начала нашего духовного и национального бытия».

Книга тогда только что вышла на иврите в издательстве... Министерства обороны Израиля. И все права на издание книги принадлежат этому министерству. Тогда же, в 1981-м, было разослано указание главного раввина Армии обороны Израиля: принять книгу в качестве пособия по изучению Танаха и еврейской истории во всех армейских учебных заведениях.

Он не был раввином, не получил формального образования в иудаистике и вообще в гуманитарных науках. Единственный формальный его диплом – Железнодорожного техникума города Актюбинска. Но это не помешало Элиэзеру Шульману стать знаменитым исследователем текстов Танаха и Талмуда, а также – одновременно (!) специалистом высшего класса в проектировании и строительстве железных дорог.

Но, кроме того, он был человек замечательный, широкообразованный, необыкновенно отзывчивый и добрый. Красивый человек: всегда подтянут, чисто выбрит, аккуратно и строго одет, с четкими движениями как будто военной выправки, а взгляд – внимательный и понимающий. И еще любящий муж, отец, дед в прекрасной семье.

Элиэзер Шульман

Нам, авторам этого рассказа, повезло: много лет в Израиле мы были близко знакомы и дружны с Элизером Шульманом и его семьей.

Но начнем по порядку.

Детство

Элизер Шульман родился в 1923 году в небольшом городке Тарутино в Бессарабии – тогда это была часть Румынии. Семья обыкновенная еврейская, среднего достатка: отец держал скобяную лавочку, но в доме было много книг на иврите, идиш, немецком, румынском, французском. Все эти языки были в ходу в той вроде бы «местечковой» среде бессарабского городка, и всем этим языкам обучали детей в еврейской гимназии в дополнение к ивриту. Сам Элизер говорил впоследствии, что семья была «традиционно-национальной». Не очень религиозной, хотя правила еврейской жизни соблюдались. Говорили в семье на идиш и на иврите, к образованию детей относились весьма серьезно. Все дети в семье, и в том числе младший сын Элизер, учились в Тарутинской еврейской гимназии. Эта гимназия потом сыграла немалую роль в сложной и нелегкой жизни Элизера.

Но это было потом. А пока что он, вслед за старшим братом, участвовал в движении «Бейтар» сначала как воспитанник, затем как инструктор. В 1939-м старший брат уехал в Палестину, вслед за ним, в 1940 году, готовился уехать и шестнадцатилетний Элизер. Но тут пришла в Бессарабию советская власть, а в 1941, за девять дней до начала войны, всю семью выслали в Сибирь: глава семьи владел лавкой – значит, капиталист! Высылали по-советски: без предупреждения пришли красноармейцы, дали полчаса на сборы, втолкнули в «телячий вагон» товарного поезда, и за несколько месяцев «капиталисты» – без теплой одежды, впроголодь – доехали до Казахстана.

В Казахстане

Так Элизер с родителями оказался в казахском ауле. Ни денег, ни вещей – пришлось довольно туго. А они и объясниться толком не могли. Да, они говорили по-румынски, по-немецки, по-французски (кроме родного идиш и любимого иврита), но по-русски едва успели выучить десяток слов. А казахи в ауле объяснялись только по-казахски или на ломаном русском. Ну, и начальство, которое решало все в их судьбе по своему начальственному разумению, – только по-русски, понятно. Поселили в каком-то сарайчике. Он работал в ауле чернора-

бочим, кузнецом, трактористом, выучил казахский язык – благо, голова была хорошая, и руки тоже.

Все же им повезло – они числились только ссыльными «по спецназору», а не заключенными. Можно было съездить в ближайший город Актюбинск и попытаться поступить в Железнодорожный техникум. Хотя без документов об образовании, вообще без всяких документов, кроме справки о том, что он находится под спецназором, это было совсем непросто! А по этой справке как раз могли отказаться принять в техникум. Но помогли знания, полученные в той самой гимназии в Тарутино, оказалось, что это важно.

Директор техникума, поговорив с ним на смеси разных языков, выяснил, что этот парнишка учился в Тарутинской еврейской гимназии, и сказал, что готов его принять сразу на второй курс. Оказалось, в техникуме уже учится одна бывшая ученица этой гимназии, и он, директор, понял, какие знания получали там ученики. «Если эти остолопы, – он назвал фамилии сыновей городского начальства, – могут учиться у нас на втором курсе, то ты и подавно сможешь».

Учеба давалась ему легко, и русский язык он выучил в первый же год, говорил с легким акцентом, но грамотно, свободно читал и писал без ошибок. Имя его перекроили на русский лад и звали «Леня». Вокруг была нищая голодная жизнь военного времени, хлеб получали по карточкам. Но студентам давали рабочую продуктовую карточку и стипендию, можно было прожить и не умереть с голоду.

В техникуме оказалось еще с десяток ребят из Бессарабии. В 1945 году война кончилась, и среди них пошел слух, что из Черновicz евреи «просачиваются» в Румынию, а оттуда – в Эрец-Исраэль, организовали целую сеть по переправке людей через границу... мечта, золотой сон детства! Элизер решил попытать счастья. Ссылным не давали паспортов. Ехать в Черновцы через всю Россию и Украину было очень сложно и опасно: если поймут – тюрьма, а то и расстрел: законы военного времени еще никто не отменял. Но он-таки добрался до Черновicz. Однако – увы – тут щелка в границе закрылась: кого-то из беглецов поймали и посадили, и сеть замерла. Пришлось возвращаться в Актюбинск.

Железные дороги Сибири

В 1946-м Элизер окончил Актюбинский железнодорожный техникум и получил назначение в город Сталинск (теперь Новокузнецк) на стройку, но вскоре ему удалось перейти в проектный институт.

Там в самом деле занимались проектированием железных дорог, а также осуществляли все практическое руководство проектами и инженерно-технический надзор. И делали это на весьма серьезном инженерном уровне. Ссылные инженеры знали свое дело. Работая с ними вместе в больших сложных проектах, Элизер научился многому. В технической библиотеке нашлись хорошие учебники и справочники – не только на русском языке, но и на немецком, а немецким он владел достаточно. Учиться же он умел, работоспособностью отличался даже среди лучших работников. Тогда впервые проявился его огромный аналитический талант.

Через несколько лет Элизер уже руководил отделом генплана и транспорта проектного института – должность весьма ответственная и трудная. Это назначение удивляло: ведь он по-прежнему числился ссылкой, да и диплома инженера у него не было.

Тем не менее, несмотря на отсутствие формального инженерного образования, многие тысячи километров железных дорог спроектировал и построил в Сибири Элизер Шульман.

Как учить Танах

Сарра Файнштейн родилась и выросла в Кировограде, в семье ассимилированной, как большинство еврейских семей в Восточной Украине. В 1941 году, успев убежать из города до прихода немцев, она оказалась в Свердловске (ныне Екатеринбург). Там поступила в мединститут и по окончании в 1948 году получила направление на работу в тот же Сталинск, где жил Элизер. Они познакомились случайно, а уже в 1949-м поженились, и стала Сарра ему подругой и опорой во всех перипетиях его дальнейшей жизни на пятьдесят лет, до самой ее смерти. Родились дочери. Старшей дали они еврейское имя Иегудит, записали в русской классической форме: Юдифь. Потом подружки звали ее Дифа. А дома называли Юдит, Юдитка. Вторую дочку называли Дина.

С первых дней их рождения пробовал Элизер разговаривать с дочками на иврите, и Сарру стал ивриту обучать. А уже в четыре года девочки начали учить Тору. Потом, когда научились писать, каждая завела рукописный словарь ивритских слов. Не было ни книг, ни пособий, конечно, Элизер все рассказывал по памяти. Записывал тексты, и почерк у него выработался на иврите особенный: очень четкий и убоρισый, чтобы поменьше места занимать на бумаге. Это был отдых для души, возможность отключиться от страшной советской реальности: на стро-

ительстве железных дорог в Сибири работали заключенные, там люди умирали от голода, холода, болезней, и помочь им он не мог.

Дочки оказались очень способные – сказать бы «в отца», но и мама была не промах: Сарра Шульман уже стала известна не только в Сталинске (Новокузнецке), но и за его пределами, в сибирских поселках, как очень знающий и талантливый детский врач. Она и награду получила из рук советского министра здравоохранения – именные наручные часы с надписью: «Врач-отличник».

Тем временем девочки уже могли говорить на иврите (но только дома! Они уже в 3–4 года твердо знали, что иврит – это семейная тайна). Вместо русских сказок отец пересказывал им по памяти Книгу Бытия. У старого еврея, сосланного в Сибирь еще при царе, удалось купить учебник иврита дореволюционного издания и несколько детских книжек на иврите с пересказом отдельных эпизодов из Библии. Эти книжки он стал читать дочкам. И вот когда дошли до истории Ноя и Всемирного потопа, вдруг спросила младшая, четырехлетняя Дина:

– А почему Ной (Ноах) взял с собой на корабль только своих сыновей и жену, а как же его папа и мама?

Элиэзер смутно помнил, что по толкованиям Библии отец Ноя Мафусаил (Метушelah) умер до потопа, но решил уточнить. Для верности, по привычке железнодорожника, расчертил временной график событий: кто когда родился, кто когда умер – все это в Торе написано в разных главах, не вместе. Так получился первый хронологический график-таблица событий, описанных в Книге Бытия. И из этого первого графика стало сразу видно очень многое: и то, что к началу потопа никого из предков Ноя не осталось в живых, и то, что отец Ноя Мафусаил умер точно за семь дней до начала потопа, так что Ной сидел в трауре неделю, и то, что хронология событий записана в Торе безошибочно, несмотря на многократные повторения. Все стало наглядно и понятно. **Так родился новый метод изучения Библии и библейских историй – с помощью хронологических таблиц и графиков описываемых в Библии событий.**

Сегодня историки и исследователи библеистики во всем мире считают этот метод одним из самых эффективных.

Кружок иврита в Новокузнецке

А тогда, в 60-х годах прошлого века, в городе Сталинске, только что переименованном в Новокузнецк, главной задачей было сохранить

в тайне эти домашние занятия. Не очень-то это удавалось, «шило» то и дело вылезало из маскировки. Кто-то из знакомых, увидев в тетрадке Элизера еврейские буквы, стал спрашивать, даже попросил научить читать. Элизер не мог отказать.

В городе появились молодые специалисты, присланные после окончания разных уральских и сибирских институтов, среди них было несколько еврейских ребят из Черновиц, из Бельц. Для них иврит тоже был из снов золотого детства. Так образовалась небольшая группа по изучению иврита. К счастью, никто в «органы» не донес. Ограничения для ссыльных уже отменили, и Элизер с дочками поехал в Москву, надеясь добыть уже настоящую литературу, Танах в первую очередь. В Москве родственники привели к старику, сохранившему несколько еврейских книг, в том числе Танах. Хранить еврейские, а тем более религиозные книги было опасно – за это советская власть сажала и даже расстреливала. К старику добирались с большими предосторожностями. Сцену, там происшедшую, Элизер впоследствии описывал нам так:

«Мы вошли в его комнату, и я сразу вытолкнул 10-летнюю Дину вперед, сказав: “Читай Песню Деборы”. Этот текст на иврите удалось раздобыть еще в Новокузнецке, и Дина выучила наизусть. Пока она декламировала, у старика по щекам катились слезы, а когда она закончила, он вынул откуда-то и протянул ей затрепанный том Танаха. Потом дал и другие книги».

(Забегая вперед, скажем, что спустя много лет в Израиле дочка Дины, 12-летняя Ривка, на своей бат-мицве читала наизусть перед огромным залом, полным гостей, «Песнь Деборы».)

С этим богатством вернулись в Новокузнецк, и Элизер со всей страстью души своей занялся изображением событий, описанных в Торе, в виде графиков и таблиц.

В начале 70-х кружок желающих учить иврит расширился. Уже стало известно, что из западных областей Советского Союза евреи уезжают в Израиль. Элизер восстановил прежние связи с бессарабскими евреями и стал готовить своих учеников к отъезду. Он считал, что пытаться уехать из Сибири не имеет смысла: кроме новой волны репрессий, ничего из этого не выйдет. Поэтому он начал подыскивать варианты для обмена квартир. Меняли Новокузнецк на Черновцы, Кишинев и другие города западных областей – с доплатой, с переплатой, лишь бы уехать. Оттуда подавали на выезд. Таким путем Элизер переправил в Израиль всех своих учеников.

Пора было поднимать семью. Дочки окончили школу, поступили в институт. Старшую, Юдит, в 1972-м послали учиться в Ленинград в числе лучших студентов, а она свела там знакомство с сионистами. Получив прописку, подала заявление на выезд в Израиль. Отказ. Тогда Юдит стала в Ленинграде преподавать иврит, и в 1974 ее не просто отпустили в Израиль, а, как там выражались, вытурили. Остальная семья – Элизер, Сарра и Дина – перебралась в Черновцы.

Из интервью со Шломо Бальзамом, активистом движения в защиту советских евреев:

«Во время моей первой поездки в Советский Союз в 1975 г. Илан Блох и я прибыли в город Черновцы, где предполагали посетить человека по имени Элизер Шульман. Мы приехали к нему домой и произнесли заранее подготовленную фразу на иврите: “Мы друзья из Франции”. Еще в дверях он увидел на наших головах вязаные киты и спросил, принадлежим ли мы к молодежному движению “Бней-Акива”. Когда мы ответили утвердительно, он попросил нас для подтверждения спеть наш гимн. Это была сюрреалистическая картина: в течение 5 минут мы стояли по стойке смирно на пороге маленькой квартиры в Советском Союзе и пели гимн “Бней-Акива”.

После того как Элизер удостоверился в том, что мы действительно те, кем назвались, он завел нас в дом. На стене висела доска с многозначными числами: он объяснил нам, что так он отмечает количество дней отказа в алии в Израиль. Он также показал нам самодельные таблицы, отражающие хронологию событий в Танахе. Дочь Элизера знала наизусть целые главы из Танаха на иврите. Я помню, как она декламировала наизусть всю “Песнь Деборы”»¹.

И хотя проторенная было дорожка в Израиль оказалась как раз в 1974 году перекрыта (кого-то посадили), все же в октябре 1975-го Шульманы получили разрешение и уехали.

В Израиле

Вся семья уже владела ивритом: говорила, читала, писала абсолютно грамотно.

Надо было искать работу. Рассказывает Дина, младшая дочка Шульмана:

¹ www.jewishagency.org/JewishAgency/Russian/Education/Jewish+History/40/interview/Balsam.htm

– Поселили нас в Димоне, и уже через неделю мы поняли, что нам в Димоне делать нечего. Мы с отцом отправились в Беэр-Шеву, зашли в здание университета и спросили у первого встречного, куда обращаться новоприбывшим олим. Нас привели к Абраму Цлафу, завкафедрой электротехники и – на добровольных началах – «главному приемщику олим хадашим» тогда. Цлаф вызвал Илью Войтовецкого, инженера из железнодорожного управления «Ракевет Исраэль». Войтовецкий спустя 30 лет красочно эту историю описал:

«Начальник проектного отдела сказал после первого же разговора с Шульманом:

– Ну и калибр ты нам послал! ТАКОГО я не могу не принять, не хочу брать грех на душу. Такие на улице не валяются»².

Вскоре Элизер Шульман приступил к работе в проектном отделе железнодорожного управления «Ракевет Исраэль». Сарру взяли в поликлинику в качестве детского врача. Юдит уже работала в большом строительном проекте. Дина, окончившая четыре курса в Новокузнецком политехническом, пошла в Технион делать мастерат, а вскоре и замуж вышла. Поселились в Бат-Яме. Жизнь наладилась.

И тогда опять – после работы, по старой привычке – взялся Элизер Шульман за изучение Торы и других библейских книг. Стал восстанавливать графики и таблицы, разработанные в Сибири. Обратился к ученым раввинам с вопросами, показал свою работу. Одним из первых оказался раввин Военно-воздушных войск. Работа произвела на него громадное впечатление.

Новый метод изучения Библии

В центральных газетах Израиля – «Маарив», «Едиот ахронот» – появились статьи про нового репатрианта из Сибири, разработавшего свой метод изучения Библии. Главный раввин Армии обороны Израиля встретился с новым репатриантом. Затем появились статьи о встречах Элизера Шульмана со знаменитостями. Шульман стал известен, встречался с президентом страны. Авраам Каане Шапира, главный раввин Израиля, о нем написал:

«Своими расчетами, при помощи комментариев и толкований наших учителей, да будет благословенна память о них, автор создал

² Войтовецкий И. Человек из Долины скорби.

berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer5/Vojtovecky1

важный труд широкого охвата и больших размеров, так что каждый, кто изучает его, поражается величине вложенного в него труда, в особенности учитывая, что большая часть работы была сделана, когда автор находился во тьме сибирской ссылки. Я благословляю Элизера Шульмана, чтобы он увидел плоды своего важного мероприятия и чтобы пришли ученики и исследователи и воспользовались его книгами для понимания порядка событий в истории нашего народа».

Постепенно, года за три, написал Элизер целую книгу. В нее вошли те хронологические таблицы и графики, которые он составил по Пятикнижию. Шульман назвал ее «Седек корот ба-Хумаш», т.е. «Последовательность событий в Пятикнижии».

Главный армейский раввин высоко оценил оригинальный способ изучения библейских текстов, разработанный Шульманом, и предложил опубликовать книгу в издательстве Армии обороны Израиля. Там она и была выпущена в свет в 1981 году. Еще два года работы над книгой, и под новым названием «Седек корот ба-Танах» (т.е. «Последовательность событий в Библии») она появилась в существенно расширенном варианте.

Следующее издание вышло не только на иврите, но и в переводе на английский, испанский, русский.

На русский переводила дочка, Дина Шульман-Эпельман. На обложке – несколько коротких цитат-высказываний. Например:

«Каждый, кто увидит, будет удивлен и поражен колоссальной работой, проделанной при создании этой книги, тем более что работа над ней была начата в долине скорби в глубине страшной Сибири. Да будет благословен за труд и большую работу, и да придут ученики и напьются из чистых вод, чтобы с легкостью понять и познать порядок событий. Мордехай Элияу, Аришон Лецион, главный раввин Израиля».

Всего до 2008 года эта книга переиздавалась уже шесть раз, и все издания раскуплены.

Однажды рассказал Элизер Асе Рожанской такую историю. Йоси Ахимер, журналист и писатель, как-то прогуливался в дни проведения Недели ивритской книги вдоль киосков и столов. Вдруг ему попала на глаза книга «Последовательность событий в Библии». Надо сказать, что для удобства расположения графиков первые книги были квадратными. Элизер пользовался особым тончайшим пером, особыми чернилами, писал особым почерком.

«Квадратная книга, написана от руки, – подумал Йоси, – средневековое какое-то». И из любопытства купил ее. А потом всю ночь чи-

тал. Вначале пытался сверять графики. Нет, ничего не подтасовано, все совпадает. Йоси разыскал автора, ибо имя Элиэзер Шульман ни о чем не говорило ему. Беседа их продолжалась долго. Как все, кому довелось читать книги Элиэзера, Йоси Ахимеир поражался смелости мысли автора, тщательности исследования, умению находить нужные детали.

Вода и железная дорога

А тем временем в одной из научных работ по водоснабжению Израиля написали следующее (цитируем по русской газете «Вести»):

«В 1979 году талантливый инженер Элиэзер Шульман предложил оригинальный проект прокладки железной дороги в Эйлат с одновременным созданием водохранилищ в Негеве. Его идея заключается в следующем: вместо железнодорожных мостов через русла водных потоков следует возвести плотины. Это позволит перехватывать и собирать большие объемы дождевых вод, которые каждой зимой устремляются из Негева в Красное море».

К сожалению, этот проект, тщательно проработанный, научно и технически обоснованный, выполненный Шульманом в одиночку, получивший высокую оценку международных экспертов из Канады и Швеции, не был реализован из-за преград израильской бюрократии и по сей день лежит в архивах проектного отдела в Управлении железных дорог Израиля. Но идея, как и весь проект, остается релевантной для страны. Будем надеяться, что в недалеком будущем и эта замечательная разработка Элиэзера Шульмана будет реализована.

Графоаналитический метод Шульмана

Элиэзер Шульман теперь известен в мире главным образом как исследователь Библии и Талмуда. Однако в среде выходцев из бывшего Советского Союза о нем знают немногие, в основном те, кто интересуется Библией. Таких, к сожалению, очень мало среди бывших советских граждан. Д-р Александр Топаллер написал в 2000 году: *«У нас была украдена огромная часть общечеловеческого наследия, познание и преломление которого в душе каждого формирует мировоззрение и нравственные ценности личности»*³. Сам А.Топаллер, кстати, пользовался работами Э.Шульмана, как видно из библиографии в его книге.

³ Топаллер А. Загадки библейской истории. Иерусалим, 2001.

Сегодня, в 2008 году, когда мы запрашиваем в интернете через поисковую программу Google имя Элиэзера Шульмана на иврите или на английском, находим более 100 названий, где цитируют его книги. Набрав имя «Элиэзер Шульман» по-русски, получаем десятки цитат. Легко убедиться, что начиная с 90-х годов XX века всякая мало-мальски серьезная работа с текстами Библии или по истории еврейского народа обязательно имеет ссылки на книги Элиэзера Шульмана.

А исследований таких в мире «несть числа». Ученые занимались исследованием Библии, Талмуда и всего, что с этим связано, с древности и поныне. Существуют целые институты в Америке, в Европе, даже в Японии и, разумеется, в Израиле, которые занимаются только этим. Изучать эти тексты трудно, богатейшие россыпи знания в них не систематизированы, чаще всего представлены в повествовательной форме, иногда загадочной для нашего восприятия. Метод Шульмана значительно облегчает эту сложнейшую задачу.

Так в чем заключается метод Элиэзера Шульмана, названный им графоаналитическим? В Танахе, в Талмуде, в комментариях еврейских ученых содержится огромное количество сведений из множества областей человеческого знания. Имеется и немало численной информации – даты и длительность различных событий, рождения и смерти людей и целых поколений, царствований, войн, численность общины в различные периоды (здесь речь не о гематрии).

Шульман, взяв определенную тему для изучения, выбирал всю разбросанную по тексту информацию и представлял ее в виде графиков, таблиц, диаграмм, географических карт. И многие неявные вещи оказались видны с первого взгляда.

Например, из графика годов жизни первых поколений людей, от Адама и до еврейских праотцев Авраама, Ицхака и Иакова, видно, что срок жизни людей сокращался постепенно, начиная с нескольких сот лет, а не скачком, а также, что в те времена жили одновременно до девяти поколений⁴.

Заключение союза о вечном владении страной Израиля показано на фоне весьма выразительной, хотя и схематичной карты⁵: обет был дан впервые Аврааму в Хевроне за 3675 лет до создания современного государства Израиль, повторен в Гераре сыну его Ицхаку, и еще триж-

⁴ Шульман Э. Последовательность событий в Библии. (Русский перевод.) Иерусалим, 1990. С.50–51.

⁵ Там же. С. 46–48.

ды в Бейт-Эле обещана эта страна Иакову и потомству его – в третий раз, когда наречен был Иаков Израилем, за 3503 года до появления государства, в котором мы живем сегодня! Надо ли напоминать читателю, что создано оно именно на Земле обетованной?

Все это имеется в тексте Танаха, но в разных местах, найти эти слова нелегко. А на графической диаграмме информация собрана вместе, разложена, как говорится, по полочкам. Мы привели простейшие примеры, но есть много вопросов весьма сложных. Метод Шульмана позволяет находить ответы на них гораздо быстрее и легче.

Религиозные и философские объяснения и выводы Шульман составляет читателю. В некоторых местах исследуемых текстов существуют разночтения, и тогда он представляет версии всех комментаторов, иногда сообщая, какая из них кажется ему наиболее достоверной.

Праведник нашего времени

Элиэзер Шульман один проделал такую колоссальную работу, которая вполне могла бы занять научно-исследовательский институт с десятками сотрудников. О его системе изучения исторических событий уже написаны целые труды, и, надо полагать, еще немало будут писать и о нем, и о его работах. Ссылки в научной литературе можно встретить на иврите, по-английски, по-испански, и даже русские историки теперь ссылаются на его книги.

За 30 лет, прожитых в Израиле, написал Элиэзер Шульман 12 книг по исследованию Библии и Талмуда. Он скончался в 2006 году. Последняя, двенадцатая, книга вышла в свет уже после его смерти. Она называется «Семиты, евреи, сыны Израиля, иудеи». В предисловии к ней сказано:

«Эта книга представляет итог жизни, проникнутой любовью к народу Израиля и Стране Израиля, сыновней гордостью за народ свой, избранный Творцом мира, радостью воссоединения со Страной после долгих лет сибирской ссылки. Величайшее достижение жизни Элиэзера Шульмана – это серия чудесных оригинальных книг его об истории нашего народа, от “Последовательности событий в Библии” и до этой последней книги о евреях, иудеях, сынах Израиля.

Праведники не нуждаются в славословиях. Их творения служат им памятником. Пусть душа его возродится в душах живых»⁶.

⁶ С.5. 2008. השניים, העברים, בני ישראל והיהודים. אליעזר שולמן, ירושלים.

Сказано нашими мудрецами: в каждом поколении есть 36 праведников, на них и держится весь наш мир. Согласно гиматрии, 36 в буквенном выражении – это «ламед-вав». Таких людей называют «ламедвавниками». Элизер Шульман – один из праведников нашего поколения. Так говорили ученые, главные раввины Израиля, провожая его в последний путь. Благословенна память о нем.

Список книг Элизера Шульмана, изданных в Израиле:

№	Перевод названия книги	1-е изд.	Повт. изд.	Название книги на иврите
1.	Последовательность событий в Пятикнижии	1981	–	סדר הקורות בחומש
2.	Последовательность событий в Танахе	1984	2005	סדר הקורות בתנ"ך
	Последовательность событий в Библии (русский перевод)	1986	1990	סדר הקורות בתנ"ך
	The Sequence of Events in the Old Testament (английский перевод)	1987	1990	סדר הקורות בתנ"ך
	Secuencia de los acontecimientos en la Biblia (испанский перевод)	1989	–	סדר הקורות בתנ"ך
3.	Тайны Амалека	1986		מסתרי עמלק
4.	Сказание Эсфири – Вавилонское изгнание и возвращение в Сион	1990	2000	אגדת אסתר – גלות בבל ושיבת ציון
5.	«Иудейские древности» Иосифа Флавия в сопоставлении с Танахом	1995	2000	קדמוניות – יוספוס פלביוס כנגד התנ"ך
6.	Последовательность событий в Талмуде – раздел «Свиток»	1998	–	סדר הקורות בתלמוד – מסכת מגילה
7.	Последовательность событий, по р. Йоси Бар-Халафта	1999	–	סדר עולם רבה – להתנא רבי יוסי בר חלפתא

8.	Последовательность лет покоя земли и юбилейных лет	2000	–	סדר שמיטות ויובלות
9.	Последовательность со- бытий в Библии (Танах), по Раши	2001	–	סדר הקורות בתנ"ך על פי רש"י
10.	Последовательность со- бытий в Талмуде	2003	–	סדר הקורות בתלמוד
11.	Нет понятия «раньше» и «позже» в Библии	2005	–	אין מוקדם ומאוחר בתנ"ך
12.	Семиты, евреи, сыны Из- раиля и иудеи	2008	–	השמיים, העברים, בני ישראל והיהודים

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Евреи России в современной литературе Израиля

Эфраим Баух (Холон, Израиль)

Заголовок отражает лишь некоторую, несомненно, одну из важнейших частей феномена, называемого «современной литературой Израиля», ибо литература эта создается на десятках языков евреями, приехавшими со всех концов охватывающей мир еврейской диаспоры.

Говоря о «современной литературе Израиля», первым делом имеют в виду литературу на языке иврит, возродившуюся, подобно Фениксу из пепла тысячелетий, в последние десятилетия XIX века. В эти сто тридцать лет едва оперившемуся птенцу, за спиной которого простиралась выжженная земля двух тысячелетий, отделяющая его от предков, создавших на этом языке гениальный словесный свод Пятикнижия, Пророков, Летописей, Талмуда и Зоара, предстояло преодолеть путь европейской и русской литератур, апогей которых приходился именно на тот же XIX век.

Слово, текст, Священное Писание, каждая строка которого освящена присутствием Всевышнего Творца и его творения – человека, – величайшее изобретение еврейского гения – не могло не хранить в себе энергию возрождения, которая – пусть через две тысячи лет – вырвалась толчком на поверхность.

Колоссальные комплексы архитектурных сооружений Египетской, Ассирийской, Вавилонской, Римской империй рухнули и ушли в небытие. А словесный свод (здесь это понятие, взятое из архитектуры, употреблено намеренно) Книги Книг, – несмотря на то, что на него обрушивались силы всех этих империй, потоки столетий, легендарные воды Леты, которые, как известно, поглощают все, – остается в потрясающей человеческое сознание целостности.

В связи с этим стоит вспомнить удивительные слова Аверинцева: *«Литература, являющая собой лишь род декоративного искусства внутри культуры, основной смысл которой выражается внелитературными средствами, может иметь в своем активе сколь угодно высокие достижения, но при любом серьезном повороте в судьбе народа она оказывается забытой. Так случилось с египетской литературой. Это не означает, что в Древнем Египте не писались прекрасные и глубокие сочинения. Их было немало. Но*

содержание всенародной жизни выражало себя не в них. Египтяне из века в век, из тысячелетия в тысячелетие возводили здание государства, здания храмов, пахали и вырезали из неподатливого базальта статуи, выражая в молчаливой весомости своих трудов суровый пафос безличного порядка... Все это можно было забыть, потому и забыли... Но когда слово вбирает в себя основной смысл культуры, вступает в действие принцип "рукописи не горят"».

Написанная на папирусе, коже легко стираемыми чернилами, Книга Книг пережила тысячелетия. Все великие писатели мира сего подвергались влиянию этой Книги, представляющей сплав всех впоследствии выделившихся литературных жанров. О влиянии Книги Книг на русскую литературу написана масса исследований.

Гете, а за ним Толстой, были потрясены простотой и мощью истории Иакова и его сыновей из книги Бытия (Бэрейшит), с трудом удерживаясь от *искушения* пересказать и развить ее. Томас Манн не устоял перед соблазном и, с немецкой дотошностью, утомительно длинно выплел ткань этой истории, но она осталась на недостижимой высоте по философской и эпической мощи замысла, как некий «архетип», данный человечеству однажды и навсегда.

Открывая книгу на иврите, мы как бы открываем языковый колодец глубиной в три с половиной тысячи лет. Ребенок в Израиле читает первую строку, открывающую Книгу Книг: *«Бэрейшит бара элоим эт ашамаим вэ эт аарец»* – «В начале сотворил Бог небо и землю», – точно так же, как читал ее его предок тысячи лет назад. Пишущий на иврите уже самым этим фактом втянут в мощнейшее силовое поле, в полость Времени. В ней любое воспоминание или событие в настоящий миг восстанавливает всю цепь прошлого, а значит и грядущего, ту самую «цепь времен», которая виделась шекспировскому Гамлету распавшейся.

Текст Книги одновременно и запись, и речь, и скрытая в ней музыка, ведь каждый год ее прочитывают и выпевают, а в безмолвии пауз, чудится, в диалог вступает сам Всевышний.

В детстве, после Второй мировой войны и до того, как мама на скудные свои деньги взяла мне учителя иврита старенького ребе Пружанского, я испытывал некую неловкость, заучивая строки «Руслана и Людмилы» – «Там русский дух... Там Русью пахнет». Как-то неприятно было воспринимать родину по запаху. Продолжение строки, воспроизводящее лишь половину использованной Пушкиным народной пословицы, вело меня до ее конца, ибо каса-

лось лично меня, еврея: «И я там был, и мед я пил... по усам текло и в рот не попало». И хотя был совсем юн и безус, я уже понимал, что меда мне там, где Русью пахнет, не видать.

После, когда за окнами, врываясь в дом через репродуктор, бушевали, зловеще дышали в затылок страшные годы «разоблачения космополитов», убийства Михоэлса, «дела врачей», стало понятно, что уроки ребе не пропали даром – они привили стойкость и чувство достоинства. Мама ночами плакала от страха, а глаза мои были сухи и обращены внутрь, где звучали строки заученного наизусть Экклезиаста: «Суета сует, все суета». Это было спасением и безмолвным вызовом. Ребе своим козлиным старческим голоском на всю жизнь внес в мое сознание и душу понятие того, что несет в себе иврит, в котором, кстати, нет заглавных букв, и книга за книгой, священная или не входящая в канон, как бы перетекают одна в другую, составляя единый поток через тысячелетия.

Я уже знал, что о Книге Книг и продолжающих ее комментариях к ней – кольцах Мидрашей, Талмуда и Каббалы – написаны, без преувеличения, тысячи книг на всех языках народов мира.

Через все эти знания я смотрел на окружающий мир, как через опрокинутый бинокль. Все выглядело мелким и суетливым. Бабушка научила меня читать и писать на идиш. Будучи комсомольцем, рыскал по букинистам в поисках книг на иврите и идиш, и по сей день уверен, что только Бог меня хранил «от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей».

Именно эта прививка предохраняла от болезни униженности, подобострастия, раболепия в отношении «великого русского народа», вплоть до возведения поклепа на собственное многострадальное племя, болезни, достаточно распространенной среди моих сверстников. Ведь самые худшие свидетельства на евреев дают евреи. И нет им равных – по невероятной язвительности к своему народу и столь же невероятному подобострастию к народам окружающим. Я уже понимал, что верить этим данным в страхе или из желания карьеры свидетельствам – все равно, что считать историю ВКП(б) историей России XX века.

Через многие годы, уже в Израиле, понял, что все эти комплексы, порожденные трагической судьбой русского еврейства, разрываемого между «наследием отцов», хранимым в черте оседлости и в гетто, и жадной стать частью свободного, как им казалось, мира, и породили современную ивритскую литературу. И тут еврейские

интеллектуалы России сыграли главенствующую роль. Черта оседлости – внешне, а затем – внутренне – наложила резкие черты на еврейство России, от которых трудно освободиться даже в течение поколений. В этом выкипающем котле и возникла ивритская литература, черпая оттуда острые, горькие, правдивые сюжеты.

Почти сразу же после приезда в Израиль, в 1977, я неожиданно оказался в компании израильских интеллектуалов в старом Яффо. В бывшем арабском доме с анфиладой комнат, высокими потолками и изразцовым полом собралось этакое миниатюрное собрание, главным образом, литераторов, пишущих на иврите, хотя и родившихся в Польше, Франции, Южной Америке и, естественно, России, не говоря уже о сабрах.

Само собой понятно, говорили о литературе, в определенной степени разглагольствуя, запивая слова легким сухим вином, закусывая орешками, пуская колечки сигаретного дыма. Все чувствовали себя достаточно комфортно. Ничто не предвещало каких-либо особых столкновений.

Но вот уроженец Франции, специалист по французской литературе, с обезоруживающей наивностью человека, чувствующего себя напрочь своим в компании, как бы даже мельком сказал следующее: *«Подумать только, французский читатель, этаким эталон европейской культуры, прочитывает не более одной книги в год, в то время как израильский даже теперь, после книжного бума, читает пять-шесть книг в год».*

Сказанное оказалось подобным заряду взрывчатки. И что казалось особенно странным, наиболее уязвленными почувствовали себя сабры. А тут еще один из гостей, который занимался вопросами образования в Англии, добавил горючее в огонь: уровень английского образования намного ниже израильского.

Салон превратился в истинное духовное побоище.

– Да что с вами, – сказал наиболее здравый, – откуда в вас такой комплекс неполноценности перед европейской культурой?

– Ясно откуда, – сказал не менее здравый, но более уверенный в себе. – Это от наших отцов в галуте, с их скрытым провинциальным пиететом, переходящим в комплекс неполноценности перед культурой метрополии. Это некая патология, скрытая в подсознании каждого из нас: от нее пытаются избавиться, но в экстремальный момент она вырывается наружу.

– Да вы что, – сказал третий, – собираетесь лишить израильтянина самого для него дорогого из его комплексов? Да обложите его любыми налогами, отберите у него свежий воздух, доведите до минимума норму воды на душу, но не покушайтесь на его любимые комплексы. И не наносите ему душевную рану, говоря, что пассажиры московского метро не читают «взасос» Достоевского, лондонского – не заучивают наизусть шекспировские монологи, что обуржуазившиеся интеллектуалы Парижа давно и напрочь забыли Мольера, да и Прустом не очень балуются, а немцы, проживающие в знаменитых в прошлом своей интеллектуальной атмосферой городах, весь свой интеллект топят в бесчисленных бокалах пива.

Настроение это проскальзывало в интервью израильтян с литераторами, представителями русской алии 70-х и 90-х годов, демонстрирующими культурное превосходство над уроженцами страны. Сама постановка вопроса провоцировала ответ: *«Как вам удается преодолеть шок культурного разрыва между тем, что было там, и тем, что вы находите здесь?»* Вопрос этот естественно возникал из слухов, косвенно доходящих до израильтян из среды интеллектуалов русской алии; мол, приехали мы в некую варварскую страну, лишенную культуры; конечно, нам необходимо выучить язык для каждодневного употребления, ну а без израильской культуры и литературы можно и даже желательно обойтись.

Обе стороны, быть может, и неосознанно, но весьма симптоматично обнаружили галутные комплексы. Русские еврей-интеллектуалы неожиданно и даже с гордостью стали проявлять имперское высокомерие русского шовинизма, израильтяне же – подобоострастие к европейской и русской культуре.

И вовсе не странно, что все эти комплексы, истоки которых в русском еврействе, стали плодотворной почвой, на которой и зародилась новая ивритская литература. Ей предстояла нелегкая жизнь, ведь, по сути, она была продолжением тех же древних свитков, которыми жили поколения преследуемых евреев, свитков, вступивших в эпоху печатного станка Гутенберга.

Преследования, с одной стороны, постоянно угрожали этим свиткам, но, с другой стороны, были необходимым условием их создания. Только неустанные и упорные поиски причин страданий позволили этим свиткам выдержать испытание временем. Поиски философского и религиозного объяснений этой тысячелетиями длящейся трагедии стали частью духовного мироздания иудаизма.

Как продолжение этого феномена родилась и новая ивритская литература – в невероятных трудностях, нередко в подполье, на языке, который считался мертвым, вначале почти без писателей и читателей, в тонких журнальчиках, издаваемых копеечными издательствами, без всякой рекламы, на забытых всеми обочинах европейской и русской культур.

Идеологическая школа русской, затем большевистской революции имела прямое влияние на литературную жизнь в Израиле. Столкнулись два полюса политического спектра. С одной стороны – фанатичный консерватизм «прогрессивной культуры» школы Шлионского, с другой – духовное бессилие «Бейтара» как общественно-культурного движения. Литература должна была играть роль заостренного объединяющего лозунга, а не быть тем, чем она должна быть в качестве нерелигиозной литературы – силой аналитической, критической, генерирующей и вырабатывающей идеи. Так возник открытый разрыв между литературой и ортодоксальным иудаизмом и скрытый – между литературой и различными течениями сионизма.

Но выросшие в пространстве новой ивритской литературы такие выдающиеся поэты, как Хаим Нахман Бялик, Шауль Черниховский и тот же Авраам Шлионский, прозаики, как Миха Бердичевский, Иосеф Хаим Бреннер, Ури Гнесин, Шмуэль Иосеф Агнон, Ашер Бараш, Бениамин Таммуз, Ицхак Авербух-Орпаз, дали этой литературе достаточно сильную моральную прививку, благодаря которой она сумела сохранить внутреннюю свободу, открытость любой идее, верность правде жизни, в истинном понимании этого слова, без ложного украшения и ходульного пафоса, во имя самых «прогрессивных» идей.

Я намеренно назвал эти десять имен классиков современной ивритской

Авраам Шлионский

Бениамин Таммуз

**Хаим Нахман Бялик (слева)
и Ури Цви Гринберг**

литературы. Все они родились в России, Белоруссии, Украине, все они отлично знали русский язык и литературу, но еще лучше – иврит, и потому их переводы русских классиков на иврит первыми изучались в школах Израиля еще до провозглашения государства. Только в Израиле можно с ходу назвать десять классиков, родившихся в России или, как сейчас говорят, в ее «ближнем зарубежье» – писате-

лей, которые воистину стали основоположниками современной ивритской литературы.

Бялик родился в местечке Рады Волынской губернии. Черниковский – в селе Михайловка Таврической губернии. Шлионский, гениально переведший на иврит «Евгения Онегина», – около Кременчуга. Бердичевский – в Меджибоже, откуда уехал в Берлин (отец его позже был убит в погроме, прокатившемся по Украине). Бреннер, переведший на иврит произведения Достоевского, Толстого и Чехова, – в селе Новые Млины, в Украине. Гнесин, основоположник модернистского направления в ивритской литературе, – в городке Стародуб Брянской области. Агнон (Чачкес), лауреат Нобелевской премии, – в городе Бучач, недалеко от Ивано-Франковска. Бараш – в селе Лопатино, в Восточной Галиции. Таммуз (Камерштейн) – в Харькове. Авербух-Орпаз – в городе Зеньков Полтавской губернии. Именно потому в первой половине XX века, когда борьба всевозможных идеологий в мире и в России достигла пика, борьба различных литературных тенденций и группок в ивритской литературе обрела невероятную остроту.

С одной стороны, каждый из пишущих хотел выступить перед читателем как выразитель социальных процессов в обществе, национальных интересов, с другой стороны, он не хотел выглядеть

слишком идеологизированным, отсюда возникали странные идейно-психологические гибриды, литературная жизнь которых была недолгой.

Иногда некая тенденция обретала силу явления: так, к примеру, поэты 50-х годов объявили тотальную войну понятию «национальный поэт», в результате которой поэзия начала постепенно сдавать свои позиции. Разрушая понятие «поэт-пророк» – в первую очередь имелся в виду Бялик, – ивритские поэты атаковали парнасцев. Они отвернулись от рифмы и ритма русской поэзии, обратившись к западноевропейскому верлибру. Однако не сумели создать достойную альтернативу парнасцам.

Ашер Бараш

Прозе повезло значительно больше. В период второй алии реализм в ивритской литературе казался всепобеждающим. Но сразу же после этого начинает прослеживаться ирреальный план, двойное видение описываемого мира, в котором актуальность и сиюминутность просто необъяснимы без мифически-метафизического толкования, и все это как в четырехмерном пространстве, куда движение событий и времени входит четвертым измерением, а отсутствие хотя бы одного из них разрушает всю картину воспроизводимой реальности.

Тема молодого человека, одиночки, холостяка, разочарованного в жизни байроновского Чайльд-Гарольда становится одной из главных в западноевропейской литературе конца XIX века, порождая в России Онегина, Печорина, Бельтова. Их души поражены тоской по несбыточному и смутному, что позднее будет обозначено словом «романтика». Но их намеренное отторжение от общественной среды чревато кризисами, напряжением, эротическим одиночеством и сексуальной свободой. Мы знаем эти образы из школьной программы: в послевоенные голодные и нищие годы, давая заранее готовые ответы, но про себя удивляясь – «ну чего им не хватало?»

В зародившейся в конце XIX столетия новой ивритской литературе образ «лишнего человека», вырвавшегося из «черты оседлости», но не принятого в свободном мире, в который он жаждал влиться всей душой, отражал жестокую реальность. Это была вовсе не смутная, а

весьма реальная и четкая тема, дававшая широкий спектр сюжетов для драм, трагедий и, конечно же, комедий в гоголевском стиле «смеха сквозь слезы».

Вырвавшись в свободный, отринувший Бога мир, молодой еврей внезапно осознавал, что мир этот нееврейский. А он ведь хотел именно жизни своей как еврея придать новый, нерелигиозный смысл. Он в смятении. Все те ожидания романтической любви и свободного выбора объекта любви, которые он почерпнул из литературы просвещения, оказались красивой ложью.

Миха Бердичевский

Главным героем ивритской литературы и становится этот молодой человек, «оторванный» от корней, то есть не «выкорчевавший» себя из прежней жизни, а именно оторвавшийся и оставивший корни в прежней жизни – *талуш* («оторванный»). Молодой еврей не может укорениться в новой жизни, среди чуждого ему общества, отторгающего его, и, конечно же, главным образом, опять же в эротическом плане, когда даже дешевые жрицы

любви выделяют его чуждость, узнают в нем «еврея» и посмеиваются над ним. И тогда он замыкается в себе. Эротика становится проблемой психологической, выдвигается на передний план, далеко оттесняя всякие общественные проблемы.

Эти комплексы гораздо острее были выражены в патриархальной еврейской среде. Потому литература интриги на иврите гораздо быстрее, чем западноевропейская и русская литературы, прошла наивный период сентиментализма, перейдя к романтизму, внутри которого столь же быстро стала отдаляться от литературы интриги. В общем, пользуясь градацией психоаналитика Карла Густава Юнга, ивритская литература прошла путь от «экстравертной», обращенной вовне к общественной жизни, развивающейся под знаком «прогресса», к «интровертной», обращенной внутрь, к жизни души героя.

Воинственный атеизм литературы просвещения, корни которого тянулись из России, был открытым вызовом еврейскому религиозному обществу, попыткой создать новую культуру, в которой именно эротический выбор означал внутреннее освобождение героя. Но тут возникал конфликт между внутренними устремлениями героя и ре-

альностью. Просвещенный герой патетически побеждал мракобесие тем, что оставлял местечко и не думал в него вернуться. Именно поэтому он выглядел неубедительным и поверхностным. Медные трубы успеха начинали фальшивить.

У Лермонтова пошлую реальность сжигает и возвышает демоническое мифическое начало. Тут же речь идет об ущемленной, хотя и незаурядной личности, страдающей комплексом оторванности от корней, невозможности к ним вернуться, испытывающей боль от неприятия ее теми, к которым она хотела бы примкнуть.

У Миши Бердичевского этот герой жаждет очиститься от своего иудейского прошлого, стать новым человеком нового поколения, даже не подозревая, что этот нравственно-эротический кризис тяготеет над многими предыдущими поколениями, и еврей не в силах от него избавиться: *«Ведь он изо всех сил старался изгнать из себя этих демонов, не подозревая, что иные идола возникают во тьме его души, пускают там корни, чтобы неожиданно распуститься цветами зла...»*

Герой Бердичевского отражает увлечение молодых евреев России Шопенгауэром и Ницше, ищущих в этих философах разрешение своих проблем. Бердичевский пытается придать этой ситуации «оторванности» неоромантический ореол, переосмыслить заново всю иудейскую экзистенцию на основе философии Ницше и психоанализа Фрейда.

Писателя можно с полным правом назвать основателем психолого-метафизического направления в новой ивритской литературе, в которой сюрреальное описание героев и реальности несет на себе налет романтики. Продолжают это направление сегодня в ивритской литературе Амос Оз, Ицхак Авербух-Орпаз, Йорам Канюк.

Поэтика Миши Бердичевского основана на морали метафизической, абсолютно противоположной общепринятой морали, и основой этой метафизической морали являются законы судьбы, которые разум, умеренный, взвешенный, аполлонический, не в силах понять. Дионисийское начало управляет мифическим миром в произведениях Бердичевского, и оно соединяет в себе метафизическое

Иосеф Хаим Бреннер

восприятие судьбы со слепыми страстями и вожделениями души в единое целое.

Перед нами – своеобразное соединение аполлонически-дионисийского мировоззрения Ницше с психоанализом Фрейда, испытывающее душу человека, возникшую в лоне иудаизма, живущую в условиях еврейского гетто, захолустья, черты оседлости и рвущую оттуда в мир бурных идей и манящих сверхчеловеческим величием мифов.

Бердичевскому не нужно было изобретать героическую биографию униженной в галуте душе еврея. Он просто погружался в глубь времен, в период судей израильских и царств Саула, Давида, когда душа еврея воистину обладала сверхчеловеческой силой. Трагичность его произведений – в непрекращающихся попытках выразить борьбу слепых страстей души человека с направляющими постулатами иудейского Бога.

В начале XX века евреи метались между волной погромов и революций в России и нищей, заброшенной Эрец-Исраэль. Надо было обладать воистину воображением ангела, идеализмом отшельника, терпением первопроходца, чтобы избрать эту страну местом жительства. Весь этот втягивающий в себя, подобно смерчу, вихрь проблем в особенно острой и противоречивой форме выразил в своем творчестве Иосеф Хаим Бреннер.

Значительно раньше многих чуткое ухо писателя улавливало надвигающийся гул взрывающегося и разлетающегося в осколки времени. Это выражается скрыто динамичной энергией повествования, горячечной неровностью диалогов, нарочито «небрежной» разорванностью фраз, дающими неожиданно новую жизнь привычному из века в век священному языку молитв, древнему ивриту.

Бреннер родился в 1881 году в Украине. Он учился в хедере и иешиве. Именно в этой глуши воображение его захватили идеи Льва Толстого, романы Достоевского. Книга Шопенгауэра «Мир как воля и представление», с ее метафизической печалью и сладостным ощущением безысходности, сводила его с ума в дни, когда атмосфера раскалялась предощущением первой русской революции. Книжки Михи Бердичевского своим острием и разрушающей новизной вторгались в мир Менделе Мойхер-Сфорима. Молодой Бреннер все это жадно впитывал и рвался из удушающего еврейского местечка в большой мир, уже чреватый будущими страшными катастрофами.

Это был воистину «человек из подполья», или, вернее, из мрачного каждодневья черты оседлости.

Герои его первых произведений – еврейские интеллектуалы, оторванные от своих национальных корней, того, что составляет основу личности. Они безвольно вовлечены в поток праздного теоретизирования, с поистине губительной силой охватившего поколение накануне первой русской революции. Вместе с русскими коллегами (в повести это Григорий Николаевич и Зинаида Максимовна) они впадают то в напыщенное фразерство, то в романтический идеализм, то ищут спасение в тоскливых буднях пролетариев, наивно и обреченно полагая, что серые эти тени держат в руках ключ от будущего. Прямо в ивритский текст вкраплены фрагменты стихов на русском, дышащие этой по-некрасовски унылой посконной реальностью: «Труд и горе, капли пота пополам со слезой – за тяжелой работой...» Беспомощность перед «темной загадкой жизни», тяжкое разочарование, черный скепсис приводят героев на порог безумия, ибо все вокруг дышит разорванностью, захламленностью, неуверенностью, ожиданием вовсе не освобождения, а катастрофы.

В годы неоглядного революционного подъема Бреннер с удивительной прозорливостью передает скудость и однотонность кажущегося романтизма всколыхнувшихся масс. Через всю его повесть «От А. до М.» (от Арновска до Мивалны) тоскливо тянется опять же набранная по-русски среди течения ивритского текста революционная песня «Лейся вдаль, наш напев, мчись кругом, над миром наше знамя рдеет». Песня, ввергающая массы в слепой водоворот событий, вовсе не захватывает молодого еврея Иосефа Хаима Бреннера, а преследует его свирепым потоком, который ломает, рушит или обнажает пласты истории, полные насилия и крови:

«Рим и Иерусалим... Арена. Звери из клеток – на арену. Карцер. Ермолочка. Польский жидок. Все воедино охвачено содержанием. Лишь лампа права: она молчит, она знает цену меняющимся временам, меняющимся условиям, меняющейся жизни. Стекло взрывается, скорлупа меняется... внешняя. Но сущность та же, мелодия та

Ури Нисан Гнесин

же. Они – поэты, и он – поэт. Они – капеллой, а он – один. Пролетарий-сионист. Ха-ха-ха. Все на него... Ин унзере цайтен. Наше знамя. Ярко рдеет. Семя грядущего сеет. Ха-ха-ха. Полюс один. У лампы нет уст. Она погасла, она молчит.

На следующий день я пошел из Мивалны через Цертанку. Там тоже есть тюрьма».

Трагична судьба парнасцев, внезапно оказавшихся у края разверзшейся пропасти кровавых времен. Фрагментарность Бреннера возвещает зеркала джойсовского «Улисса», разлетевшиеся вдребезги и собираемые великим ирландцем, цветной кошмар пикассовской «Герники».

Экзистенциальный разлом, душевный кризис, который отразила ивритская литература в начале XX века, должен был получить выражение и в самой форме и конструкции литературных произведений, таких писателей следующего поколения, как Ури Гнесин и молодой Агнон.

Бреннер умеет создавать «волну» настроения в безвольном течении одинаково серых, безысходных в своем круговороте дней. Это особенно ощутимо в его знаменитом романе «Шхол ве-хишалон» («Бездолье и провал»), ставшем такой же вехой в новой ивритской литературе, как в русской – роман Достоевского «Преступление и наказание», переведенный Бреннером на иврит.

Ури Гнесин, пик творчества которого пришелся на самое начало XX века в Киеве, первый внес в новую ивритскую литературу модернистскую технику письма. В четырех знаменитых своих повестях, названия которых говорят сами за себя: «В сторону...», «Между тем...», «Прежде, чем...» и «Около...», – он с удивительным талантом изобразил «оторванность» и отчуждение молодого еврея в мире, где рухнули все устои. Достойным преемником стиля Гнесина стал ныне живущий классик современной ивритской литературы Самех Изхар, родившийся в Израиле 89 лет назад, племянник писателя Смилянского, также родом из Украины.

Бердичевский и Бреннер по праву стали классиками новой ивритской литературы, испытавшей все превратности судьбы еврейского народа, тысячелетиями находящегося между двумя разрывающими его силами – центростремительной и центробежной. Это происходит через все поколения и течения в новой ивритской литературе.

Эта литература жаждет эпической широты великих книг Священного Писания и пророков, но после возрождения скорее похожа

на водоворот, на спиральную воронку, в которой Всевышний, подобно гончару на небесном верстаке, лепит свой избранный народ.

Следует отметить еще один важнейший аспект новой ивритской литературы на грани религиозного визионерства, корни которого тоже тянутся из Украины, из мистических местечек, в которых возник хасидизм, как некое восточное отражение возникшей в Испании и Цфате еврейской Каббалы.

Великий философ XX века Мартин (Мордехай) Бубер, в последние годы своей долгой жизни профессор Еврейского университета, был не просто очарован, а потрясен поэтической, мистической, философской силой хасидизма, в немалой степени вдохновившего его на создание гениальной экзистенциальной философской системы, поставившей его в ряд с величайшими философами XX века.

Бубер первым отметил творчество Агнона, в котором за переосмысленными литературными приемами, характерными для экспрессионизма и сюрреализма, ощущается та самая мифическая художественная цельность, которая отличает и хасидизм.

Более того, цельность эта сильна тем, что, по сути своей, иллюзорна. Ведь за сказовым фасадом и, подчас, пасторальной цельностью медово льющейся речи рассказчика скрыто пульсируют напряженные неразрешимые конфликты, традиции и устои трещат по всем швам, попытки реализовать мессианские идеи через политическую борьбу приводят к полному крушению и бездне, ибо в основе мессианства лежит мистически-религиозное искушение, которое нередко бывает дьявольским. Вот, что таится за фасадом самых невинных новелл Агнона, скрывающих арену борьбы духовных идей. И на все это накладывается только начавшийся, но уже потрясающий человечество войнами, погромами, кровавыми беспорядками, пожарами, сжигающими архивы, книги и листы драгоценных рукописей XX век.

Александр Блок в разоренном имении находит свои рукописи с оттисками подошв сапог поджигателей и погромщиков, которых он

Шмуэль Иосеф Агнон

пытался облагородить Иисусом Христом «в белом венчике из роз» – самой страшной печатью времени войн и революций. В 1921 году, живя в Германии, Агнон узнает о гибели во время погрома в Яффо Иосефа Хаима Бреннера. В 1924 году сгорает в пожаре его дом в Германии вместе с библиотекой редких книг по иудаизму, большим числом рукописей, романом, в котором он пытался на автобиографической основе описать современную еврейскую историю. Все, что удалось спасти, показывает, что творчество Агнона тех лет посвящено изображению духовного мира религиозных евреев Польши и Галиции, мира, который еще и не подозревает о своей тотальной обреченности. Но чуткое перо Агнона передает какую-то таящуюся за всеми весельями с клезмерами и танцами, бродящую тенью, привидением – печаль, осязаемый страх гибели, которую не раз знавали эти места проживания евреев со времен Богдана Хмельницкого.

Рушатся миры – старый и новый, и, балансируя на грани между этими мирами, Агнон 30-х годов ищет вслепую, на ощупь, свою линию жизни, которая чаще всего кажется нитью, вырванной напроць из общей ткани длящейся тысячелетиями еврейской жизни, полной бедствий и гибели, но все же существующей. Думаю, многим из нашего поколения, оставившего российскую диаспору в 70-е и 90-е годы отошедшего века, знакомо это чувство возвращения на старое пепелище, где места их родительского крова пошли под каток, став площадями и спортплощадками, а кладбища – стадионами и теннисными кортами.

В 30-м году Агнон наносит краткий визит в родной Бучач. Слушает рассказ товарища юности, погруженного в состояние полной опустошенности: *«Куда ни кинь взгляд – одни лишь невзгоды да нищета. Одно место в городе, где беда не так ощутима – старая наша синагога, вот, ключ от нее... Иногда погружаюсь в изучение древних наших книг, иногда просто стою у окна, гляжу на гору, которая высится напротив. Она, гора эта, когда-то была заселена носильщиками и ремесленниками: собственными руками построили они там при лунном свете – ведь днем были заняты своей работой в городе – красивую синагогу... Началась война, молодые погибли на фронте, старики умерли от голода, вдовы и сироты были убиты во время погромов, оставшиеся в живых разбрелись по белу свету, от синагоги не осталось и камня на камне... Забыл человек и весь народ Израйля, что он царского происхождения. А ведь из книг священных наших известно, что забвение – худшее из всех зол».*

И никаких надежд в будущем. Близятся «сороковые, роковые». Наше поколение, совсем юное, выбрасывается, как щенки, не умеющие плавать, в водоворот войны. Нам, чудом оставшимся живыми среди бомбежек, голода и холода, в юности ощутившим опасное, но неотвратимое желание писать и, естественно, выражать себя на русском языке, видящим всю фальшь окружающей духовной жизни, предстоит еще долгий путь к самим себе. Мне было легче, ибо, скрывая мысли, я мог про себя повторять слова Экклезиаста.

Резким разломом по всему мировому еврейству, и в первую очередь по русским евреям, названным «евреями молчания», прошла Шестидневная война и все, что ей предшествовало.

В 1977 году я репатриировался в Израиль. В течение этих почти тридцати лет, наряду с русским, стал писать и на иврите. Тем не менее, в 2002 году мы основали в рамках Федерации Союзов писателей Государства Израиль, охватывающей двенадцать языковых Союзов, международный литературный журнал на русском языке «Слово писателя». Как главный редактор, я предпослал первому номеру небольшое вступление, вобравшее в себя вкратце весь опыт прожитых в Израиле лет.

«...Феномен “малого народа”, который три тысячи лет назад поставил на “слово”, как на карту, свое существование, по сей день не дает покоя всему человечеству.

Тройственное иудейско-еврейско-израильское начало в душе каждого из нас, принадлежащего к этому народу, само по себе – постоянный источник сомнений, споров, взлетов и падений – от самовосхваления до самоотрицания.

Мы эфемерны, подобно тростнику, колеблемому всеми ветрами, но тростник этот – мыслящий.

Разве не на эфемерном, казалось бы, и словно исчезающем на ветру человеке построено все грандиозное здание еврейского Бытия, жизни в тысячелетиях?

Мы не настолько самонадеянны, чтобы с абсолютной категоричностью определять нашу цель: сбрасывать кого-то с корабля прошлого или современности, сжигать мосты и заново строить воздушные замки, объявлять себя единственными, владеющими истиной, но феномен литературы Израиля, на каком бы языке она не создавалась – достойная головоломка, изводящая каждую человеческую душу в мире.

Судьбой нам дано решать ее на русском языке».

До «большой алии» Союз русскоязычных писателей насчитывал от силы десять–пятнадцать человек. Сегодня в нем почти 250. В течение этих лет – десятки семинаров, презентаций, целая библиотека выпущенных в свет книг, премии. Но, главное, это моральная поддержка пишущего человека. Сегодня в Федерации Союз русскоязычных писателей Израйля – второй по величине и активности после ивритского. Отделения СРПИ работают в Иерусалиме, Назарете, Ашкелоне, Афуле, Хайфе, Беэр-Шеве, не говоря уже о десятках литобъединений. Клуб литераторов в Тель-Авиве действует уже около десяти лет. Трудно себе представить, но в такой небольшой стране выходит около десяти литературных журналов на русском языке. Окажется ли это явление временным? Но существуют же в Европе и США русские журналы, возникшие еще до октябрьской революции.

Русская литература в Израиле – факт непреложный. Она является своеобразной частью материка русской литературы на мировой литературной карте, как английская и французская, материка, который всплыл, подобно Атлантиде, с падением «железного занавеса».

Понятие же «русско-еврейский, англо-еврейский, немецко-еврейский писатель» имеет под собой достаточную основу, ибо Франца Кафку, Бруно Шульца, Стефана Цвейга, Франца Верфеля чисто немецкими писателями не назовешь, как и плеяду еврейско-американских писателей – Джерома Сэлинджера, Сола Беллоу, Филипа Рота, Бернарда Маламуда. Речь идет о еврейском окружении, особой атмосфере, взаимоотношениях с миром и самим собой.

В СССР литература была частью власти, задним двором номенклатуры, и ответственность слагала с себя, стоя по ранжиру, держа фигу в кармане и внутренне сотрясаясь от смелости. Конечно, и там номенклатуру не «боги лепили», а создавали люди, но «начинающим» и «молодым», жаждавшим причаститься к Союзу писателей СССР, он воистину казался сошедшим с неба.

Здесь же все это исчезло, и следовало самим создавать пространство литературы на новом месте, в непривычной атмосфере полного отсутствия руководящего начала, «критиков в штатском», забивать первый колышек, самих себя назначать в критики и исследователи литературы. Все было, как в приличном литературном сборище, где группы и группки «дружили против», обозначали «гениев», «бездарностей», «отпетых графоманов». Как говорится, «литературный процесс пошел».

«Гении», соответственно, требовали к себе особого внимания, бросали в толпу читателей раздражающие фразы, лица их светились суровым величием непризнания. Превосходная степень мешалась с очернением вне всякой меры. «Свои» могли вознести «своего» до высот пророка, а затем низвергнуть, обвинив его в элементарной нечестности, которая так и не была доказана. На встречах русских и ивритских писателей читались доклады на превосходном иврите, который был написан русскими буквами.

Московские и питерские еврей-литераторы, обретавшиеся там – на обочинах, столичные провинциалы и маргиналы, здесь обнаруживали имперские замашки. Дорвавшись до руля того или иного издания, они сетовали на его страницах, что израильтяне их не печатают, но сами вели себя точно так же в отношении «меньших своих братьев» из бывших республик и окраин. Доморошенная критика, замешанная на провинциальном высокомерии и ни на чем не основанном крайнем индивидуализме, была беспощадна в своем зубодроблении.

И все же оглядываешься назад на все это с некоторой долей ностальгии, как на собственную молодость или зрелость, начинавшую сызнова, с нуля, свое психологическое и интеллектуальное существование, но, так или иначе, это была и есть наша жизнь. Она продолжается, и сюжет ее явно неординарен.

Не кривя душой и не впадая в излишний пафос, мы можем сказать об огромном вкладе выходцев из России в современную культуру и литературу Израиля. Это отражает великий процесс кочевья, обретения родины, отторжения от нее и вторичного возвращения. И вершится этот процесс реально, в нашей жизни, – а не в каком-нибудь Макондо Габриэля Маркеса. Хотя налицо в нем – вся необычность, магия и трагедия тех легендарных мест.

Сага о Борисе и Вере Поляковых

Зезв Грин (Ки́рьят-Ям, Израиль)

Нет, как ни жаль, не будет продолженья:
Все кончится, что началось и есть.
И жизнь другую не придется сплесть —
Помимо той, что пущена в движенье...
Но хочется остаться на плаву,
И написать последнюю главу,
И сделать нужных несколько шагов,
И смысл увидеть в том, что все течет
И неизменен только странный счет:
Есть девять Муз и столько же Кругов.

Борис Поляков. «Счет» (из цикла «Мотивы Сиены», 1984)

Когда умрет человек, то будет ли он опять жить?
Писания. Книга Иова 14:14

Борис и Вера Поляковы

Осень 1984 года. Конец близок. Уже много лет Борис живет в постоянной тревоге, что наступающий день может оказаться последним в его жизни. Не раз удавалось вырвать его из цепких лап смерти. Он продолжает жить – и как жить! В последние годы, преодолевая физическую немощь и боясь не успеть завершить задуманное, он создает многоплановый роман-трилогию «Опыт и лепет». В эти годы он пишет и большинство стихотворений – поэзию большую и по поэтическому языку, и по тематике, а также работает над публицистическими очерками на политические, нравственные и культурные темы, сохранившими актуальность и сегодня.

Тот факт, что и роман, и стихи, и большинство публицистических работ опубликованы и получили высокую оценку критики и читателей, дает основание говорить о творчестве Полякова как выдающемся явлении в литературно-общественной жизни постсоветского русского зарубежья.

* * *

В один из осенних дней упомянутого 1984 года появляются следующие строки:

Ступить ногой на дышащую землю,
Пройти чрез поле к зарослям малины,
Сказать слова языческой молитвы:
«Благодарю за все и все приемлю».

Прильнув к тебе, ловить счастливый вздох,
Пить из ручья, припав к воде губами,
Забыть о Той, что властвует над нами,
И всех любить, как заповедал Бог.

Это стихотворение, полное света, тепла и благодарности «за все», мог создать только очень мужественный человек. Автор назвал его

**Диплом о присуждении
Борису Полякову
литературной премии**

«Завтра», хотя никакого завтра у него уже не было. Пройдет еще несколько месяцев, и, уже совсем близко к концу, появятся строчки:

И очень я еще могу
Стоять страшилой на лугу.
И очень я еще могу
Лежать иголкою в стогу.
И очень я еще могу
Рябиной рдеть в лесном снегу.
Да, я могу, но не хочу...

Болезнь Бориса называется миопатия, или прогрессивная мышечная дистрофия. Она относится к группе нейромышечных заболеваний, характеризующихся атрофией мышц до их полного истощения. Долгие годы Борис не может ходить, говорить, не может поднять руку, повернуть голову, а последние пять лет – даже дышать, дышит за него машина, присоединенная через отверстие в горле к легким, а бронхи очищает другая машина. Живыми в этом человеке остаются лишь глаза и – мозг, не потерявший работоспособности до самого конца.

Все созданное им в последние годы жизни записано Верой, женой Бориса, с его еле шевелящихся губ и перепечатано ею на пишущей машинке. Вера была для Бориса другом-единомышленником, исполнителем замыслов, первым и главным критиком, и – сиделкой, кухаркой, прачкой.

* * *

Бытует мнение, что применительно к художественному творчеству важен результат, а не личность автора и условия, в которых он работал. Однако в случае Б.Полякова это мнение кажется спорным в связи с неординарностью условий, в которых он оказался.

Борис родился в Ленинграде в 1940 году. В самом начале войны, в июле сорок первого, на фронте пропал без вести отец, в сорок пятом погиб старший брат Виктор. От обоих не осталось даже могил. Сразу же после войны, в том же сорок пятом, от тяжелой болезни умерла мать, и Боря остался круглым сиротой. Воспитала его бабушка – женщина европейской культуры, прожившая насыщенную событиями жизнь – как в России, так и за рубежом, как при царе, так и при советской власти. Она, бесспорно, оказала большое влияние на его духовное развитие. Не случайно одна из трех книг романа посвящена ей.

Упомянув бабушку, углубимся несколько в родословную Бориса – нам это кажется важным для понимания последующих событий. Многие ли из нас помнят и, главное, знают что-нибудь о своих предках далее бабушек-дедушек? Вряд ли... И, думается, Борис не отличался в этом от большинства из нас. Но...

Начнем с того, что бабушка носила широко известную фамилию Шнеерсон. И это не случайное совпадение. По материнской линии Б.Поляков – прямой потомок первых любавичских раввинов. В семье до сих пор хранится бесценная реликвия – портрет-дагерротип ребе Менахем-Менделя Шнеерсона¹, датированный 1841 годом.

А со стороны отца Борис – из «китайских» евреев. Его предки, спасаясь от погромов в Белоруссии, бежали в Харбин. Здесь и родился Шмуэль Поляков, отец будущего писателя.

Спустя годы он оказался в СССР, окончил Академию связи в Ленинграде, стал кадровым военным.

В детстве Боря, как и его сверстники, гонял мяч, не расставался с велосипедом, приносил домой двойки и с неохотой садился за пианино, чем несказанно огорчал бабушку. Позднее, повзрослев, стал много читать и, важно подчеркнуть, – вел дневник, что делали немногие. Это стремление не только зафиксировать события, но и осмыслить их, станет его потребностью, а дневник – постоянным другом. В остальном же у него были обычные юношеские интересы. В частности – отношения с противоположным полом: по собственному признанию – он любил «целоваться до одури» с соседской девочкой (это о Вите – герое романа, но знавшие Бориса всегда отождествляли его с автором).

И все же не это было в нем главным. Ида Ильинична Славина, Борина преподавательница русского языка и литературы и классный руководитель в 8–10-м классах (прототип Аглаи в романе), пишет:

«Помню первое впечатление от Бори Полякова. Он был редкостно красив, и как-то не соответствовала этой мужающей прелести его чистая, но поношенная рубашка, видневшаяся из-под коротких рукавов курточки, из которой он явно вырос. В сильном, интересном по

¹ Шнеерсон Менахем-Мендель (1789–1866) – третий Любавичский ребе, автор фундаментального труда «Цемах цедек» («Росток праведности»), принесшего ему славу великого мыслителя. Упомянутый портрет-дагерротип с разрешения семьи Б.Полякова был сфотографирован и использован израильскими хасидами при написании истории своего Движения (1977), после чего получил широкое распространение, приводится во многих книгах и других источниках, включая интернет. Оригинал хранится в семейном архиве писателя.

составу классе Боря не был среди активных учеников. Он не любил “высовываться”, что редко бывает среди пятнадцатилетних. Поначалу его заслоняли более горластые. Но уже его первые письменные работы поразили меня полным отсутствием штампов и редкой для подростка попыткой по-своему понять противоречия жизни. Помню, как в 8-м классе Боря чуть ли не целую новеллу написал о Чацком: о страданиях думающего человека – независимо от эпохи – в безвоздушном или, что еще тяжелее, душащем пространстве среды. Сразу стало ясно, сколько в его желчи личного. Я всегда писала рецензии на сочинения каждого ученика – они являлись и разговором, и, подчас, спором, но всегда и объяснением. Думается, Боре эти письменные беседы оказались очень нужны. Он всегда их ждал. И старался от сочинения к сочинению быть все более интересным собеседником».

На каком-то этапе отношения учителя и ученика приняли неформальный характер, а затем переросли в дружбу. Учительница, которую Борис в минуты особого волнения называл «мама Ида», была для него поверенной его влюбленностей, сомнений, разочарований, поисков идеала. *«Обычно у юных есть необходимость в исповеднике, старшем по возрасту, – пишет И.И.Славина, – но Борис рос, мужал, а потребность высказать себя до конца осталась. Со временем я все больше чувствовала, что из “ведущего” превращаюсь в “ведомого”. В нашей дружбе нуждались обе стороны».* Эта дружба не прервалась и с выездом Бориса и Веры в Израиль, а с Верой продолжается и сегодня.

Уже в 9-м классе Борис заговорил, что хочет быть врачом. Только врачом. Поэтому, окончив среднюю школу, попытался поступить в медицинский институт. Неудачно – не хватило полбалла. Подался в медучилище, окончил его, стал фельдшером. Был призван на военную службу. Армия почему-то резко отвратила его от желания быть врачом. Он понял, что его будущее должно быть связано не с медициной, а с литературным творчеством. Именно в это время его охватил зуд писательства, и дневники армейских лет полны набросков, рассказов, эссе. Не все умелы, но пишутся ежедневно. В письме к И.И.Славиной (от 10.10.61) Борис признается, что для него *«...главное – это литература. Это ничем неистребимое и неумолимое до зуда в пальцах, вечное, ненасытное и загадочно-непостижимое желание писать. Если нужно – я буду простым рабочим, но я буду писать».*

В начале армейской службы Борис впервые почувствовал физическую слабость, боли в ногах. Постепенно это состояние стало постоянным. Борис жаловался врачам, он проходил обследования, но у него ничего не находили. И он продолжал служить – работа фельдшера была ему под силу. В 1964 году, демобилизовавшись, вернулся в Ленинград и оказался в кругу старых друзей. Уже тогда они видели его странную, «утиную» походку, но не придавали ей значения и даже подшучивали над ним. Борис смеялся вместе с ними. Ни он, ни они не знали, что эта походка – один из симптомов страшной болезни. Начал работать, сначала фельдшером на «скорой помощи», затем перешел на службу полегче – в городской медицинский архив. Но мечты о писательстве не оставил.

Чтобы получить более широкое гуманитарное образование, поступил в Ленинградский университет на вечернее отделение философского факультета и окончил его в 1970 году.

В эти же годы Борису пришлось пройти через тяжкие жизненные испытания: брак и жизнь в семье, где он оказался «не ко двору», инвалидность, развод и разлуку с двухлетним сыном, страх, что болезнь передастся ребенку.

В это время – 1970 год – время глубочайшего кризиса души и тела, когда, казалось, наступил полный крах, в жизнь Бориса вошла Вера. Устами своего героя Вити он назвал это событие «немыслимым счастьем». Она пришла к нему, прошедшему через неудачную попытку самоубийства, больному, но не смирившемуся со своей зависимостью от людей... Пришла – и осталась.

Годы спустя он напишет:

И дик мне был бы мир, когда б не ты,
Когда б не дар – как голос, как походка,
Как цвет волос – бесценная находка
Твое умение жить без суеты...
Ты цоколь мой и ты же мой венец...

Вера, как и Борис, – коренная ленинградка. Родилась она в феврале 1944 года, две недели спустя после снятия блокады. Этот факт иначе как чудом не назовешь. Но чудо объяснялось просто – ее отец работал на электростанции и получал повышенный паек. Это и позволило маме благополучно доносить девочку в голодном и холодном городе и даже выпустить ее на свет Божий – худенькую, рахитичную,

но – живую. Вере не было еще и пяти лет, когда от туберкулеза умерла мать. Отголосок блокады.

Потом – обычное советское детство. Школа, юношеские увлечения – спортивная гимнастика, пантомима... Институт, диплом инженера-электрика, преподавательская работа в одном из ленинградских техникумов.

Вера вспоминает, что в те годы они с Борисом уже знали много о его болезни, но полное понимание того, что кроется под словом «миопатия», пришло позже. А пока... Они были молоды. Борис еще ходил. Жили в центре города, иногда выходили, да и к ним постоянно кто-то заходил. Борис любил людей, любил «потрендеть» с любым пришедшим и на любую тему. Много читали, в том числе и «самиздат». Вера: *«Помню, принесли нам изготовленный фотоспособом первый том “Архипелага”, отпечатанный на машинке “Все течет” Гроссмана, “Доктора Живаго”, изданного за границей. Боря перепечатывал на машинке Волошина, привезенного кем-то из Крыма, Мандельштама, принесенного кем-то, побывавшим у Надежды Яковлевны, тогда еще здравствовавшей вдовы поэта. Так мы жили».*

* * *

В 1976 году Поляковы покинули Россию. К этому времени Борис уже навсегда «сел» в инвалидную коляску. Для любого человека приход к решению эмигрировать, оставить страну, где родился и в культуре которой вырос, оставить друзей, любимый город – процесс сложный и болезненный. Для Поляковых он был еще сложнее – из-за инвалидности Бориса. Причин, приведших к решению эмигрировать, было несколько. Это, прежде всего, необходимость постоянно приспосабливаться к атмосфере насилия – социального, интеллектуального, бытового. В доме Поляковых постоянно велись разговоры «на кухне», а после «самолетного дела»² открылась щелочка, начались отъезды. В числе других уезжали близкие им люди.

² «Самолетное дело» – судебный процесс, связанный с неудачной попыткой захвата советского гражданского самолета в аэропорту «Смольное» под Ленинградом группой евреев-отказников 5 июня 1970 года с целью нелегальной репатриации в Израиль (кодовое название акции – «Свадьба»). Процесс «самолетчиков» долгое время находился в центре внимания мировой общественности. По общему мнению, процесс сыграл огромную роль в пробуждении

И еще – Борис всегда ощущал себя евреем. Это особенно чувствуется в романе. Открыто проявлявшийся антисемитизм – и государственный, и на бытовом уровне – действовал на него угнетающе. Из романа: «...В пятидесятом году мы с дедушкой стояли в очереди за мукой, и одна баба прямо в лицо нам крикнула: “Жиды, не давать им хлеба, они в Ташкенте отожрались!”»

Была и специфическая обида: инвалид в государстве, где они жили, – человек пропащий, жить ему не на что. Положение его в социальном плане откровенно унижительное.

Вера вспоминает, как однажды она, Борис в инвалидной коляске и двое их друзей оказались в сквере у Русского музея. Навстречу вахтерша с криком: «Валяйте отсюда, здесь много иностранцев. Валяйте, а то милицию позову!» Этот эпизод описан и в романе.

Выезжали Поляковы в годы, когда отъезд приравнялся к предательству, и «виновные» подвергались всевозможным унижениям. Борису и Вере по доносу отменили разрешение на выезд (формальная причина – сокрытие родственников, работавших на режимных предприятиях), и это случилось тогда, когда они уже отправили багаж и остались в пустой квартире – без вещей, без постели, без стола и стульев, без денег, а главное – в полном неведении о своем будущем. Это мучительное состояние продолжалось почти два месяца.

Как бы то ни было, 27 февраля 1976 года Борис и Вера оказались в Израиле, сначала в центре абсорбции в Хайфе, где жили и учились языку, а спустя год – в маленьком домике в городе Кирият-Яме, недалеко от Хайфы. Здесь Борис прожил последние годы жизни, здесь были написаны роман «Опыт и лепет» и большинство стихотворений.

* * *

По счастью, новая жизнь складывалась удачно. Волею судьбы Поляковы вновь оказались в кругу прекрасных людей, близких по взглядам и интересам, людей добрых и душевных, с которыми было общее прошлое и с которыми они начали «вариться» в новой жизни. Особенно близкой им стала семья Герштейн, тоже ленинградцы – Юз, по-матерински заботливая тетя Зина и их дети – Миша и Лара. Сразу запахло «домом».

еврейского национального самосознания в СССР и положил начало массовой репатриации в Израиль.

Юз Герштейн вспоминает: «Уезжая из Союза, я оставил там самое дорогое, что у меня было, – верных друзей. Многие из нас до сих пор не могут примириться с этой потерей. Более того, страдают от этого все острее и острее. А мне, вернее всем нам – и жене, и мне, и детям, и внучке, повезло сходу: первыми знакомыми, а затем и друзьями стали Борис и Вера Поляковы – обитатели центра абсорбции, куда попали и мы... На фоне всеобщего занудства, тотального недовольства климатом, бюрократией и, действительно, немалочисленными недостатками Израиля чета Поляковых выгодно отличалась от всех, я бы сказал, светлотой своего восприятия действительности, ярко выраженной симпатией ко всему положительному и снисходительностью к отрицательному. Ни слова жалобы. Невероятный оптимизм Бориса, его сверхчеловеческое сопротивление болезни, его художнический темперамент совершили чудо, которому нет равных в мире. Подвиг Бориса продолжался долгие годы. И с полным правом его разделяет удивительная и неправдоподобная женщина, имя которой – Вера. Она того же поля ягода, что и Борис: для нее нет плохих людей, все хорошие, только каждый по-своему, все собачки – прелесть, а кошки – тем более. Все цветочки – радость жизни, а про птичек уж нечего и говорить. И все с песенкой на устах, все пританцовывая и шустро двигаясь, совершает Вера тяжкий труд и далеко не женский. Недаром еще в ульпане, много лет тому, ее называли святой»³.

* * *

На новом месте налаживался и быт. Дом в Кирьят-Яме – на земле, без ступенек, с садиком показался раем после коммуналки на этаже, с которого Борю спускали редко: иногда друзья вывозили его в кино, на прогулки в Летний сад или на набережную.

Вера поступила на учительские курсы и, окончив их, начала работать в школе. Борис оставался дома один. Руки его еще действовали, и он отстукивал на машинке письма, иногда сочинял, в ту пору только стихи и публицистические очерки на злобу дня. И стихи, и публицистика печатались в русскоязычных журналах «Время и мы», «Двадцать два», «Круг», в газете «Наша страна».

Это были не первые литературные опыты. Писать Борис начал рано, в том числе и прозу. Позднее, поступив в университет на фило-

³ Герштейн Ю. Феномен Поляковых // Круг. 1986. №446.

софский факультет, объяснял свое «писательство» просто: в философы идут либо не состоявшиеся врачи, либо начинающие писатели. Он относил себя и к тем и к другим. Писал чаще «в корзину», коря себя за бездарность, и все же продолжал. Так набралась толстая папка. Накануне эмиграции Вера отвезла эту папку в нидерландское консульство в Москве, и ее переправили в Израиль. Часть заготовок из этой папки была использована при написании романа.

Жизнь шла своим чередом, а болезнь – своим: слабели грудные мышцы, труднее становилось дышать, поднять руку, согнуть палец. Жили в страхе: наблюдавший Бориса врач-невропатолог «дал» ему не более двух лет жизни (опережая события, скажем, что прожил он десять).

Свидетельствует Вера: *«Однажды, вернувшись с работы, я увидела, что Боря сидит в своем кресле, неестественно наклонившись вбок. Он сделал резкое движение, потерял равновесие, и тело перегнулось; подлокотник кресла остановил его падение, но выпрямиться Боря уже не смог. Трудно сказать, сколько времени он сидел так, ему показалось – вечность. Это был сигнал тревоги. Стало ясно, что оставлять его одного более невозможно. Работу пришлось оставить. Как-то ночью, в конце ноября 1980 года, я обнаружила, что Боря совсем плох, почти не дышит. Сосед отвез нас в больницу. В приемном покое во время процедуры наступила клиническая смерть, но его спасли. А потом – борьба со смертью, лицом к лицу, продолжалась около трех месяцев. Все это время мы провели в отделении дыхательной реанимации хайфской больницы “Рамбам”. Легкие перестали функционировать, и для подключения дыхательной машины была проделана операция трахеотомии. Это была веха в нашей жизни – с первого момента пребывания в больнице и до самой смерти, то есть более пяти лет, Боря был подключен к дыхательной машине. Это привело к большим изменениям в нашей жизни, а для Бори обернулось великой потерей: он перестал говорить – навсегда.*

Домой вернулись с двумя дыхательными машинами – электрической и пневматической (аварийной, на случай отключения электроэнергии), прибором для очистки трахеи и бронхов, двумя баллонами – кислорода и сжатого воздуха, множеством трубок, трубочек, катетеров, перчаток, растворов, шприцов. Подключенный ко всему этому оборудованию, Боря выглядел для постороннего человека, по меньшей мере, непривычно. Вначале многим трудно было заходить к нам – настолько угнетающим для здорового человека было это зре-

лице. Постепенно шок прошел. Все, что Боря пытался сказать, я по движениям губ расшифровывала, переводила, и получалось, в общем-то, почти нормальное общение – оно было ему жизненно необходимо. Люди были ему интересны, в общении с ними он возбуждался, глаза его начинали блестеть, он жил».

* * *

А потом произошло то, что мы решаемся назвать феноменом Бориса Полякова. Вера вспоминает, что как-то Борис позвал ее и попросил достать старые записи, ту самую папку, которую нидерландское консульство переправило в Израиль. Тот день оказался переломным и полностью изменил их образ жизни. Трудно было предвидеть, что это событие станет началом работы, которая приведет к созданию и, что важно, к изданию – еще при жизни Бориса – большого романа «Опыт и лепет», работы очень большой по объему, которую, тем не менее, надо было сделать быстро: Борис знал, что жить ему оставалось недолго, и спешил.

Как писалась книга? Вера: *«Обычно Боря сидел в своем кресле, а я, как всегда, занималась всякими бытовыми делами. Когда ему приходила в голову какая-нибудь мысль, он щелкал-цокал языком, я тут же прибегала и на ходу записывала продиктованную Борей фразу. Читать текст по губам непросто. Иногда я не понимала простых слов, таких, как “стол”, “гость”. К примеру, трудно было понять слово “хлеб”. Я спрашивала: “Какой первый звук?” и долго не могла понять ответ. Объясняется это просто: при звуке “х” губы не шевелятся, звук образуется где-то в глубине. Проходило время, пока я, наконец, догадывалась, о чем речь. Бывали и слова посложнее, например, “колоннада”, “гортанный”, “ходатайство”. В такие моменты Боря очень нервничал, прекращал диктовать, но потом успокаивался, и работа продолжалась. А, совершенно неожиданно, такие слова, как “оппортунизм”, “энциклопедия”, я почему-то понимала сразу.*

На каком-то этапе, когда мы стали записывать целые главы, работе посвящались долгие часы. Боря “диктовал”, шевеля губами, я записывала, потом перепечатывала. Перепечатанное дополнялось, изменялось, резалось, клеилось, прежде чем выстраивался окончательный вариант. Так была написана вся книга, и, когда она была набрана, оказалось – 627 страниц. Удивительно, но рукопись почти не потребовала правки, серьезных замечаний тоже не было. Это объ-

ясняется, вероятно, тем, что Боря весь текст держал в голове, обдумывал, шлифовал и диктовал фактически законченную редакцию».

(В скобках замечу, что всякий раз, возвращаясь к теме создания романа, я вновь и вновь поражаюсь грандиозности замысла и, главное, – его осуществлению. Зная, в каких исключительных обстоятельствах это происходило, и, учитывая его объем и философскую насыщенность, многообразие тем и сюжетных линий, событий и образов, полагаю, что явление это беспрецедентно в мировой литературной практике.)

Работа над романом была еще далека от завершения, когда две первые части трилогии: «Жизнь и смерть Соры-Рохл» и «Автопортрет с Юлей» были опубликованы в виде отдельных повестей в журнале «Двадцать два» (№28 и 33 за 1983 г. и №34 за 1984 г.)

На эти публикации двумя статьями откликнулся литературный критик газеты «Русская мысль» (Париж) Герман Андреев. В одной из них он писал: *«Не так уж часты в современной литературе произведения, вызывающие добрые слезы. Рефлексирующие и стыдящиеся сентиментальности, “интеллигентные” писатели предпочитают иронии сердечному чувству»*⁴.

А вот отклик писателя Феликса Розинера⁵, близкого друга Поляковых: *«Борис, <...> Ваши повести – редкое в наши времена явление в литературе: простота, искренность самовыражения, ясность в изложении “душевного”, незамутненное, живое и чистое восприятие человеческого и житейского. Все это настоящее, без лит. игрушек. И поэтому – явление этически-морального плана столько же, сколь и литературного. А только такое сочетание, по-моему, достойно называться Литературой»* (из письма Б. и В. Поляковым от 5 ноября 1983 г.).

В конце 1984 года работа над романом-трилогией была завершена. В названии романа использованы слова из «Восьмистиший» О.Мандельштама:

Скажи мне, чертежник пустыни,
Сыпучих песков геометр,
Ужели безудержность линий

⁴ Андреев Г. А чьи надежды сбылись? // Русская мысль. 1983. 21 июля.

⁵ Розинер Феликс Яковлевич (1936–1997) – писатель, поэт, автор романов, повестей, сборников рассказов и стихов – всего около двадцати книг. Лауреат двух международных литературных премий.

Сильнее, чем дующий ветер?
– Меня не касается трепет
Его иудейских забот –
Он опыт из лепета лепит
И лепет из опыта пьет.

Борис видел в этих словах вечное противоречие между огромностью жизни и ограниченностью человеческих возможностей описать ее. Прочитав весь роман в рукописи, Ф.Розинер писал Борису и Вере: *«...Я все ловил себя на том, что вот, мол, а если без этого эпизода? Или без этого? Или без этого? – и т.п. В какой-то момент я вдруг ощутил, что перестал обо всем этом думать, вообще перестал чувствовать – что это именно чтение, что это написано, чтобы кто-то читал. Я оказался внутри трагедии, в которой что-то величественное, как игры античных богов, рождается из всех этих бесчисленных мелочей – отношений, воспоминаний, разговоров – серьезных и глупых, множества входящих и выходящих людей – всех этих стариков и старух, глупых юнцов, женицин, детей, кошек, собак, ворон, врачей, больных, солдат, профессоров – город, страна, мир, вселенная, – стянутые к этому креслу на колесах, к этому глазастому, ухастому, языкастому Вите, который знает все и не знает ничего, и который как рукой, опущенной в ручей, пытается словить мальков из стайки, плывущей мимо пальцев, чтобы остановить, оставить, не дать уйти им и самому себе. В какой-то момент мне все это представилось чем-то оглушено-звонящим, обнаженным до отсутствия плоти, – я уже перестал все эти разговоры, входы и уходы воспринимать как реальность, возникло то, что с некоторых пор обозначаю выражением “организованный хаос” – как это бывает в музыке, – у Малера, у Шостаковича, особенно у любимого мною Шнитке, – когда отдельные голоса и звуки тонут в свисте, шепоте, шуме и громе... И то, что самоискупительная точка все же поставлена в конце, – этот акт внутренней полной свободы, полного освобождения пишущего подобен какому-то мощному аккорду разрешения всех этих долгих – бесконечных модуляций в классически верное тоническое трезвучие. <...> Я думаю, у этой книги будет честная, хорошая жизнь в домах, в руках у хороших и чистых людей: у нее будет свой, избранный, но достаточно широкий круг читателей, из которого – черт с ними! – выпадут разные литературные мальчики и дамы, критики и критикессы, – и к лучшему. Они опошляют все на свете, а эту книгу нельзя*

опошлять, в ней какая-то поразительная “Ваша светлость”, что-то юношески прозрачное и простое, что не достигается ни техникой, ни опытом, ни замыслом, ни позой литературной, ни талантом – ничем. Тут сама душа говорит, а значит, она такая, и то, что это передается читателю, может быть, и есть ее бессмертие и ее победа над хаосом. У меня всегда тоска и жажда по такому чтению. И я его глотаю» (из письма Б. и В. Поляковым от 20 февраля 1985 г.).

Средства на издание книги были собраны при помощи друзей, организовавших подписку в разных городах Израиля. Многочисленные заботы, связанные непосредственно с изданием: набор, выбор типографии, решение массы специфических вопросов с печатниками (сорт и вес бумаги, размеры, шрифты, заголовки, поля, монтаж) – взял на себя Феликс Розинер. Благодаря художнику Полине Левиной книга получилась красивой, элегантной, близкой автору по духу. Издание книги стало событием в культурной жизни русскоязычного населения страны. Первый тираж – 1000 экземпляров – разошелся сразу (по подписке) и понадобился дополнительный – 600 экземпляров. Поляковым звонили. Люди, часто незнакомые, приезжали, иногда издалека, чтобы познакомиться, поговорить о книге. Многие ехали с намерением утешить, ободрить. Но оказалось, что особые слова утешения в этом доме не нужны.

Пауль Бласбергер, виолончелист Израильского филармонического оркестра, побывавший у Поляковых в составе инструментального трио, чтобы выступить перед Борисом, вспоминал: *«Я опасался увидеть больного и несчастного, а вышло так, что не я ободрил его, а он обогатил наши души»*. Впечатлениями делилась и Анна Росновская, скрипачка из того же трио: *«Я читала книгу взахлеб, останавливаясь только, чтобы перевести дыхание, сглотнуть слезу, передохнуть и потом бежать дальше вместе с героями и событиями»*⁶.

1 декабря 1985 года в Тель-Авиве, в «Бейт-Ариэла»⁷, состоялся вечер, посвященный выходу книги в свет. Борис и Вера, по понятным причинам, не могли присутствовать на нем и в записи слышали вы-

⁶ Лайнер М. В честь высокого искусства // Круг. 1985. №441.

⁷ «Бейт-Ариэла» (ивр., досл. «Дом Ариэлы») – здание в Тель-Авиве, в котором размещается многоцелевой городской библиотечный комплекс с актовым залом.

ступления друзей, музыку, исполненную квартетом музыкантов филармонического оркестра...

24 января 1986 года Борис Поляков умер. За девять дней до смерти он успел прочесть о себе в газете «Маарив» – одной из ведущих газет Израиля (приложение «Сигнон» за 15 января 1986 года). Большая статья, посвященная Борису и Вере, поведала ивритоязычному читателю страны об их беспримерном подвиге. Статья сопровождалась фотографией, изображавшей Бориса, подключенного к дыхательной машине, а рядом – хлопочущую Веру. А профессор-физик Марк Азбель писал в газете «Джерузалем пост» от 13 марта 1986 года: *«Умер Борис Поляков. Люди отпрашивались с работы, приехали со всех концов страны: из Иерусалима, Тель-Авива, Беэр-Шевы, чтобы попрощаться с тем, кто дал им так много человеческого тепла и человеческой мудрости. Жизнь Бориса представляется мне чудом. И так хотелось бы, чтобы кто-нибудь подарил книгу Бориса израильтянам, американцам, европейцам – помог перевести и издать ее на других языках»*⁸.

Спустя год с небольшим – вновь в «Бейт-Ариэла», в присутствии многочисленных друзей и читателей, – Вере была вручена Литературная премия имени Рафаэли⁹, посмертно присужденная Борису Полякову.

Сборник стихов «Узник» был издан Верой в 1988 году.

* * *

Я как читатель (а читал я роман не один раз) хочу совсем коротко поделиться впечатлениями о романе.

Это книга о любви, описанной трепетно, без столь характерной для литературы наших дней пошлости и языковой неряшливости, любви, которую героям приходится защищать от окружающего злобствующего плебса, стремящегося эту любовь убить.

⁸ Роман «Опыт и лепет» Б.Полякова переведен на иврит, но не издан. Переводчик – Тали Дай.

⁹ Рафаэли (Ценципер) Арье-Лейб (1900–1977) – историк, видный исследователь сионистского движения в России. Незадолго до смерти Рафаэли создал фонд поощрения писателей-репатриантов из СССР. Лауреатами фонда в разные годы были Феликс Кандель, Давид Маркиш, Эфраим Баух, Гилель Бутман, Александр Воронель. Премия за 1985 г. была присуждена Борису Полякову.

Это и столетняя история еврейской интеллигенции в России, которой коснулись все трагические события времени и, вдобавок, – специфически связанные с еврейством.

И, наконец, – это исповедь автора, написанная ярко, захватывающе, так что от книги трудно оторваться, и, дойдя до последней страницы, мы жалеем о том, что книга уже прочитана, – верный признак читательского интереса.

Это ли не лучшее подтверждение старой-престарой истины, что нет для литератора более интересного источника сюжетов, чем сама жизнь, описанная талантливой рукой мастера.

Итак, столетняя история, три поколения.

Первое – дед героя романа, талантливый инженер, получивший образование за границей и благополучно работающий в Петербурге. Семья живет спокойно, растит детей в хорошей квартире на Васильевском острове. Приход новой власти в 1917 году и последующие события сломили его. Читаем: *«Дедушка был из “старых кадров”, которых заклеили “вредителями”, и дорога ему была – в лагерь. Он этого избежал, но какой ценой! Ценой распада личности. У него развилось типичное советское заболевание – параноидная мания преследования. Везде и во всем он видел угрозу. Ушел с работы, укрылся за стенами своей комнаты, за черными, звукогасящими ватными стенами своего безумия»*. Его жена, бабушка героя, высокообразованная женщина, сумела сохранить себя, приспособиться к жизни на грани нищеты, браться за любую работу, считая копейки, и при этом не ожесточиться, сохранить благожелательность по отношению к окружающим.

Второе поколение – их дети. Они, выросшие уже в условиях диктатуры и всеобщего страха, стали настоящими «homo sovjeticus». Хорошо понимая обстановку, сложившуюся в стране, они научились жить во лжи, боясь не только говорить, но и слушать то, что, по их мнению, слушать не полагалось. Так – ценою утраты совести – они выжили, убереглись от тюрем и лагерей.

И, наконец, – третье поколение, герой романа, на котором замыкается исторический круг – от черты оседлости до государства Израиль. Именно в нем пробуждается человеческое достоинство, способность строить свою жизнь без боязни быть наказанным, смотреть на окружающее, не опуская глаза и не потакая трескучей демагогии властей...

Стихи Б.Поляков начал писать намного раньше, чем серьезно занялся прозой. Уже в 1976 году он создает венок сонетов «Узник» – поэзию зрелую и сложную и по поэтическому языку, и по содержанию. Позднее – поэтические циклы «Попытка оды», «Апрельский блюз», «Мотивы Сиены», стихотворение «Версия» и др. Борис свободно владеет фактурой стиха – от элементарного двустушия и катрена до сонета – в этой поэтической форме и написан «Узник». А по содержанию – это «...огнедышащий вулкан, вырвавшийся из недр рабской души, ощутившей себя Прометеем, яркое поэтическое слово о человеческих страданиях в прошлом и возможности повторения их в недалеком будущем»¹⁰.

Вот один из сонетов:

И жизнь, и смерть отсчитывает Рок.
Никто не спрашивал, хочу ли я родиться.
Я будто не сдержал неведомый зарок,
И мне теперь придется расплатиться.

Кто мне ответит: для чего я жил?
Чтоб стать эка? Мишенью стать для пушек?
Я не забыл еще своих игрушек,
Но я уже считаюсь старожил.

И можно – под прицельную стрельбу,
И можно, можно – в лагеря, в тайгу!
Я для того и вырос – Гражданин!

И я готов. И я, как все, – пойду.
И я – как все. И все мы – как один! –
Из срока в срок и из войны в войну.

«Узник»

О себе:

Давно ли было? Шли и шли
По набережной Невки,
В «Минутке» ели бяляши.
Шныряли рядом девки.

¹⁰ Елин Ю. На подступах к большой прозе // Хайфский библиофил: Альманах. Вып. 2. Хайфа, 2001. С.41–42.

И так легко дышалось мне,
И так легко ходилось,
И я летал тогда во сне,
Цветное что-то снилось.

И в жизнь мы открывали дверь,
В туманный липкий морок...
А я – развалина теперь,
Да и тебе – под сорок.

Из цикла «Апрельский блюз»

О жене. Семь небольших стихотворений, и каждое из них – жемчужина любовной лирики:

Мне хочется понять, какая ты,
И почему, с двадцатым веком рядом,
Не задохнулась ты могильным смрадом
И нет в тебе привычной пустоты.

Ты не случайна, ты была всегда –
Период, тема, простенький мотив.
Любить и верить, и продолжить миф,
Утешить, напоить и снять с креста
Приходишь ты...

«Попытка оды»

* * *

Важно отметить, что Борис Поляков и в романе, и в публицистических статьях живо откликался на события, свидетелем и участником которых был. Особенно болезненно переживал он события, связанные с великой трагедией, постигшей Россию в 1917 году и приведшей к гибели десятков миллионов людей. Роман помогает читателю понять суть того преступного обмана, который затуманил мозги миллионам людей.

Только два примера. Один из героев романа, во время войны главный врач полевого госпиталя, позднее арестованный по «делу врачей», говорит: *«...когда я по ночам просыпаюсь в холодном поту, я вспоминаю чаще не то, как мне ломали пальцы или просто вульгарно избивали, или тушили об меня папиросы – это делал обычно один следователь, Смирнов. А вспоминаю я другого следователя, фамилия*

его была Цадиков <...>. Однажды ночью <...> доставляют меня к Цадикову, и он мне говорит примерно так:

– Наконец-то <...> мы знаем, за что вы сидите у нас. Вы – участник огромного сионистского заговора врачей, которые поставили своей целью уничтожение наших руководителей.

– Каким образом? – спрашиваю я.

– Неправильным лечением!

– Но я не имел никогда никаких дел ни с одним руководителем.

– Это не имеет значения, <...> важно наличие заговора. А заговор налицо».

Еще пример: «...вечер, мы с дедушкой сидим за столом под низким абажуром... И перед нами альбом для рисования и акварельные краски. <...> Дедушка вместе со мной раскрашивает рисунки. И его голос, глухой, лишенный тембра: “Это – зеленая, это желтая, это красная... если очень густо-красная, то это уже почти коричневая”. Его глухой смешок. И вскрик бабушки <...>: “Что ты говоришь?! Что ты говоришь при ребенке?!”».

Другая боль – антисемитизм, страшный и многоликий.

В романе эта тема разработана убедительно и ярко: «Меня поедом ел Мамонтов. Внешне он являл полную противоположность своей фамилии. Маленький, худенький, головка с кулачок, а кулачки и локотки остренькие. Но огромная – слоновья, мамонтовая – была у него ненависть к евреям. Мне он проходу не давал. Шел 1953 год. Я стою на улице Гоголя возле газетного стенда и читаю статью «Шпионы и убийцы разоблачены». О врачах. Ко мне подходит Мамонтов (он жил в этом доме) и говорит, что скоро всех нас будут чикать. Мимо идут люди, рядом остановка автобуса, шумно, морозно, а нас скоро будут чикать...» Герой с горечью отмечает: «Еврейство – клеймо. С самого раннего детства я знал, что я отверженный...»

Была еще тема, вызывавшая озабоченность и тревогу Бориса Полякова, – положение Израиля, окруженного со всех сторон врагами. Читаем: «Слышу по радио: Бар-Лев¹¹ предлагает отдать сирийцам Голаны <...>. За что? За мир, говорит он. Но никто никакого мира ему не предлагает. Ни один араб <...>. ООП и арабские страны цель

¹¹ Бар-Лев Хаим (1924–1994) – государственный и военный деятель Израиля, с 1968 по 1971 год начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля.

свою определили однозначно: полное уничтожение “сионистского образования”... И когда Арафат говорит ребенку: “Убей сиониста!”, он имеет в виду <...> нас с вами»¹².

Передача Синая Египту в 1982 году и разрушение – своими руками, чтобы не достался врагу, – построенного поселенцами города Ямита вызвали у Бориса горькие чувства:

Да отчего душа болит-то,
Тоска такая?
Да вот, уходим из Ямита
И из Синая.

1983

Эти строчки написаны почти четверть века назад. А звучат так, будто написаны сегодня. У Бар-Лева есть продолжатели, а вокруг ООП повыврастали новые поганки: ХАМАС, «Исламский джихад», «Хизбалла» и др. – несть им числа. Каждая новая уступка вызывает новый, еще более жестокий террор. Идет бесконечная война, и не видно ей конца. Гибнут люди. А за углом – Иран, провозгласивший на весь мир о своем намерении уничтожить «сионистское образование».

* * *

Каким был Борис Поляков в глазах тех, кто знал его?

Лариса Герштейн, часто бывавшая у Поляковых: «...Боря на всех окружающих его людей, на всю нашу дальнейшую жизнь оказал огромное влияние. Он, скажем, был необычайно чуток к любым проявлениям таланта. Взглядом, выражением лица он отмечал удачное слово, шутку, интонацию, жест. Рядом с ним царил атмосфера бесконечной доброжелательности. Боря был единственным в моей жизни человеком, рядом с которым я никогда не чувствовала себя виноватой. Ни за что в себе. Он был полным инвалидом, но он покровительствовал всем нам. Мы, друзья, чувствовали в нем защитника. Он распространял дух могучей созидательной силы. Он воспитывал в нас человеческое достоинство...»

О многих ли скажут так...

¹² Поляков Б. Разные мысли во вторник // Круг. 1983. №314.

Прошли годы, наступили девяностые и вместе с ними – новая волна репатриации из СНГ. Прибыли сотни тысяч людей, для которых русский язык – родной. Они ничего не знали о Борисе Полякове. Одним из первых, кто случайно узнал о Борисе, был доктор Лев Фиалков. Он писал:

«Прочел роман, прочел (и не раз) тоненькую книжечку стихов “Узник”. Поразило все. Пришел в дом. Познакомился с Верой. Увидел портрет Бориса¹³. Долго взглядывался, не мог отойти. Художник заглянул в потаенное... Что напомнил портрет, кого он напоминает? Ну да, конечно, Кафку. Только тут, в этом доме до конца понял кафкианское “Насекомое”. Был человек, руки, ноги превратились в какие-то членики... Осталась голова – большая, умная, красивая голова»¹⁴.

Случилось так, что книги Б.Полякова случайно попали в руки Бориса Зильберштейна – руководителя Хайфского клуба любителей книги, давшего высокую оценку творчеству писателя.

Осенью 1996 года состоялся вечер памяти Бориса Полякова, посвященный десятилетию со дня смерти писателя. Большой зал «Бейт-оле»¹⁵ заполнен до отказа. Постоянные члены клуба – в основном новые репатрианты последней волны – говорили, что никогда не видели столько новых лиц. А были это «старожилы», приехавшие в страну за 15–20 лет до этого, в семидесятые, друзья Поляковых – некоторые еще по Ленинграду, многие – уже по Израилю.

Профессор Александр Рыбник на этом вечере сказал: *«Роман Бориса Полякова всколыхнет ваши разум и души. <...> Думающий читатель будет долго находиться под его впечатлением. Когда я думал о своеобразии романа, о методе, коего придерживался его автор, то остановился на одном из лучших, по-моему, определений художественного метода Чехова. Известный ученый-литературовед Г.Бялый*

¹³ Портрет работы В.Бендерского, 1977.

¹⁴ Фиалков Л. Трагедия и триумф // Хайфский библиофил: Альманах. Вып. 2. Хайфа, 2001. С.19.

¹⁵ «Бейт-оле» (ивр., досл. «Дом восходящего») – по многовековой традиции еврей, переселяющийся из диаспоры на Землю Израиля, совершает восхождение и называется оле – «восходящий». Фактически «Бейт-оле» – это административный, общественный и культурно-просветительский центр деятельности новых репатриантов. Такие центры функционируют в большинстве городов Израиля.

сформулировал его как реализм простого случая. Помните, как сам Чехов объяснял угол своего зрения? – Передаю не дословно, а смысл: люди обедают, разговаривают обо всем обыкновенном, о жизни, а в это время ломаются их судьбы. Тут тоже присутствуют обыкновенные люди, существуют они в обычных условиях, обстоятельствах (такова жизнь!), но все тут значительно. Речь идет о мироздании, ибо человек – венец его. И если судьбы обыкновенных людей тяжелы, мучительны, значит – мир ущербен. <...> Чехов не писал о людях счастливых. Умные, достойные, они, как правило, неустроенные. <...> А ведь речь идет о людях рубежа XIX–XX веков! До 1917 года было близко уже, да не очень. <...> Поляков написал о времени, когда гнусная несправедливость уже торжествовала и многих <...> растоптала. Многих, но не всех. Поэтому роман Полякова – это не только развенчание мифа о том, что жизнь становилась “все лучше, все веселее”, но и правдивый рассказ о том, как наступало прозрение».

«Что-то случилось на этом вечере, – писала журналист Иудит Аграчева. – Через воспоминания, через песни, через анализ творчества выступающие, друг за другом, сознавая и не сознавая, прорывались не к истине даже, прорывались к себе... Похоже, писатель Борис Поляков был одним из тех, кому удалось расчислить пространство, в котором он обитал, от зла, суеты и спешки. Похоже, ему удалось создать вокруг себя чрезвычайно высокую концентрацию счастья, осмысленности бытия, покоя и доброты...

Он, похоже, был праведником, Борис Поляков... В контексте статьи утверждение это выглядит нелепым, неаргументированным и неправдоподобным. А на вечере памяти, едва прозвучала эта формулировка, люди вздохнули с облегчением, будто долгие годы силились определить, кто же он – для родных, для друзей, для земли – и вот, наконец, получили определение...»¹⁶.

Участники вечера обратились к руководству Союза русскоязычных писателей Израиля с просьбой ходатайствовать о присуждении (посмертно) писателю Борису Полякова премии Союза писателей Израиля за роман «Опыт и лепет»: «Этот роман <...> – выдающееся произведение, в котором достоверно, социально и психологически глубоко отображена советская действительность, прежде всего 60–70-х годов двадцатого века, истоки и характер умонастроений, переживаний не одного поколения российской интеллигенции и ее ев-

¹⁶ Аграчева И. А нужно было выпасть под откос // Вести. 1996. 17 октября.

рейской среды в особенности. По яркости, силе писательского освещения, мудрости проникновения в человеческие души роман трудно сравнить с каким-либо другим произведением на ту же тему во всей новой русскоязычной литературе».

* * *

Прошло еще десять лет. Эти годы были отмечены повышением читательского интереса к личности и творчеству Б.Полякова. Этому способствовало несколько событий.

В 1998 году вышло в свет новое издание произведений писателя, однотомник объемом более семисот страниц, включающий, кроме романа «Опыт и лепет», также и стихи, в том числе ранее не опубликованные. Издание снабжено литературно-критической статьей и очерком жизни писателя.

В 2000 году, к шестидесятилетию со дня рождения Бориса, радиожурналисты Игорь и Людмила Мушкатины подготовили в рамках авторской программы «Прогулки фраеров» на радиостанции «РЭКА» литературно-художественную композицию в двух частях о писателе, которая в последующие годы неоднократно повторялась.

В 2001 году вышел в свет альманах «Хайфский библиофил» (издание Хайфского клуба любителей книги), вып. 2 – «Памяти Бориса Полякова», в который вошли воспоминания, газетные и журнальные публикации, письма, критические статьи и т.д., а также отрывки из прозы, поэзии и публицистики писателя.

В 2007 году вышел в свет сборник публикаций о Борисе Полякове, в котором помещена большая (более 80 страниц) аналитическая статья литературного критика Михаила Копелиовича, посвященная обстоятельному разбору романа «Опыт и лепет». Автор статьи называет роман Бориса Полякова «главной “еврейской” книгой в русской прозе конца тысячелетия».

За эти годы состоялось несколько встреч друзей и читателей, посвященных памяти писателя, в том числе и в доме, где он жил и работал.

В выступлении на вечере в Хайфе руководитель Литературной гостиной при хайфском «Бейт-оле» поэт Вадим Халупович отметил: *«Удивительная книга, свежая, неувядающая. “Автопортрет с Юлей” напомнил мне времена оттепели, когда появились первые лирические повести Василия Аксенова, Бориса Балтера и других писателей этого*

круга. А последняя глава романа потрясает. Так написать о собственной смерти мог только очень большой художник. Книга Бориса Полякова – это сага о нас, добрых и злых, умных и глупых, по многообразию событий и образов сравнимая с гоголевскими “Мертвыми душами”».

После вечера в Иерусалиме 6 апреля 2006 года Вера получила письмо от Марины Гиндиной, знавшей Поляковых еще по Ленинграду. Вот отрывок из него: *«В буднях, суете нашей жизни вчерашний вечер дал возможность прикоснуться к чему-то истинному и прекрасному. И в жизни Бори, и в книге больше всего прослеживается постоянное стремление к истине, к настоящему, к правде, и в этом чувствуется его связь и продолжение, идущее от его предка – большого мыслителя и праведника Менахем-Менделя Шнеерсона».*

А может, и впрямь – генетическая связь поколений.

Кто-то из великих сказал: «Жизнь человека имеет смысл до тех пор, пока он вносит смысл в жизни других людей с помощью своих деяний, любви, сострадания и протеста против несправедливости». Своей жизнью и своим творчеством Борис Поляков дал людям все, что мог. И в час, когда он почувствовал, что уже не может и не сможет дать, жизнь для него потеряла смысл. И он ушел, оставив о себе непреходящую память.

Гирш Ошерович, поэт и человек (1908–1994)

(Из цикла «Писатели моего поколения»)

Михаил Лев (Реховот, Израиль)

Перевод с идиш и примечания Льва Фрухтмана

Гирш Ошерович

Гиршу Ошеровичу, одному из крупных еврейских поэтов XX века, суждено было дожить до старости. Он умер в возрасте 86 лет в Тель-Авиве. Я вспоминаю о нем не только в годовщину смерти. Это был человек такого замеса, что если бы не Катастрофа и неслыханные страдания, выпавшие на долю его поколения начиная с младых лет, он мог бы еще жить и, возможно, творить.

Во время Первой мировой войны «добрый» царь, как теперь пытаются представить в России Николая II, выселил из прифронтовой полосы тысячи евреев и загнал их в глубь страны. Семья скромного служащего паровой котельной Шолома

Ошеровича была занесена в списки «подозрительных» элементов. И попали они в край донецких угольных шахт, в Донбасс.

Беженцы, бездомные скитальцы – это довольно вместительное понятие, часто встречающееся в нашей истории и литературе.

В 1921 году Гиршу Ошеровичу удается вернуться в родной город Паневеж. К двадцати годам Гирш заканчивает местную ивритскую гимназию, а в 1933-м юридический факультет Ковенского университета.

Писать стихи Ошерович начал рано, но печататься стал лишь в 1934 году. Уже на первых порах можно было заметить почти все лирические достоинства его поэтики, раскрывшейся позднее во всей оригинальной красе, и особенно было заметно его бережное и нежное обращение с еврейским словом.

Когда Еврейский антифашистский комитет в СССР был ликвидирован, Г.Ошерович, виленский корреспондент газеты «Эйникайт», в июле 1949 года был арестован и за «антисоветскую, националистически-сионистскую деятельность» осужден на 10 лет лагерей.

Почти целых семь лет он томится по тюрьмам и лагерям, и лишь в 1956 году возвращается из ссылки домой, в Вильнюс. Ошерович теперь полностью отдается литературной работе. В его поэзии тесно сплетаются интеллект и чувство. Его восхождение по часто скользкой лестнице художественного творчества идет с успехом. Большинство его стихов и поэм дышат историей: современной и прошлых веков. (Каждый подлинный писатель в известной мере также и историк.)

Стихи Ошеровича высокопрофессиональны, можно сказать, даже рафинированны. По строкам его поэм, наполненных тонким психологизмом художественных видений, легко заметить, как этот человек нашпигован знаниями и как он погружен в глубины былого. Правда, полной творческой свободы порой не хватало. Иногда кажется, что некоторые стихи его писали два разных человека.

Авром Суцкевер, который прочел во 2-м номере «Советиш Геймланд» за 1961 г. поэму Ошеровича «Воренунг» («Предостережение»), упрекнул поэта: «Почему же Ошерович, после стольких мучительных жизненных перипетий, столь близорук?» («Ди голдене кейт», №41, 1961). Упрек из свободного западного мира. Правомерен ли он?

Чему здесь удивляться? Безусловно, на стихах Ошеровича 60-х годов еще лежала печать лагерных переживаний и страха. Недаром он мне однажды (еще в те годы) с горечью сказал: «Кто знает, что еще может с нами произойти?..»

Я нередко встречался с Гиршем Ошеровичем. Память сохранила одну из встреч на летнем отдыхе.

Курортный город Ялта, что на Черном море. Гиршу Ошеровичу тогда было, вероятно, лет пятьдесят, но мне он казался гораздо моложе. Почти среднего роста, с худощавым приятным лицом, с глазами, еще блестящими молодо, смотревшими порой уверенно и бодро.

Гирш с женой, Ривкой, жили в писательском доме творчества, что располагался на высокой горе, а мы с женой на скромной улочке, в доме у самого подножия этой горы снимали комнатку.

Под вечер Ошеровичи спускались к морю. Он, в плаще, напоминавшем шлафрок, погруженный в себя, словно с собой наедине, прислушивался, как вода, набегая на берег, плещет и шепчет почти беззвучно. Шумные, с грохотом ударяющие в берег волны с молочно-белой пеной он не любил. Если мешал прибой, мы чуть отдалялись от моря, от местного «Бродвея». Туда, где не таклюдно и меньше шума.

Не будучи особо разговорчивым, он мог, тем не менее, вдруг затеять сердечный разговор, какой обычно ведут между собой очень близкие люди. Как раз в такие минуты он замешивал в лирически нежную ткань разговора и грубые обороты речи. В уголках губ тогда возникала умная усмешка бывалого человека.

Пару раз мы засиживались допоздна у нас во дворе. Беседовали.

Мне помнится вечер перед нашим отъездом из Ялты, когда он читал несколько своих новых стихотворений. Особенно запомнилось стихотворение «Тишина», которое хочется привести целиком:

Что такое тишина?
Все мы знаем, что такое
Скрип колес и шум прибоя,
Плач ребенка за стеною,
Свист осоки под косою...

Что такое тишина?
Хоть всю жизнь над этим думай,
Кажется – вот-вот из шума
Вышелушишь на покое
Нужное зерно живое,
А в итоге – что такое,
Что такое тишина?..
И решить почти готовый,
Что оно пустое слово,
На часы смущенно глянешь,
Вслушиваться перестанешь...
Шум и шорох в отдаленье
Гаснет – и до петухов
Ловишь только ход часов
И свое сердцебиенье.
Тихо тикают мгновенья,
Сердце бьется... Вот она,
Вот какая тишина!

(Перевод Арсения Тарковского)

Это стихотворение Ошеровича цитирую не как образец его поэтических достижений. Для этого, возможно, надо было бы привести ряд других стихов. Просто оно напоминает о манере поэта, о его мотивах, но главное об умении мыслить: «Велика мысль, но еще величественнее умение мыслить...» – писал поэт Ошерович в 80-е годы. И был

прав, потому что конечная цель поэта – это человек, с его мыслями, думами...

В 1971 году Гириш Ошерович с женой репатриировался в Израиль.

Здесь его талант раскрылся во всей полноте. Лирический дар вкупе с эпическими формами достиг зрелой силы. Даже его ранее написанные библейские поэмы на фоне «стоящих, словно на молитве, пальм» (как писал он) блеснули какой-то новой одухотворенностью.

Это вполне понятно, почему именно в Эрец-Исраэль дыхание вечности в его поэзии стало читателю ближе. Стало более доступным, естественным. Быстрее других Ошерович сблизился с писателями, жившими в Стране с давних пор, застолбил свой поэтический участок среди тех, кто был уже на израильском Олимпе, у самой, что называется, Восточной стены.

Я полагаю, что будет гораздо убедительнее, если Гириш сам расскажет об этой поре своей жизни. Пусть хоть в нескольких строках из его писем, адресованных другу и коллеге по перу – поэту и эссеисту Якову Штернбергу. (Изрядная часть архива Якова Моисеевича Штернберга находится до сих пор у меня.) Итак, выдержки из писем Гириша Ошеровича:

Тель-Авив, 29 ноября 1971 г.

Дорогой Яков! ...Вот я уже десять дней в стране. Не представлял себе, что переезд может так измотать, Сфард мне звонил, пригласил меня к себе на пятничный ужин. Вчера у меня был Геллер. В Хайфе встретился со Смоляром. Он обрадовался мне страшно, с радостью, которая граничит с экстазом... Несколько дней назад был у меня Подрядчик... Цанин вчера разговаривал со мной часа три и рассказывал без конца о приметах местной жизни. Между прочим, в ближайший шабат¹ в его газете идет страничка обо мне. (То есть интервью, фотография и стихи)... Шленскому я нанес визит сразу же после своего приезда... Передавайте привет Ривке [Рубиной], Рабину, Муне [Шульману] и Мише [Леву]².

¹ Шабат (иврит) – суббота.

² В этом письме упоминаются израильские писатели, писавшие на идиш: Давид Сфард (1905–1982), Бинем Геллер (1908–1998), Гириш Смоляр (1905–1993), критик Элизер Подрядчик (1914–2000), Мордхе Цанин (1906) и ивритский поэт и переводчик Авраам Шленский (1900–1973).

Тель-Авив, 15 декабря 1971 г.

Дорогой мой Яков!

Я уже выступил на радио... Сегодня отдал стихи в «Ди голдене кейт»³. Когда я приехал, Суцкевер был в Париже. Узнав о моем приезде, он тут же написал мне весьма и весьма теплое письмо. Теперь он уже в Тель-Авиве, я уже был у него... Кстати, я получил приглашения выступить со стихами в нескольких кибуцах. Правда, там та же беда: молодежь не знает идиш. Что касается литературной жизни, то это непредставимо. Ни один писатель, даже ивритский (включая и Шленского), не живет на гонорар. У всех есть должности.

Тель-Авив, 9 января 1972 г.

...Уже немного повидал страну. Иерусалим производит невероятно сильное впечатление... Сказать, что идиш имеет большое будущее здесь, будет большим преувеличением. Но, конечно, сегодня уже не то, что в прошлые годы, когда идиш просто душили. Теперь он (идиш) воспринимается с приятным лицом, однако приходится признать, что молодое поколение далеко от понимания этого языка, хотя никто в этом не виноват. История уже не раз проделывала с нашим народом злые шутки...

От Рохл Корн получил очень теплое письмо.

6-го декабря 1972 г.

Завтра в Доме писателя имени Саула Черниховского состоится литературный вечер, организованный ивритским Союзом писателей, на котором будут читать стихи на иврите, идиш, арабском, английском, испанском, русском. На идиш буду выступать я. Не думаю, чтобы пришло много народу. Не время для стихов и вообще для литературы.

Мы живем в эпоху, когда для литературы не хватает времени.

Яффо, 29 декабря 1972 г.

Я очень занят на работе, дающей хлеб насущный (хотя это лишь полставки), к тому же темп жизни здесь столь напряжен и быстр, что я не успеваю сделать и десятой доли намеченной мною работы. Почти не остается времени писать, и за это время мало что мной написано. Правда, две более или менее большие вещи я в этом году

³ Они были напечатаны в №75 за 1971 год (примеч. М.Лева).

написал, и их очень хвалили... Ну, поскольку канун Нового года, то пожелаю, чтобы наступающий год был для Вас и Вашей жены годом здоровья и исполнения всех ваших желаний.

Ваш, как всегда, Гирш Ошерович.

Автор подчеркнул в письме к другу слово «всех», потому что знал о мечте Штернберга: только бы спеть свою лебединую песнь в стране Отцов, куда он стремился всей душой. И писал в одном из стихотворений: «полуголым и босым пойду я туда...» Если бы добрые пожелания достигали Божьих ушей и исполнялись бы!..

Якову Штернбергу не суждено было осуществить свою жизненную мечту, совершить алию в Эрец-Исраэль. 10 апреля 1973 года он умер в Москве. В его архиве сохранилось девять писем Гирша Ошеровича из Израиля, часть из которых я процитировал выше.

Многие стихи Гирша Ошеровича, близкие по строю к песне, были положены на музыку и исполнялись со сцены. К шести из них – «Семь потерянных лет», «Цигеле-мигеле» и другим – музыку написала Этель Ковенская (обработал композитор Лев Коган). Исполнение ею этих песен-картин, песен, схожих со сценическими этюдами, всегда сопровождается аплодисментами.

...В моей памяти сохранилась одна из последних встреч с Гиршем Ошеровичем. Он был не только превосходным поэтом, но и добрым собеседником – из тех умниц, которые немного говорят, но на многое намекают. Возможно, его способность вразумить и дать толковый совет проистекала из его профессиональных знаний: он окончил юридический факультет университета. Что касается его мудрости, то она пришла к нему не с улицы. Будучи человеком настроения, Ошерович особенно чутко отзывался поэтическим сердцем своим на затрагиваемые в беседе темы еврейского творчества и судьбы гонимого языка идиш.

Тот серьезный разговор с поэтом мне запомнился, и я считаю своим долгом его зафиксировать.

Это было лет тринадцать назад. На второй день моего пребывания в стране звонит мне Гирш и предлагает: «Если хочешь, приезжай в Тель-Авив. Я тебя встречу на автостанции и покажу город. Идет?»

Естественно, что я с удовольствием принял его предложение.

По многолюдным тель-авивским улицам сначала мы шли пешком. Затем забрались в один автобус, другой. Снова совершили пешую про-

гулку, покамест, совершенно уставшие, не нашли в маленьком сквере свободную скамейку.

Ошерович на своем литовском идиш, не прибегая к острым словам и грубым шуткам, начал рассказывать мне о наших общих знакомых и еще более серьезно о своих творческих итогах. Похвастался, что его поэма «Мой Паневеж» напечатана на иврите в переводе Шленского.

Об Авраме Шленском, ивритском поэте и переводчике, я был слышан. И спросил в шутливом тоне: «Это тот самый Шленский, что перевел на святой язык Пушкина, Гоголя, Шекспира, Мольера?»

Ошеровича ответил в том же тоне:

— И что ты думаешь? Их-то он и в глаза не видел, а со мной мог запросто быть запанибрата. А если серьезно, для нас обоих и иврит, и идиш были национальными языками. Шленский никогда не был противником языка идиш. Что же касается моих стихов, то они у него получились исключительно хорошо.

Замечу, кстати, что среди переводчиков Ошеровича на русский язык был такой выдающийся мастер, как Арсений Тарковский, и в Москве книга Ошеровича «Мой добрый клен» была целиком переведена им; ныне А.А.Тарковский считается одним из самых блестящих поэтов ушедшего столетия.

...На миг отвлечись от собеседника, я снова слышу его голос. Он декламирует чьи-то юношеские любовные стихи так, будто стоит на сцене в огнях рампы. Слушая его, я залюбовался красотой израильской осени: все кругом было зелено и приобрело очарование весеннего цветения. Невозможно глаза отвести от пальмы, чей ствол напоминает плетеную восковую свечу, от вечно-зеленых кустов с желто-голубыми и белыми цветочками. Гляжу с удивлением: где еще могу я в это время года наблюдать такое?

Вдруг чувствую легкий толчок в бок, словно Ошерович намекает мне: «Ну что уставился на природу, поговори с живым поэтом, да смотри, что за подарочек я тебе принес!»

Из рук в руки Ошерович передает мне два стихотворных сборника: «Вундикер битохн» («Израненное доверие») и «Лидерхейм» (букв. «Родина стиха»). Я жадно перелистываю книжки, вижу, что они снабжены биографическими справками, с удивлением отмечаю, что здесь, в Израиле, у поэта вышло уже с десяток книг. Все они были премированы, и не один раз. И в Израиле, и в других странах, где еврейская литература еще ценится.

Я закрываю книжку Ошеровича, только что изданную, и говорю ему:

– Десять книг и такая высокая оценка! Для писателя это большая радость. Так почему же, как мне кажется, ты не испытываешь счастья?..

Ответа мне пришлось ждать долго. Поэт погрузился в молчание.

– Понимаешь, – ответил он наконец, – когда-то я думал, что быть поэтом вообще большая привилегия. Кто-то из наших литературных исследователей однажды выразился так: «Писательский талант – это редкая и дорогая монета». Сегодня я бы ему напомнил, что у всякой монеты есть две стороны. И чтобы ты не подумал, что это просто слова, я прочитаю тебе два четверостишия из одного своего стихотворения. Я знаю их наизусть. А ты открой сборник «Израненное доверие» (стр. 85) и следи:

...И в самом деле такова ли судьба еврейской книги,
Что она должна быть выброшена на свалку?
Так уж лучше бы ее потом не видели
(Как это происходит с падающими звездами).
...О, буквы кровные родные,
Вы двадцать две святые жертвы,
Которые уже столько раз
Примеривались обменять на чуждые.

(Подстрочный пер. Льва Фрухтмана)

Для меня этих строк было достаточно, и я захлопнул книгу.

Гирш Ошерович, однако, возразил: «Красивая обложка, конечно, большое достоинство книги, но она не расскажет о том, что заключено в переплете. Не думал, что я один из тех похоронщиков, что любят жаловаться и плакаться. Пока что мы еще избранный народ и язык идиш еще “а велтшпрах” – язык мирового значения. Совсем недавно я одному своему другу напомнил слова Ицхока Башевиса-Зингера: “Свыше 500 лет, как по языку идиш читают поминальную молитву, а он жив и пережил всех своих завистников”.

Сам для себя я уже решил, что вряд ли стоит подобные стихи отдавать в печать. Для меня как автора это самый болезненный вопрос: где взять понимающего толк в языке идиш? Говорящих на идиш еще остаются сотни тысяч. Говорящих, но не читающих. Люди соглашались с тем, что идиш действительно мировой язык, но когда натываются

на печатный еврейский текст, прячут глаза. Пожилым людям бывает тяжело читать даже в тех случаях, когда напечатано ясным шрифтом. Здоровье дороже.

Еще, слава Б-гу, ходят на еврейские концерт, спектакль. Ходят даже тогда, когда певцы, актеры пережевывают старую заплесневелую песенку на идиш или играют дешевую сценку. Мы-то с тобой знаем, сколько ярких национальных огоньков в самые горькие времена раздули наши удивительные певицы и мастера художественного слова – Нехама Лившиц, Этель Ковенская, Александрович, Эппельбойм и другие...

Ну, ладно, хватит проповедей. Открой-ка в книге стихотворение “Не для кого” (стр. 86)!!!!».

Гириш Ошерович читал, акцентируя каждое слово:

Перо вожделеет еще столько сказать,
Но судорогой сводит руку
При мысли о реальности:
«Не для кого!»
И мнится мне, что все происходит потому,
Что чернила распирают перо,
Как у роженицы молоко распирает грудь,
Но не для кого...

Тель-Авив, август 1983

(Подстр. пер. Льва Фрухтмана)

О том, что поэтический талант Ошеровича занимает видное место в еврейской литературе, я знал давно. Наше знакомство состоялось еще в 1947 году, более полувека назад. В издательстве «Дер Эмес», где я тогда работал, выходила книга поэм и баллад Ошеровича «Функлем аройс» («Вырвавшийся из тисков»). Спустя годы ему это действительно удалось – вырваться на свободу.

Человека, не относившегося к молчаливым, но и не к бунтарским натурам, стихи Ошеровича призывали задуматься. И в эту нашу тель-авивскую встречу он читал мне правдивые, глубоко поэтичные строки, где тревога еврейского писателя была выражена с такой необычной художественной силой. Читал, чтобы напомнить, в каком положении мы, еврейские писатели, находимся и какое место занимаем в мире.

Об Илье Бокштейне – поэте и аутсайдере

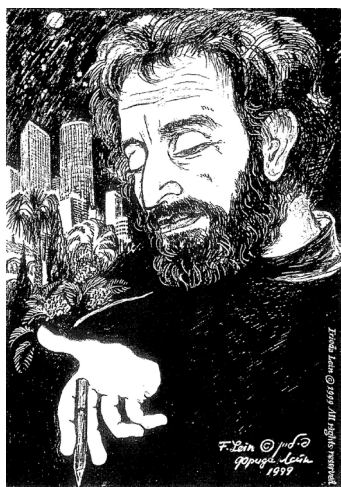
Арон Черняк (Хайфа)

Я еврей,
Не мадонной рожден,
Не к кресту пригвожден,
И тоски мне
Не выразить всей.
Цепи рода – на мне.
Скорбь народа – во мне.
Я застыл у безмолвных дверей.

И.Бокштейн. 1960-е

20 февраля 1972 г. из Москвы вылетел самолет, пассажиры которого направлялись в Израиль. Среди них и 35-летний Илья Бокштейн. Он был одинок, и багаж его вызывал удивление: три чемодана с набросками и черновиками стихотворений, а также 30 законченных произведений. И ничего больше! Наверно, никто еще не направлялся в эту страну с таким наследием. Правда, числилось за ним и кое-что другое: пять лет, проведенных в исправительно-трудовом лагере за антисоветскую деятельность.

Хронологически жизнь его оказалась поделенной на две почти равные части: 35 лет в России и 28 лет – в Израиле. Но по своему содержанию и особенно по значимости они вовсе не равны. Бокштейн в России – это мятущийся, ищущий себя молодой человек, пробующий свои способности в поэтическом жанре, диссидент, узник совести. В Израиле – это сложившийся, набирающий силу поэт. Творчество его отличалось глубиной мысли, оригинальностью и порой вызывало какие-то необычные ощущения. Вот свидетельство одного из почитателей Бокштейна: «Он начал читать сразу, не сказав ни единого слова перед первым стихотворением. Некрасивое его лицо в этот момент было

**Илья Бокштейн. Рисунок
Фриды Лейн, 1999**

настолько прекрасно, что от него невозможно было оторваться. Он не замечал нас – он будто читал стихи Богу. Нервные его руки двигались в ритме стиха, как будто перебирали клавиши видимого лишь ему органа. Я никогда не видел столь обнаженного и всеобъемлющего вдохновения. Он не ждал его, не вызывал в себе искусственно – оно начиналось с первой буквы стиха и так же неожиданно кончалось на последней... Это было счастье чистоты, которое передавалось мне от него. Я был счастлив сидеть с ним в одной комнате и желал лишь одного: слушать еще и еще»¹.

Ныне фигура И.Бокштейна в литературе заметна. Вышли в свет собрание его сочинений (Ч.1–3. Иерусалим, 2001–2003, составитель Мина Лейн, с комментариями), книга Мины Лейн «Генеалогия семьи Бокштейн» и др.; ему посвящена небольшая статья (преимущественно как диссиденту) в Российской еврейской энциклопедии (Т.1, 1994). Однако биография И.Бокштейна, его значимость как человека и поэта для многих остаются неизвестными; в лучшем случае, о нем знают понаслышке, смутно. В настоящем очерке И.Бокштейн показан главным образом как весьма одаренный поэт, чье творчество расцвело и получило признание именно в Израиле.

Илья Вениаминович Бокштейн родился 11 марта 1937 г. в Москве в семье служащего. В роду Бокштейна – профессора медицины (с одним из них я был знаком), крупный математик М.Ф.Бокштейн, автор теоремы, носящей его имя. В четырехлетнем возрасте Илья заболел костным туберкулезом, находился в диспансере, эвакуирован в годы войны. С 1948 г. снова в Москве. В 1941 г. умер отец, мальчика воспитывала мать. Поступив в техникум, больше интересовался философией, историей, литературой. Прошел своеобразную «школу» – курилки и подсобки Ленинской и Исторической библиотек. Эти центры общения читателей, в сущности, были политическими клубами: здесь проходил свободный обмен мнениями по различным общественным вопросам, формировалось мировоззрение некоторой части молодежи. С 1960 г. Илья – студент заочного отделения Московского библиотечного института, где были квалифицированные преподаватели истории и литературоведения.

¹ Попов М. Литературный портрет И.Бокштейна // Бокштейн И. Избранные публикации. Иерусалим, 2001. Ч.I. С.IX.

В то время в Москве у метро «Маяковская» иногда проходили массовые митинги, выступали поэты, писатели и др. И вот 24 июня 1961 г. Илья Бокштейн произнес там длинную речь, названную им «44 года кровавого пути к коммунизму». Несколько человек последовали за ним в метро, затем отвели к нему домой и попросили повторить сказанное. Один из них спросил его, знает ли он, что за такую речь полагается семь лет заключения. *«Я сказал, – вспоминал Илья, – что с уголовным кодексом не знаком, но верю, что это именно тот срок, который мне положен. Впрочем, добавил я, меня это не интересует».* После этого Илья стал выступать в разных местах, среди сопровождающих бывал и Эдуард Кузнецов. После очередного выступления Илью задержала милиция, начальник «водил» его до четырех утра по Москве, допытывался, кто стоит за ним. Илья ответил: «Да, у нашей организации есть атомная бомба!» Его предупредили: в случае повторения его арестуют и передадут КГБ. Вскоре так и случилось. Там ему задавали вопросы: знаком ли он с Троцким, есть ли связь с израильским консульством, с ЦРУ? Илья отрицал. Развернулась традиционная цепочка: Лубянка–Лефортово–суд. Э.Кузнецову дали семь лет, Бокштейну – пять. Он был возмущен и требовал семи лет – это была «революционная романтика».

И вот Илья – в заповедной зоне политических лагерей, в Мордовии. В лагере не было советского общества, ходила шутка: часовые на вышках охраняют нас от советской власти. По словам Бокштейна, *«ситуация в лагере приближалась к положению в высокоразвитой западной стране: многопартийная система, интереснейшие дискуссии... Лагерь был единственным местом, где, например, можно было получить литературу с запада».* Но и свободно можно было получить место под землей, около лагеря. Илье повезло. Бериевский генерал, имевший 25-летний срок, заведовавший бараком, *«часто ночью вызывал меня в “курилку”, и мы долго беседовали о литературе, он был очень образованный человек, и он спас мне жизнь, включив мое имя в список освобожденных от работы по болезни, что было против лагерных правил».* В шеститысячном многонациональном коллективе лагеря шли ожесточенные споры по национальному вопросу; «Союз Михаила Архангела» вел антисемитскую агитацию – Бокштейн сумел предотвратить погром.

И вот, наконец, пришел день освобождения. Существовал такой ритуал: начальство добивалось, чтобы освобожденный узник пожимал руку тюремщику в знак примирения. Бокштейн нарушил эту тради-

цию. Вот запись свидетеля: «Толпа провожавших и кучка начальства замерли, когда Иоффе (один из начальников. – А. Ч.), улыбаясь, с протянутой рукой двинулся к Илюше. Бокштейн поднял недоумевающий рассеянный взгляд своих близоруких глаз: “Руку? Вам? Вы... предатель еврейского народа!” И пошел сквозь ворота под торжествующий вой как евреев, так и антисемитов»².

Наконец, свобода, но что же дальше? Москва для него закрыта, но мать добилась разрешения – и он поселился вместе с ней в комнате в коммунальной квартире. Сам Илья стал читателем крупнейшей Библиотеки иностранной литературы; его даже допустили в зал для научных работников – информационные возможности были сравнительно широкими. Но процесс самообразования должен был найти и творческие выходы. И вот однажды пало на Илью поэтическое озарение. Хотя первые проблески возникли еще в лагере. «За начало моей поэтической деятельности, – вспоминал Илья, – я условно принял 17 апреля 1965 года». На следующий день пришли первые коротенькие стихи, их было 23. И почти все он сразу забраковал. Но бес-искуситель восторжествовал. В Москве начался страдный путь поэта – одна неудача за другой, а Вл. Солоухин заявил: это его не интересует. И все же Илью приняли в неформальное литературное объединение «Спектр», студию квартирному масштаба. Это произошло после того, как писатель Ефим Друц, председатель объединения, огласил восьмистишие И. Бокштейна, которое приведено в качестве эпиграфа к настоящей статье. В СССР ему больше нечего было делать, путь был один – в Израиль.

Илья Бокштейн в Израиле

Каковы были его труды и дни в Израиле? Ответ Илья краток и четок: «Ничем, кроме сочинительства, не занимался». Вот некоторый результат. «Этот невысокий, – отмечает писатель А. Ровнер, – постоянно бормочущий стихи человек с ликом Босха и будто заблудившейся походкой, – автор нескольких тысяч стихотворений и большого, рождающегося тут же, в разговоре с вами, романа». Правда, при жизни поэта вышла лишь одна его книга – «Блики волнь». Принятый в Союз русскоязычных писателей Израиля, И. Бокштейн заполнял своими произведениями журналы «22», «Алеф», «Время и мы» и др. Он вышел за границы Израиля: его имя входило в различные антологии

² Бокштейн И. Избранные публикации. Иерусалим, 2002. Ч. 2. С. 34.

русской поэзии – «Гнозис», «Голубая лагуна» (США), Оксфордская антология «Русская поэзия XX века» (Лондон), «Поэт – поэту» (США) и многие другие.

После смерти Ильи Бокштейна (18 октября 1999 г.) вышел в свет упомянутый трехтомник его произведений. Но и он не охватывает всего массива его творчества.

Обратимся к высказываниям критиков. В 2003 г. К.Кузьминский отмечал: *«Илья живет со мной со дня моего приезда в Америку, с 1976-го и по сю»*; автор назвал трех, авторитетных для него поэтов: Анри Волохонский, Алеша Хвостенко и, конечно, Илья Бокштейн. Оценки критиков поэтики Бокштейна неоднозначны, правда, в связи с неравноценностью различных произведений поэта. Так, израильский писатель Л.Финкель отмечает: *«У него есть хулители и почитатели. Самые большие почитатели найдут в его произведениях строки как бы из арсенала Тредиаковского. Странно переплетаются беспомощные строки с яркими, глубокими, может быть, даже гениальными. Удивительный он был поэт Илья Бокштейн»*. Его считают поэтом-авангардистом. И сам он писал, что его привлекал русский авангард – как специфическая область поэзии, подчеркивал, что *«сегодня поэзия стала более событийной, менее отключенной, менее созерцательной, менее метафизической»*.

Илья Бокштейн пытался глубоко осмыслить и свое творчество, и сами основы поэзии. В эссе «Моя концепция новой поэзии» он подчеркивает, что в основе поэзии должна лежать философская ситуация, философский миф; у каждого поэта должна быть своя философская концепция. Именно в этом И.Бокштейн видит свое предназначение как «поэта-авангардиста». По нашему мнению, оно не привязано к определенному времени. Авангардизм как явление новой современной поэзии присущ многим современным художникам. С течением времени авангардизм утверждается и становится привычным традиционализмом. На деле авангардизм нередко в творчестве одного и того же деятеля сочетается с традиционализмом. Илья Бокштейн – тому пример, несмотря на свой авангардистский «манифест». Поэтому провозглашенный им авангардизм никак не должен отвращать от творчества Бокштейна.

Новые формы стали входить в поэзию давно. Еще в 1836 г. в «Современнике» появилась статья Е.Розена «О рифме». Автор видел будущее русской поэзии в безрифменном стихе – и сам Пушкин его

поддерживал. Но не всякое проявление авангардизма можно рассматривать как позитивное, видеть в нем серьезные перспективы.

Вернемся к конкретному анализу творчества И.Бокштейна, в частности, к тематике. *«Значительное место в моем искусстве, – пишет по этому поводу автор, – занимает исследование творческого процесса... Остальные аспекты моей поэзии: любовная лирика, элегии, забавные миниатюры... психологические и экзотические ситуации... короткие стихи-микрופэмы...»* Поэт стремится достигнуть «синтеза цвета, музыки, образа и философии». Здесь, видимо, ощущается влияние М.Чюрлениса. Исследование процесса творчества – один из аспектов занятий И.Бокштейна. Здесь он выступает как в прозе («О некоторых аспектах поэзии Анри Волохонского»), так и в стихотворном жанре. Например:

Плохих поэтов нет теперь. Ты знаешь,
Из разноцветных строк составить стих нетрудно.
Труднее правила грамматики нарушить,
Чтоб вышла интонация живая,
Безвкусицу ввести в строку умело.

Близко к этому и стихотворение «Художник», в котором представлен Творец. Оно является знаковым в творчестве Бокштейна, существует в разных вариантах.

Знает ли птица, что птица она,
Знает ли ветер, что ветром летает?
Ветер не знает и птица не знает,
Вечно свободной свободы не чает,
Тщетно сидеть у окна дотемна –
Птицам темниц вспышка дали видна.

Поэт Ю.Кац подчеркнул уникальность этого стихотворения – как и всего творчества И.Бокштейна. Он был *«поэтом абсолютно уникальным и, вместе с тем, абсолютно традиционным – в том смысле, что он постоянно подчеркивал связь с предшественниками и спутниками»*.

Знаковый характер носит и восьмистишие Бокштейна – эпиграф к настоящей статье. Повторим его, ибо оно стоит того.

Я – еврей,
Не мадонной рожден,

Не к кресту пригвожден,
И тоски мне
Не выразить всей:
Цепи рода – на мне,
Скорбь народа – во мне.
Я застыл у безмолвных дверей.

(Открытая декларативность личности поэта, его прямоту!) Это маленькое стихотворение обладает большой информативностью и емкостью созданного образа. В этом – уникальность происхождения и положения еврея, в нем – отзыв рокового проклятья веков, невыразимая тоска и скорбь, в нем – безысходность судьбы – перед закрытой и молчаливой дверью.

У Бокштейна целый ряд произведений еврейской тематики. Таковы «Еврейская мелодия», эссе на темы Библии («Рабби Акива», «Иов» и др.). Бокштейн отмечал: *«Я очень много внимания начал уделять философии и психологии еврейства, еврейской метафизике и мистике»*. В поэме «Иудаика» – проблематика метафизики еврейства, *«чуда его выживания и возможности его сохранения и развития в Государстве Израиль, возможности для него подарить миру что-нибудь еще необычное в области культуры»*. И.Бокштейн упоминает свою неопубликованную работу «Уровень самобытности Израиля». Хотя эти идеи остались недостаточно разработанными, но сама их постановка заслуживает внимания.

По мнению некоторых критиков, творчество поэта не предназначено для массового читателя. Это совершенно неверно. Многие стихи Бокштейна лиричны и доходчивы. И не только отдельные стихотворения, но и целые циклы. Например, в цикле «Шатун надежды» 18 стихотворных эссе. Вот «Поэма любви»:

Вдвоем нести любовь нам тяжело,
Но одному мне тяжелее вдвое,
И почему мне так не повезло?
А может, сердце к жалости глухо.
А может, ум так ревностно глубок,
Что женщину к себе не допускает,
А может, потому, что только Бог
Любовью совершенной обладает.

Автор серьезно относится к переживаниям лирического героя, к сложным перипетиям любовного чувства.

Бокштейн не чужд и элегических порывов, напоминающих поэтическую классику XIX в. Вот лишь один из образцов его элегий:

Умолкли леса и просторы,
спокойствие в сумраке рощ.
Из темных лесных коридоров –
тиха затаенная мощь,
не светится влага в овраге,
не плещется в озере свет,
и в кронах не слышно дыхания...
Все в мире полно ожиданьем –
там твой завершается след.

Несмотря на подражательность (прямая параллель – «Воздушный корабль» М.Лермонтова), стихотворение производит отрадное впечатление.

Интересно отношение Бокштейна к поэтическим переводам. Он придерживался мнения, что поэзия непереводаима («поэзия – дыра перевода»). Однако сам много переводил: из Данте, Гете (в частности, вариации на тему «Ночной песни странника»), Верлена, Рильке, Лорки, Элиота и др. Писал поэтические интерпретации. Создал поэму «Фантазия “Гамлет”» в одиннадцати частях. Приведем краткий фрагмент:

Я где-то читал:
безумец ничего не знает о своей болезни.
И все-таки я не могу одобрить всеобщего
мнения о своем сумасшествии.
Зачем ты за портьеру спрятался, Полоний?
Ступай скажи им: бедный Гамлет сошел с ума,
желая уличить убийцу законного царя.

Стихи И.Бокштейна написаны в манере известного перевода Б.Пастернака. Они произвели серьезное впечатление на английского поэта Ричарда Мак-Кинли, который перевел поэму Ильи на английский язык и поместил в сборник «Поэт – поэту». Он, в частности, подчеркнул, что *«Бокштейн развивает тему пастернаковского Гамлета»*, и в то же время он считает: *«Бокштейн, поэт, не похожий ни на какого другого поэта. Мой учитель, поэт Питер Леви, очень любил стихи Бокштейна и считал их образцами самой высокой поэзии, а он*

был чрезвычайно строгим ценителем». Действительно, Питер Леви, профессор поэзии Оксфордского университета, так оценил творчество израильского поэта: *«Стихотворения Ильи Бокштейна, многие из них печальные или трагичные, тем не менее, излучают оптимизм, душевную открытость и чувство духовного возрождения, которые редко можно встретить у современных английских поэтов»*. Профессор Леви так же высоко ценил стихотворение, посвященное поэту Л.Аронсону. *«Стихотворение И.Бокштейна, – писал он, – “В память о Леониде Аронсоне” демонстрирует столь близкое родство с силами природы, которые растворены в человеческом духе, что они не воспринимаются как нечто безличное»*. Эта оценка крупного специалиста – авторитетное подтверждение поэтического мастерства И.Бокштейна. Так он и его творчество приобретали международную значимость.

И.Бокштейн был близок к изобразительному искусству, выступал его тонким ценителем. В его произведениях нередко встречаются имена великих художников: Микеланджело, Тициана, Ван-Гога, Брейгеля и др. Не раз обращался к творчеству Рембрандта, посвятил ему фантазию «Рембрандт», которая состоит из 14 эссе, проникновенных, впечатляющих. В то же время И.Бокштейн критически относился к абстрактному искусству и его представителям. *«Абстракционисты, – писал он, – от Малевича, Кандинского и до Поллака, американского художника середины XX века, претендовали на роль Эйнштейна, они хотели быть учителями человечества, они шли в космос, их картины напоминают космологические построения, они холодны, в них нет тепла...»* Впрочем, И.Бокштейн отзывался с похвалой в адрес израильских художников-абстракционистов, чьи полотна пронизаны теплотой и яркими красками. Подобный отзыв особенно интересен из уст человека, который называл себя авангардистом.

Предмет особой любви Бокштейна – это, вне сомнения, Моцарт. Между прочим, на это обстоятельство в беседе с поэтом обратил внимание Эфраим Баух, друг Бокштейна и издатель единственной его книги «Блики волны» (1986). *«Музыка Моцарта, – утверждал И.Бокштейн, – это сама жизнь в ее совершеннейшей пластике, в ее окончательном выражении. Он как бы создал свой собственный пластический язык, свою собственную образную систему, вот и я хочу сделать это же самое по мере моих сил...»* За рамками настоящего очерка остаются некоторые интересные факты, характеризующие И.Бокштейна как мыслителя и публициста. Он внезапно умер 18

октября 1990 года; похоронен в Тель-Авиве на кладбище Ха-Яркон. Многие творческие замыслы ушли вместе с ним: к огорчению, исчез его богатый архив, а библиотека была безжалостно выброшена на улицу. Надеемся, что в результате дальнейших поисков будут изданы стихи и проза замечательного поэта Ильи Бокштейна.

Выражаю чувство глубокой признательности Мине Лейн, кузине поэта и неутомимому пропагандисту и организатору изданий его трудов, собирателю и хранителю наследия.

Свободная пластика Валентина Шорра

Татьяна Вайсман (Реховот, Израиль)

Валентин Шорр

Январь 1980 года – переезд в Израиль – стал переломным в судьбе художника Валентина Шорра. Осталась позади очень важная часть жизни. Будущее, затянутое дымкой неизвестности, вселяло смутную надежду и любопытство. Его детские годы прошли в послевоенной Москве. Родившись в ноябре 1944 г., мальчик рос в семье деда – Моисея Анисимовича Шорра – уроженца Херсона, перебравшегося в Москву в 1922 г., спасаясь от голода в Украине. Жили тесно, в 20-метровой комнате коммуналки в двухэтажном бревенчатом доме, пережившем еще нашествие Наполеона. Заканчивалась война. Москва постепенно возвращалась к мирной жизни, становилась прежней, узнаваемой. По

улицам гнали серые колонны пленных немцев.

Вернулась домой мать – Янна Моисеевна, ушедшая на фронт с последнего курса ИФЛИ (Институт истории, философии и литературы). Пришел с фронта дед. Отца война не вернула.

Мальчик рисовал с детства и, конечно, был записан в различные кружки, а затем и в городскую детскую художественную школу, которую окончил в 1962 г. Обучение в ней было рутинным – преподаватели придерживались традиций передвижничества и не пытались пробудить воображение учеников. К счастью, в 1958 г. юноша перешел в общеобразовательную школу с художественно-декоративным уклоном в старших классах, где ценились выдумка и оригинальность мышления учащихся, открывались иные горизонты искусства. Этот, хоть и недолгий, опыт на всю жизнь изменил его восприятие мира, дал новый творческий импульс его жизни. Именно с этих пор он стал активно и осмысленно развиваться в своем творчестве. Его профессиональное мастерство быстро росло, но уже не удовлетворяло опережающее воображение.

Немногие сохранившиеся работы того периода показывают желание выйти за пределы реалистического мастерства, обогатив его психологическими характеристиками моделей.

В 1965 г., после нескольких попыток, Валентин поступает в МВХПУ (Московское высшее художественно-промышленное училище, бывшее Строгановское). Но, ближе познакомившись с системой и принятыми в ней методами обучения, юноша понимает, что отнюдь не все соответствует репутации этого вуза и уровень преподавания в нем часто ниже требуемого для высшего учебного заведения такого ранга. Хороших преподавателей нередко перебрасывали из группы в группу, не давая возможности закрепить полученные от них знания. К тому же, некоторые из их числа, незаурядные и посмевшие вступить в конфронтацию с косным ректоратом училища, изгонялись из его стен. Времена были переходные. Еще чувствовался дух «оттепели», и московский андерграунд начинал поднимать голову, но в то же время студентам художественного вуза запрещалось (под страхом исключения) покупать альбомы западных художников, даже в книжных магазинах. Самого Валентина однажды чуть не выгнали из училища за изображение классического «Грехопадения», а за участие студентов в молодежной выставке московских художников ректор получил выговор по партийной линии. (Работы этих лет – в основном натюрморты, пейзажи и студии обнаженной натуры, хоть и достаточно мастерски выполненные, не указывали на будущий путь художника.)

Защитив в 1970 г. диплом, Шорр начал работать в комбинате Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры художником-прикладником. В 1972 г. перешел в Республиканскую мастерскую монументально-декоративного искусства Художественного фонда РСФСР, где сначала работал художником-исполнителем, осваивающим новые для него техники смальтовых мозаик, а с 1974 г. – автором, делающим свое первое произведение из металла. Это 3-метровая медно-стальная композиция «Цветок», созданная к юбилею филиала Ботанического сада МГУ им. М.В.Ломоносова на проспекте Мира в Москве (бывший Аптекарский огород, заложенный в 1706 г. по указу Петра I для выращивания лекарственных растений). Она положила начало художественному направлению «свободная пластика», разработанному Шорром впоследствии. Сам автор так пишет о новом направлении: *«Свободная пластика появилась на стыке скульптурной и биоформ, т.е. форм, образованных самой природой. Она не ограничена сюжетом*

и материалом и, в идеале, так же многообразна, как и создания природы. Это структуры, не идентичные окружающей среде, развивающиеся по своим собственным законам и создающие свой собственный, неповторимый мир. Как смерч, возникающий из плавных воздушных потоков, ломающий все и вся и устанавливающий на определенном участке новый, зримо не связанный с окружением, закон». Новое направление было хорошо встречено художниками, но не замечено прессой 10-миллионного города. Параллельно с монументальной пластикой Шорр работает и над малыми формами (от 5 до 30 см) и выставляет их на различных выставках московских художников. Прием на них идет через массу партийных комиссий, и лишь незначительная часть работ попадает в выставочные залы. В эти годы Шорр создает в содружестве с другими художниками монументальные композиции в Московской области и на Кавказе, много рисует, пишет темперой и акварелью, увлекаясь пластикой линии и тонкостью красочных сочетаний. Будучи членом молодежного объединения Союза художников РСФСР, он подумывает о вступлении в Союз художников СССР, идет обычной для творческих людей дорогой, не думая о других вариантах жизненного пути. Но со временем Валентин начал задумываться о перспективах своей жизни и творчества, жизни своей семьи. Мир манил многоцветием и свободой, хотя пугала неизвестность, отсутствие опыта, незнание языков. Но он решил рискнуть. А рисковать в те годы было чем; просьба о выезде из страны могла с одинаковой вероятностью отправить его на юг или на север. После года ожидания, оплатив государству затраты на свое высшее образование, отказ от гражданства и оценочную стоимость не проданных работ, он с семьей и собакой оказывается в аэропорту Шереметьево, чтобы через несколько часов приземлиться в заснеженной Вене. А 10 января 1980 г. семья Шорр начинает свою новую жизнь в Израиле, в иерусалимском центре абсорбции Гило.

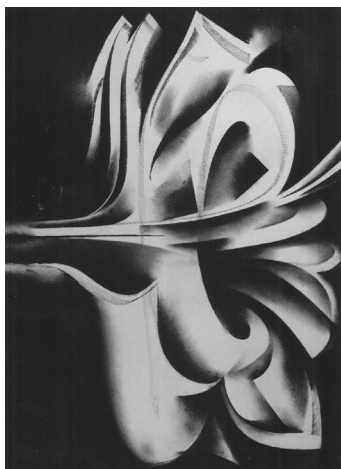
Занимаясь искусством и будучи далеким от проблем соплеменников, он как бы заново проходит трудный путь своего народа, погружается в его заботы и радости, узнает его историю. Художественная жизнь Иерусалима открывается ему постепенно, и, познакомившись с ней, он понимает, что в своих творческих поисках в России шел в русле мирового искусства.

Свою первую персональную выставку «свободной пластики» он собирается открыть в лучшей галерее Иерусалима – «Дебель», но, попав в автокатастрофу, вынужден отложить открытие на неопреде-

ленное время. Наконец, выставка открывается в ноябре 1981 г. и вызывает большой интерес израильских художников, искусствоведов и любителей искусства. Меир Ронен, обозреватель по искусству еженедельника «Джерузалем пост», так пишет о выставке: «...чеканно-медные скульптуры Валентина Шорра – нового репатрианта из СССР – являются приятным и производящим мощное впечатление сюрпризом. Оригинальность Шорра заключается в сильном чувстве формы и дизайна, способности взять двухмерный лист и превратить его в скульптуру, производящую сильное впечатление со всех углов зрения. Несколько вещей этой выставки, подобных все же традиционному двуглавному коню, сделанному из алюминиевого листа, созданы еще в Москве. Одно из первых произведений, которое Шорр завершил здесь, – великолепная интерпретация сидящего торса, одинаково интересного, как спереди, так и сзади, с блестящей зашифровкой груди и позвоночника. Правдивость всей фигуры в целом и ее деталей – пленяют. Все вместе – это впечатляющая вещь. Рядом с торсом – маленькая танцующая фигурка. Единственное, чисто фронтальное решение, блестящий образ Бакста, увиденный Дюшамп-Виллоном или одним из футуристов. Некоторые лежащие фигуры ассоциируются с идеями Эль Греко. Эти, в основном абстрактные фигуры, сменяются более поздними экскурсами Шорра в историю искусства – абстрактными фигурами из гофрированной меди, вызывающими в памяти эру Певзнера, и стоящими и лежащими вещами, являющимися чистым абстрактным экспрессионизмом. Гофрированные вещи (см. “Ангел”) – превосходны, обнаруживают безупречное чувство комбинации поверхностного изображения с объемным...».

Сам Валентин Шорр сообщает в каталоге своей первой выставки: *«Мои работы – творение моих рук, глаз и сердца. Я не пользуюсь эскизами и моделями. Три стихии помогают мне в работе: огонь, подчиняющий металл, делающий его мягким и податливым; вода, охлаждающая пылающий лист; воздух, облачающий его в броню окиси. Под ударами молотка процесс повторяется снова и снова, пока я не чувствую, что вещь удалась».*

А вот, что говорит Илан Нахшон в ведущей израильской газете «Едиот ахронот» 18.12.1981 г. в статье «Ковать железо – пока горячо»: *«...скульптор 37 лет, выпускник Строгановской академии промышленных искусств, оставил после себя в Москве и на Кавказе фигуративные стилизованные скульптуры из металла, часть из которых выставлена в общественных местах. В 1979 г. он успел еще принять*

**В.Шорр. Космический
цветок. Рисунок**

участие в весенней и осенней выставках художников Москвы.

И вот здесь, в Израиле, – если судить по тем немногим работам, привезенным им с собой, – пришла новая весна. Он продолжает, однако, работать в металле, любимом им, и в найденной им технике, вместе с тем резко перейдя к образу более простого мышления, освобождающему линии.

Валентин, бородатый, с буйными волосами, настоящая выставка которого – первая в Израиле, – немногословен. Он говорит руками. Его скульптуры пробуждают в тебе чувство, что каждая из них – физическая борьба, почти насилие над материалом, пока он не подчиняет его себе. Он не поль-

зуется предварительными эскизами или моделями, а куёт железо, пока горячо, после того, как размягчил его на огне, обрабатывает молотком еще и еще до тех пор, пока не почувствует, что создал нужную ему форму.

Иногда ты видишь результат, то понимаешь секрет волшебства работ: будто гигантская рука огромной силы взяла лист металла и смяла его, как лист бумаги, или, выражаясь по-другому: Валентин добивается того, что тяжелый, твердый материал, создающий ощущение жесткости, приобретает свойства мягкого и гибкого материала. У него как будто внезапно вырастают крылья, и он хочет освободиться от силы притяжения и воспарить.

Есть нечто лирическое в металле Валентина, в хорошем смысле этого слова. И эта игра – “твер-

**В.Шорр. Танец. Свободная
пластика, листовая медь**

дое-мягкое” придает работам большую силу. Но мне кажется, что он пока еще “иерусалимский пай-мальчик”, боящийся быть буйным. На мой вкус, если бы он позволил металлу смяться без того, чтобы слишком заботиться об эстетическом результате, то освобождение, через самовыражение найденное в Израиле, было бы полным...».

Тепло принятый израильской интеллигенцией, Валентин Шорр продолжает создавать структуры «свободной пластики». В то же время он начинает серию графических листов (монохромная пастель), о которой говорят: *«Это не эскизы к объемной пластике, а самостоятельные графические структуры на двухмерной поверхности листа, создающие трехмерное зрительное пространство»*. Осенью 1982 г. он демонстрирует их на выставке в Доме художников вместе с металлическими композициями «свободной пластики». 14 октября 1982 г. в испаноязычной газете «Тьемпо Културал», в статье «Музыка твердого материала», Рувен Каналенстейн эмоционально рассказывает о своих впечатлениях: *«...это скульптуры, требующие силы быка и интеллигентности, создающие ощущение тяжести материала и динамичности морской волны, растения или человеческого тела. Преодолевая сопротивление металла руками, Шорр создает скульптуру. Его искусство преобразует каждую ее частицу и придает ей иное, новое звучание. Его работы драматичны. В каждом моменте чувствуется борьба и победа. Используемый материал – медь и алюминий придают им значительность монументального произведения и легкость, ритм и музыку формы. Когда в зале нет публики, Шорр извлекает музыку из скульптур, играет на них. Чувство жизненности, сексуальности дает и игра цвета скульптур – зеленое, коричневое, голубоватое. Есть природа и есть искусство, но только в одной точке они встречаются. Работы, как бы говорят “Нужно жить, просто жить”. <...> Это игра динамики власти, амбиций и мистики. Мир, в котором он родился, непрост: принуждение, цензура, автоцензура. У него нет просто хорошего декоративного искусства, но мощь и сила быка...»*.

Восприятие искусства в России и на Западе различно. Для советского человека – это отдушина в серой действительности, заглядывать в которую не только захватывающе интересно, но и опасно, так как само желание делать это трактуется властью как фрондерство. Да и сами художники, создавая нечто новое, автоматически входят в оппозицию к возмущенной такой наглостью власти, неусыпно надзирающей за своими гражданами. На Западе искусство не несет никаких добавочных политфункций, даже будучи новаторским. Стоя в очереди

на выставку в России 70–80-х годов, зритель как бы выражает немое несогласие с властью, и чем более художник отходит от официального направления искусства, тем больше людей хотят видеть его работы. На Западе к искусству обычно относятся, как к одному из развлечений. Покупают, вешают на стены, приходят на открытия выставок по свойственному человеку любопытству или из дружеских или родственных чувств, но уже на второй неделе выставки залы пусты. Вот, что об этом пишет Рувен Каналенстейн: *«...после двух лет в Израиле художник не понимает безразличного отношения публики к искусству и художникам. В Советском Союзе у людей голод на искусство, они стоят в очередях, чтобы попасть на выставку. Здесь же, как и в Европе, искусство – это бизнес. Немногие понимают его значение. Оно лишь для снобов, коллекционеров и особо чувствующих людей. Здесь больше свободы, но это свобода супермаркета. Бык входит в пустую комнату и экспонирует свою душу...»*.

В 1982 г. Шорр получает две премии по искусству: Гелбера и Гес-татнера. Продолжая работать в металле и каждую свободную минуту отдавая искусству, на жизнь он зарабатывает художником-картографом в археологической разведке земли Израиля. Первая Ливанская война застает его на раскопках в Капернауме (Кфар-Нахум) на Кинерете. Впереди – новая персональная выставка в галерее «Дебель», которую он тщательно готовит и открывает в ноябре 1983 г. И вновь «Джерузалем пост» откликнулся на нее статьей Меира Ронена 11.11.1983 г.: *«...Валентин Шорр приехал сюда из Москвы лишь 3 года тому назад, но сразу же проявился как сильный новый талант. Его настоящая выставка, в основном, в том же плане, что и дебют в этой галерее 1981 года. Шорр кует и выворачивает листы меди в удивительно закрученные объемные скульптуры большой выразительности. Некоторые из них – экспрессионистско-футуристические вариации женского торса, другие – строго осевые абстрактные произведения, как бы соединяющие плавные линии Дюшамп-Виллона с ранними русско-французскими конструктивистами. Шорр, наделенный судьбой золотыми руками и живым умом, также умело обращается и с маленькими изящными фигурками, особенно – полуабстрактными композициями с одной точкой опоры. Он никогда не опускается до безвкусицы.*

Нечто иное являет собой группа из трех стоящих геометрических фигурок сходного решения. Каждая из них – вариация на одну и ту же тему: вогнутое против выпуклого. Однако этот экстракт из Мура, Пикассо и Чэдвика оставил у меня чувство чего-то уже виденного,

несмотря на оригинальное решение. Так же эффектны монохромные пастели, сделанные, скорее, в футуристической манере...».

Все это время, наряду с персональными, Шорр активно участвует в различных групповых выставках, в текущих экспозициях галереи «Дебель», совместной выставке в галерее «Шуламит» в Тель-Авиве, открывает персональную выставку в «Садах Иегошуа» в Тель-Авиве, собирает 3,5-метровую стальную композицию «Астроном» по заказу иерусалимского муниципалитета, в 1985 г. получает премию по искусству имени Иосифа Кузковского – живет активной жизнью современного художника. В 1986 г. на выставке Союза художников «Разрез 3» Валентин выступает с протестом против пустоты современных израильских произведений искусства, отобранных Музеем Израиля для экспозиции в своих новых залах. Он переворачивает свои работы вверх ногами и экспонирует рядом меморандум на трех языках. Впервые он видит неослабевающий интерес зрителей и прессы. Вот что пишет художник в тексте своего меморандума: *«Друзья! Перед вами первые проявления НОВОГО, поистине НОВОГО, удивительно НОВОГО взгляда на привычно окружающие вас вещи. ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР – это так просто и так НЕОБЫЧНО, КРАСОЧНО, АКТИВНО! Новое направление в живописи, скульптуре, графике! Охватывающее все виды искусств – без исключения! Каждый, да каждый может присоединиться к нам! Если: мозги его действуют нерутинно, если он немножко, о да, только немножко – свихнулся и может взглянуть на МИР перевернутыми глазами. И третье – ежели он достаточно профессионально грамотен, чтобы принимать участие в наших выставках-представлениях.*

Вы спросите – а какие критерии? Критерии ИСКУССТВА давно закопаны на Масличной горе и ждут прихода МАШИАХА. Это так, друзья. Но все это в вашем МИРЕ. А в нашем ОПРОКИНУТОМ, чуть-чуть чокнутом, – они живы! Да еще как живы! Они действуют повсеместно, во всех направлениях и на всех языках! Мы не пользуемся такими изжеванными понятиями, как умение правильно рисовать, лепить и писать, хотя и это, друзья, не так уж плохо, как кажется с первого взгляда. Но – понимаешь ли ты, что делаешь? Знаешь ли ты, что такое – ПЛАСТИКА, КОМПОЗИЦИЯ, ФОРМА, ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, ЦВЕТ, игра – в конце концов! Понимаешь ли ты элементарную разницу между телеграфным столбом и скульптурой, живописью и покраской забора, рисунком и плевком на стене. Да, да – плевком! Таким серым и невыразительным! Таким бездарным! В тебя. <...> В нашем МИРЕ

В.Шорр. Жемчужина. Парковая пластика, нержавеющей сталь

– так же радуются и плачут, так же рождаются и умирают – как и в вашем. С одной лишь только, пусть незначительной, разницей – мы делаем это вверх ногами, по отношению к вам! И одна непроверенная, но удивительная мысль! Возможно, закапывая своего в бозе почившего покойника в землю под нашими и вашими ногами, вы даете нашему ПЕРЕВЕРНУТОМУ МИРУ – нового, радостно смеющегося младенца! Как и мы вам, впрочем. Так-то друзья!»

Израильские газеты заинтересовались протестом. Правда, их трактовка события была несколько противоречивой и снисходительной. Далия Манор в газете «Коль Йерушалаим» от 17.1.86 г. в статье «“Разрез 3” – нет общего лагеря» недоумевает: «...Валентин Шорр в своих произведениях выступает с наивной демонстрацией протеста против современного израильского искусства, выставленного в новом зале Музея Израиля. Он повесил манифест на трех языках и объяснение о перевернутом мире, в котором мы живем, и, в придачу, вопросы о понимании искусства, такие как: “Знаешь ли ты разницу между телеграфным столбом и скульптурой?” Рядом с манифестом ряд картин, повешенных вверх ногами. Изображения детей, царей, уродов – головой вниз. Шорр, по-видимому, еще не понял, что в запутанной системе израильского искусства протесты в Доме художников не помогут, максимум вызовут улыбку...».

А Рахель Азуз в иерусалимском выпуске газеты «Маарив» 24.1.86 г. пишет нечто иное: «...Другой подход демонстрирует Валентин Шорр. Стены Дома художников дают ему возможность выставить протест. Основа протеста – выбор работ для экспозиции

в зале израильского искусства, сделанный Музеем Израиля. Его предложение – идея “Перевернутые миры”. Манифест написан на трех языках: иврите, английском и русском, и его картины, повешенные вверх ногами, кроме одной, висящей правильно, чтобы показать, что еще есть надежда. Есть в этом восприятии искусства нечто романтическое. Приятно сознавать, что в XX веке есть кто-то, видящий в искусстве романтические ценности. Сами картины, перевернутые или нет, изображают фигуративные образы: возможно, мужчины, возможно, женщины, возможно, животного – мастерски нарисованы пастелью. Подчеркивается выразительность световой игры в духе Рембрандта...».

Это была попытка обратить внимание на пустоту и вторичность современного израильского искусства, на отсутствие каких-либо критериев, позволяющих отличить его от природных или рукотворных практических созданий человека, которая, судя по отзывам прессы, ни к чему серьезному не привела. Разговор не состоялся. Но Шорр, продолжая развивать свой проект, сделал макет и модели пластических фигур выставочно-музыкального шоу, основанного на идее перевернутых миров. Укрепленные в гнездах рельсовых потолочных конструкций, они перемещались, меняя экспозицию, вращались, изменялись в цвете, выборочно высвечивающем отдельные узлы композиций. Космическая музыка и стихи создавали звуковой фон. Отдельные фигуры, оставаясь в обычном стоячем положении, создавали бы у зрителя ощущение сопричастности. Понимая, что в одиночку, без капиталовложений не сможет справиться с таким проектом, Валентин предложил его главному куратору Музея Израиля, объяснив ему не только художественное, но и культурно-мистическое значение действия, позволявшего зрителю внезапно перенестись в иной мир культуры. Но главный куратор отказался субсидировать проект, лишив Шорра возможности осуществить эту концептуальную идею. Ни до, ни после Музей даже близко не подходил к подобным проектам, оставаясь в рамках обычных, стандартных выставок. Вот как сам Валентин объясняет свою идею: «Откуда пришло желание создать ПЕРЕВЕРНУТЫЕ и ОПРОКИНУТЫЕ МИРЫ? Прежде всего – протест. Да, да. Это движение родилось из протеста против безвкусицы, бездарности, бездушной серости, заполнивших наши выставочные залы. Против дикой, ничем не оправданной наглости сереньких оформителей, поднявших руку на ВЕЛИКОЕ и пытающихся возвести свою бездарность в ранг Высокого Искусства. Против презрительного отношения к МАСТЕРСТВУ, великому мастерству –

позволяющему выхватить из Леты – ПРЕКРАСНОЕ, подобному МАСТЕРСТВУ самой ПРИРОДЫ. Против серенького, безмозглого зрителя, что так боится отстать и прослыть невеждой, хотя им и является, не давая себе труда пораскинуть собственными мозгами, подняться немного выше своего дремучего невежества. Против алчных журналистов, ищущих только сенсацию, скандал и заставляющих хитрую “художественную” братию кривляться, в надежде привлечь их “просвещенное” внимание, а с ним и деньги, что тупая толпа готова платить за зрелище. Против желания заработать любой ценой, не обращая внимания на ближнего, даже переступив через него, раздавив его, издеваясь над ним. Короче – против наглости, тупости, бездарности! <...> Высокое ИСКУССТВО – прекрасно. Это не три ящика, набитых соломой и поставленных один на другой. Не кучка собранных и облитых лаком экскрементов. Это ДУША, ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, ГАРМОНИЯ, РИТМ, ЦВЕТ, ФОРМА и МАСТЕРСТВО. Семь сверкающих камней в короне большого ИСКУССТВА. Семь великих МУЗ, являющихся нам в облачении красок и форм».

Шел 1987 год. Мир изменялся. В СССР вовсю разворачивалась «перестройка». Ушедшее, казалось бы, навсегда неожиданно вновь вернулось, стало доступным. Что-то сдвинулось и в израильской действительности. И вот уже Шорр участвует в выставке 24 русскоязычных художников в кнессете, давая возможность членам парламента и правительства познакомиться с русскоязычной частью культуры страны. В 1986–1987 гг. он работает над дизайном обложки книги «По тропам еврейской истории». В 1988 г. он экспонирует свою пластику на выставке избранных работ галереи «Дебель» и обдумывает персональную выставку картин. Начинает писать стихи. О себе говорит: *«По характеру я – художник-экспериментатор и постоянно ищу новое. В искусстве меня притягивает его многогранность, возможность выразить себя в разных видах. Еще в СССР я одновременно занимался ювелирным искусством, свободной пластикой, живописью и графикой, в каждом виде создавая нечто свое, не похожее на других. Я не люблю многофигурные, сложные композиции, и обычно мои работы знаково однозначны. Меня интересует пластика форм, ритм, характер и цвет. Как поэт, пишущий кратко, но емко – я стараюсь эти качества вложить в свои произведения, придав им свое личное звучание».*

В 1988 г. Валентин открывает свою первую концептуальную выставку «Образ» в Доме сионистской конфедерации в Иерусалиме. Живописные персонажи, населяющие его миры-перевертыши, перемежа-

ются с кривыми зеркалами, гротескно меняющими облик зрителя. Он предваряет выставку словами: *«Искусство – это лицо Бога, заглянувшего в наше невзрачное жилище»*. Через все красной нитью проходит тема предопределенности: *«Все мы куклы, друзья! Маленькие куклы, в огромном театре. Театр, в котором актер – каждый. Добрый и злой, богатый и бедный, философ и глупец – затаенная нить быстро сменяющегося действия. Комедии, кончающиеся трагедийно, и трагедии, вызывающие смех. Гневный лик Режиссера из-за облачных кулис и указующий перст, требующий продолжать. Продолжать что? Пьесу, роман, или нашу собственную, не так уж мудро устроенную жизнь. Нашу жизнь. От начала и до конца. От восхода и до заката. Не думая, не споря, не выбывая из игры»*.

Грустные интонации этой выставки как бы продолжают, переходя в ухудшающееся положение всей страны. В 1989 г. Шорр еще участвует в конкурсе-выставке парковых скульптур Музея искусств города Герцлии. Затем арабские вооруженные выступления изменяют нормальное течение жизни. Иссекает поток туризма. Закрываются галереи. Разразившаяся в 1991 г. американо-иракская война (1-я война в Персидском заливе) уничтожила почти все возможности демонстрации своего творчества. Но после войны, в 1992 г., Шорр выигрывает конкурс на монументально-парковую композицию для городка Бейт-Арье и в 1995 г. устанавливает ее на въезде в город. К сожалению, работы этих лет нигде не показываются, так как выставочная жизнь Иерусалима почти полностью ограничена Музеем Израиля и Домом художников, а галереи, игравшие роль оппозиции Музею, больше не существуют. Несмотря ни на что, Валентин продолжает работать и писать стихи. В 2000 г. он издает свой первый сборник – «Коллаж-1» с собственными иллюстрациями, а в 2004 г. становится лауреатом конкурса поэтов имени Ури Цви Гринберга, в 2005 г. – дипломантом этого конкурса. Через год выходит новый сборник – «Коллаж-2», также иллюстрированный автором.

В 2008 г. в «Театрон Йерушалаим», главном иерусалимском театре, с успехом проходит выставка фотокартин художника «Световая западня» в рамках направления «свободной пластики», спонсором которой являются муниципалитет Иерусалима, иерусалимский Фонд искусств и сам Иерусалимский театр. В том же году Шорр стал лауреатом конкурса имени И.Н.Радзивиловского за скульптурный проект «Сдом».

Валентин Шорр продолжает работать в этом направлении искусства.

Узнав, что на страницах этой книги публикуется эссе, посвященное Этели Ковенской, я попросил позволения предварить его немногими абзацами.

Этель Ковенская была открытием Соломона Михоэлса, для достойной оценки ее таланта ни одного из моих эпитетов и восклицаний оказалось бы недостаточно.

Она и великий Вениамин Зускин подарили зрителям на сцене Государственного еврейского театра – ГОСЕТа – характеры главных героев «Блуждающих звезд» такими, какими, полагаю, хотел их видеть Шолом-Алейхем.

А после бандитского сталинского уничтожения легендарного еврейского театра Этель Ковенская воссоздала характеры Дездемоны в шекспировском «Отелло», Нины, а также баронессы Штраль в лермонтовском «Маскараде». В этих спектаклях Этели довелось играть вместе с уникальным трагиком Николаем Мордвиновым. Там же, в московском Театре имени Моссовета, куда ее пригласил знаменитый Юрий Завадский, Этель Ковенская с блеском играла в шекспировских «Короле Лире» и «Виндзорских проказницах». Мне повезло на всех этих спектаклях бурно аплодировать искусству актрисы.

О дорогой нашей Этели, уже десятки лет живущей и творящей на обетованной земле, прекрасно поведал мой друг писатель Леонид Финкель, которому я с удовольствием уступаю слово.

Анатолий Алексин

Актриса будущего (Этель Ковенская)

Леонид Финкель (Ашкелон, Израиль)

Я позвонил:

– Этель, доброе утро!

Откликается радостно, с каким-то виртуозным блеском. И в этом голосе есть бес. Я не знаю, что за таинственная сила живет в ее голосе, думаю, ни один философ этого не объяснит. Ее голос выходит не из горла, он поднимается как бы изнутри, от самых подошв, и в ее трепетном бесе есть что-то от веселого демона.

Я слышал слова одного еврейского хазана: «Когда со мною поет бес – мне нет равных»...

Этель Ковенская для меня больше, нежели просто собеседница. С ее жгучим сомнением, с ее подъемом в дворцы успеха, с ее атрибутами Дара, лишь по редкой случайности выпадающего человеку, ныне и присно и через десятилетия она заражает своим чувством,

своей страстью *играть*, а это уже пища для того зародыша безумия, без которого нельзя писать ни рассказов, ни пьес, ни стихов...

Сегодня в Израиле Этель Ковенская, кажется, единственная из тех, кто играл в спектаклях Михоэlsa, а потом, совсем молодой, в театре им. Моссовета у Юрия Завадского (с Мордвиновым! В «Отелло»!).

Этель Ковенская в фильме
«Мать Валентины»

Ее родной язык – идиш. И польский. Потом – русский язык и русский театр. Чтобы не расстаться со своей профессией, в Израиле выучила иврит.

В ее жизни было несколько поворотных моментов: когда мама и дядя послали ее в театр к Михоэlsу, когда она пришла к Юрию Завадскому и когда вместе с мужем приехала в Израиль.

Впрочем, был еще один, как теперь модно говорить, момент истины: четырнадцатилетняя школьница Этель Ковенская с только что освобожденных «западных территорий» (Гродно), хрупкая, умирающая от волнения, вышла на сцену читать Маяковского.

– Я достаю из широких штанов дубликатом бесценного груза...

– Не штанов, а штанин, – подсказывают из зала.

В тот миг она чуть не потеряла сознание.

И вдруг оглушительные аплодисменты: Эточка Ковенская получила первый приз.

Актерство – это не платье, не шляпка, не перчатки. Актерство нельзя надеть и снять в костюмерной.

На сцене она – актриса. И на улице говорят: актриса. И потом, пройдут года, скажут: а она все еще актриса!

И не выпрыгнуть из самой себя...

При въезде в любую страну надо указать в таможенной декларации, какие ценности ввозишь.

За ее плечами ничего не было, кроме Еврейского государственного театра и театра им. Моссовета.

И мужу нечего было декларировать, кроме своего таланта...

Они гастролировали в Соединенных Штатах Америки и в Канаде, в Австралии, в Европе.

Между тем она очень непритязательна: ей вполне достаточно зрителя и сцены. Зритель в партере. И на галерке. И в небесах. Для него живет. Лицедействует. Поет...

Странно, как быстро в детстве исчезают страхи.

После тревоги вернутся. И уже не оставят никогда. Однажды, уже после закрытия Еврейского театра, какие-то люди остановили ее на лестнице. Из-за одного плеча выглядывал дворник. Из-за другого – мужчина с женщиной: понятия.

«Ну вот, и за мной пришли».

– Покажи, кто где живет...

Они шли по длинному коридору. Останавливаясь у каждой двери:

«Пронеси, Боже, пронеси...»

Прошли в конец коридора. Там жил еврейский писатель Дер Нистер. Дверь открылась, и она увидела стол, стакан с недопитым чаем, гору сушек. Семидесятилетний писатель давно ждал непрошенных гостей. Ему даже было неловко, что всех друзей давно взяли, а за ним все не идут. Он поднялся с кровати, на которой лежал полностью одетым. Шагнул навстречу и, ни к кому не обращаясь, сказал: «Слава Богу».

Жена подала заранее подготовленный узелок.

Через год его расстреляли...

Ей было 15 лет, когда наступила абсолютная полнота жизни. Что-то вроде рая. То время остается для нее образом утраченного рая и по сей день.

– Ты будешь играть Рейзл, – сказал Соломон Михоэлс.

Это сейчас она пытается объяснить себе, почему было так хорошо. А тогда просто жила в раю, где были краски такой яркости и свежести, какой больше не будет никогда, ее любимые краски, например чистая нетронутая голубизна. Любимая краска Марка Шагала.

Однажды мама сказала:

– Я хочу, чтобы ты нашла то, что я потеряла.

Мама была прирожденной актрисой. Шимон Финкель, ведущий актер «Габимы», – ее другом. Она сидела на скамейке, а Шимон ра-

зыгрывал перед ней занимательные истории. Они играли в одном кружке в Гродно.

Но, кто знает, может быть, мать просто вытолкнула дочь в Москву, спасая от будущей беды, от войны, от голода?

Кто такой Михоэлс? Этель понятия не имела. Дядя привел ее в студию. Михоэлс сказал: «Вы же знаете, что она по возрасту совершенно не подходит». А дядя говорит: «Вы только посмотрите на нее». Вмешалась секретарь: «Нет, у нас не детский сад». Дядя не отступал: «В паспорте написано, что ей уже шестнадцать лет».

А ей еще и пятнадцати не исполнилось... За коробку конфет мама сделала паспорт...

– Что мне читать? А петь? Может, Бог спасет, а может, что-нибудь и спою. Только я все песни забыла. Все забыла...

– Ну хорошо, тогда спой какую-нибудь мелодию без слов. И вытщи платок из-за рукава, – приказал сидящий в зале Михоэлс. – Следи за музыкой, води себя так, как подсказывает музыка...

И он дал знак пианисту. Пианист одновременно пил чай, читал газету и пробегал пальцами по клавишам. Впрочем, дело свое он знал великолепно.

Поет. Слышит из зала:

– Это же песня из нашего спектакля!

А она и понятия не имела.

– Ты Этель? А я директор театра – Беленький... Слушай, только не принимай всерьез все, что я скажу. Михоэлс хочет попробовать тебя на роль...

– Какую?

– Рейзл в «Блуждающих звездах»...

– Что такое «Блуждающие звезды»?

– Двое влюбленных из романа Шолом-Алейхема... В труппе Гоцмаха «звезда» – Лейбл, в труппе Щупака и Муравчика «звезда» – Рейзл. Лейб и Рейзл любят друг друга...

– Так почему же они не встретятся?!

– У их счастья две левые руки. В общем, если не получится – не переживай...

Зовет Михоэлс:

– Помнишь мелодию? (Поет.) Так... Теперь я дам тебе три слова...

– Какие?

— «Почему ты наш отец, почему, ведь, кажется, отец, ай-ай-ай!»

И она сочиняет песенку, которая останется в спектакле навсегда!

Сам роман прочла ночью. За ночь до вызова в театр. Обычно она спала в кабинете, где тетя работала, засыпала мгновенно. А тут сказала:

— Спать нельзя!

Зажгла огромную лампу и за ночь прочла весь роман.

Тетя кричала:

— Что ты делаешь, хочешь израсходовать месячный лимит?

Теперь она знала, что происходит. Лейбл и Рейзл полюбили друг друга еще в местечке, но встретиться им не суждено, так как гастроли двух труп не совпадают.

О, как ей хотелось, чтобы они встретились!.. Начинает песню, и вдруг все у нее превращается в молитву... Она обращается к небу. К Богу. Разговаривает с Богом. Им для нее стал отец, которого дал ей Михоэлс. ...Поднимает руки вверх. Руки у нее красивые, не надо их ставить, природа поставила, и слово пошло вверх, вверх, вместе с руками, и песня как бы сама выходила из нее.

Сама удивлялась: не играет... Живет... Михоэлсу только это и надо. На его глазах рождается знаменитая песня. И вот уже крики:

— Бис! Bravo!

Буря аплодисментов...

Песня заканчивалась вопросительным знаком. Видимо, потому что в вопросе всегда больше правды, чем в ответе. Все народы говорят «Да!», а евреи вместо восклицательного знака ставят знак вопросительный: «Да?» — между прочим, очень похоже на «нет». Это Михоэлс считал, что интуиции у нее больше, чем таланта... И он сказал:

— Лучшей Рейзл нам не найти!

Позже, выступая в Нью-Йорке, ее Учитель объяснил:

Этель Ковенская и Лев Коган

«Нам нужна была молоденькая и обворожительная девушка. Мы не хотели никаких компромиссов в отношении этой центральной роли и искали молоденькую особу. И нашли, на первом курсе нашей студии. У нас была юная студентка – ей было всего 16 лет, ей мы доверили центральную роль в “Блуждающих звездах”, и не ошиблись!»

Ее муж, замечательный композитор Лев Коган, сказал:

– Занимается исключительно самоедством. Из сделанного ничего не нравится. Никаких похвальных слов о себе всерьез не принимает... Я проверил. Точно. В ее глазах – бесконечная грусть о недостижимом...

А тогда она каждый понедельник в 11 утра приходила на репетицию к Михоэлсу. Репетиции шли в его кабинете. Там всегда было полно посетителей. Однажды в этой очереди вдруг увидела великого тенора – Лемешева с женой! Лемешева! Чтобы постоять в калосах Сергея Лемешева в раздевалке театра, его поклонницы платили деньги! И немалые...

Соломон Михайлович никогда не повышал на нее голоса:

– Слышишь, деточка... Сделай так, деточка...

Только однажды, встретив ее за кулисами перед спектаклем, сердито сказал:

– Я ведь запретил тебе клеить ресницы в первом действии!

Он схватил ее ресницы и тут же отдернул руку.

– Господи, я и не знал, что они у тебя такие длинные...

Она расплакалась... Скорее всего, сказалось напряжение от спектаклей...

Художнику, который решил писать ее портрет, она поначалу отказала:

– У меня много веснушек, я не хочу, чтобы ты писал мои веснушки.

– Хорошо, не буду.

Встретились они в Париже, где театр Моссовета был на гастролях: он – известный художник, она – известная актриса. Было соучастие душ. И еще грусть: почему вместе с известностью исчезают и веснушки?..

Да, она была молода, наивна. Михоэлс начинал объяснять суть роли, а она махала рукой: знаю, знаю! Конечно же, Михоэлс ей очень

доверял, доверял абсолютно, заставляя доверять и ему... Рейзл, еврейская Джульетта, пылкая, любящая...

– Как я могла ее сыграть? Сама не знаю. Я ведь еще не была ни разу влюблена, а играла такое подлинное, сильное чувство. Это Михоэлс угадал. Разгадал во мне то, чего я сама про себя не знала. Рейзл – это была я, и внешне, и внутренне: провинциальная девочка, порывистая, влюбленная, не понимающая толком, что с ней происходит, взрослеющая на глазах...

Поначалу я играла только для одного зрителя: для Михоэлса. Если я его не видела, сразу путалась, сбивалась с текста.

– Делать нечего, – говорил Михоэлс и во время спектакля садился в оркестровую яму, рядом с дирижером. И так очаровательно улыбался. Улыбался ей.

В мае 1941 года ГОСЕТ показал премьеру в Ленинграде.

После короткого отдыха в середине июня уехали на гастроли в Харьков. Вечерние спектакли заканчивались, а зрители не расходились. Иногда начинались импровизированные ночные концерты. Зрители и актеры пели любимые еврейские песни...

22 июня днем шел спектакль по Гольдфадену.

Во время завтрака сообщили: по радио ожидается важное правительственное сообщение. Включили радио. Молотов начинал свою речь...

Спектакль идет по расписанию. Но Михоэлс прервал его. Вышел на авансцену.

– Война... Что делать? Уничтожить гада!

Утром театр выехал в Москву, а 22 августа 1941 года ГОСЕТ эвакуировался.

...Она часто вспоминает день, когда освободили ее родной город Гродно. Из тех мест, где жили все родственники, никто не успел эвакуироваться. Что с ними, она не знала.

– Ну что ты такая грустная? – спрашивали ее.

– Я не грустная, я встревоженная...

Михоэлс успокаивал:

– Все будет хорошо. Будем надеяться!

Заходит в большой репетиционный зал. Михоэлс читает лекцию. Она не слышит, точно находится в другом мире. В ушах – выстрелы, крики, все знакомое по кинофильмам, спектаклям...

Сама – сплошной комок нервов.

Вдруг – стук в дверь.

Когда Михоэлс выступал, были святые минуты. Никто не смел его тревожить. А тут – стучат:

– Ковенскую к телефону!

Про тот страшный день рассказывала ей мама. Родственники оказались в семейном лагере, в лесу. Держали связь с другим партизанским отрядом. Вдруг – немцы! Все, конец... Окружили, идут цепью... Неожиданно является связной из партизанского отряда:

– Ну что вы сидите? С неба ангелы прилетели!

– С ума сошел! Какие ангелы?

– Русский десант!

И впрямь молодой человек, весь в амуниции с ног до головы, буквально падает с неба. На чистейшем идиш говорит: «Я только что из Москвы! Вчера был в еврейском театре, там спектакль – потрясающий – “Блуждающие звезды”! И такая девчонка играет! Как ее? Ковенская...»

– Ковенская?! – И мама упала в обморок. Когда десантник узнал, что это родители той самой Ковенской, он снял с себя все, все вещи оставил родителям, уехал полураздетый и сказал: если перелетит линию фронта, непременно свяжется с популярной актрисой... Увы, не связался. Наверное, не перелетел...

В сорок первом году зимой в гостинице «Москва» Михоэлс встретился с писателем Вл.Лидиным:

– Когда снова откроются театры, надо будет начать с чего-нибудь шумного, веселого, чтобы люди встряхнулись. Довольно этого мрака¹.

ГОСЕТ начал послевоенную жизнь со спектакля «Фрейлехс». Снова в родном театре. На родной сцене. И говорит на родном языке: «Не будем стесняться своей крови!»

Ах, как пела скрипка: надоели чужие свадьбы! На своей играть хочу...

Ковенская играла жену николаевского солдата. Помнится быстрый проход действующих лиц по авансцене. В зале – министр иностранных дел Литвинов и начальник Совинформбюро Лозовский. Кра-

¹ Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998.

ешком глаза видит одного и другого. Очевидцы утверждают, что при взгляде на Ковенскую оба поправляли галстуки...

...Перед мной уникальный пригласительный билет. Кабинет актера и режиссера Всероссийского театрального общества приглашает на очередное заседание (14 марта 1946 года), посвященное проблемам современного актерского искусства. В программе доклад известного театроведа Юрия Головащенко «Индивидуальность актера и спектакль», в котором анализируются новые актерские работы М.И.Бабановой, И.Н.Берсенева, М.П.Болдумана, Ю.С.Глизэр, Алисы Коонен, О.В.Лепешинской, В.П.Марецкой, М.Т.Семеновой, Г.С.Улановой, и среди этих, теперь уже великих имен... совсем молодая Этель Ковенская! В отличие от настоящего будущее всегда в здравом уме: оно отбирает достойнейших.

Талант Этель Ковенской проявил себя сразу. Был отмечен людьми, мнение которых и сегодня бесспорно.

Осенью того же года ВТО организовало двухдневную дискуссию о творчестве молодых актеров под председательством А.А.Яблочкиной.

Вот выдержки из стенограммы выступления Александра Яковлевича Таирова, чародея театра, человека, как его характеризовали современники, крайне откровенного и принципиального²: «...Когда мы говорим о молодых актерах, мы часто забываем их возраст. Мы забыли, что Гамлету “пошла осьмнадцатая весна”, что Джульетте неполных пятнадцать, а играют их люди, хорошо, если им “под пятьдесят” ...Меня очень и очень обрадовало появление на сцене нашего ГОСЕТа по-настоящему молодой, яркой и самобытной актрисы Э.Ковенской. Посмотрите спектакль “Замужество” Переца, где Ковенская играет Сореле. Скажите мне, где, в каком московском или ленинградском театрах имеется равная молодая героиня? Этот спектакль мы с Алисой Георгиевной Коонен смотрели два раза... Если Соломон Михайлович разрешит и не будет возражать, мы готовы пригласить актрису Ковенскую на гастроли в наш Камерный театр»³.

² Из выступления 20 сент. 1946 г. // Архив Леонарда Гендлина, секретаря А.Я.Таирова.

³ Алеф: Международный журнал. 2004. №912. С.12.

А Алиса Коонен на том же совещании и после, в программе московского радио сказала: «...*На меня, актрису и женищину, глубокое впечатление произвела игра и необыкновенное человеколюбие юной актрисы ГОСЕТа Ковенской... Я видела ее только в одной роли Сореле. Посмотрите, товарищи режиссеры, как она двигается по сцене, как просто и человечно смотрит в глаза своим партнерам, как она плачет, как смеется, ведь на ней держится весь спектакль!.. Сегодня Ковенская смело может взяться за любую роль молодой героини – и драматическую, и комедийную, и трагическую. Прошу вас, запомните ее глаза, жесты, улыбку, мимику...*»⁴.

Заветные слова были найдены. Ее глаза, жесты, мимика и сегодня гипнотизируют, будь то концертное выступление или обыкновенный житейский разговор. В отзывах на ее роли угадывается чувство какой-то неожиданной благодарности.

Из выступления Аллы Константиновны Тарасовой: «*Соломон Михайлович Михоэлс и очаровательный Зускин уговорили меня прийти в ГОСЕТ на “Замужество” Переца. За нами увязались Кедров, Кторов, Марков... С первого своего выхода меня заинтересовала чудесная молодая актриса Ковенская, мы следили за ней не отрываясь до самого конца спектакля, и, честно говоря, нам жалко было расставаться...*»⁵.

Мария Осиповна Кнебель: «*Я безмерно рада, что увидела умную (в наше время это редко бывает) актрису Ковенскую, которая своей игрой, своим отношением к образу потрясла меня. Вот как надо играть! Вот как надо творить на сцене! Какая удивительная самоотдача! Какое чувство и сколько страстей в этом хрупком создании!.. Вот с такой актрисой интересно работать, несомненно, что **Ковенская – актриса будущего***» (выделено мной. – Л.Ф.)⁶.

А уже готовилась премьера, по замыслу исключительная в истории театра: «Реубени, князь Иудейский».

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Но ничто не утешало Михоэlsa. Какие-то тайные токи, которые по молодости миновали его актеров, коллег, его друзей, точно губка вбирал Художественный Руководитель.

Леонид Осипович Утесов рассказывал: *«Поздней осенью 1947 года я встретил Соломона Михайловича. Михоэлс сказал: “Не понимаю, что делается вокруг, не понимаю людей. Театр погибает. Даже на “Фрейлехс” зал пустоват...”*⁷.

*Разные были в еврейской истории времена. Неволі хватало... Да, евреи средневековья, бывало, вынужденно отрекались от своей веры. Но если и отрекались, то ночами тайно молили Бога простить их слабость...»*⁷.

Этель вспоминает: «Никогда не забуду те дни, когда поступило скорбное известие: нет больше Михоэlsa... Нет...»

Гроб с телом привезли на Белорусский вокзал. И необычайная тишина. Десятки тысяч людей, собравшихся на вокзале, стояли и молчали.

Потом панихида у здания театра. Жена Горького Екатерина Павловна Пешкова положила у ног Михоэlsa лилии.

Пел Иван Семенович Козловский. Будто в морозном воздухе кто-то тронул серебряную струну.

Играл Эмиль Гилельс. Какая-то таинственная жизнь шла вокруг. А на крыше двухэтажного дома напротив театра – маленькая худенькая фигурка человека, играющего на скрипке.

Скрипач на крыше... В такую стужу...

Гроб с телом Михоэlsa до панихиды привезли в лабораторию академика Збарского, того, который бальзамировал Ленина. Когда гроб открыли, стало ясно то, что таким воплем выкрикнула в первые минуты Ковенская: «Убили!»

Садина на правом виске. Сжатые кулаки.

Перец Маркиш, увидев Михоэlsa в гробу, воскликнул:

– Не поднимайтесь туда! Ничего общего со Стариком...

До пяти часов вечера Збарский «чинил» разбитую голову Михоэlsa, стараясь придать ей человеческий вид...

По театру ходили чужие люди. Чужим был зрительный зал. Чужой была сцена. Неужели не настанет утро? Неужели это последний вечер?

⁷ Гейзер М. Соломон Михоэлс. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. В.И.Ленина, 1990. С.185.

Она наступала на какие-то обрывки декораций, костюмов. И вдруг ей показалось, что под каблуками сочится кровь.

На полу валялись полотна Шагала.

...Через много лет в Иерусалиме открылась выставка декораций к спектаклям ГОСЕТа с огромными полотнами великого художника. То были те самые, чудом уцелевшие декорации.

Этель не очень охотно рассказывает о работе в театре на идиш в Израиле. После разгрома ГОСЕТа она как бы подошла к краю земли. ГОСЕТ был для нее... ну, что ли... «сверхчеловеком», все остальное – «человеки», просто «человеки». Гибель Еврейского театра сломала традиции, сбила еврейскую культуру с пути цивилизации, нет, скорее механизировала саму еврейскую жизнь. А жизнь – нечто сокровенное и вместе с тем открытое во времени в обе стороны – в прошлое и будущее...

Она часто вспоминает себя рядом с Зускиным на авансцене. В одном ряду. Все, что делала, точно по книге. Написано в книге смеяться – смеется. Написано плакать – плачет. Чувствует – не держится на ногах. От нее требуют пируэт. А как его делать?

А Зускин уже рядом, шепчет на ухо: «Обними весь мир, и все, все получится...» И сразу перед глазами точно радуга засияла. И конец ее упирался в то место, где зарыт клад.

И еще вспоминает о незабвенном Учителе, гениальном шуте из «Короля Лира». Это было уже без Михоэлса. Зускин – в безысходном горе. Уезжая в Ленинград на гастроли, в театре актеры еще не знали, что с Зускина взяли подписку о невыезде из Москвы. Вся его жизнь, казалось, опрокинута безвозвратно – ни физических, ни моральных сил. Временами он репетировал и просто лежал на сцене, – от полного упадка сил. Пытался сохранить старые спектакли, вводил вместо себя на роль другого актера...

Однажды вдруг поднялся, шатаясь, подошел к вешалке, взял свою роскошную шубу...

– Очень страшно, Учитель? Мы скоро перейдем на русский язык?

– Лучше умереть, – сказал он тихо.

Это был плач – не плач. Причитание птицы, потерявшей птенца. Полудетский голос, который свивал для самого себя печальную сказ-

ку. Безысходная грусть, граничащая с полной тишиной. Ей до сих пор кажется, что лицо падает в подушку, прижимается к ней, чтоб еще глуше была скорбь, чтоб никто-никто не услышал, что вот, что вот...

Готова ли она была принять тяжесть, посылаемую Судьбой?

В любом случае – не готова была играть на русском языке.

И все же сыграла.

...Нет, не обрушилось небо. И голуби ворковали без устали. И кружились около голубок. Улетали, прилетали, ворковали, любили, любилась, рассказывали свою сказку, манили и мучили сердце, которому в этой сказке не было места.

Из воспоминаний профессора Еврейского университета в Иерусалиме Мордехая Альтшулера:

«...После очередного спектакля “Король Лир” Зускин, великолепно сыгравший роль Шута, сказал: “Я ухожу со сцены навсегда, потому что сегодня сыграл не так, как должен был”.

...Человек перестал спать по ночам, его положили в одну из клиник и там усыпили в надежде, что искусственный сон... вылечит его. Его забрали из этой клиники спящего, на носилках. Можно ли вообразить ощущение человека, заснувшего в клинике и проснувшегося в пыточных подвалах Лубянки?»⁸.

Такое не придумали еще не только в пьесах – в фантастических романах.

Юрий Александрович Завадский, ученик Евгения Вахтангова, был яркой фигурой, его спектакли – суть спектакли влюбленного в актера человека. И главное в актере – легкость перевоплощения, его дух, а не умение ходить на цыпочках...

Через семнадцать лет после отъезда в Израиль она вновь приедет в Москву. Она любила этот театр, любила Юрия Александровича, любила ритм и стиль жизни этого своеобразного коллектива.

Кто-то в гардеробе воскликнул:

– Этель!

Узнали, узнали...

Сейчас появится Ростислав Плятт:

⁸ Зускина-Перельман А. Путешествие Вениамина. Иерусалим–Москва: Гешарим, 2002. С.5–6.

– Этка!

Старое зеркало в ее гримерной. У зеркала молодая прелестная девушка. Может быть, это она сама?

Смеется: есть существенная разница в талии.

Она боится Юрия Александровича. Боится русского языка.

– Я знаю, что Михоэлс очень любил вас как актрису, – сказал ей на собеседовании директор театра.

– Да, но он держал меня в ежовых рукавицах.

– Не в ежовых, а в ежовых...

Учиться жизни – все равно что кататься на коньках. Единственный выход – смеяться над собой вместе с зеваками. И она смеялась. И испытывала страх. И блаженство... Тоску... Избыток сил... Опустошенность... Безнадежную надежду...

Рядом – Любовь Орлова, Вера Марецкая, Валентина Серова.

Получить роль в спектакле – счастливый случай, судьба...

Она чувствует себя то сильной, то слабой... То плохо ей... То хорошо...

Но главное чувствует себя, себя, себя... Вызывает себя на бис... Верует, но надеется на себя, а не на Бога...

Вошла в театральное кафе, взяла чашечку кофе. За столиком – Фаина Георгиевна Раневская.

– Вы знаете, наш Бог – вы понимаете, кого я имею в виду? – очень старый. Он спит, спит, потом просыпается, делает свое черное дело и опять спит!..

Ее первая роль в Моссовете – Дездемона в «Отелло». С великим Мордвиновым! Рослый красавец! Смотришь на него, и кажется, будто тебя уносит волнами... От его могучего тела исходит необычайное излучение... И публика, захваченная грозным очарованием малейшего его жеста, ждет развязки...

– Давай, девочка, давай, вперед, вперед!.. Чего бы вам хотелось, Дездемона?

...Пройдет немного времени, и Этель сыграет четыре шекспировские роли!

Она не шла – шествовала по улицам, под барабанный бой и звуки труб, шла с безымянной труппой актеров ведущих лондонских театров в блестящем атласном костюме, закинув за спину свой узелок. А впереди – изображавший олдермена Уильям Шекспир, проталкиваясь сквозь толпу со своим одиннадцатилетним сыном...

У нас будет новый театр «Глобус»!
Она не хотела иного памятника.

1952 год. Врачи – враги народа. Дают «Отелло». В Москве ли, в Венеции, тихая темная ночь. Вот-вот начнется буря. С утра не оставляет предчувствие несчастья. На улице с трудом одолевает летящий ветер. И люди медленно крениятся, чтобы растянуться на мостовой: не хочется жить!

Сидит у зеркала в гримерной. Слышит за кулисами:
– Русских детей уничтожают..
Чьи-то кошачьи шаги. На ее руки ложатся его. Не поворачивается.

Ну, конечно же, ее Отелло..
– С Богом, девочка, с Богом, все минует, все...

В этом театре она проработает 22 года, 5 месяцев и 2 дня.
Когда Любове Орловой сказали, что Ковенская уезжает в Израиль, та обрадовалась за коллегу...

– Да что вы говорите!
И тут же притворно спохватилась:
– В Израиль?! Какой ужас! Какой ужас!

Тогда, в 1972-м, она летела в Израиль вместе с мужем Львом Коганом, и у нее текли слезы, горькие и сладкие, по чему-то совсем несбыточному. Кажется, Достоевский сказал: «Всякий человек должен иметь место, куда бы он мог уйти».

Деятели искусства ожидал дом в Герцлии.

Встречающий назвал фамилию мужа, распространенную еврейскую фамилию. Но какой-то юркий еврей с фамилией Коган выскочил первым. И уехал в Герцлию, а они в Пардес-Хану, не очень близко от театральной столицы.

Впереди была целая жизнь.

Со знаменитым Шимоном Финкелем, художественным руководителем «Габимы», они встречались еще в Москве.

Однажды Завадский сказал многозначительно:
– Будет важный гость.

Шел 1964-й год. В то время о каждом из иностранцев надо было говорить многозначительно. Важен был подтекст: можно встретиться или нет...

Ш.Финкель приехал как представитель израильского театра.

Они встретились (Завадский буквально заставил). Сидели в одной из лож театра. Все его взгляды точно сошлись на ней. Он держал ее руку и спрашивал о маме...

Еще через некоторое время встретились в Париже, где Моссовет был на гастролях. Завадскому пришлось давать письменные заверения в ее полной благонадежности. Финкель приехал из Берлина специально встретиться с Этель.

Ковенская понимала, что находится под пристальным наблюдением. Праздника не получилось.

Кто был несчастнее – она, он?

...Через год после ее приезда в Израиль театр «Габима» заключил с Этель Ковенской контракт. Она была первой и единственной «русской» актрисой в государственном театре. Специально для нее перевели на иврит пьесу Мишеля Фермо «Двери хлопают». Этель уже играла эту пьесу в театре Моссовета...

Пока Шимон Финкель – года два – был художественным руководителем, у Этель были роли и признание.

Пришел новый режиссер. Снова были роли. Восторженные рецензии. Но всякий раз после премьеры ее увольняли, чтоб не дать право числиться «работающей постоянно».

Одно из священных слов в Израиле – «квийот». Когда на работе не подлежишь увольнению.

Она по-прежнему была актрисой будущего. Радовалась встрече с Юрием Петровичем Любимовым и работе с ним.

Роль, которая особенно запомнилась – Гила в пьесе Реувена Дотана «Приглашение на кофе». Две роли в пьесе, предназначенной для трех актеров, исполняют Этель Ковенская и Исраэль Рубинчик, в свое время актеры Государственного еврейского театра в Москве, выпускники студии ГОСЕТа, ученики великого еврейского актера Соломона Михайловича Михоэлса.

«Приглашение на кофе» – бесхитростный рассказ о душевно неустроенных пожилых людях. Актёры все время сидят на садовой скамейке и перебрасываются ничего не значащими репликами, словно записанными на магнитофон прямо «из жизни».

В рецензии на спектакль критик писал: *«Этель Ковенская не просто исполняет роль одинокой стареющей женщины... но играет нечто неизмеримо большее: биографию и судьбу.*

Мне кажется, я могу рассказать о ее героине много больше, чем увидел на сцене. Я зримо представил себе, как Гила устало возвращается по вечерам в свою пустую, темную квартирку, где-то в тель-авивском переулке, долго стоит у зеркала, напряженно глядяваясь в свое беспощадно увядающее лицо. Потом ложится спать в холодную девичью постель, долго не может заснуть и глотает таблетку. Вижу, как она встает в пять часов утра с неизменной, вот уже шестьдесят лет, надеждой, что именно этот наступающий день наконец принесет ей счастье... Делает гимнастику у открытого окна, ярко красит губы, надевает лучшее свое платье, примеряет у того же жестокого зеркала кокетливую шляпку с сиреневым матерчатым цветком и, как примерный служащий, отправляется на свою неизменную скамейку на берегу моря, где сидит часами, ожидая хотя бы мимолетного разговора с первым случайным прохожим.

На этой скамейке Гила знакомится с другой одинокой пожилой женщиной... и получает от нее праздник на один вечер: приглашение на кофе...

...Все это есть, и всего этого нет в скромной пьесе...

Этель Ковенская сочинила (или досочинила) роль сама: у ее Гилы нет будущего, уже никогда не будет счастья, не будет любви, привязанности, душевного общения...»⁹.

...Чтобы играть, она учила иврит по особой, самой придуманной системе. Учила упорно, самозабвенно, заснув однажды на скамейке парка...

Чтобы уберечь память, не заглядывала в колодец прошлого. И зачем? Израиль – неизмеримо глубже. Глубокий колодец времен человеческой истории. Времен Иосифа и его братьев...

Она и черпала из этого колодца.

Этель – одна из организаторов израильского театра на идиш «Идишпил» в Тель-Авиве (основан в 1987 г.), который возглавил известный израильский актер и режиссер Шмуэль Ацмон-Вирцер.

Уже с первого спектакля «Трудно быть евреем» по мотивам рассказов Шолом-Алейхема Ковенская вызвала восхищенную критику специалистов и публики. А дальше пошел длинный список главных

⁹ Капитайкин Э. Ода Ковенской // Круг.

ролей в спектаклях «Миреле Эфрос» (здесь Этель играла с известной израильской актрисой Орной Порат), «Сон Шломо», «Актува» по пьесам израильского драматурга Эфраима Кишона и многие другие.

В течение девятнадцати лет Этель Ковенская была ведущей актрисой этого театра. Были зарубежные гастроли, фестивали в странах Европы. Были и награды, одна из них трогательная и почетная – премия имени Ицика Мангера, выдающегося еврейского поэта.

Заметным явлением театральной жизни Израиля стал спектакль «Последняя любовь», по пьесе, написанной по мотивам новеллы Ицхака Башевиса-Зингера «Последняя любовь». Участники этого спектакля Яков Бодо, Янкеле Альперин и Шмуэль Ацмон-Вирцер были отмечены премией «За вклад в еврейскую культуру». Вместе с ними награду получила и Этель Ковенская.

А в 2007 году Э.Ковенская стала академиком Международной академии образования, индустрии и искусств (Калифорния).

Радовалась, играя на идиш в Израиле и, еще более, выступая с концертными программами в стране и за рубежом. Десятки концертов! Сотни восторженных рецензий, немало денег, собранных за границей для 26 больничных касс!

В Израиле Этель Ковенская снялась в нескольких художественных фильмах.

В 2006 году в картине «Последний удар Макса Бара». Фильм создан на документальной основе. В нем рассказывается, как сын покойного еврейского менеджера, приехав в Израиль, занят поисками отснятого на пленку боя между еврейско-американским боксером – знаменитым Максом Баром и немецким военнопленным по кличке Нацист. Бой был организован в 1942 году в Тель-Авиве отцом Макса Бара. Макс Бар – не вымышленный персонаж, а реальное историческое лицо. В ходе поисков сын узнает, что Бар случайно оказался участником подпольной организации «Лехи». Режиссер фильма А.Ливни сделал фильм остросюжетным. Ковенская играет бывшую возлюбленную Макса, но уже в наше время, когда сын менеджера пытается восстановить прошлое.

Актриса играет с большой отдачей. Она умеет не только разработать психологический рисунок, но и особым образом затеять актерскую игру, все связывая воедино и выстраивая свою философскую концепцию.

Еще одна работа – «Мать Валентины» (2007) режиссеров Арика Любецкого и Мати Арари по мотивам новеллы Савьоны Либрихт. Сценарий написан А.Любецким и Иланой Вайзер-Санеш совместно с М.Арари и Иланой Вальдман.

Это был тяжелый год для Этель. Но – роль это то, что должно быть понятно без слов. И тут зритель видел нечто волшебное. Этель играет пожилую женщину трудной судьбы, прошедшую все ужасы Катастрофы. Диалоги ведутся на польском языке, который Этель помнит с детства. Это было так замечательно, что и сейчас невозможно забыть волнение – от тех интонаций, от того мужества, с каким две актрисы ведут тему смерти. А ведь в старости играть это очень трудно!

Фильм показан на кинофестивалях в Хайфе и Берлине.

Муж Этель – Лев Коган (1927–2007), один из первых учеников Арама Ильича Хачатуряна, известный композитор и пианист. Когда он был на последнем курсе училища Гнесиных, в его дипломной работе обнаружили интонации израильского гимна и выгнали из училища... Конечно, позже «простили», реабилитировали. Не простил он... Коган написал музыку к нескольким балетам, шести мюзиклам (в том числе специально для Этель мюзикл «Рим, 17, до востребования», который пользовался успехом в сорока театрах!), к пятидесяти драматическим спектаклям, произведения для симфонического и камерного оркестров. «Еврейскую рапсодию». В Израиле был трижды удостоен премии Ассоциации композиторов.

...Этель Ковенская приобщилась к кругу имен, которые не канут в потоке времени. Для тех, кто вступил в этот круг, уже безразлично, кто в нем стоит выше, а кто ниже другого, потому что в известном смысле тут все равны – все стоят высоко.

Свободный, независимый талант, ответственный только перед самим собой и Его Величеством Театром...

Этель Ковенская открыта для каждого времени. И в этом смысле – она действительно актриса будущего...

Дополнительная литература

Михозлс С. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михозлсе. М.: Искусство, 1981.

Сорель М. Смятая жизнь. М.: ЭГСИ, 2002.

Костырченко Г. В плену у красного фараона. М.: Международные отношения, 1994.

Ваксберг А. Сталин против евреев. Нью-Йорк, 1995.

Борщаговский А. Обвиняется кровь. М.: Прогресс, 1994.

«Неправедный суд. Последний сталинский расстрел»: Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М.: Наука, 1994.

Древо живописи

Савва Дудаков (Иерусалим)

1. Художник и время

(О судьбе Бориса Моисеевича Зеленого)

Он родился 15 января 1916 года в городе Каховка Херсонской губернии. Старая Еврейская энциклопедия отводит пару строк этому местечку: в 1897 году – жителей 7 489, из коих евреев 3 003, в 1910 году в городе значились – Талмуд-Тора и два мужских училища, казенное и частное. Да еще несколько строк в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, отмечающие высокий вывоз товаров – хлеба, сала, шерсти и весеннюю ярмарку для найма рабочих. Слава пришла к Каховке позднее.

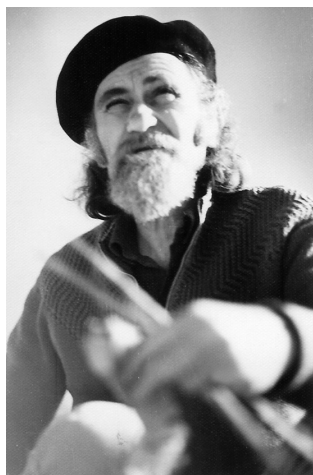
Родился Борис Моисеевич в семье клейзмера Мойши бен Перла, у отца было двойное имя – Моше-Беня Генинович, маму звали – Бейли бас Шмилек (я вывожу с наслаждением ивритские слова в ашкеназийском произношении!)

Мойше бен Перл играл на еврейских свадьбах – нот самоучка не знал, играл только по слуху. Когда говорят о клейзмерах, я всегда вспоминаю «Вишневый сад» Чехова и «знаменитый еврейский оркестр»: четыре скрипки, флейта и контрабас. Раневская спрашивает, существует ли еврейский оркестр. Существует до сих пор. На свадьбе моей дочери играл такой же оркестр и в том же составе!

Увы, свадьбы были не так часты и мало кормили: шла Гражданская война. Не время для веселья...

Как бы то ни было, в 1919 году семья перебралась на родину отца в Бобровый Кут Херсонской губернии – эта старая еврейская земледельческая колония основана на берегу Ингула еще в 1807 году выходцами из Могилевской губернии. «Водворились» они, как с гордостью пишут исследователи, за свой собственный счет. Это была сравнительно процветающая колония евреев-хлеборобов. Отец, чтобы прокормить семью, освоил новую профессию «заготовщика», то есть мастера по кройке и пошиву сапог, туфель и прочей обуви. Прошу не путать с профессией сапожника. По словам сына, Мойша слыл знатным мастером...

Бобровый Кут принес будущему художнику первое прикосновение к искусству, правда, словесному. Это место – родина поэта Семена Фруга. Борис Моисеевич помнит камень, где, по преданию, любил сидеть поэт, выбивший на нем свои инициалы и фамилию на идиш.

Борис Зеленый

Я вновь пришел к тебе, родная сторона;
.....

О, родина моя, недаром же душой
Стремился я к тебе... Я помню вечер ясный,
Когда лишь в первый раз прощался я с тобой
—

Безбрежной пеленой, цветущей и прекрасной,
Лежали вокруг меня родимые поля;
Широкого Днепра зеркальная струя,
Озарена вдали румяною зарею,
Звенела под горой, и сетью световую
Ложился отблеск золотой
От легкой зыби вод на скат береговой;
Сирень цвела; роса вечерняя сверкала...

Семен Фруг. «На родине» (1885)

Наверно, так мальчик все это и видел, так запечатлел в своей памяти и в сердце.

Семья Зеленых по тем временам была почти что средней – всего шестеро детей. Увы, большая часть семьи погибла. Отца, мать, двух сестер и брата немцы убили в Йом-Кипур 1941 года, остались в живых только трое старших братьев, мобилизованных в Красную Армию. (После войны в Каховке установили памятник погибшим евреям, а в 1972 году местные вандалы устроили стрельбу по обелиску, превратив его в решето...)

Все братья Зеленые получили образование. Младший – окончил Одесский фармацевтический институт, сейчас он живет в Безэр-Шеве. Старший из братьев – моряк-дальневосточник, умер в отставке в Ульяновске. Старший брат успел походить в хедер, и его помощь позволила Боруху (Борису) овладеть еврейской грамотой. Борис Моисеевич помнит, как он приходил учить «лошенкойдеш» (священный язык и алеф-бетс) в хату с закрытыми ставнями – уже тогда боялись доноса доморощенных коммунистов. Он помнит, как однажды внезапно подъехала бричка с чекистами в кожаных тужурках и на отборном

идиш они пригрозили ребе Мойше Аврутину Сибирью, если он еще раз посмеет собрать детей.

А теперь небольшое отступление в прошлое. Как известно, «железнодорожный нарком» Лазарь Моисеевич Каганович родился в деревне Кабаны на границе украинского и белорусского Полесья, неподалеку от печально известного Чернобыля. Рядом была еврейская колония с типичным местечковым набором: кузнец, портной, сапожник... Дети хотели учиться, и несколько семей наняли инвалида, для которого жители деревни устроили каталку и возили его из дома в дом — занятия шли в очередь; в каждой семье «шамшул» жил месяц. Меламед учил их Библии, подчеркивая, по словам Лазаря Кагановича, социологию пророков, таких как Амос. Идиллия кончилась быстро: приехал уездный инспектор с урядником, ворвались в хату, где шли занятия, и набросились на несчастного учителя. *«В мою память врезалась душераздирающая картина, когда инспектор и урядник таскали бедного учителя по полу, избивали его кулаками и ногами, ругались непристойными ругательствами, разрывали все учебники, в том числе по всем русским общеобразовательным предметам, выбрасывали изодранные куски на улицу. Хотели они выбросить на улицу и учителя, но мы, детишки, уцепились за него и не дали им выполнить свое намерение. В заключение инспектор и урядник составили акт о запрете обучения в не разрешенной законом школе с угрозой ареста учителя, если он вздумает воспротивиться этому запрещению»*¹. Не кажется странным, что евреи пошли в революцию. А в результате лет через 10 хедеры были вновь запрещены...

В 1925 году Борух поступил в еврейскую школу, где преподавание велось исключительно на идиш. Ни о какой Библии и ни о каком пророке Амосе уже речь не шла. Школа была единственной в Бобровом Куте, и посему украинские и русские ребята (в колонии было несколько христианских семей) учились наравне с еврейскими детьми. Ну и как не вспомнить Максима Горького, у которого евреи, по его выражению, «отняли сердце». Когда ему во время его скитаний по России довелось работать в еврейской колонии, он был поражен тем, что единственная школа в округе была еврейская, а потому и украинские и русские дети ходили в нее учиться!

А дальше идет рассказ о том, как талант и случай встретились... Мальчик безумно любил рисовать. Начиная с шести лет. На чем по-

¹ Каганович Л. Памятные записки. М., 1996. С.38.

пало. Чаще всего на клетчатой школьной тетрадке. Рисовал Борух акварелью. А однажды отец привез в подарок сыну масляные краски из Харькова. И надо же быть такому случаю, что студенты Киевского художественного техникума имени Эпштейна² (был такой техникум на гребне революционной волны) заметили рисующего мальчика и уговорили его поступить к ним в техникум, что располагался в Киеве, на Гоголевской улице, 17. Крепко помнил свою молодую радость старый художник: мальчик отправляет на конкурс свои работы – первая победа: он принят! И началась метаморфоза: Борух становится Борисом, а странная фамилия Зелен превращается в Зеленый. Я спрашивал Бориса Моисеевича: когда произошла его первая встреча с живописью? Он рассказывает, что детишек Бобрового Кута возили на экскурсии в музеи Херсона и Одессы. Водили ребят и в первый на Украине музей еврейской культуры имени Менделе-Мойхер Сфорима в Одессе. Он был очарован...

Первым его учителем в техникуме стал Абрам Маркович Черкасский (1886–1967). В одной брошюре, посвященной творчеству Черкасского и подписанной министром культуры Казахской ССР, говорится о «чутком сердце большого и оригинального дарования», о том, что «пейзажам А.М.Черкасского свойственны чистота и изысканность цветовой гаммы, тонкость колорита». Замечательные слова в адрес посланного в 1937 году мастера, создавшего в Казахстане целую школу живописи. Вот это и был первый учитель Бориса. Сам Черкасский в свое время прошел прекрасную выучку в мастерских Н.Дубовского и Н.Самокиша. Абрам Маркович сразу оценил талант новичка. В первой половине 30-х годов шло отмирание идишской культуры, и еврейский техникум объединили с украинским художественным техникумом. Все общеобразовательные предметы, которые читались на идиш, заменились языком «коренного населения». Годы учебы в техникуме (1930–1934) были наполнены трудом. Много, очень много почерпнул у Черкасского Борис!

С 1935 по 1936 год Зеленый учился на подготовительных курсах при Киевском государственном художественном институте, куда и прошел по конкурсу в 1937 году.

² Марк Исаевич (Моисей Цалерович) Эпштейн (1899–1950) – скульптор, график и театральный художник. В 1922–1933 возглавлял еврейскую художественно-промышленную школу (Киев). В 1927–1928 выполнил графическую серию о жизни еврейских земледельческих колоний.

Как раз в Киеве судьба столкнула Бориса Моисеевича с художником, почти ровесником, впоследствии получившим мировую славу, Валентином Ивановичем Поляковым (1915–1977). Поляков произвел на Зеленого сильное впечатление, в первую очередь своим знанием европейской культуры. Впоследствии они встретились в Москве. Зеленый восхищался мужественным поведением Полякова, подписавшего письмо протеста в защиту Даниэля и Синявского.

В 1939 году Борис Моисеевич перевелся в Московский художественный институт им. Сурикова, где начал работать в мастерской Игоря Эммануиловича Грабаря.

Итак, до войны художественное образование Зеленого шло семимильными шагами. Его первая известная работа «Голова девушки на пленере» (1936) экспонировалась на Всеукраинской выставке лучших студенческих работ и была опубликована в журнале «Живопись и скульптура» с весьма лестным отзывом. По тому времени – это большая честь. Его знаменитые учителя – И. Грабарь и С. Герасимов высоко ценили талант Бориса Зеленого.

А теперь о несколько деликатном предприятии, в котором принимал участие молодой студент. Принято считать, что «гений всех времен и народов» налево и направо торговал художественными ценностями России. У меня по этому поводу свое мнение, связанное с тем, что я видел часть проданных на Запад работ Рембрандта, Рафаэля, икон, и могу сказать, в меру своих знаний, что это позднейшие копии, великолепные, но копии. Косвенным доказательством служит и то обстоятельство, что по поручению «высшей силы» Анастас Иванович Микоян, среди прочего, нарком внешней торговли (1926–1946), поручил Игорю Грабарю создать «фабрику» по производству «старинных» икон. Робкий протест мастера не был принят во внимание. Ему было указано, что лучше продавать «гнилому Западу» подделки, чем народное достояние. Аргумент весомый. Оставим в стороне мораль, если есть спрос, то он удовлетворяется. И я не уверен, что маршаны, приобретавшие их «товар», были слепы и глупы. Отнюдь. Бизнес. А деньги, как известно, не пахнут.

И вот Борис Зеленый работал несколько лет на таком «спорном» предприятии. Это была настоящая школа мастерства, сродни средневековым студиям известных художников. Подбор старинных досок, смешение красок, искусственное старение, идеальные образцы разных школ – все это создавало мастера, который – умел все.

Но началась война...

Борис ушел добровольцем на фронт. Его фронтовая жизнь – это разрушение антисемитского стереотипа: гвардии рядовой Борис Моисеевич Зеленый прошел много фронтовых дорог, был ранен в Сталинграде, лежал в госпитале и награжден орденами и медалями.

После демобилизации Зеленый вновь в институте им. Сурикова. Пять лет провел он в стенах вуза (1949–1950). За редкую внешнюю схожесть с Ильей Ефимовичем и яркий талант сокурсники прозвали его «Репиным». Напомним, что сын кантониста Илья Репин и Борух Зеленый были родом из одних мест – южной Малороссии.

В 1950 году Зеленый блестяще заканчивает институт. Учился он у Николая Михайловича Чернышева (ближайшего друга Фаворского) и Семена Афанасьевича Чуйкова. С большой симпатией вспоминает он и С.В.Герасимова. Борис Моисеевич не устал повторять поговорку Сергея Васильевича: «Чтобы делать просто, надо делать со ста». Иначе говоря, неустанной работой можно достичь совершенства. Столп советского официоза Сергей Васильевич Герасимов, несмотря на тяжелые годы, старался приучить своих учеников к восприятию западного искусства.

Я спрашивал художника о его материальном положении в годы учебы. Он объяснил, что его высоко ценили наставники: Грабарь, Герасимов, Чуйков, Чернышев. Их стараниями он находил работу по реставрации икон, устроился, например, в реставрационную мастерскую Елохиевского монастыря. Занимался мозаикой, рисовал темперой и восстанавливал монументальные фрески. Все это пригодилось впоследствии. Его дипломная работа «Бригада Чутких» (1950) была опубликована в журнале «Смена» – а это по тем временам хорошая стартовая площадка. В начале 50-го года открылась выставка дипломных работ Московского художественного института им. Сурикова. Из них лишь две удостоились чести быть воспроизведенными в популярном журнале, да сопровождаемые теплыми словами. Внимание, читатель: из объяснения явствует, что Борис Зеленый, сын колхозника Николаевской области (такова словесная мимикрия советского времени), а далее идет разбор картины в духе социалистического реализма: *«Простые советские люди, стахановцы, которые всегда думают об интересах своего цеха, всей фабрики, своей страны. В этом сказывается их государственный подход к делу, их новое коммунистическое отношение к труду»*. (Тогда же и издательством «Правда» была выпущена почтовая открытка с воспроизведением этой картины.) Но пусть

вас не пугает этот набор штампов – картина Зеленого действительно выполнена кистью настоящего профессионала.

В 1940 году Борух женился на Брахе Соломоновне Гомберг (по образованию она экономист), вместе в мире и согласии они прожили 62 года! Жена всегда была для него первым зрителем и строгим критиком. Она создавала ему все условия для творчества. У них прекрасная дочь Елена (в Израиле – Елишева), мать семерых детей: шести девочек и одного мальчика. У Елишевы теперь десять внуков.

Борух был на свадьбе у всех своих внучек и на бар-мицве внука.

Мастерскую Зеленый получил довольно поздно, хотя признание, как мы видим, было почти полным. Почти? Объяснение простое. Несмотря на то, что начинал он с обреченных на успех портретов передовиков производства, в самый разгул борьбы с «космополитизмом», художник предпочитал заниматься пейзажем, развивая традиции русского импрессионизма. Основные его работы того периода – это пейзажи Подмосковья, Прибалтики, Кавказа, Крыма. Он участвовал в 12 крупных всесоюзных выставках. К сожалению, многие работы художника того времени утрачены, так как он не смог при выезде уплатить таможенный выкуп за... свои собственные полотна.

А затем была обычная для начала 70-х годов борьба за выезд в Израиль. С 1973 года он живет в Иерусалиме. За это время художник много успел. По приезду в страну пригодилась профессия реставратора. Борис Моисеевич начал работать в Бейт-Шеане над реставрацией амфитеатра. Местная пресса отметила заслуги 56-летнего московского художника, восстанавливающего старинные надписи, снимающего с них копии. А как живописец Зеленый прогрессировал удивительно. Думаю, что зрелость к мастерам кисти приходит с возрастом. Его любимой темой стало изображение Вечного города в знойный хамсин. Хамсин, по-арабски 50, как говорит мастер – «это мои пятьдесят дней в году». Многие свои вещи Зеленый пишет по несколько лет, хотя кажется, что они созданы на одном дыхании. Секрет в том, чтобы поймать тот же самый свет и цвет иерусалимского неба. Борис Зеленый – художник традиционный. Ему удаются портреты, отличающиеся глубоким психологизмом, отсюда – его принципиальное желание изображать только знакомых ему людей.

Борису Зеленому было уже далеко за 80, но он ежедневно работал. Часто ездил в Старый город и рисовал крыши старинных зданий. Его натюрморты блистательны – они почти осязаемы. Можно много говорить о технике Бориса Моисеевича – он в совершенстве владеет

материалом. Говорить о его полотнах можно долго, но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Однажды он был приглашен на радио в студию звукозаписи, и я боялся, что многого он не скажет. Но я ошибся – он говорил о главном деле своей жизни с такой любовью и болью, что можно было только удивляться его темпераменту. Предоставим место для мыслей Бориса Моисеевича об искусстве:

«Каждый живописец по-своему видит мир, пользуется своей индивидуальной палитрой. Художник Диаз сказал, что уважающий себя художник не берется за кисть, если модель не находится перед его глазами. Это я усвоил в 13-летнем возрасте»;

«Я пишу то, что вижу, стараясь удержать первое впечатление до окончания работы над картиной. На пленере необходимо быстро и напряженно работать, это схватка, и, когда художник побеждает в этой схватке, он счастлив – у него родилась новая картина»;

«Израиль со своим небом, светом, рельефом, камнями, растительностью и хамсином – это подарок для художника. При хорошем хамсине художнику легче добиться большого обобщения и большого звучания красок»;

«Моя мастерская – это купол неба, и все мои пейзажи рождаются под этим куполом, где можно работать круглый год... Израиль... Какая красота! Какое небо! Какое солнце! Какие изумительные краски!»;

«Пределов совершенству нет, так же как нет пределов совершенству природы. Тема эта, вероятно, существует столько, сколько существует сама живопись. Так что, если говорить о моей задаче как художника, то она состоит, вероятно, в том, чтобы увидеть не увиденное другими. Всегда ли это мне удастся? Не думаю. Если бы всегда удавалось, то я просто не знал бы, зачем дальше жить».

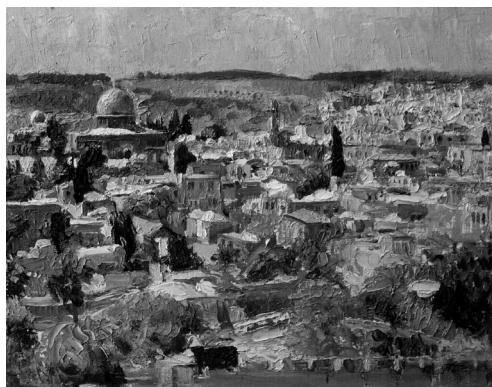
Здесь я хотел бы рассказать о той услуге, которую я оказал художнику.

У меня был знакомый замечательно талантливый студент, социолог. Ночью он подрабатывал сторожем в Башне Давида, что у Яффских ворот. Он меня неустанно приглашал посетить его во время дежурства, в пятницу вечером. Наконец, я со своей женой отправился на ночную экскурсию. Мы были потрясены красотой видов старого Иерусалима, открывающегося с разных точек «стога» града. Особенно великолепен был вид с самой верхней точки крепости, захватывала дух панорама от ближайших церквей до церкви Вознесения. Днем, по

словам нашего Вергилия, – видимость вплоть до Мертвого моря. И тут меня осенило: с этих стен еще никто не рисовал. На следующий день я помчался к Зеленому, впопыхах рассказал, в чем дело. Старик был легок на подъем. Мы пошли в Башню Давида, зашли в администрацию и попросили свободного доступа художнику в любое время суток в цитадель. Дело было улажено. И так каждый день, кроме священной субботы, 80-летний старик забирался на самую верхотуру. И рисовал, рисовал, рисовал. Я подбивал Бориса Моисеевича захватить на полотне редкий момент перехода дня в сумерки. Это необыкновенно тяжело схватить ввиду краткости момента. Рисовал Зеленый Старый город и ночью, приспособив фонарик к мольберту. Сам того не подозревая, я дал толчок его фантазии. Кстати, не все мои идеи находили отклик в поэтической душе художника. Я указал ему и на новое здание муниципалитета, смотровая площадка которого выше Башни Давида. Мы туда подъехали, поднялись, и перед нами открылся вид на город. Он был красив, но несравним с видом из цитадели. Поработав несколько дней в «горсовете», Зеленый решительно вернулся на прежнее место...

В 1996 году Иерусалиму исполнилось 3000 лет. В этом же году исполнилось 80 лет Борису Моисеевичу Зеленому. Мое предвзятое мнение: он и по сей день лучший из современных певцов Иерусалима. Это о его полотнах сказал известный критик Меир Ронен: «У Вас каждый сантиметр на холсте работает». Эдик Капитайкин, писатель и театральный критик, так писал о работах Зеленого: *«Он увидел в израильской природе не просто очередную натуру, но сумел постичь ее душу, внутренний драматизм и “надреальную” библейскую поэзию».*

О его картинах и выставках есть статьи в «The Jerusalem Post Magazine», «Едиот ахронот» (иврит), русских газетах. Авторами были уже упомянутые М.Ронен, Э.Капитайкин, а также М.Таль, А.Поляк и др. Мирьям Таль написала о выставке в иерусалимском «Бейт ха-оманим» (Дом художника): *«На настоящей выставке – даже больше, чем в галерее “Энгель” – бросается в глаза его владение композицией и цветом. Зеленый, чьи художественные корни, по крайней мере частично, уходят в творчество Исаака Левитана, выработал собственный фигуративный стиль, зрелый и личный. Ему удалось адаптироваться к слепящему свету нашей страны и создать атмосферу. Добротный пейзаж имеет право на существование и сегодня, и Зеленый великолепно описывает, со сдержанной лирикой, Иудейские горы, Иерусалим, деревья, рощи, улочки. <...> Большинство картин, вклю-*

Б. Зеленый. Иерусалим

художника, представленным на выставке в Рамат-Гане: *«Множество самых различных художников вдохновляла и вдохновляет тема Вечного города. Однако картины Бориса Зеленого отличает совершенно особый колорит, особое видение природы Израиля и Иерусалима, присутствие только ему. Цветовая гамма его работ чрезвычайно разнообразна, манера письма широкая и свободная. Картинам его свойственна какая-то особая задушевность».*

Вместе с тем чувствуется волевое отношение художника к передаче увиденного, чувствуется внутренняя построенность каждой его вещи – будь то пейзаж, портрет или натюрморт. Любая его картина задумана и решена, в каждой чувствуется талант большого и серьезного мастера».

В самом начале своей жизни в Израиле побывал Борис Моисеевич в Цфате, городе каббалистов, мистиков и художников. Посмотреть на полотна нового репатрианта пришли собратья по цеху. Одна из художниц сказала: «Вы пишете очень красиво. Но дорога у Вас трудная». Это правда. Дорога была нелегкая, и, к сожалению, она окончилась в феврале 2002 года. Он похоронен в земле Израиля, которую так любил...

Остались его картины. Некоторые находятся в частных коллекциях Америки, Европы, Израиля. Большинство картин хранится в Иерусалиме, в той квартире, где он жил, где и сейчас живет Браха Соломоновна.

чая портрет (речь идет о работе «Портрет Ривки Губер». – С.Д.), созданы в Израиле. Правильное использование света и тени, спокойная атмосфера, тонкие переходы отличают эту картину, реалистическую, но не “консервативную”» («Едиот ахронот», 12.11.1970).

Арье Поляк дал такую оценку картинам

Основные персональные выставки Бориса Зеленого в Израиле:

Дом журналистов в Иерусалиме, 1974

Галерея «Энгель», 1976

Дом художников в Иерусалиме, 1976

Музей Рамат-Гана, 1983

Дом художников Иерусалима, 1987

2. Любовь моя – Россия, Китай, Израиль, Европа

(Леонтина Соломоновна Смушкевич)

Сегодня радостный день. Хотя идет война (1-я Ливанская), жизнь продолжается: в «Бейт-Эммануэль» выставка удивительной художницы – Леонтины Соломоновны Смушкевич. И это еще один несомненный признак нашей выживаемости.

Творчество Леонтины Соломоновны – явление уникальное: русская, китайская и европейская школы – все это соединилось в ее работах.

Она принадлежит, увы, к исчезающему племени русских китайцев, тех, которых мы в Израиле зовем харбинцами, хотя среди них попадают люди из Шанхая и других городов Поднебесной.

Харбин строился русскими с конца XIX века, когда сооружалась Великая железнодорожная магистраль, соединяющая Европейскую Россию с Тихим океаном, в то время, о котором Осип Мандельштам сказал: «Когда в далекую Корею катился русский золотой». Добавим, что вклад российского еврейства в создание Харбина неоценим. Начиная с того, что даже место для будущего города было выбрано в 1898 году евреем-генералом, героем русско-японской войны Владимиром Михайловичем Грулевым.

В Харбине была масса учебных и культурных учреждений: опера, балет, оперетта, драматический театр, несколько концертных залов. Евреи составляли значительный процент европейского населения в середине 30-х годов – 20 тысяч евреев на 100–150 тысяч европейцев. Велико было их участие в общественной жизни города. Очень активной была и еврейская жизнь. Между двумя войнами, в связи с наплывом эмигрантов из России, жизнь в Харбине была ключом. Открылись эмигрантские высшие учебные заведения: Юридический факультет, Ориентальный институт, музыкальные школы. Начали выходить га-

зеты «Заря», «Рупор», журнал «Рубеж». Сотнями издавались книги, поэтические сборники, которые ныне представляют библиографическую редкость и высоко ценятся в кругах библиофилов. Действовало спортивное общество «Маккаби», постоянно открывались художественные выставки. Выходило несколько сионистских журналов на русском языке – «Еврейская жизнь», «Га-дегель». Но после Второй мировой войны, когда город был оккупирован японцами, европейцы стали покидать благословенную Маньчжурию. А приход Красной Армии завершил гибель европейского оазиса. Сегодня мало что осталось от прошлого...

Многие харбинцы переселились в Палестину еще до войны, большая часть прибыла уже после советской оккупации. Несмотря на малочисленность, «китайцы» были заметны на политическом и культурном фоне Израиля.

Наша героиня родилась в семье импортера зерна Соломона Гилевича и дантистки Евы Львовны, урожденной Добришман. Семья матери была родом из Одессы, семья отца – из Литвы. Родители поселились в Харбине еще до революции, в 1912 году. Дедушка по матери был владельцем обширных каменоломен.

Художественный талант у Тины был наследственный. Ее родная тетка, сестра матери (Кофман – по мужу), была театральной художницей.

Сама же Тина рисовала с детства. В 13 лет она поступила в частную студию художника Алексея Николаевича Клементьева (1875–1946), ученика Репина. Никогда не думал, что смогу узнать хоть что-то о нем. Но... помог случай. В воспоминаниях выдающегося живописца Мстислава Добужинского он упомянут несколько раз. Останавливаясь на этом художнике именно для того, чтобы отметить – ничего случайного в жизни быть не может. Мы многим обязаны своим учителям. Скажем, Тинторетто – ученик Тициана, Тициан – Джорджоне, Джорджоне – ученик Джованни Беллини, Беллини учился у Монтеньи и т.д. Генеалогия важна не только в Библии и в Евангелии – она важна в жизни.

Добужинский и Клементьев встретились в 1898 году в Германии. Клементьев происходил из богатой волжской купеческой семьи, выдержал жестокую борьбу с отцом за право заниматься живописью, учился в Петербурге в Императорской Академии художеств, в классе у Ильи Ефимовича Репина. Он рано женился на «милей хохлушке» – Вере Андреевне. Молодая пара уехала в Германию, в Мекку тогдашней

художественной жизни – Мюнхен, где Клементьев поступил в знаменитую школу Ашбе. Если перечислить русских учеников этой школы, легко оценить ее уровень: Игорь Грабарь, Алексей Явленский, Дмитрий Кардовский, князь Сергей Щербатов, Александр Мурашко, Василий Кандинский, сам Добужинский. Мстислав Валерианович донес до нас обрывки биографии и образ учителя Тины: «...нравы [семьи Клементьева] были в духе Островского. Сам Клементьев был веселого нрава, остронос, в пенсне со шнурком за ухом и носил эспаньолку...». Добужинскому очень нравилась его пытливость, жажда знаний, упорство, настойчивость. Клементьев собрал массу фотографий картин старых мастеров, и они вместе подолгу их рассматривали. Отсюда у Добужинского преклонение перед Францем Хальсом, оставшееся на всю жизнь. По своим художественным устремлениям они были разные натуры, и Добужинский мало мог позаимствовать у своего друга. Зато жены подружились, и неопытная хозяйка – жена Мстислава получила первые уроки домоведения от жены Клементьева... Вечером друзья гуляли вчетвером, заглядывая в пивные, а весной уезжали смотреть известные коллекции. На прогулках рисовали в альбом. Затем друзья переехали в Венгрию, в школу не менее знаменитого Шимона Холлоши. Там познакомились с художником, а впоследствии знаменитым издателем Зиновием Гржебиным. Посещали вместе православные церкви, где Вера Андреевна Клементьева привлекала к себе внимание малороссийским костюмом с лентами и бусами, в котором она щеголяла. Затем они расстались – Клементьевы уехали к родителям в Рыбинск. Вот то небольшое, что нам известно об этом художнике. Каким ветром его прибило к харбинским берегам – нетрудно догадаться. Вероятно, ураган Гражданской войны занес его на далекую окраину империи. До этого у него была небольшая остановка в Омске, где в студии Клементьева учился известный художник В.И.Уфимцев, который в советское время сумел сказать о художнике-эмигранте несколько теплых слов. Это были времена, когда ругали «мирискусников», Уфимцев же в своих воспоминаниях цитирует сына Клементьева – Женьку: отец «признавал только Бакста, Сомова, Добужинского». Алексей Николаевич Клементьев называл футуристов шарлатанами и своих взглядов не изменил³.

³ См. подробнее в кн.: *Уфимцев В.И.* Говоря о себе. Воспоминания. М.: Советский художник, 1973. С.27–29. «Женька» – Евгений Алексеевич Клементьев (1901–1985?), Франция). Заветы своего отца он забыл и в конце жизни стал апологетом беспредметной живописи.

Клементьеву мы и обязаны тем, что он увидел художественный талант своей ученицы, сумел передать ей неиссякаемую любовь к живописному труду, привил любовь к великой русской живописи. Благодаря ему с 1947 по 1949 г. в зале Коммерческого собрания прошли первые выставки молодой художницы. Общее же образование Тина получила в школе христианской молодежи (УМСА), которую она окончила в 1949 году. Тина также окончила Харбинскую консерваторию по классу рояля у профессора Иваницкого.

Китайская культура, безусловно, оказала влияние на творчество многих европейских художников: вспомним хотя бы венецианца Витторио Карпаччо, Рембрандта, импрессионистов, которые открыли новые многообещающие возможности воспроизведения окружающего мира в гармонии с «чувством атмосферы». Японская и китайская художественные традиции учат видеть в самом обыденном – необычное, с легкостью сводить неразрешимые конфликты к разрешению, пустяку, прозаизму...

Поэтому таким значимым было для художницы знакомство с этой древнейшей культурой. В доме Тины, наполненном китайскими редкостями, вспоминаешь «китайские комнаты» во дворцах русской знати в XVIII веке.

Фарфор и инкрустация на черном дереве, дивной красоты слоновые бивни, бронза колокольчиков и многое другое заполняют комнаты бывших харбинцев. Я прослеживаю китайское влияние в передаче тончайших линий светотени, в некой плоскостности изображения и, главное, во вкусе, в мере, присущим работам художницы. Известно, что китайская живопись выросла из каллиграфии – науки точной и выверенной, что, наряду с отмеченной историками «болезненной» любовью китайцев к природе, привело к созданию ландшафтного пейзажа. Более всего бросается в глаза при знакомстве с китайской живописью ее графический характер, который она сохранила вплоть до нашего времени. Китайские живописцы в первую очередь – каллиграфы и рисовальщики. В их произведениях главную роль играет контур, проведенный сильной рукой, отчетливо видный как на переднем, так и на заднем плане. Кто желает познакомиться с китайским искусством – тот может прийти в муниципальный музей Рамат-Гана и вдоволь насладиться «китайщиной».

Итак, в творчестве художницы встретились два начала – еврейская и китайская мудрость. Два народа, древнейшие на нашей планете, в своем мышлении имеют много общего:

«Мудреца спросили: есть ли такое слово, которое можно бы было наполнять для своего блага до конца жизни?

Мудрец сказал: есть слово *шу*; смысл этого слова такой: чего мы не хотим, чтобы нам делали, не надо делать другим»⁴. Речь идет о Конфуции. Но то же самое рассказано о еврейском мудреце Гилеле. Сущность иудаизма заключается в нескольких словах: «Что тебе неприятно, того не делай своему ближнему – вот сущность Торы; все остальное только комментарии»⁵.

В данном конкретном случае, при рассмотрении картин Леонтины Смушкевич, я бы прибег к формуле – непосредственность, прямота, покой, равновесие, доброжелательность. Пожалуй, даже возвращение к детскому восприятию мира. Это отнюдь не упрощенность или искусственный примитив. Это взгляд человека, много знающего, много учившегося и много видевшего.

В 1951 году Тина вышла замуж за инженера Григория Марковича Смушкевича (дальнего родственника знаменитого советского летчика, дважды Героя Советского Союза Якова Смушкевича, расстрелянного сталинскими палачами уже после начала Великой Отечественной). Тогда же супруги перебрались в Израиль, где пробыли около года, а затем в 1953 году переехали в Гонконг. Из-за работы мужа семья Смушкевичей постоянно находилась в разъездах (Гонконг, Сайгон, Италия). И это обстоятельство также способствовало росту художественного мастерства Тины. Четыре года она обучалась живописи в Риме в студии профессора Фуманти (1963–1967), дважды – в 1966 и 1967 гг. – участвовала в римских выставках. В 1972 году Смушкевичи окончательно обосновались в Израиле. Она, труженица, и до сих пор преподает фортепиано в Музыкальной консерватории г. Рамат-Гана и постоянно занимается живописью. Неоднократно участвовала в персональных выставках: галерея «Иппоним» в Тель-Авиве (1982, 1984), «Яд ла-баним» (1984) и «Бейт-Эммануэль» в Рамат-Гане, «Бейт-Ришоним» в Гиватаиме (1988, 1989), «Бейт ла-баним» в Тель-Авиве (1992), в Союзе художников (1993) и «Бейт-Ришоним» (1994) в Рамат-Гане.

⁴ Толстой Л.Н. Круг чтения // Полн. собр. соч. Т.41. С.333.

⁵ Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб. Т.VI. С.502.

Л.Смушкевич. Китайская девочка с мячом

Выставки Тины Смушкевич неизменно пользовались успехом, отмечались печатью и критикой в изданиях на иврите, русском и английском языках. Ее картины хранятся в музеях и частных коллекциях многих стран: от Израиля до Австралии и США. Портреты президентов Израиля Ицхака Навона и Хаима Герцога находятся в президентской коллекции. Имя ее вошло в престижные энциклопедии.

Мы можем подытожить. Художница сумела в своем творчестве соединить европейское искусство с китайской живописью – создав свой собственный художественный язык. Она ни на йоту не отступила от достижений русской

реалистической школы, взяв от традиционного китайского искусства внимание к деталям, декоративность и символичность. Увлеченность линиями не препятствует психологическому прозрению художницы, создавшей замечательные портреты, пейзажи и натюрморты.

Творчество художницы – светозарно. Солнечный, радостный цвет ее картин создает впечатление бесконечного праздника. Ее полотна излучают доброжелательность, умиротворенность. В наш жестокий век они несут удивительную целебную силу. Сужу по себе. Утомленный, приходя домой, удобно расположившись в кресле, я смотрю на работы Тины – и наступает покой и умиротворение. Это ли не проявление художественной силы мастера!..

Некоторое время тому назад произошла удивительная вещь: художница Смушкевич получила письмо от своего коллеги – знаменитого китайского художника и писателя Гао Мана (Суня), который вместе с Тиной занимался в студии Клементьева. Разве это не поразительно? Этому способствовала китайская школьная подруга Тины Смушкевич – Сонг, живущая сегодня в Австралии.

В декабре 2005 года в самой крупной партийной газете «Жэньминь жибао» (20.XII, стр. 15) и самой большой газете Пекина «Бейджин чинянбао» народный художник и писатель Китая Гао Ман опубликовал большую и восторженную статью о своей далекой подруге из Харбина. Надо добавить, что Гао Ман – пламенный поклонник

русского языка и Пушкина, стихи которого знает наизусть, за свои иллюстрации получивший Пушкинскую премию. Не надо говорить, что и Леонтина Смушкевич, как и великое множество земляков, разбросанных по градам и весям мира, обожает русскую литературу и русскую школу живописи...

Как было бы хорошо устроить выставку художницы Леонтины Смушкевич в Китае, лучше всего на ее родине, в Харбине, и чтобы она завершилась встречей двух учеников Клементьева!

Это будет справедливо, ибо художница пронесла через всю жизнь любовь к китайскому народу, к его истории и его искусству... Два самых древних народа должны жить в мире и дружбе, чтобы выстоять в этом жестоком мире.

3. Воин и мастер

(Семен Розенштейн)

Когда я водил своих друзей по Старому городу Иерусалима, в Еврейском квартале всегда заглядывал в студию художника Семена Борисовича Розенштейна. Она находилась в самом центре квартала – рядом со знаменитой аркой синагоги «Хурва». Если стоять на площади лицом к Стене плача, то справа, на углу, виднелась большая витражная вывеска, где на иврите было выведено имя художника. Кто только ни побывал в этом маленьком ателье: и Никита Ильич Толстой, и Евгений Евтушенко, и Давид Абрамович Черняховский, и Анатолий Исаакович Рубашев, и Геннадий Борисович Сосонко, и многие другие. Друзья и знакомые были в восхищении: по-видимому, Розенштейн – последний прямой наследник такой плеяды еврейских художников, как Пэн, Шагал, Эль Лисицкий, Альтман, Мане-Кац. Семен Борисович – один из тех художников, кто еще видел и запечатлел быт исчезнувших местечек.

В крохотной мастерской в первую очередь бросался в глаза большой портрет Любавичского ребе. Дело в том, что в ателье заглядывали старожилы квартала – хасиды, и им приятно было видеть портрет своего Учителя, выполненный рукой мастера. Художник много писал этого великого праведника, авторитет которого так велик в мире, что эти портреты покупали у художника не только верующие евреи – однажды один из них купил турист-японец.

Если вы просили художника, то он с радостью демонстрировал свои работы. Вот библейский сюжет: псалмопевец Давид поет царю

Саулу; действие происходит в шатре повелителя, сумрачное лицо Саула необыкновенно тщательно выписано рукой мастера. На других холстах вы видите танцующих фрейлахс евреев; субботу в доме простого еврея: зажженные свечи, лицо усталой молящейся женщины, неизменную халу и фаршированную рыбу на столе. Вот еврейки, раскатывающие мацу, вот сапожники за работой, евреи-силачи – кузнецы у горна (это работа автобиографическая). Есть неизменные портные, и свадьбы, и, увы, похороны – обыденная жизнь уничтоженного местечка. Меня же из всей этой энциклопедии прошлого больше всего поражает картина, на которой местечковый базар, и старые еврейки чистят гусей. Они держат птицу особым образом – мальчиком Розенштейн подсмотрел, как это делается. Белые как снег перья рассыпаны на земле – жесты женщин привычны и сильны. У меня текут слюнки: из гусяного сала будут сделаны шкварки – «грибенкис». Не блюдо, а объедение.

Но Семен Борисович не только певец прошлого. Он обожал иерусалимский пейзаж. И, конечно, цветы. Буйство красок, палитра щедра и импрессионистична – как неумолимое солнце Палестины. Студия была переполнена натюрмортами и пейзажами Иерусалима, сделанными рукой мастера.

Нам осталось лишь познакомиться с жизнью подвижника. Она необычна даже для советского человека.

Родился он в Каменец-Подольске 8 марта 1926 года в семье стекольщика Бейреша и Хаи Розенштейн. До революции отец владел маленькой лавочкой в городке Дунаец, что возле Каменца, но гражданская война перевернула его жизнь. Первую жену отца петлюровцы, после жутких издевательств, убили, он остался вдовцом с двумя детьми. Мать художника, Хая, родом из местечка Ланц-Корунь (что в 12 км от Каменца), где дедушка нашего героя был раввином. Она тоже до этого была замужем, и ее мужа тоже убили петлюровцы, а она осталась вдовой с двумя дочерьми. Бейреш и Хая поженились, и Господь одарил их еще сыном и дочерью. Отец после всего пережитого потерял веру в Бога, но мать соблюдала традиции, и он этому не препятствовал.

Отец работал стекольщиком в пограничном отряде, расположенном в городе. Каменец-Подольск – это та самая «Старая крепость», воспетая писателем Владимиром Беляевым. Детство Семена как раз было связано с нею: детишки перебирались через речку Смотрич в крепость и залезали в каждую щель. Они же и обнаружили знамени-

тый подземный ход, выходявшей к речке. Его замуровали в советское время. С этим ходом связана история осады города турками.

Учился Семен в 1-й украинской школе в Старом городе (бывшая гимназия), к началу войны окончил девять классов.

Художественное дарование мальчика проявилось в раннем детстве, когда он начал копировать все, что попадалось под руку. Причем бедность была такая, что у него зачастую не было ни карандашей, ни красок. Фактически Семен был самоучкой. В школе он оформлял стенгазету, получив прозвище Художник. Все его детские и юношеские рисунки погибли в горниле войны.

Когда началась война, ему было 15 лет. На второй день начались авиационные налеты на город. В дом, где жили Розенштейны, попала бомба. До сих пор помнит художник этот адрес: Центральная площадь, дом 8. К счастью, отца не было дома, но в начавшейся панике хлынувшая на улицу толпа напуганных людей чуть его не задавила. Сам же Семен, находившийся дома, получил травму. Разрушенное жилье пришлось покинуть.

30 июня, при приближении немцев, семья бежала из города. До этого мать еще колебалась: австрийцы в Первую мировую войну оставались вполне человечными, но тогда были другие времена, наци – не австрийцы Франца-Иосифа. Инстинкт самосохранения оказался сильнее рассуждений, и семья решила эвакуироваться.

С трудом сели в последний поезд, и на открытой платформе семья из шести человек отправилась в неизвестность. Как выяснилось впоследствии, на следующий день в город вошли немцы, а 28 августа 1941 года было расстреляно 16 тысяч евреев – все население гетто. Нелишне отметить, что в антиеврейских акциях активное участие приняли бывшие соседи и сослуживцы евреев, попутно грабившие их дома. В Каменец немцы свезли евреев из Чехословакии и Венгрии, Бель-

С.Розенштейн. Пара из местечка

гии и Голландии – они были тоже истреблены. Художник говорит, что было уничтожено 80 тысяч человек, у него сохранились фотографии ровов, где расстреливали несчастных. Один ров был исключительно детский.

Поезд шел на Казатин–Киев–Харьков. До Казатина есть было нечего, к счастью, нашелся лук и немного сахара. В Казатине отец пошел добывать съестное и отстал от поезда, а нагнал семью после больших приключений лишь в Средней Азии. Далее судьба вела в Мариуполь, где Семен работал на швейной фабрике. Затем его послали в колхоз собирать клещевину, шедшую на изготовление машинного масла. Но спустя месяц пришлось опять бежать от немцев – они приближались к Азовскому морю. Мать напекла коржиков из какой-то трухи, и семья выехала в Махачкалу. Там на городской площади вповалку лежали десятки тысяч эвакуированных, в большинстве евреи. Стояли длинные очереди на пароход, перевозивший людей на ту сторону Каспия, в Красноводск. В ноябре 1941 года, на открытой палубе, стоя в воде, добрались до Туркмении. Несколько дней кантовались на улицах Красноводска и, наконец, с большим трудом сели на поезд. Первая семейная потеря: умерла племянница. (Семья не знала, что это уже не первая жертва: муж сестры погиб на фронте в конце июня.)

По Закаспийской железной дороге двигались в направлении Коканда, в Ферганскую долину. Было холодно – на дворе декабрь, январь. Семена взяли в ремесленное училище обучить специальности кузнеца. А мать, сестра и отец мучились в городе. Семен жил в общежитии. Подрабатывал ночью на хлебозаводе, это как-то помогало выжить. Но отец заболел, его сердце не выдержало, и он умер; ему было 62 года. В больницу не пускали – боялись эпидемии, но, как ни странно, из окна выкинули сверток с ботинками покойного.

Ремесленное училище – не кадетский корпус. И мальчику-еврею нужно было иметь мужество жить в антисемитской и полууголовной среде. Дрался он со всеми за малейшее оскорбление национального достоинства. В дело шли не только кулаки, но и молотки. Как бывает в подобных обстоятельствах, физически сильный юноша отстоял свою честь и приобрел уважение однокашников.

После окончания училища выпускников отправили в Ташкент, а затем на Урал, на военный завод. По дороге он подхватил инфекцию и месяц находился в больнице, в конце концов здоровый организм превозмог недуг. Семен пытался помочь своей семье – продав полученное обмундирование и ботинки, выслал деньги сестре, потерявшей

ребенка. Он опоздал: в это время мать, пятидесяти семи лет, и двенадцатилетняя младшая сестра скончались от тифа. Осталась в живых старшая, молочная сестра. После выздоровления Семена отправили в Магнитогорск. Там он работал на оборонном заводе в кузнечном цеху.

А в армию он пошел добровольцем в 1943-м. Был поначалу снайпером, затем отправили его в летное училище на Алтай, в город Камень-на-Оби. Шесть месяцев тяжелой учебы. Учился он отлично и был направлен для совершенствования в школу АДД (авиация дальнего действия) в г. Новосибирск. Там его и застал конец войны.

Случай всегда играл особую роль в его жизни. Заместитель командира полка, майор, русский человек, на гражданке бывший директором школы, обратил внимание на талантливого художника-самоучку. Жена политрука, работавшая также директором школы, помогла ему окончить десятилетку. Да будет благословенна память этих людей, фамилию которых Розенштейн запомнил. Только благодаря им он сумел получить аттестат зрелости с отличием. Было ему уже 23 года. Поздновато. Золотую медаль на руки не получил, так как находился в военных лагерях на учениях. Ходил в школу сдавать экзамены, проделывая 24 км в день: 12 – до города и 12 – обратно в лагерь! Параллельно занимался в художественной студии в Новосибирске. Прилежно учился рисованию. Впервые его педагогом был профессиональный художник, уговоривший его поехать учиться в Ленинград.

Вообще Семен был очень разносторонним юношей: увлеченно занимался спортом, да так, что однажды на футбольном поле сломал ногу и пролежал в госпитале шесть месяцев. Но нет худа без добра: там проявился его артистический дар – участвовал, и небезуспешно, в госпитальной самодеятельности.

Демобилизовался Розенштейн в конце 1949 года. Ему некуда было ехать: на пепелище делать было нечего, и он выбрал Ленинград для учебы. С направлением от воинской части на руках в ноябре 1949 года Семен прибыл в Ленинград для поступления в художественное училище. При приеме в середине года возникли трудности: принять приняли – уж больно талантлив был абитуриент, и сразу же на 2-й семестр 2-го курса, но без стипендии и общежития. Жил на случайных квартирах, летом работал инструктором по туризму на Карельском перешейке. Там познакомился с русской семьей, у которой прожил года полтора. Ночью работал на табачной фабрике им. Клары Цеткин, затем устроился «по специальности» – художником-оформителем в

воинскую часть. То, что он – бывший летчик, помогало ему в быту, хотя трудности были невероятные. И все же в 1953 году Семен Борисович Розенштейн получил диплом художника и педагога рисования и черчения средней школы. Это была победа. А впереди «светила» Академия художеств им. И.Е.Репина, куда он мог поступить без экзаменов по общим предметам, поскольку имел диплом с отличием.

При приеме были лишь специальные экзамены, по будущей профессии: рисунок, композиция и живопись. Справился с этим он неплохо: четверка и две пятерки. Жить стало легче: стипендия и общежитие при Академии на Васильевском острове были обеспечены.

Учился Розенштейн в мастерской Иогансона. Борис Владимирович Иогансон был не только официально признанным художником, даже одно время президентом Академии художеств СССР, но и интересным педагогом и опытным мастером. Его работы 20-х и начала 30-х годов навсегда останутся классикой этого периода. Он много дал своему ученику.

А время после учебы студенты проводили в так называемой «пивной Осмеркина», которая еще помнила последнего члена «Бубнового валета». Учился Семен превосходно, запоем, хотя и был намного старше своих сокурсников. Педагоги хвалили его... Проучился Розенштейн пять с половиной лет. Его отчислили из Академии художеств «за моральное разложение». Как это произошло и что стоит за этой формулировкой?

Начало конфликта лежало в самом характере художника, избравшего дипломную работу с очень странной для советского времени темой: «Убийство нацистами евреев».

Предыстория такова. На 4-м курсе он сделал эскиз «Нацисты ведут евреев на расстрел», который понравился его руководителю, художнику Соколову. Конечно, фронтовик Соколов, потерявший глаз на фронте, русский порядочный человек, в первую очередь оценил художественное мастерство, сознательно или бессознательно закрыв свой единственный глаз на содержание. Но когда Семен выбрал эту тему для своей дипломной работы, высокое начальство просто испугалось. В это время Академию курировал знаменитый скульптор Евгений Викторович Вучетич, который вызвал на ковер столь настойчивого студента. Разговор был тяжелый и интересный. Вучетич сразу же понял, что уговорить или, еще хуже, напугать строптивца невозможно: перед ним был фронтовик, человек убежденный в своей правоте, – и потому он прибег к аргументации, которую Семен Борисович понял

только тогда, когда приехал в Израиль. Суть слов Евгения Викторовича Вучетича сводилась к тому, что нежелательно показывать слабость и беспомощность еврейского народа. Наоборот, следует изображать евреев-героев, борцов за правое дело, мстителей за погибших. Маккавеев. Как писал в 1941 году Алексей Сурков: «Красноармеец Гирш Леви, потомок древних Маккавеев...» или нынешних, как генерал Черняховский! «Он был прав, – говорил художник впоследствии. – Нельзя, после всего пережитого, показывать наш народ в унижении». (В словах Вучетича была, конечно, некая хитрость. Собственно, скульптор почти дословно воспроизвел слова Л.М.Кагановича, его выступление перед войной в Еврейском театре.)

А спорить с автором памятника русскому генералу Ивану Даниловичу Черняховскому было бессмысленно. Семена Розенштейна отчислили с вышеприведенной формулировкой, которая выглядит еще более странно на фоне справки о прослушивании в Академии пяти курсов со средним баллом почти 5!

Семен уезжает в родной город Каменец-Подольск. К этому времени он уже был женат. История женитьбы его обычна. После 3-го курса, узнав, что его сестра жива, скопил деньги и уехал на каникулы в Каменец, где сестра познакомила его со своей подругой Идой. Она была сиротой – отец погиб на фронте. Семен женился и никогда не жалел об этом. Ида – по профессии математик, и все дети пошли в мать. Старший сын, победитель всесоюзных олимпиад, ныне профессор физики элементарных частиц в университете в Тайбэе (Тайвань). Он офицер запаса израильских вооруженных сил. Дочь, живущая в Австралии, – компьютерщик, также старший лейтенант запаса израильских вооруженных сил. Младший сын Моше – в Израиле: после окончания службы в артиллерии занимается программированием.

В Каменец-Подольске жил Семен, по его словам, как помещик. Он организовал артель художников, состоящую из «интернационала»: еврея, украинца и поляка. К их помощи прибегали самые разнообразные лица. Так, в 1957 году артельщики расписали сельскую церковь, получив довольно большую сумму, украшали клубы города, поселков и колхозов, делали копии картин русских художников, портреты всесоюзных и местных вождей. Работы было много. А для души он рисовал и пейзажи, и натюрморты, и портреты, вроде портрета еврея полного кавалера ордена Славы. Участвовал в республиканской выставке в Киеве. В Каменец-Подольском музее осталось много работ мастера.

Как только появилась возможность выехать в Израиль, художник ею воспользовался. Напомним, был 1974 год, когда это было сопряжено с невероятными тяготами. Поначалу он жил полгода в Назарете, а затем перебрался в Иерусалим. Этот древний город привлек его мистикой и климатом. Странное сочетание, но оно отразилось в полотнах мастера.

Фактически Семен Борисович Розенштейн – один из немногих израильтян и единственный из бывших советских художников, чья студия находилась в Еврейском квартале Старого города. Выставлялся же он в Израиле бесчисленное количество раз. Успех помог ему приобрести ателье. Так, один турист из Америки купил картину «За обеденным столом» (еврейская семья справляет шабес в местечке на Украине), сразу заплатив 15 тысяч долларов. Другой, голландский еврей, приобрел 30 картин и продолжал покупать по картине каждый год. Еще один американец купил 25 картин. Кто только ни приобретал его работы: японцы, новозеландцы, австралийцы, евреи из Южной Африки и почти из всех стран Европы. С грустью говорит художник: «...прошли те времена». Интифада уничтожила туризм. Сам же Семен Борисович, несмотря на возраст и болезни, каждый год ездил в Европу, в музеи: «Учусь, – серьезно говорил он, – но остаюсь художником советско-русской школы».

Ранней весной в Иерусалиме по дороге на больницу «Хадасса», расположенную в Эйн-Кареме, из окна автобуса №19 часто можно было видеть на пригорке человека с мольбертом, рисующего цветущий миндаль. Это был неутомимый труженик – Семен Борисович Розенштейн...

Послесловие

Последние годы мастер болел. Неизлечимая хворь неумолимо сокращала дни жизни и съедала силы. Но, едва оправившись от очередной порции химиотерапии, он работал, работал, работал... Последнее, чем он занимался, была попытка провести выставку в Иерусалиме. Все уже было на мази. Я часто навещал Семена Борисовича, как в студии, так и дома – мы были почти соседями. В последний раз я зашел к нему за две недели до его кончины. Он был щедр и гостеприимен. Выпили соответствующие «наркомовские» и расстались, не подозревая, что это было прощание. 17 июля 2006 года он ушел от нас... Тело его

было предано земле на кладбище Гиват-Шауль в Иерусалиме, городе, который он любил и который воспел в симфонии красок.

Последний из могикан

(Лев Осипович Могилевер, 1904–1996)

Савва Дудаков (Иерусалим)

Лев Могилевер

Хочется рассказать о Льве Осиповиче Могилевере, ровеснике XX века, человеке, принадлежавшем к категории людей, которые стали символом возрождения Государства Израиль.

Он родился 16 мая 1904 года в Белостоке, в семье д-ра Иосифа Могилевера, делегата 1-го Сионистского конгресса в Базеле. В 1920 году Иосиф Могилевер переехал в Палестину, поселился в Иерусалиме, стал заместителем директора семинара учителей, а затем, вплоть до своей смерти в 1943 году, – директором гимназии «Рехавия».

Лев Осипович был правнуком знаменитого раввина и общественного деятеля Шмуэля Могилевера (1824–1898), одного из создателей движения «Ховевей Цион» («Любящие Сион»). В 1882 году он основал палестинофильский кружок «Бней-Цион» («Дети Сиона»). Именно Шмуэлю Могилеву удалось привлечь к палестинофильской деятельности Эдмона Ротшильда, что было важным шагом на пути практического осуществления идеи массового переселения евреев на родину праотцев. В 1884 году состоялся Катовицкий съезд (Силезия), где он был избран почетным председателем. Это был первый съезд палестинофильцев, который состоялся после погромов на юге России в начале 80-х годов XIX столетия.

После приезда в Палестину он оказал финансовую поддержку еврейскому поселенческому движению. Результатом его усилий явилось основание региональных центров «Ховевей Цион», занимавшихся просионистской агитацией и религиозной деятельностью. В знак признания его заслуг возле Хадеры был посажен сад Ган-Шмуэль. В Иерусалиме в честь прадеда и отца Льва Осиповича названы две улицы.

Лев (Арье) знал иврит с колыбели, поэтому, когда семья в 1920 году переехала из Одессы в Палестину, он сразу вошел в жизнь ишу-

ва. Лев Осипович стал издавать первый шахматный журнал, четыре номера которого вышли на иврите в 1922 г. Шахматы – это только одна из интеллектуальных ипостасей Могилевера. Напомним, что он был основателем и бессменным, на протяжении 72 лет – с 1923 по 1995 г., – руководителем шахматного клуба им. Акибы Кивелевича Рубинштейна, участником ряда шахматных состязаний, чемпионом Иерусалима, блестящим проблемистом международного класса. Как замечательный организатор, Могилевер был одним из основателей Палестинской (Израильской) шахматной федерации. В 1950 году в Дубровнике (Югославия) и в 1962 году в Варне (Болгария) он был капитаном израильской команды на шахматных олимпиадах, а в 1954 – главным организатором шахматной олимпиады в Тель-Авиве. В 1976 году Могилевер стал почетным гостем олимпиады в Хайфе.

Лев Осипович был высокообразованным человеком, в совершенстве владевшим основными европейскими языками и арабским. Из мертвых языков он хорошо знал латынь. (Ошибки в латыни и французском, вкравшиеся в мою диссертацию, он с удовольствием исправил.)

Еще в 20-е годы Лев Осипович поступил в «Бецалель». Сам он с юмором рассказывал о своих встречах с Борисом Шацем, основателем и преподавателем первого художественного училища на Святой земле: *«На одном из уроков Борис Шац, обходя студийцев, подошел к будущей знаменитости – Кастелю. Он одобрительно отозвался о его работе: “Будете художником!” Взглянув на мою мазню, учитель предсказал и мою будущность: “А вы, молодой человек, будете хорошо разбираться в живописи”. Я понял, и с тех пор занимаюсь коллекционированием»*. И действительно, на протяжении всей жизни Лев Осипович коллекционировал палестинских художников, неоднократно спасая их от голода и нищеты. В его коллекции есть полотна Зарицкого, Леванона, Кастеля и других признанных и непризнанных мастеров.

Некоторое время Лев Осипович учился в Лондонской экономической школе. Семья была небогата, и Арье отказался от отцовской помощи, добывая хлеб насущный уроками иврита и английского. Были моменты, когда он ел только один раз в день. В середине 90-х годов уже прошлого века в Лондоне я встретил одну из учениц Льва Осиповича, которая живо помнила мэтра и была влюблена в него. И это спустя чуть ли не 70 лет!

Играл Могилевер за шахматную команду колледжа, что снискало уважение товарищей и преподавателей – спорт в Англии в почете!

В 1926-27 гг. Могилевер преподавал иврит в гимназии в Рехавии, где, как мы помним, его отец был директором. И в то время и по сию пору, гимназия в Рехавии – эталонное учебное заведение.

В самом начале 30-х годов прошлого века он начал работать в «Керен каемет ле-Исраэль» экономическим советником д-ра Гранота и д-ра Вейса. А крестным отцом на его новой работе был учитель Менахем Усышкин, знавший Арье еще с дореволюционных времен. В течение 40 лет Могилевер оставался финансовым и экономическим директором «Керен каемет». Из его уст я услышал знаменитую фразу Усышкина: «Деревья не плачут!». Говоря так, он имел в виду, что если не будет отдельного фонда для озеленения страны, то все средства, собранные на Палестину, – уйдут людям: «человеки» плачут.

Доктор был примерным гражданином своей страны в прямом смысле слова, до его 80 лет можно было встретить ветерана на улицах Иерусалима в армейской форме: он служил в гражданской обороне и, вероятно, оказался старейшим в когорте славных.

В общении Лев Осипович был обаятельным и отзывчивым человеком, пунктуальным до мелочности. Вплоть до своей последней болезни он писал ровным и ясным почерком письма членам шахматной команды, а так как она состояла в основном из русских эмигрантов, то, естественно, по-русски, несколько старомодно, но очень приятно.

Его обязательность была потрясающей, доброта и щедрость – старого, ушедшего, не нашего времени. И еще его отличала скромность – он был воплощением анонимного филантропа. А скольким новоприбывшим помог! Он был настоящим еврейским праведником: «Если же будет у тебя нищий кто-либо из братьев твоих, в одном из жилищ твоих, на земле твоей, которую Господь Бог дает тебе, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей перед нищим братом твоим, но открой ему руку твою и дай ему взаймы, смотря по нужде, в чем он нуждается» (Второзаконие, гл. 15, стр. 7–8).

Он прожил 92 года, долгую и прекрасную жизнь Человека и Гражданина.

В октябре–ноябре 1996 года Совет шахматного клуба им. Акибы Рубинштейна провел открытое первенство клуба, посвященное памяти Льва Осиповича Могилевера.

И последнее: свою большую (несколько тысяч книг) шахматную коллекцию Лев Осипович завещал городской библиотеке при гимназии «Рене Кассен». Там же находится и портрет дарителя.

«Я родился свободным человеком...»

(Заметки о творчестве кинорежиссера Михаила Калика)

Лев Фрухтман (Лод, Израиль)

Жизнь моя – кинематограф,
Черно-белое кино.

Ю.Левитанский

1

М.Калик, середина 60-х

Хранить вечно. Со времени выхода на большой экран первого фильма кинорежиссера Михаила Калика «Юность наших отцов» (по роману А.Фадеева «Разгром», 1958) прошло почти 50 лет.

«Время вещь необычайно длинная», – заметил поэт. Много лет спустя кинорежиссер Элем Климов скажет о кино: «Ведь в

кино все так быстро стареет». Но для феномена человеческой памяти время не только поступательно, оно же и ретроспективно. И это счастье. Михаил Калик вспоминает о своих первых, решительных, шагах в большом кино, морща лоб и сияя светло-голубыми глазами. Вспоминает охотно, вдаваясь в подробности, не лукавя, воссоздавая картины подготовки и съемок той краеугольной фильмы, которая, безусловно, хранится в российском Госфильмофонде. И, может, на коробке стоит гриф: «Хранить вечно». «Как на моем лубянском деле – две магические буквы «Х.в.», – смеется Калик, бывший узник ГУЛАГа, – *но это не “Христос воскрес”, хотя я и воскрес и, как видите, “исхитрился” дожить до восьмидесяти. Так о чем будет речь?..»*

По существу. На одном из своих последних публичных выступлений в Ленинграде, в начале 1930-х годов, Осип Мандельштам, по сути отверженный русский поэт, выслушав кучу комплиментов от видных литераторов того периода, задрав голову и насупившись, мрачно ска-

зал: «А теперь давайте по существу!» Поэт хотел услышать нечто серьезное, не просто комплиментарно-оценочное, а позитивную критику своего творчества. Ему было тогда сорок лет, он выглядел стариком, и ему как художнику важна была вся правда о себе, чтобы не блуждать в «потемках» сомнения и самовосхваления. Художнику это всегда важно... Вы спросите, какая связь с М.Каликом, видным кинорежиссером, достигшим 80 лет и живущим под высоким небом Иерусалима, вовсе не ощущая себя стариком?.. Для меня связь налицо. Я видел почти все фильмы Михаила Калика, и после беседы с ним мне показалось, что его вовсе не интересует оценочное «гламурное» отношение к его картинам со стороны друзей, маститых кинокритиков, зрителей и почитателей. Подумалось, что вот-вот он, бывший «рассерженный» советский режиссер легендарных 60-х, один из создателей «поэтического кино» в эпоху «оттепели», облаканный мировой киноэлитой, вдруг скажет по-мандельштамовски: «А давайте по существу!»

Камень преткновения. Тут-то и загвоздка. Чтобы порадовать старого Мастера разговором «по существу», глубоким анализом доброго десятка его фильмов, нужна, вероятно, годовая работа, скажем, Института мирового кино. Время умчалось безвозвратно. Кануло в лету тоталитарное мышление. Исчезло зашоренное обывательское сознание. Пришло коммерческое, мягко говоря продюсерское, кино. (Вспомнилось название одного из советских фильмов 80-х – «Долой коммерцию на любовном фронте!») Очень актуальный лозунг для фильма Калика «Любить!» /1968/, запрещенного когда-то бдительным советским киноначальством. Хотя речь в этом фильме шла всего-то «о странностях любви».)

Открыты фонды, архивы, секретные материалы страшных ведомств. Грозное киношное начальство не у дел. Осталось КИНО. Одна израильская киновед пророчески заявила: «Кина больше не будет!» (февраль, 2007). Да, *такого кина*, каким оно было в XX веке, уже не будет. Будет другое. Но мировое кино за сто лет нагромодило Монблан блестящих художественных полнометражных фильмов. И, смею заверить, что выппел М.Калика на этом Монблане заметен. А ведь сколько выдающихся имен в режиссуре мирового кино! Да и сама профессия режиссера обрела уже фантастически-мифологические черты. Безумно интересно, какими были маги и волшебники: итальянец Феллини, японец Куросава, француз Клер, швед Бергман, русский Тарковский, еврей Ромм. Немало тайн и загадок таят в себе

биография и фильмы нашего соплеменника – «нашенского», израильского режиссера Михаила Наумовича Калика.

Кредо. Уже в самом начале документально-биографического фильма «Калик в черно-белом и цвете», созданного израильским режиссером-документалистом Семеном Винокуром в 2003 году, Михаил Калик в каком-то просветленном раздумье говорит: «Я родился свободным человеком, да-да, я родился свободным!..» Сразу как-то и не поверишь. В стране, именуемой СССР, уже с 1929, «года великого перелома», до самой так называемой перестройки, бывшей, по словам Владимира Буковского, «большой Зоной», родиться свободным было проблематично. Но не надо понимать это буквально. Под влиянием различных факторов люди – личности, художники, поэты, физики и лирики – не только ощущали себя свободными людьми, но и БЫЛИ ими. Их имена остаются в истории российской культуры уже и после развала Империи. Эта внутренняя свобода помогла Михаилу Калику сложиться как личности именно в тот момент, в середине 1950-х, когда все искусство было единым застывшим продуктом социализма.

Любопытно, что английский философ и историк культуры сэр Исайя Берлин, будучи в сталинские годы культурным атташе в Москве, в своем отчете британскому правительству отмечал глобальную катастрофу всех видов искусств в России при тоталитарной власти цензуры и спецорганов. *«Один кинематограф проявляет признаки жизни, хотя золотой век советского фильма (так у автора! – Л.Ф.) кажется, уступил место чему-то примитивному и банальному...»* И на это «еще не разминированное» поле кинематографа 1950-х вступил молодой Калик, чтобы стать одним из создателей нового, так называемого «поэтического кино» в ряду таких мастеров, как Сергей Параджанов, Андрей Тарковский, Отар Иоселиани (Грузия, позднее эмигрировал во Францию); в какой-то мере и Марлен Хуциев, и Георгий Данелия, и др. Но Калик создал свой поэтический стиль в кино, стиль, не отягощенный идеологией. К этому свершению его привела свобода духа, непокорность судьбе и власти. Хотя и в парадоксальном переплетении.

Знаменателен эпизод в фильме С.Винокура «Калик в черно-белом и цвете», когда М.Калик рассказывает о том, как в конце 1970-х, уже будучи в Израиле, стал жертвой теракта, взрыва у магазина в Иерусалиме, был ранен осколком в живот и доставлен в больницу, где хирург изъясил осколки. «Один из репортеров, освещавших это событие, оказался у моей кровати и сочувственно спросил: “Ну, как ты?” Я, чуть

оклемавшись, ответил: “Теперь я уже не оле-хадаш, здесь пролилась моя кровь!” И тогда он ответил, этот репортер-сабра: “Ата бесэдер, Калик!” (“Ты в порядке, Калик”!)» Капля крови, пролитая на землю, и есть самый крепкий союз («брит» на иврите).

2

Биография. Не всегда биография творческого человека совпадает с тем, что он делает в жизни. У Михаила Калика как раз совпало. Увиденное в отрочестве, во время войны в алма-атинской эвакуации «великое кино» – эйзенштейновский «Иван Грозный», снимавшийся в 1943 году на тамошней киностудии, – зародило в юноше мечту стать кинорежиссером. Случайно услышанная на съемочной площадке реплика «наирусейшей» актрисы Турчаниновой, брошенная в адрес Серафимы Бирман, игравшей в «Иване Грозном» Ефросинью: «Уж если Сара-Фима играет боярыню, то хорошо уж, прости Господи, что царя Ивана не играет Соломон Михозлс!..» – дала толчок еще робкому пробуждению национального еврейского самосознания: кто же мы, равны ли великому русскому народу, смеем ли приобщаться к русской культуре? Само имя Михозлса запало в душу, чтоб спустя всего несколько лет привести студента Мишу Калика на грандиозные похороны великого артиста. Он участвовал в том невероятно скорбном шествии к зданию театра ГОСЕТ на Малой Бронной, где был выставлен гроб с телом Михозлса для прощания.

Пара слов, опрометчиво оброненных Мишей, повлекли за собой цепь горестных событий. Увидев на заснеженной крыше дома напротив Еврейского театра старика-скрипача, играющего реквием, Калик сказал негромко: «Плач по убиенному». Рядом шедший студент услышал: «Что... что вы сказали?» И в МГБ пошел донос, с которого и началось «дело Калика». Все эти биографические сцепки так или иначе вошли в автобиографический фильм зрелого М.Калика «...И возвращается ветер» (1991). Так что для ясности обратимся к биографии кинорежиссера. Надо заметить, что отдельные штрихи его биографии отражены в энциклопедических статьях (Краткая еврейская энциклопедия, том 4, Иерусалим, 1987; Российская еврейская энциклопедия, том 2, М., 1994; энциклопедия «Люди успеха», США; и во многих кинословарях зарубежья), кочуют из статьи в статью, порой дополняя известное, а иной раз и наводя мифологический туман.

В настоящей статье биографические данные составлены на основе не только известного печатного материала о режиссере, но и нескольких встреч-бесед с ним (чрезвычайно интересным собеседником, актерски эмоциональным, сдержанным в оценках, человеком широчайшего диапазона!) и, конечно, его архива.

Михаил Наумович Калик родился в 1927 году в Архангельске, в интеллигентной ассимилированной еврейской семье. *«Отец был из “простых”, из ремесленников, – рассказывает Калик в интервью (26 апр. 2007), – но выбился в актеры, участвовал в послереволюционном, необычайно бурном театральном движении: “синеглазники”, ТРАМы, рабочие кружки. Но его подвел родной брат-нэпман, впутал в какие-то махинации, и отец, чистой воды театральный, загремел в северную ссылку, в Архангельск, где я и имел счастье родиться. А мама, дочь очень состоятельных родителей, на корню не принявших большевистский переворот, кончившая в Киеве хорошую гимназию, была талантливейшим, незаурядным человеком: знала несколько языков, помогала отцу во время частых гастролей, в дни безденежья и безработицы научилась печатать на пишущей машинке десятью пальцами – “слепым методом”. Во время эвакуации она также умело, как мне казалось, добывала на рынке продукты, обменивала, торговалась...»*

М.Калик с грустным юмором изобразил все это в эпизодах своей картины «...И возвращается ветер», которую некоторые кинокритики окрестили «русским “Амаркордом”», по аналогии с биографическим фильмом Ф.Феллини.

Когда Мише исполнился год, семья переехала в Москву. *«Детство мое, отрочество прошли в Москве, шумной незабываемой, Москве тридцатых годов, наполненных ором уличных репродукторов, шествиями пионеров и парадами красных конников, позднее моторизованными колоннами Егорова и Тухачевского... Ближе к середине тридцатых: тревожные ожидания ночных арестов, страхи и ужасы самоубийств, сумасшествие показательных судебных процессов над “врагами народа”: “промпартия”, “шахтинское дело”, расправа над Бухариным и тому подобные казни».*

Потом была, как известно, Великая Отечественная, которую Калик встретил подростком, все видящим, слышащим, перемалывающим в своей душе. В алма-атинской эвакуации понял, как бытовой антисемитизм разъедает, как ржа, совесть и дух советского обывателя, проникая и в сферы интеллигентские, и во властные структуры, создавая основу государственной юдофобии... *«Уже учась в 1946–1948*

годах на театроведческом факультете ГИТИСа, московского театрального института, – рассказывает Калик, – глубоко, будучи евреем-интеллигентом, пережил известные сталинские гонения против “космополитов”, то есть евреев – театральных критиков (Юзовский, Борщаговский и др.), убийство Михоэлса, закрытие московского ГОСЕТа, разгон Еврейского антифашистского комитета и арест видных деятелей еврейской культуры. Пятый пункт становился клеймом». И, тем не менее, даже в такое тревожное время он с юношеским максимализмом и бесстрашием поступил во ВГИК на режиссерское отделение в мастерскую знаменитого Григория Александрова. Но... времечко-то какое! Недолго музыка играла, как говорят в народе...

Суровые жизненные испытания начались в 24 года. В 1951 году Михаила Калика и еще четверых студентов арестовали и обвинили в создании «антисоветской террористической организации», а Калика еще дополнительно в сионистской деятельности, чего он и не отрицал, ощущая себя глубоко причастным к еврейству. (В биографическом фильме С.Винокура Калик – актерски очень выразительно и зримо – показал, как его арестовывали, заламывали руки, препровождали на Лубянку, стригли под нулевку, будто он уже был осужден.)

«Судил нас военный трибунал войск МГБ Московского военного округа, который приговаривал обычно только к смертной казни, за редким исключением, – рассказывает М.Калик в своей мемуарной записке «Страницы жизни “абстрактного гуманиста”» (Киноведческие записки. М., 1996; записал Валерий Фомин). – И вот мы, слава Богу, стали этим исключением. Нам заменили смертную казнь на “четвертак” и послали в самые страшные лагеря... Я был в так называемом Озерлаге, недалеко от Тайшета. Там, в тайге, через каждые 5–10 км был лагпункт. Вокруг сотнями умирали, а я был молод и, знаете, выжил». Лишь спустя сорок лет режиссер Калик в фильм «...И возвращается ветер» включил большой эпизод о сталинских лагерях, «постановочный», но на грани документальной съемки. Эпизод внушительный, достоверный – настолько подлинный, хоть и игровой, яростный, яркий, что французские кинематографисты, уже в начале 2000 года снимая фильм про советского музыканта Эдди Рознера «Джазмен из ГУЛАГа», не найдя в российских архивах документального материала, обратились к Михаилу Калику с просьбой продать им 5–7 минут экранного времени из гулаговского эпизода его фильма. Сам этот факт есть высокая оценка мастерства режиссера. «Да ведь

снимал же один к одному, – говорит сам Михаил Наумович. – Так вся эта эпопея врезалась в память».

Вспоминая об этом времени, Калик еще находит в себе силы шутить: *«Я играл еще в такую игру, будто меня сюда, в Сибирь, специально послали как режиссера, чтобы я увидел, изучил жизнь и стал духовно богат. “Игра” действительно помогла. Помогла просидеть два раза в холодном carcere, пройти спецкорпус в Лефортово, шесть (!) тюрем... Когда я сейчас вспоминаю, что я видел за два с половиной года, то не могу представить, что все это действительно видел своими глазами...»*

Свет в одиночной камере. Как любила советская либеральная интеллигенция лагерный фольклор: «Я сижу в одиночке и плюю в потолок»!.. (А еще: «Сижу на нарах, как король на именинах...» Автор – народ!) Варлам Шаламов, многолетний колымский сиделец (17 лет отбухал), один из адресатов Бориса Пастернака, сказал однажды, как отрезал: «Лагерный опыт ничему не учит. Пропавшие годы». Трудно спорить. Этот опыт надо только пережить. М.Калик же утверждает, что именно тогда в нем созрела безотчетная идея гуманистического отношения к человеку, сознание, что он Еврей и что где-то есть Убежище для него, как человека и художника. И маленький тусклый свет надежды, в виде сгорающей спички, на миг озарял камеру.

Ходит история о Калике, что в одиночке в Лефортово сердобольный надзиратель дал ему коробок спичек. И вот он в полутьме камеры сжигал одну спичку за другой, и это краткое пламя спичечки как-то успокаивало душу, настраивало на оптимистический лад. Калик подтверждает этот миф о нем, но с усмешкой добавляет, что спички покупал в тюремном киоске. И вдруг мне становится ясен смысл мандельштамовской строки «...И спичка серная меня б согреть могла». Непостижимо, как это может перекликаться в поэтическом космосе? Осип Мандельштам к моменту написания этого стихотворения (1922) был еще вольным человеком, но представлял, как видно, весь ужас перековки советского человека в «строителя социализма». У Калика же не случайно появляется в эпизоде фильма «До свидания, мальчики» (1965) вспыхивающая на краткий миг в полной темноте спичка, когда молодые герои, влюбленные, расстаются навсегда.

Многие штрихи биографии режиссера перекликаются с его фильмами. И это тоже создает своеобразную поэтическую симфонию житнетворчества. Ярчайшие панорамные съемки тайги, моря, города,

реки и т.п., «крупный план» – лица, глаза, губы – в «каликовском» стиле удивительно совпали с музыкой Микаэла Таривердиева.

3

Кинопоэтика. Сам термин «поэтика кино» возник из формального метода русских писателей-литературоведов 20-х годов, членов Общества поэтического языка (ОПОЯЗ): Ю.Тынянова, Б.Эйхенбаума, В.Шкловского. В 1927 г. вышла книжка Эйхенбаума «Поэтика кино» – еще в немую пору. Сама проблема кинопоэтики уже была поставлена, но прошли десятилетия, пока понятие это разработали теоретики и практики кино, режиссеры и операторы. Возникло французское «поэтическое кино»: Франсуа Трюффо, Рене Клер, Жан-Люк Годар, итальянский неореализм в лице Ф.Феллини, Росселини, М.Антониони и мн. др. В российском кино предтечами поэтического кино были Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко. С формальной точки зрения, теперь уже кажется несомненной принадлежность поэтики к киноискусству вообще. Но полвека назад эта несомненность была и спорной, и подозрительной для «цепных псов соцреализма». Принималась лишь поэзия, выраженная в слове (порой в банальности), а поэзия в кинематографе трактовалась как бог на душу положит. Но советские «божки» были туповаты: что за поэзия? Пантомима, жест, взгляд, замирание рук, медленный поворот головы – стоп! Выражайтесь яснее, товарищ, как вас там, Режиссер!

Считалось, что поэзия в литературном смысле и кинопоэтика близки. Но это было далеко не так и иллюзорно. (А.Тарковский в «Зеркале» наглядно хотел доказать исключительное сопряжение стихов отца, Арсения Тарковского, сложнейшего по стилю и образности поэта, со своим киноизобразительным рядом. Получилась замечательная интерпретация прекрасных стихов, но поэзия слова и кинопоэтика – субстанции разные!) А фильмы Ингмара Бергмана тогда еще у нас не были известны. И «Земляничная поляна», и «Осенняя соната» пришли лишь 20 лет спустя.

Фильм Михаила Калика «Колыбельная», снятый в 1960 году на студии «Молдова-фильм» как бы в традиционно заданных границах реалистического кино, ВДРУГ оказался средоточием целого ряда поэтических приемов, создающих ощущение правдивости и искренности кинообразов. Киноязык заменял поэтическое слово. И этой новой выразительности помогают и «по линейке» выстроенный кадр, и пово-

рот головы актера по строгому указанию режиссера, и музыкальная фраза, и пейзаж, и шумы, и звуки жизни. Поэзия кино одухотворила не только реалистический сюжет, но и вполне бытовые жизненные реалии, поступки людей, их внутренний мир – словом, весь киномир, создающий то «замирание сердца», что и составляет цель искусства.

Поэзия «Колыбельной» была сразу же замечена в мире Большого кино. *«Так получилось, – говорит Калик, – что фильм, понравившийся даже Екатерине Фурцевой, тогдашнему министру культуры, и одобренный Госкино, не попал по причине советской бюрократической проволоочки на Венецианский фестиваль, в конкурсную программу, как*

М.Калик беседует со студентом ВГИКа Андреем Тарковским,
конец 1950-х

предполагалось ранее, а был показан вне конкурса». И вот картину увидел один из крупнейших тогда кинокритиков и историков кино Жорж Садуль. В газете «Леттр Франсез» он написал: «Калик принадлежит к советской “новой волне”. У него есть талант и темперамент. Это имя надо запомнить (выделено мной. – Л.Ф.) “Колыбельная”, показанная почти тайно, в информационной секции, заслуживала участия в самом Венецианском фестивале больше, чем другие фильмы» (Париж, 15/9 - 60).

Скупой на похвалы Михаил Ильич Ромм, друг и наставник Калика, отнес и «Колыбельную», и «Человек идет за солнцем» к чис-

лу «поисковых», если так можно выразиться, картин: *«Поэтический закат ее очень высок»*. Последнее относится уже к фильму «Человек идет за солнцем», снятому в 1962 году тоже в Молдавии, ставшей в послевоенное время заманчивым уголком огромной страны, не могущей согреться, в республике, где вино лилось рекой и гроздья винограда сами просились в рот. Трудно себе представить, насколько сам замысел соответствовал и месту, и времени. В мире много солнца, но его надо ощутить и почувствовать не только как осветительный и обогревательный прибор, но и как великую субстанцию жизни. Фильм, не перегруженный социально-идеологическим смыслом, почти бессюжетный, был снят в такой простой и новаторской манере, что поистине брала оторопь. Все «безумно» любят детей. Но то, что могут увидеть глаза ребенка, не всегда доступно пониманию взрослого человека. Ребенок – «табула rasa», чистая доска, его сознание еще не отравлено миром страстей, денег, честолюбия. Он видит жизнь, как она есть, красоту – первозданной, дорогу – полной неожиданностей, похороны человека – как нечто ужасное и необратимое, пространство стадиона – как широчайший мир, где свершают свой прекрасный танец не три танцовщицы-гимнастки, а три античные Грации...

Весь драматизм советского кинопроизводства состоял в том, что все новое и по форме, и по содержанию принималось в штыки, с подозрением, как бы это не нанесло вреда советскому строю, ни больше ни меньше. К такому выводу приходит нынешняя российская кинокритика. Умный, талантливый кинорежиссер в мире бездушных динозавров, мастодонтов. Но почему же находились здравые умные головы зарубежных кинокритиков? Михаил Калик с грустью, но и гордостью показывает старые газетные вырезки. Вот что писала аргентинская, скажем, пресса:

«"Человек идет за солнцем" – фильм больших художественных достижений. Поэзия темы сочетается с удивительной манерой использования изображения и цвета. Михаил Калик – режиссер этого фильма, столь необычайного по совокупности мыслей, ситуаций и чарующей привлекательности» (газета «Ла Насьон», Буэнос-Айрес. 27.7.1964). А знаменитый шведский писатель Артур Лундквист после просмотра фильма оптимистично и обобщающе заметил: *«Похоже на то, что длительная зимовка в советском кино, наконец, закончилась. Лед после сталинизма тронулся и повел к новому освобождению искусства. Лучшим доказательством этого является фильм "Человек идет за солнцем" – сильная символическая тема которого выдвигает*

Рабочий момент съемок

на передний план триумфальную художественную форму. Фильм стал маленьким чудом поэтической непосредственности и полных смысла переживаний» (журнал «Ви», Стокгольм, 1962). Спасибо архивариусам, сохранившим этот уникальный отзыв большого европейского писателя!.. Но чем ярче и выше была положительная оценка фильмов Калика за рубежом, тем больше злились и ярились партийные бюрократы советского кино. Но имя Калика уже все запомнили!

4

Где обитает Мастер? Если спросить израильского интеллигента (лучше русскоязычного): где обитает Мастер кино? Он наверняка скажет, что такой мастер обретается или на Беверли-Хиллз, недалеко от Голливуда, или в Италии, на студии «Чиничита», любимейшей студии Феллини, вот уж десять лет как покинувшего мир, или в Швейцарии, или в Париже, или, на худой конец, на Канарах; благоденствует, вынашивая замыслы новых необыкновенных фильмов, попивая коктейль со льдом и играя со своей любимой собачкой.

Никому и в голову не приходит, что Мастер обитает в Израиле. С удивлением узнают, что он живет в Иерусалиме, в очень красивом месте на сдерот Эшколь. Ему можно позвонить, с ним можно встретиться, отвлечь от насущных дел и дум, задав какой-нибудь банальный вопрос, вызвав добродушную усмешку. Он кажется поначалу человеком из «Экклесиаста», с губ которого вот-вот сорвется: «Все суета сует!»

Но скоро, в ходе беседы, выясняется, что Мастер не закоснел в собственном величии, что он прост и словоохотлив, когда речь заходит о кино, что он необыкновенно живой и подвижный, человек-легенда российского и мирового кинематографа, хранящего в памяти нескончаемую череду ярких эпизодов своей полувековой творческой жизни.

Вот уже 36 лет Михаил Калик живет в Израиле. За плечами годы и годы. Я прошу Мастера вновь вернуться к истоку! Перед окончанием ВГИКа стажировался в качестве ассистента режиссера у самого Иосифа Хейфеца на картине «Дело Румянцева». Затем был и первый фильм, дипломный – снятый на Московской студии им. Горького в 1957 году. Это, как уже сказано, экранизация романа А.Фадеева «Разгром» под прокатным названием «Юность наших отцов» (совместно с другом-режиссером Борисом Рыцаревым). Тема – «проходимая», революционная, но стиль, экспрессия, слаженный оркестр актерских игр и – главное – блестяще сыгранная роль Иосифа Левинсона, командира партизанского отряда в «Разгроме» – все свежо, смело, поэтично. Это была заявка на какую-то новую кинопоэтику, суровую, сдержанную, масштабную. Впервые дипломная работа выпускников ВГИКа была сразу запущена на широкий экран и получила тираж. Комиссара-еврея Иосифа Абрамыча Левинсона (прототипом которого А.Фадеев взял известного в гражданскую войну командира Дальневосточного партизанского отряда Моисея Израилевича Губельмана) сыграл замечательный артист Александр Кутепов, не только с ярко выраженной еврейской статью, но и с «пятой графой». Это была звездная роль А.Кутепова. Трудно передать, как тщедушный человек, с усталым небритым лицом, слабый внешне, вдруг, когда речь заходила о принципиальных боевых или дисциплинарных вопросах, вырастал на стременах, сатанея-каменея, и все понимали, что рука Абрамыча тянется к кобуре не ради шутки, а ради «мировой революции», и бородатые партизаны-сибиряки, каждый Полтора Ивана, дрейфили и спешили выполнить приказ. Позднее, как вспоминает Калик, когда фильм еще не вышел на экраны, прошел слух по Москве, как о чем-то «скандальном»; и вот в Клубе Советской Армии собрались бывшие партизаны, участники дальневосточного похода, и устроили настоящую обструкцию режиссерам. *«Мы, мол, такими не были, – рассказывает Калик, – ворчали “партизаны”, мы были героями, а это бандиты какие-то!»*

Самое интересное, что на обсуждении за столом президиума сидел сам прототип фадеевского романа – Моисей Губельман, написавший книгу о партизанском движении на Дальнем Востоке... *«Он говорил мне тихо на ухо, – вспоминает Калик: – Миша, не расстраивайтесь, я их всех почти знаю. Настоящие партизаны были расстреляны еще в 37-м, а это таки бандиты, уцелевшие в силу случайных обстоятельств... Сейчас об этом вспоминаешь как о курьезном, а тогда это*

было почти как “*быть или не быть*” – и мне самому как режиссеру, и моему фильму. Выручил мой педагог и покровитель Сергей Юткевич. Когда в “Известиях” появилась статья “Мы такими не были”, подписанная партизанами, Юткевич предложил показать фильм молодежи, комсомольскому активу столицы. И это сработало: молодежь горячо приняла фильм “Юность отцов”, и самого Левинсона, мастерски сыгранного А.Кутеповым. И в “Комсомолке” появилась одобрительная статья “Этот фильм нам нужен”. В общем, позволили быть!..»

И так было с каждым фильмом М.Калика – два-три года напряжения, невероятных трудов, как теперь мы знаем: художественно почти всегда попадание «в десятку», а затем преодоление барьеров бюрократическо-ведомственных инстанций и недолгий временный прорыв к зрителю! Или на знаменитую «спецхрановскую полку». Так было с фильмами «Человек идет за солнцем» (1962), «До свидания, мальчики» (1965), «Любить» (1968), «Цена» (1969). Теперь же, по утверждениям киноведов и кинокритиков, каждая работа кинорежиссера является событием в послевоенном киноискусстве XX века. И не будет преувеличением сказать, что ныне каждый фильм Мастера заслуживает скрупулезного, детального разбора и анализа – с целью понять прошлое кино, сущность его поэтического наполнения... Мир, увиденный Каликом.

5

Рождение шедевра. В начале 1960-х у всех на слуху была песенка Булата Окуджавы: «*Ах, война, что ж ты сделала, подлая? /Стали тихими наши дворы...*» – и в песенке этой припев не шуточный: «*До свидания, мальчики, мальчики, / постарайтесь вернуться назад!*» Окуджава задал тон теме предвоенного времени. Борис Балтер, молодой писатель-фронтовик, подхватил эти окуджавовские строки и написал повесть «Трое из нашего города», главы из которой были напечатаны в одиозном по тем временам альманахе «Тарусские страницы» под редакцией К.Г.Паустовского. Повесть прочитал молодой кинорежиссер Михаил Калик, ставший к тому времени работником киностудии «Мосфильм». Год все еще оттепельный, 1964-й. Повесть Балтера была уже напечатана целиком под названием «До свидания, мальчики» в журнале «Юность», а затем вышла отдельным изданием в Москве.

Калик рассказывает: *«Главы из повести Б.Балтера я хорошо запомнил еще по первой публикации. И когда мы познакомились с Балтером и он мне подарил свою книгу, я понял, насколько она близка мне по теме, по настроению и фону южного “еврейского” города. Я сразу же подал заявку на сценарий по повести. К счастью, шел последний год “оттепели” – и заявка была принята. Я приступил к реализации сценария “До свидания, мальчики”, написанному совместно с Балтером».*

М.Калик на съемках израильского кинофильма «Трое и одна». Эйлат, 1974

Калику хотелось всю ту поэтическую ткань, из которой соткана повесть, перенести на экран, обаяние балтеровской прозы передать языком кино. Это нелегко, как нелегки были до Калика экранизации Толстого, Чехова, Паустовского. Даже «Гамлета» у Козинцева! Надо сказать, что и зрелость режиссера, и удачный подбор актеров, и музыка – все сопутствовало успеху этого фильма.

Знаменитый английский режиссер Питер Брук, размышляя о природе кино и театра, писал: *«Кино выносит на экран образы прошлого. Поскольку это то, чем занят разум на протяжении всей жизни, кино представляется интимно реальным»* (1968). Повесть Балтера как бы совпала с юностью и судьбой Калика. *«Для меня эта была судьбоносная картина, – говорит Калик, – когда фильм был готов, мы с Балтером решили показать его К.Г.Паустовскому. Балтер был его любимым учеником, учился на его семинаре в Литинституте. Паустовский его обожал, потому что Балтер был очень талантлив и, насколько можно было без подражания, усвоил дар лирической прозы Паустовского. Константин Георгиевич был уже очень плох и жил не в Тарусе, на даче, а в квартире на Котельнической набережной; и там в доме оказался какой-то клуб с киноустановкой, и мы показали свой фильм Паустовскому, который с большим теплом и восторженностью принял»*

наш фильм. *Мы были счастливы*» (из беседы с М.Каликом 28 июня 2007 года).

6

Израильский период жизни и творчества М.Калика начался нелегко, как и жизнь любого репатрианта. Вне рангов и сословий. Калик с семьей спустились по трапу самолета в аэропорту Бен-Гурион 14 ноября 1971 года. Выезду предшествовала долгая борьба с «отказом» и репрессиями. Но уже через полтора-два года Калик приступил к съемкам полнометражного цветного фильма «Трое и одна» (1975), не понятого израильскими кинокритиками и кинодельцами. Что в дальнейшем привело Мастера к полному отказу от большого кино и уходу в документалистику. Этот период своей жизни Калик резюмировал фразой: «Жизнь иногда, как плохое кино».

Спустя годы один из ведущих журналистов газеты «Едиот ахронот» Игуда Корен написал о Мастере как бы «извинительную» статью с подзаголовком «Основано на правдивой истории»: *«В 1971 году Михаил Калик – один из ведущих кинематографистов в бывшем Советском Союзе и один из основателей “советского поэтического кино”, неожиданно получил разрешение на выезд. Американский еврей режиссер Отто Премингер (“Экзодус”), поклонник Калика, приехал встретиться с ним в центр абсорбции Мевасерет Цион и заявил: “Это огромный талант, он принесет вам все премии”. Он предложил Михаилу Калику открыть перед ним двери Голливуда, но Калик отказался».* В беседе с М.Н.Каликом мы не раз касались этого примечательного эпизода. Калик отказался наотрез от возможности работать или хотя бы поработать в Голливуде. *«Потому что успеха никто не может гарантировать, а неуспешный человек в Америке в общественных глазах – ничто».* Об этом даже в те годы не массовой эмиграции из СССР можно было догадаться!

Далее Иегуда Корен пишет, – о чем ныне хорошо известно, – что тогдашний министр финансов Пинхас Сапир предоставил Калику чек на 800 тысяч лир, огромную по тем временам сумму, на постановку фильма. Такой милости не удостоивался с тех пор ни один израильский кинематографист. Калик написал по мотивам рассказа М.Горького «Мальва» сценарий фильма «Трое и одна» на израильском материале, действие фильма происходит на морском побережье Эйлата в канун войны Судного дня. Любовная драма разыгрывается между

распущенной красавицей и тремя мужчинами трех поколений и типов людей... («Едиот ахронот», 15.7.2003).

Тогда, в 1975 году, израильским критикам показалось, что фильм слишком вульгарен, грубоват, отвлечен от израильской действительности, от «народа». «Калик, сделай что-нибудь для народа!» – говорили израильские кинодельцы. «Боже, куда я приехал, – сокрушался Калик, – опять это советское “сделай что-нибудь для народа!”» Газета «Гаарец» всячески поносила фильм, не поняв главное – болевую точку израильской жизни: смута душевная и анархия социальная требовали исправления («тикун таут»). Но режиссер не «лечил», он ставил диагноз. Точный и безошибочный.

Сегодня фильм «Трое и одна» смотрится как превосходная европейская художественная лента, совершенно целомудренная на фоне современной откровенной «обнаженки». Игра израильских актеров: Аси Даяна, Ури Леви, Йоны Элиян, Ави Авиви – покоряет естественностью, пластичностью и глубиной. Прекрасна природа в фильме, как бы диссонирующая с жизнью.

7

Мастерство. Еще в начале киновека Л.Н.Толстой, не зная толком о выдумке братьев Люмьер, изрек нечто фундаментальное о мастерстве живописца. По поводу последних работ Репина он сказал: «*Мастерство такое, что мастерства не видно!*» Как в корень глядел великий романист. Чаплинские фильмы, немое кино, еще и первые американские фильмы – все мастерство напоказ, как, кстати, и фильмы Эйзенштейна. Потом пришла киножизнь. Жизнь на экране оказывалась лучше, сочнее, полнокровнее серенькой жизни советского обывателя.

Поколение М.Калика, та новая поэтическая волна, создает магию киноэкрана, жизнь как искусство, прозу жизни как эпическую поэзию, «мастерство, когда мастерства не видно». Этим, на мой взгляд, отличаются почти все фильмы Калика, которым уготовано почетное место в пантеоне мирового киноискусства.

Постфактум. «Давайте после драки помашем кулаками», – предлагал один большой советский поэт, не доживший до перестройки. «Помашем!» – решил бывший первый заместитель председателя Госкино тов. Ермаша Борис Павленок и написал душевспасительную книгу «Кино. Легенды и быль» (2004). Изрядно мучимый в советское время, режиссер Элем Климов назвал тов. Павленка «главным кос-

топравом советской кинематографии». Но даже это чудовище пишет о Калике на редкость доброжелательно-извинительно: *«Не смог пробить дорогу, достойную таланта и М.Калик»*. Вот «не смог» – и все тут. Павленок даже не устыжается своих слов, не сознает, что пробить в советском киноискусстве свою дорогу было равносильно тому, что пробивать бетонную стену садовой лопаткой. Многие режиссеры, в том числе и принадлежавшие к титульной национальности, были изувечены, а то и разбились насмерть. А что ему теперь, в новом столетии, не сказать запоздалый комплимент Калику, дружно принятому в российском нынешнем киносодружестве, если Михаил Наумович сам, еще в 1971 году, «самоустранился» из советского кино, уехав в Израиль на ПМЖ. Легенда, связанная с отъездом Калика, гласит, что были кинорежиссеры, ему завидовавшие, без кавычек. Так, после безуспешных попыток известного режиссера и киноактера Владимира Басова убедить Госкино не портить снятый им фильм, он, как рассказывали, чуть не плача закричал: «Ну, Миша Калик хоть в Израиль уехал! А куда мне, русскому, от вас бежать?» Легенда очень правдоподобная. Мучительство советских партийных органов и киноначальства было чрезвычайно изощренным. Фраза же бывшего кинопалача о Калике напоминает мне лицемерную мысль об Осипе Мандельштаме, высказанную записным критиком Ал.Дымшицем во вступительной статье к книге поэта, выпущенной в 1973 г. в серии «Библиотека поэта»: *«Эпоха, век ждали от О. Мандельштама большего, чем он сделал... он не сумел быстро расстаться со всеми “родимыми пятнами” прошлого»* (выделено мной. – Л.Ф.) Но, как известно, ему успешно помогли это сделать «ребята из железных ворот ГПУ».

Так стоит ли удивляться, что почти все фильмы М.Калика прошли через это совершенно бессмысленное мучительство?

«Человек идет за солнцем» (1962), возникший именно в эпоху оттепели, фильм, ознаменовавший появление «поэтического кино», нежнейшее создание души и ума тридцатипятилетнего Мастера, был тогда же и атакован партийно-чиновничьим аппаратом и чудом дошел до экрана; молдавские дуrolомы судили об искусстве кино, как о выработке вина; особенно «хозяин» Иван Иванович Бодюл, друг самого Брежнева, так глубоко проник в подтекст фильма, что во всеуслышание заявил: «Человек идет за солнцем, а что он видит? Он видит сущую ерунду, а не наши советские достижения». А его заместитель с милицейской фамилией Постовой тоже поддакнул: «Раз человек идет за солнцем – значит, он идет на запад!»

Как ни кондовы были их заявления, они что-то угадали в формальном методе режиссера-новатора. Оглядка на французское киноискусство 50–60-х годов, на Рене Клера, на Ламориса, которого помнит даже не всякий киновед, на лучшие образцы западного Кино! При этом надо было иметь мужество не сломаться перед проработками чекистов, перед тяжелыми, как чугунные гири, словами Л.Ф.Ильичева, секретаря ЦК: *«В фильме чувствуется одаренность автора, но есть и серьезные недостатки, против которых нельзя не возражать. Поиски особой, во что бы то ни стало необычной формы оборачиваются в ряде эпизодов фильма чисто внешним оригинальничаньем, манерностью, некритическим подражанием зарубежным модам»* (из речи на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС 26 декабря 1962 года). Это были «ранние заморозки» эпохи оттепели. Позднее этот «заморозщик» так изуродует картину вполне правильного режиссера Марлена Хуциева «Застава Ильича», что ее будут называть «Заставой Ильичева»!

Вспоминая те годы, М.Калик говорит: *«Я, собственно говоря, против советской власти ничего не делал. Меня это просто мало интересовало. Я не боролся с властью, я боролся за свои идеи, за свои режиссерские работы, против косности и произвола. Но я не был диссидентом. Это не надо преувеличивать. Хотя вся тоталитарная система бывшего Союза была мне, конечно, враждебна»*.

* * *

Сергей Юткевич, один из учителей и наставников М.Калика, по выходе на экран фильма «Человек идет за солнцем» сказал в защиту своего талантливого ученика, сказал громко, на всю страну: *«Случайно не расстрелянный, он вернулся реабилитированным, и я горжусь своим учеником. Это он – человек, идущий за солнцем»*.

«Черешневый лес». В мае 2006 года в Москве зародился фестиваль под названием «Черешневый лес». В течение недели проходила мировая киноретроспектива, в состав которой вошли лучшие фильмы прошлого века из эпохи неореализма и поэтического кино. Среди лучших фильмов Федерико Феллини («Дорога», «Амаркорд»), Микеланджело Антониони («Затмение», «Красная пустыня»), Витторио де Сика («Брак по-итальянски», «Похитители велосипедов»), Андрея Тарковского («Ностальгия»), Марлена Хуциева («Весна на Заречной улице») в числе первых был показан фильм «Человек идет за солн-

цем» бывшего российского, ныне израильского режиссера Михаила Наумовича Калика.

Да продлит Господь его годы!

Литература

Берлин Исая. История свободы. Россия. Новое лит. обозрение. М., 2001.

Фомин В. Кино и власть. Советское кино: 1965–1985 годы. М.: Изд-во «Материк», 1996.

Фомин В. Полка. НИИ кино. М., 1992.

Калик М. Страницы жизни «абстрактного гуманиста» (запись В.Фомина) // Кинематограф оттепели. Москва, 1996. С.216–220.

Баландина Н. Поэтическое пространство Михаила Калика // Искусствоведческие записки. М., 2003. С.363–377.

Шемякин А. Время возвращений // Экран и сцена. 1997. 30 янв. – 6 февр.

Макаров Ан. Здравствуйте, мальчики! // Экран. 1995. №5. С.4–5.

Анненский Л. Круги своя // Экран. 1992. №5. С.5–6.

Яровинская Т. И возвращается Калик // Шарм. 2006, дек. С.112–118. (Тель-Авив)

Таривердиев М.Л. Я просто живу. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997.

Калик М., Шаров Ал. Король Матиуш и старый доктор: Киносценарий // Народ и земля. 1984. №1. С. 105–147. (Иерусалим)

Зинкевич Ю. Цена свободы // Окна. 24.2.2000. (Тель-Авив)

Корен Иегуда. Основано на правдивой истории // Едиот ахронот. 15.7.2003 (на иврите).

Брук Питер. Пустое пространство / Пер. с англ. М., 1976.

Мордехай Зеира – классик израильской песни

Шуламит Шалит (Тель-Авив)

Мордехай Зеира (1905–1968), как и многие другие израильские композиторы, черпал вдохновение, изучая, перечитывая Танах, эту великую книгу. Но сегодня героями мы называем не только библейских персонажей, но и тех, кто возрождал страну Израиля. Имена многих из них давно уже стали легендарными. Тирца Атар, дочь поэта Натана Альтермана, писала:

Это было и есть.
Это каждого времени знак.
Это было и будет,
Пребудет вовеки вот так:
Они жили, живут,
Это было и будет –
На библейской земле –
 легендарные люди...

Это не только об отце, но и о его предшественниках и современниках, а среди них поэты Бялик, Рахель, Авраам Шлионский, Александр Пэнн, художники Стемацкий, Зарицкий, Гутман, Рубин, музыковед Соломон Розовский, композиторы Энгель, Стучевский, Мордехай Зеира и др. Каждый человек – это огромный особый мир красок, слов, звуков.

Мордехай Зеира писал музыку. Время требовало новых песен, и сегодня, собранные вместе, звучащие одна за другой, песни композитора М.Зеиры вырастают в символ времени, земли и судьбы.

Мордехаем Зеирой на еврейской земле стал, благодаря поэту Аарону Ашману, Митя Гребень. Митя не спорил. Заир – это маленький, а в музыке это минор. Он был небольшого роста? Фаня Буровая-Астрахань из кибуца Кфар-Гилади в конце двадцатого века вспоминала: *«Мне он совсем не показался маленьким. Он появился у нас в Москве в рамках движения “Ха-Шомер ха-цаир”, кажется, из Одессы, мы жили на улице Свеченька, точнее, в одном из ее переулков, Пушкиревский 6/4. Неужели прошло почти 60 лет? Он вошел в комнату и сразу бросился к пианино – черноволосый, крепкий, кудрявый, настоящий цыган. Вот таким он мне запомнился»*. Фаня на земле Израиля с 1929 года, а сестра ее Фира Буровая – с 1924. С Фаней я познакомилась случайно,

Митька (Мордехай Зеира; слева) и Ванька (Дудик Вортман) в сапожной палатке, 1925

в бассейне киббуца Кфар-Гилад, к Фире же поехала в мошав Авихайль, под Нетанией, специально. Из воспоминаний Фиры: «Мы прибыли в страну вместе – и Митя, и друг его Ванька – Дудик Вортман, и я. Плыли каким-то итальянским пароходом, у нас даже был не-

большой роман, с его стороны, – добавляет она, – это помнишь, разумеется, и спустя 60 лет... Они вместе строили дорогу из Бейт-Гана в Явниэль, это недалеко от Твери, потом дорогу на новое поселение, которое потом стало городом Афулой... Голодно жили, тяжело трудились, но много пели... Его музыкальным инструментом была гребенка, даром, что ли, Гребнем звали, с листком папиросной бумаги... Воспоминанием именно об этой поре стала одна из его первых песен “*Havu levenim*” (“*Подавай-ка кирпич*”). Кто мог держать в руках этот кирпич, тот и строил, кто мог стоять весь день на солнце, тот и мостил дороги». Ах, что за колоритная личность эта Фира Буровая, столько лет прошло, а она перед глазами как живая. Грузная, сидит как Салтычиха, с большой палкой в руках, а глаза смешливые и речь пересыпает шутками. Роман у нее, повторяет, с Митей был «с его стороны»... Рассказываю потом о встречах с ней вдове композитора, Сарре Зеира, и она смеется: «*Что до меня было, не считается...*»

Митя Гребень родился в 1905 году в Украине, в детстве его слух впитал хасидское пение, слушал он и канторов, но музыке обучали не его, а Люсю, его сестру. Барышне положено было учиться игре на фортепиано. Так что Митя был в музыке поначалу самоучкой. Учился же он в политехникуме, потом на механическом факультете Киевского университета, но тут учеба длилась недолго. Он примкнул к сионистскому молодежному движению «Ха-Шомер ха-цаир», был арестован и вот тогда в одесской тюрьме вместе с другом Ванькой обучился то ли плести лапти, то ли делать войлочные тапки (тут мнения подруг его юности расходились).

Одним словом, Митя и Ваня с гордостью стали называть себя специалистами сапожного дела... Юным сионистам предложили на выбор – в сибирскую ссылку или «вон из страны». Так они и возникли в год смерти Ильича на Земле обетованной. Рассказывают, что на стене сарая в кибуце Афиким висела табличка: «Сандлярим Митька и Ванька» (*сандлярим* на иврите «сапожники»). Та же Фира Буровая познакомила меня с еще одной колоритной личностью: *«Только не называйте ее Машей, она у нас Мери!»* Мери, вдова Зеэва ха-Яма, ставшего знаменитым первым капитаном первого израильского корабля. Название корабля тоже характерно: «Гозель» его звали, что значит «птенец» или «птенчик». Мери меня поправляет: не «Митька» там было написано, а «Сандлярим – Микитка и Ванька». Проверить уже невозможно, табличка пропала. Мери добавила: *«Но имейте в виду, они не только сапожничали, они вместе написали первую израильскую оперу “Кармела”, это уже в Бейт-Гане было, и наша общая подруга Мирьям Сегал, потом она стала профессиональной певицей, исполняла арии героини»*.

Вот так они жили. Что сапоги потачать, что оперу написать. Сарра Зеира вспомнила забавный случай. Зеэв ха-Ям, будущий капитан израильского морского флота, он же один из организаторов кибуца Афиким, в просторечии Володя Ицкович, но кто ж это помнит сегодня, даже жена его Мери этот факт то ли забыла, то ли опустила за ненадобностью, проходил как-то мимо сапожной палатки... А надо сказать, что работа сапожника была очень престижной. От него все зависели. Тот, кого командировали, например, в Хайфу, не мог ехать босой, и тот, кто вернулся из Хайфы, продрал подошвы – одна пара ботинок переходила от одного к другому и требовала частых починок. Отсюда и престиж профессии – без сапожника не пойдешь и не поедешь. Так вот, проходит начальник Зеэв ха-Ям (Морской Волк) мимо сарая и видит, что Митька Гребень держит на коленях вместо заслуженного ботинка лист бумаги, а в руке вместо гвоздей и молотка – карандаш, и выводит он на листке палочки и нолики, палочки и точки. Так Морской Волк и произнес на собрании. Обвинили Митьку Гребня в саботаже, и на три месяца лишился наш герой членства в кибуце... А из этих палочек, точек и ноликов рождались – чуть ли не подпольно – первые столь популярные сегодня песни израильского композитора Мордехая Зеиры.

Сарра заметила, как-то мимоходом, что об этом я смогу прочесть в архиве Зеиры в кибуце Афиким. Да, такой архив существует, но один из его хранителей Цви Ашкенази, именуемый всеми Чир, приехав-

ший в страну в 1944 году из Югославии, истории этой не знает и смеется, когда я ему все это рассказываю. Он же, в свою очередь, поведал мне историю названия киббуца. Сначала он назывался очень длинно: «Ха-Мишмар ха-цаир из СССР», поскольку основан был бывшими российскими сионистами, сосланными в Сибирь. Те из них, кому удалось вырваться из ссылки, добраться до Эрец-Исраэль, сплотиться и создать свой киббуц, не искали ему особого названия, а как бы представились народу – вот кто мы такие и откуда будем. Потом им самим осточертело это длинное название, и они впали в другую крайность, назвав свой киббуц довольно странно – «Некуда́» (на иврите «точка»). Но и это название долго не продержалось. Речка Ярмух впадает в Иордан к югу от озера Кинерет, там и находится киббуц. *Афик* на иврите «русло». Вот они и придумали новое и окончательное название киббуца – Афиким. Тут, я думаю, уместно выразить благодарность Цви Ашкенази, это он разыскал для меня недавно уникальный снимок той самой сапожной палатки и сидящих в ней Митьки и Ваньки. Я ему – развеселивший его рассказ, он мне – редчайшее фото.

Вернемся к нашему композитору, Мордехаю Зеире. Первой его песней, ставшей чем-то вроде гимна молодежного рабочего движения в Израиле, была «Синяя рубашка». Когда я произнесла ее название на иврите в присутствии своего сына, он вдруг запел: *«Хульца кхула, хульца кхула...»*. А ведь со дня создания песни прошли многие десятилетия. Опять взаимобмен: сын мне – звучание песни, я ему – имя композитора. Молодежь, как ни жаль, имен не помнит и не очень ими интересуется. Это я еще успела сказать Сарре. А она мне: *«Если бы вы знали, как удивлялся Митя, что его песни буквально разлетаются по всему ишуву»*.

Из воспоминаний поэта Якова Орланда (1914, Украина – 2002, Хайфа): *«В 1930 году, когда мы познакомились, в Эрец-Исраэль были только два серьезных композитора, Зеира и Адмон, других еще не было, и именно их можно считать отцами израильской песни. Мы с Зеирой писали израильские песни почти сорок лет: я – слова, он – музыку»*. Разумеется, хотелось узнать, как они познакомились. А познакомились они в Иерусалиме, на одном из привычных тогда вечеров, которые назывались «Нэшеф ширей моледет», что по-русски, если сохранить громкость названия, звучало бы как «Песни нашей Родины». Солисты, конечно, были, но только для запева, потому что песни знали и пели все. *«Не в солистке дело, а в атмосфере, – сказал Яков Орланд, – а вот этого я объяснить уже никому не могу. Атмосфера*

– вот что было необыкновенно...» Кто запел тогда со сцены «Пакад Адонай...», он не помнил, какая-то девушка, но он обратил внимание на шуплого паренька, правда, чуть старше его самого, сидевшего справа. В коротких штанах, слова «шорты» тогда не было, загорелый, глаза сверкают... Ну, и Яков, конечно, пел, и у него глаза сверкали, но тут сосед наклонился к нему и шепотом спросил: *«Нравится? Это я написал... Ну, музыку...»*

Оба были родом из Украины, оба – сионисты с юных лет. И они подружились. *«Последнюю песню мы написали за три дня до смерти Зеиры, – сказал Яков Орланд, – а вообще-то его темами было все – израильская хора (hora), библейские мотивы типа песни о царе Шауле, труд, природа...»*

Песни Мордехая Зеиры уже пели, псевдоним уже был, только автор никто не знал. То он рыбачил в Акко, то мостил дороги, а когда ушел из кибуца и приехал в Тель-Авив, то чинил обувь, ставил свет и делал все, что приходилось – руки у него были золотые – в театре «Охель». Он даже вязать умел, у мамы Эсфири научился. Он обошел пешком всю страну, и писал все время, и разучивал с молодыми свои песни, и дарил их исполнителям, часто единственный экземпляр. Музыкальный критик Менаше Равина назвал его трубадуром Израиля. *«Он вслушивался в ритм жизни этой земли, впитывал ее звуки, краски, жил ее жизнью во всех смыслах»,* – слова вдовы звучали так, как будто она не только мыслями, но и чувством переносилась в пору их общей юности.

Они познакомились в 1927 году, в ансамбле того же Менаше Равина. У ансамбля было такое прозаическое название «Распространение музыки в народе». У Сарры, говорят, был сильный красивый голос. Она училась в учительском семинаре Левинского, работала в детских садах, одним из ее воспитанников был будущий генерал, впоследствии и глава правительства Ариэль (Арик) Шарон.

Где же Мордехай учился композиции? Неужели так и оставался самоучкой? Оказывается, у него были замечательные учителя. В Тель-Авиве он брал уроки у профессора Давида Шора, а когда началось строительство фосфатного завода на Мертвом море и он нашел там работу, то в конце недели, в пятницу, отправлялся в Иерусалим к профессору Соломону (Шломо) Розовскому, ученику Римского-Корсакова, музыканту, композитору, популяризатору еврейской музыки, написавшему большой труд о знаках кантилляции в Танахе, что принесло ему мировую известность. У Розовского он стал изучать теорию и композицию, а когда ушел с завода, то остался у профессора работать – переписыв-

**Мордехай Зеира
за фортепиано**

вал всю нотную часть его книги. Через много лет, когда эта книга увидит свет в Америке, профессор Розовский (позднее он вернулся в Израиль) напишет, заметим, по-русски: «Мордехая Зеира – создателю специфического “зеировского” песенного типа – с пожеланием дальнейшего плодотворного творчества на радость еврейству не только Израиля, но и далеко за его пределами. С. Розовский. 9 июля 1957 года».

А вот что отвечает уже знаменитый, уже почти пророк в своем отечестве Мордехай Зеира учителю – тоже по-русски:

«26 авг. 1957 г. из Т-А

Дорогой и глубокоуважаемый Соломон Борисович!

С большим волнением, с огромным благоговением, с глубоким трепетом и с неизмеримой благодарностью держу в моих недостойных руках Вашу жизнь, сиречь, Вашу книгу, это великий и очень-очень важный труд. Бедность моего лексикона не дает мне возможности выразить все те чувства, которые взметнулись во всем моем существе, когда я, не удержавшись, вскрыл пачку, еще на почте. Случайно вынул я книгу наоборот и, увидев Ваш портрет, уже не должен был смотреть на лицевую сторону книги, ибо знал уже наверное, какое сокровище находится в моих руках. Ваше совсем нескромное посвящение на первом листе чуть не сбilo меня с панталыку. Благо, я помню Ваше наставление и никогда не горжусь... Ваши незабвенные слова о честном и неподкупном созидании хранятся глубоко в моем сознании, и если слова Вашего щедрого посвящения верны, то никто иной, мой дорогой, как Вы, этому причиной. Спасибо, от души спасибо».

Два замечательных человека, прославивших Израиль, каждый в своей области, и хорошо знавших иврит, писали друг другу на чистейшем русском языке.

Как сложилась дальнейшая судьба композитора Мордехая Зеиры? Ее можно изучать по учебникам истории, да, пожалуй, и географии. С

1933 года он работает в «Хеврат ха-хашмаль» – «Электрической компании», созданной еще одним знаменитым нашим земляком – Пинхасом Рутенбергом. У двоих в Израиле была одинаковая кличка: у Бен-Гуриона и Рутенберга – обоих уважительно называли *Закен* – «Старик». Говоря про Рутенберга, добавляли: *Закен ми-Нахараим* – по названию места, откуда пошла электрификация всей страны. Туда сегодня возят экскурсантов. В «Хеврат ха-хашмаль» Зеира проработал всю оставшуюся жизнь. Один из старожилы страны еще со времен Трумпельдора, Дражнер его звали, начальник Зеиры, сказал: *«Не умеете вы весело работать. Песня нужна. У нас же свой композитор имеется. А дадим-ка ему два дня отпуска, напишет песню – получит 60 грошей, по 30 за день, не напишет – вычтем ту же сумму за прогул»*. Разбогатеть ему не удалось, но израильский музыкальный фольклор пополнился еще одной очень популярной песней, ставшей и остающейся по сей день гимном «Хеврат ха-хашмаль». И его зажигательно, а как же иначе? – исполняет собственный ансамбль «Электрокомпании», как, впрочем, и многие другие песни Зеиры.

Собственно, все – и начинающие и известные – солисты и ансамбли поют Зеиру.

Он был солдатом в британской армии, в Еврейской бригаде. Их перебросили из Сарафенда, ныне Црифин, в Каир. Они ехали по цветущей миндалем земле... Все было бело-розовым, стоял февраль. Ему казалось, что сама страна, провожая его на чужбину, дарит ему песню, оставалось ее записать. Текст некому было сочинить, и он сам написал слова. *Ходайя* – вот это слово. Песнь благодарения. Песнь прославления. И как только оно произнеслось, зазвучала мелодия. *«Провожая меня, земля моя, дала ты мне песнь в дорогу; я хранил ее в сердце, она берегла меня на чужбине. Когда я пел ее братьям, твоим сыновьям, у них спокойнее становилось на сердце, а когда истосковавшиеся по твоему теплу и доброте, мы вернемся, то вернем тебе и песню, и как хорошо будет идти в зелени полей»*. Указание исполнителю: *Largo. Con nostalgia*. «Медленно. Ностальгически».

Можно и не уезжая тосковать по стране своей души! *«Мы были из хорошего теста»*, – вспомнились мне слова Мери, жены Зеэва ха-Яма. Из одного теста. А ближайший друг и соратник, уже упомянутый поэт Яков Орланд в предисловии ко второму сборнику песен, вышедшему сразу после смерти композитора, пишет: *«Мы знали горестные годы и счастливые часы, сыны маленькой чудесной страны, которую мы так любили; он всегда повторял, Митя: только тот, кто родил-*

ся там, умеет любить ее так сильно тут...». А Натан Альтерман, второй его постоянный автор, не переставал удивляться способности писать песни как бы для всех, но одновременно и как будто лично для тебя одного – *ле-рабим у-ле-бодед*.

За каждой почти песней есть рассказ, будь то «Хаю лейлот», «Лайла, лайла», «Лайла бэ-Галиль». Я спросила Сарру Зеира, почему так много ночей (*лайла* – «ночь») в этих песнях. Она вполне серьезно ответила: *«Так ведь они и писались чаще всего ночью... Однажды под утро, а точнее часа в три пополуночи, заявляются Митя с Яковом Орландом – впрочем, до рождения сына, Юваля, и я сживала с ними в кафе, то в “Касите”, то в “Арарате”, – счастливые, выпившие, конечно, и поют дуэтом только что родившуюся песню. О, сколько было таких ночей, таких песен»*.

А знаете, где и как была написана «Лайла, лайла»? В кафе на улице Бен-Иегуда в Тель-Авиве. Впрочем, это было даже не кафе, скорее, магазин крепких напитков, но были там и столики. После того как закрывались театры, кинотеатры, кафе – богема шла сюда. А хозяин смотрел на них печальными глазами. Ему было грустно, что евреи пьют и пьянеют. Так что напитки он отпускал, но лицо его при этом тосковало. Так его и прозвали: грустный еврей. Говорили: *«Ну, а теперь пошли к грустному еврей?»*

Записывать Саррины рассказы оказалось сплошным удовольствием: *«А пить, знаете, не все умели. Поэт Александр Пэнн, как Маяковский, он ему подражал, держался еще прямее, а Альтерману хватало рюмки-двух. Выпьет, опьянеет сразу и становится нешама шель бен-адам (“душа-человек”). В такие минуты он все время порывался что-то пропеть. “Лайла, лайла, руах оверет (“проносится ветер”), – говорил он протяжно, – лайла, лайла – хома ха-цамерет (“шелестят кроны деревьев”), – и почему-то скрежетал зубами. Сколько мог терпеть это Зеира? “Дай списать слова, – сказал он поэту в одну из таких ночей. Тоже подвыпивший, а потому еще более чуткий к неточному звуку, – может, удастся спасти твои слова от рабского прозябания...” Альтерман будто не слышал, вероятнее всего, только эти две строчки и жили пока на свете. Но через несколько дней он принес вдруг листочек, а на нем все четыре строфы»*.

Лайла, лайла, харуах говэрэт
Лайла, лайла, хомáха хацамэрэт
Лайла, лайла, кохáв мэзамэр.

Нүми, нүми, кабу́ эт ханэр
Нүми, нүми, кабу́ эт ханэр

Лайла, лайла, ацмú эт эйнаих
Лайла, лайла, бадэрэх элаих
Лайла, лайла, рахвú хамушúм
Нүми, нүми, шлоша́ парашúм

Лайла, лайла, эхад хая тэрэф
Лайла, лайла, шэни мэт бахэрэв
Лайла, лайла, вэзэ шэно́тар
Нүми, нүми, эт шмэх ло захар
Нүми, нүми, эт шмэх ло захар

Лайла, лайла, хару́ах говэрэт
Лайла, лайла, хомá хацамэрэт
Лайла, лайла, рак ат мэхака́.
Нүми, нүми, хадэрэх рэйка́...
Нүми, нүми, хадэрэх рэйка́...

Ветер крепчает,
Шелестят кроны,
О чем-то поет звезда.
А ты погаси свечу
И закрой глаза.

Трое всадников скачут к тебе.
Но первый пал жертвой хищников,
Второй погиб от меча,
А третий забыл твое имя.

Ты ждешь, а дорога пуста...

Какая странная и загадочная колыбельная песня. Кто-нибудь вообще задумывается над ее мрачным содержанием? Эта песня «Лайла, лайла» не только из любимейших в Израиле. Сын композитора рассказывал, что ехал по ночному Нью-Йорку и слушал концерт по радио. По две лучшие песни от каждой страны. И тут зазвучали, одна за другой, песни на музыку его отца «Лайла, лайла» и «Шней шошаним»...

Я помню, как в той нашей прежней жизни, в конце 70-х годов прошлого века, мы переписывали на магнитофонную ленту драгоценнейшую пластинку Яффы Яркони с другой песней Мордехая Зеиры

«Давид мелех Исраэль» (более лиричную, чем популярная в более поздние годы), и так же как писатель Анатолий Кузнецов, уже из Лондона, спрашивал Шломо Эвен-Шошана, кто такая Яффа Яркони, так и мы спрашивали друг у друга, потому что от песни замирало сердце. И повторялась вековая несправедливость: мы почти не интересовались именем композитора. А теперь вот я сама рассказываю об авторе этой и других израильских песен, прослушала, если не все, то большинство его сочинений, много раз бывала в его доме, в Рамат-Авиве, на улице имени поэта Я.Фихмана, беседуя с его вдовой, с его друзьями...

К темам Танаха (еврейской Библии) композитор обратился еще в начале своего творческого пути, может, потому что отец его был религиозным евреем и брал мальчика в синагогу и какие-то нотки хасидского пения отпечатались в памяти, но и в более поздние годы возвращался к ним неоднократно. И все-таки, надо заметить, что в ранний период творчества, особенно в 30-е годы, он во множестве сочинял мелодии, очень напоминающие русские, революционные, похожие на марши, с которыми вчерашним интеллектуалам легче было вставать на рассвете и брать в руки кирку и лопату, впрягаться в тяжелую физическую работу. Может быть, это был единственный раз в истории человечества, когда не было антагонизма между рабочими, крестьянами и интеллигенцией как социальными классами, ведь все эти классы часто представлял один человек, как правило, из интеллигентной семьи, приехавший из России, Литвы, Польши, Румынии, Германии. Нормой было личное участие в созидании – своими руками строить и сеять, делать все, что требуется.

Интеллектуалы первыми приняли идеи политического и практического сионизма. Композитор, поэт, философ, и он же – пролетарий, строитель и пахарь. Не было такой профессии, как поэт или композитор. Мы говорим о том периоде, когда рабочее движение не то чтобы презирало, но явно игнорировало интеллектуальный труд. Все подчинялось главной идее – строительству очага, постоянного дома для евреев всей планеты. И Мордехай Зеира разделял эти идеи, принимал их всей душой – и строил, и рыбачил, и сапожничал, а с 1934 года и до самой смерти, до июля 1968 года, работал в «Хеврат ха-хашмаль». Позднее уже стали заботиться о всестороннем образовании и развитии своих талантов. Киббуцы, например. Не секрет, что именно из киббуцев вышли лучшие воины и военачальники, и художники, и поэты, и музыканты. Но чтобы стать учителем, поэтом, композитором,

воспитателем в детском саду и уважаемым при этом человеком, надо было обладать блистательным талантом. Не требовалось объяснять, кто такой Шлионский или Зеира. Или, например, легендарные воспитательницы детских садов Тova Хаскина, Поля Рехтер или Хая Бреннер, жена писателя Иосефа Хаима Бреннера. Это были воспитатели Божьей милостью.

Вот и Сарра Гутман решила учиться на воспитательницу, ну и пела в хоре. У нее было сопрано. А у Мити Гребня – тенор. *«Впоследствии о нас говорили: повстречались сопрано с тенором. К его приезду, в 1924 году, я была уже пять лет в Израиле. Я была ватика, старожил, а он оле хадаш (новый репатриант), и я его “абсорбировала”. А “любовная” абсорбция пошла быстрее».* Она родилась в Одессе и девяти лет от роду «приплыла» на прославленном пароходе «Руслан», вместе со многими знаменитыми потом людьми, к берегам Яффы – тогда не говорили «Яффо», говорили «Яффа». Плыли они две или три недели, она уже точно не помнила, можно, сказала, проверить. Пароход не мог подойти к берегу. Подошла лодка. *«Стоял араб в шароварах, на корме, хватал и бросал евреев в руки другого араба, что стоял в лодке, а затем нас – бабушку, маму, троих детей – отправили в греческий монастырь, а остальных – в другие места».* Вскоре поселили их в арабском доме, хозяйку звали Эм Эль-Абед, мать Абеда, по имени старшего сына, такой вот обычай: арабы родителей называют по именам детей, а не наоборот, как это было привычно российским репатриантам. С тех пор Сарра понимала по-арабски, немного. *«А потом появился Митя, и так, с музыкой, мы прожили большую жизнь».*

Мы говорили о популярности песен Зеиры в Израиле и Америке. Но их поют и в России и, как оказалось, в Грузии. Тбилисский камерный еврейский хор (художественный руководитель и дирижер Леонид Безродный) уже в годы перестройки исполнял в большом концерте четыре песни Зеиры, только имя его было написано в программке так: М.Зеир. Этим странным именем заинтересовалась молодая грузинская еврейка по имени Ира. Гостивший в Тбилиси тогдашний заместитель мэра Тель-Авива Ицхак Арци, отец известного певца Шломо Арци, по возвращении из Грузии позвонил Сарре. У Мордехая Зеиры были сестра Люся и два брата – Леня и Ося. Люся жила в Москве, мужа ее звали, как и брата, Митя Гребень, ибо были они двоюродными братьями. Тот Митя стал советским генералом, и в доме, где, впрочем, жила и мама Люси, Эсфирь, имя сиониста Мити Гребня не произносилось, а только имя Мити Гребня – генерала. А Ося жил в Тбилиси. И вот

его-то дочь – грузинская еврейка Ира и разыскивала, когда настало время, сиониста и композитора, это они уже знали, Митю Гребня из Киева. Так у Сарры обнаружилась в Тбилиси родня мужа. Некоторые из членов семьи живут сейчас в Израиле. А что же мама Эсфирь? Он ведь не виделся с нею с 1924 года. Не было возможности узнать друг о друге? Да, так они и ушли, мать и сын, в лучший мир, не повидавшись. *«Митя, – сказала Сарра, – помнил и любил ее всегда, а писать в генеральский дом нельзя было. Это мы знали».*

Публикация поэмы Евгения Евтушенко «Бабий Яр» вызвала бурю в еврейской среде во всех уголках мира. Евреи плакали, читали «Бабий Яр» на всех языках, отправляли автору письма и стихи. Это я к тому, что и у Мордехая Зеиры неожиданно написалось по-русски письмо в стихах. Написал, излил душу. Не отправил. Это было в 1962 году. В постскриптуме он добавил: *«Вот у меня была в России мама, / Есть брат, сестра. Позволь тебе сказать, / Что для нее была большая драма / До самой смерти сына не видеть. / Ну, а твоя – жива ль еще, Евгений? / Счастливых много дал ты ей минут? / Моя жила без радостных мгновений, / И к ней уж ни уста, ни песни не прильнут. / Вот широка страна твоя родная, / И много в ней лесов, полей и рек. / А я другой такой страны не знаю, / Где б мать не мог увидеть человек».*

И помнил о матери и страдал. Я думала, неужели Митя Гребень, став израильским композитором Мордехаем Зеирой, не думал о России, не интересовался, как мы – там? Как-то он прочел стихи Маргариты Алигер «Мама, мама, ни слезы, ни слова». Его взволновали строчки: «Мать моя сказала: “Мы евреи. Как ты смела это позабыть?”» И еще: «В чем мы провинились, Генрих Гейне? / Чем не угодили, Мендельсон?» Упоминались там и Маркс, и Эйнштейн, и Левитан, и Чарли Чаплин. И еще: «Я не знаю, есть ли голос крови! / Только знаю, есть у крови цвет...» Он написал Маргарите Алигер:

Я долго не знал, что ты тоже еврейка,
Но чувством каким-то шестым угадал...
Вдруг новый твой стих, как в мороз телогрейка,
Мне сердце согрел и привет передал!

Письмо длинное, тоже не отправил. Он спорил с ней и поддерживал ее наивно и трогательно. Человеческий документ. «Никому, – писал он, – не изменить антисемитов. Даже пейзаж Левитана напоминает им, что художник – иудей».

У крови есть цвет, ты права, дорогая,
И алый пожар нашей крови горит –
Но есть у ней голос! (ты пишешь: «не знаю»)
И он через тысячи верст говорит!..

Нет, он никогда не забывал ни русского языка, ни голоса крови, ни своих братьев – там. В годы, когда мы, по крайней мере старшие, ловили каждое слово об Израиле, израильский композитор со вполне счастливой творческой судьбой ловил каждое слово о положении евреев в СССР. А иногда даже брал карандаш и бумагу и писал в никуда – дорогим далеким братьям в «свободной», это слово он берет в кавычки, стране. Не судите его, поэты, он поэтом себя не именовал, просто душа болела и говорила по-русски... и хотелось переслать им, нам – привет и надежду.

У нас клочок земли. Есть земли больше нашей,
А ненависти там больше, чем земли!
У нас клочок, но нет на свете краше –
У нас сады в пустыне зацвели!..
Мы помним вас и ждем вас неустанно,
И верьте так, как мы: еще настанет час,
Тот – выстраданный, светлый, долгожданный,
Когда в стране своей обнять мы сможем вас...

Он совсем немного не дожил до большой алии семидесятых. Как бы исполняя его волю, новых репатриантов встречала, и привечала, и учила ивриту, и занималась с ними пением Сарра Зеира, прививала и гордость за сделанное до них, и надеялась на их участие, и вклад, и любовь. Кто только ни прошел ее школу! Она обхаживала каждое новое дарование, как нежное деревце. Маша Лехциор, Израиль Фейгельсон, Ася Давыдова, Нюта Ритова, Нахум Гольденфельд, Иосиф Аджиашвили, Борис Агеев. Бывали и огорчения. Мы же такие разные, благодарные и не очень. Когда ее «подшефные» пропадали надолго или исчезали совсем, она горевала. И – прямой человек – всем и все-му давала свою оценку. А они исполняли, разумеется, и песни Зеиры, который верил, что «Тот час придет, ибо ничто не вечно! / И звери, унижающие вас, падут...»

Сарра как-то лично переживала сообщения об антисемитизме в новой России: *«Да, у зверей остались детеныши...»*

Однако вернемся к песням. Всех не назвать, не перечислить. Мы слышим их постоянно. Говорят о влиянии на творчество Зеиры канторского пения, русского романса, но оказали его и йеменские народные мелодии. Он настойчиво изучал, особенно с профессором Розовским, знаки кантилляции в Танахе, хотел доискаться, как пели левиты в Иерусалимском Храме, а писатель Иехуда Бурла, родом из Дамаска, подтверждал, что именно так и пели в Храме, как тот сочинил, что Зеира близок к истине. Мордехай Зеира писал и для детей, и хоры – танцевальную музыку, и для театров «Охель» и «Мататэ».

Сотни людей порой бывали свидетелями рождения новой песни. В 1954 году в «Мило», популярном клубе творческих работников – художников, артистов, – устроили веселый пуримский карнавал. В разгар веселья пришли супруги Зеира и неразлучный с ними поэт и переводчик Яков Орланд. В зале закричали: «Зеира – новую песню!» Поэта и композитора с бутылкой и закуской закрыли на кухне. Через час их выпустили. Зеира – тенор – запел песню «Шир sameах». А сидевший в зале Моше Шарет, министр иностранных дел, позднее глава правительства, тут же написал ноты на салфетке, и через пять минут весь зал пел «Шир sameах» – «Веселую песню». И всем казалось, что это они – участники создания новой песни.

Другая история. Композитор гулял по Иерусалиму. Из окна подвального этажа донеслось странное пение. Необычные звуки, и Зеира, в ком музыка звучала всегда и который был очень чуток к новому звуку, остановился, замер. Йеменский старик укачивал ребенка. Так родилась колыбельная для Сарры. Он вообще выделял йеменитов. А самая первая песня Зеиры «Пакад Адонай» известна сегодня, как «Лемоледати» («Родине»), но часто ее называют по первым словам «Бэкерэм Тайман» (на иврите Йемен – *Тайман*), и все восточные евреи уверены, что она из их народного фольклора, мало кто догадывается, что написал ее чистейшей воды ашкеназ. Нет такой вечеринки, где бы она не звучала, не завораживала ритмом и эдакой восточной величавостью.

Иерусалимский поэт Ицхак Шенхар подарил певице Рэме Самсонов стихи, она принесла их композитору, а ему не писалось. «Ма омрот эйнайх», – прочел он вслух и отложил в сторону. И забыл о стихотворении. Через год тогдашний министр просвещения Зяма Аран, которому надоели песенные фестивали, взял у десяти поэтов по стихотворению и послал их десяти композиторам. Зеира открыл конверт и, к величайшему своему удивлению, прочел: «Ицхак Шенхар. “Ма

омрот эйнайх” – у каждой песни своя судьба». Он сел и мгновенно написал песню. С ней связана еще одна история. Та же Рэма Самсонов отправилась в 1957 году в Москву, на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Вернувшись, она рассказала, как пела перед огромной аудиторией, а в первых рядах сидели почтенные седые и взволнованные люди, и она видела всех и каждого очень отчетливо. Она запела «Ма оморот эйнайх» – «О чем говорят твои глаза», и вдруг эти, такие невинные и нежно-любовные слова обрели новый смысл, она пела сидящим перед нею людям: я знаю, о чем говорят ваши глаза... я понимаю вашу тоску и понимаю, как всем вам радостно слышать такое тайное, а в это мгновение – такое свободное слово на нашем, запрещенном у вас, но живом древнем языке.

О чем говорят твои глаза в ночи,
Два огонька, как искорки во тьме,
О чем ты думаешь, мой друг, когда молчишь...

Когда Яков Орланд, автор многих песен на музыку Зеиры, был в Москве, он гостил и у знаменитого в Израиле журналиста, политического обозревателя и знатока иврита Сергея Прокофьева, а на прощание жена Прокофьева Наташа Сергеева передала ему свой перевод песни «Хаю лейлот». Яков сказал, что в Москве ее поют «уже все». С любезного разрешения авторов привожу слова этой песни.

Та ночь была

*Музыка Мордехая Зеиры
Слова Яакова Орланда
Перевод с иврита Наталии Сергеевой*

Та ночь была – душа моя ей верит
И верить будет до последних дней.
Ждала меня меж Дганьей и Кинерет
Повозка жизни хлопотной моей.

И он сказал: «Послушай-ка, милашка,
Я теплый дом построю для тебя,
А ты мне шей красивую рубашку –
Тянуть твою повозку буду я».

Был он статен и горд,
И прекрасен, как песня,
Ноша крепким рукам
Не была тяжела.
Для шитья собрала я
Всю лазурь поднебесья,
Цветы золотые
у солнца взяла.

Та ночь была – душа моя ей верит,
Тогда он говорил мне вновь и вновь,
И клялся он меж Дганьей и Кинерет,
Что сбережет великую любовь.

Но как-то раз домой его ждала я,
Предчувствуя беду в ночной тиши.
Скажите мне – быть может, кто-то знает,
В каких краях любимый мой лежит?

Горько плакала я –
В сердце больно и тесно.
Долго шла я в полях –
Милый мой, где же ты?
И несла рукоделье
Из лазури небесной,
Где луч золотой вышивал мне цветы.

Та ночь была – душа моя ей верит
И верить будет до последних дней...

Историю песни «Шней шошаним» («Две розы», хотя на самом деле *шошана* это «лилия») Сарра Зеира рассказала в телепередаче всему Израилю, а я ее пересказываю вкратце, чтобы мы вместе перенеслись в то далекое лето, когда им так легко дышалось и писалось, и все им помогало – сам воздух они любили, и дружбу свою любили... Сарра сидела в кафе «Касит», слева сидел ее Митя, справа – его друг и коллега Яков Орланд. Подошла цветочница. В корзине были розы. Митя преподнес ей алую розу, Яков купил белую. *«Ну, чем не сюжет!»* – сказала рыцарям рассудительная Сарра. Так родилась эта песня, тут же, на месте. *«Когда у них бывал отрешенный вид, я уплывала в молчание»*. «Я спою тебе древнюю песню любви...» – это легенда о неразлучных влюбленных. Две розы – одна белая, другая

алая – цветут в саду, пока чья-то рука не сорвет одну из них. Никто не знает, кто похитил розу, но сердце оставшейся разбито навсегда.

А сколько песен Сарра выбросила в мусорную корзину. *«Почему, Сарра?» – «Потому что он иногда так влюблялся в какую-нибудь мелодию, что его собственная напоминала мне ту...»*

На прижизненном сборнике своих песен Мордехай Зеира написал жене, в столбик:

Судье неподкупному,
другу бесценному,
исполнительнице несравненной...

Судя по песням, можно сказать, что Мордехай Зеира и его ближайшие друзья-поэты угадывали ход мыслей друг друга, и общий процесс работы был скорее творческим наслаждением, нежели принужденным изнурительным корпением над листом бумаги. Слова мелодичны, а музыка поэтична. Когда-то Бялик, по словам художника Нахума Гутмана, сделал под одной из их совместных работ такую подпись: *«Твои рисунки для моей книги – драгоценные украшения из золота и лазури. Да будет твое – твое и мое – твое»*. С такой душевной щедростью относились они и друг к другу: Альтерман и Зеира, Александр Пэнн и Зеира, Орланд и Зеира.

Легкая, счастливая, ровная судьба. Но последние двадцать лет болело сердце. И было шесть инфарктов. Когда увозили с последним, он сказал, что так много еще надо сделать...

По последней песне, найденной под грудой рукописей, назван второй сборник – «Еще одна песня». Когда он написал ее, она не знала. Почему – единственный раз в жизни – не показал ей, не дал попробовать первой – на язык, на слух, она же всегда была первой? Что это было, его прощальное письмо? Слева – «Посвящается» и два тихих знака – шин и зайн. Первые буквы ее имени – Сарра Зеира. Потом карандашом, тонкой линией, зачеркнуто. *«Не знаю, – говорит Сарра задумчиво, – будто стерто и не стерто. Может, посвятил мне, а потом рассердился за что-то. Видите, написано и зачеркнуто...»* На тридцатый день, шлошим, собралась публика, видимо-невидимо народу, дело было в клубе «Мило». И Рэма Самсонов пела эту последнюю песню, и не стыдно было плакать, потому что и сосед слева плакал, и соседка справа. А Сарра вышла из зала. Я попыталась перевести слова этой последней песни замечательного израильского

композитора Мордехая Зеиры. Композитора, песни которого живут, переходя от поколения к поколению.

Уходят в бездну дни и ночи в пустоту.
Все нежные слова, несказанные, тают,
А сердце все стучит – в нем бьется песнь моя,
Еще одна, еще одна пропетой хочет быть...

Как сможем мы любить, слов не произнося?
Но где найти мне вас, нестертые слова?..
Уходят в бездну дни, но для одной тебя –
Последней песни звук,
Как прежде и всегда...

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Востоковеды – репатрианты из России в Израиле

Елена Дубнова (Иерусалим)

Российские еврей-ученые – замечательное племя, вышедшее, разумеется, из Бердичева и других мировых центров культуры, наделенное величайшей стойкостью и несокрушимым оптимизмом. Но какой адски трудный путь они прошли, какие изощреннейшие препоны преодолели, дабы подняться к вершинам знаний!

Л.Е.Черкасский. «Я рядом с корнем души успокою» (Иерусалим, 2001. С.9)

В предлагаемой вниманию читателя статье дан обзор той деятельности, которую вели или ведут прибывшие из России ученые-востоковеды, и отмечен их вклад в израильскую науку и систему образования. Сразу оговорюсь, что рассматриваю деятельность тех востоковедов, которые мне знакомы (или были знакомы) лично (я приехала в Израиль в 1989 г.). Хочу заметить, что в статью включены также сведения и о тех ученых, с которыми знакома не была, но данные о них мне предоставил д-р Барух Подольский, за что выражаю ему свою благодарность, а также использованы интервью и беседы с востоковедами и литература, приведенная ниже.

В качестве преамбулы – несколько слов о востоковедной науке в России.

Российское востоковедение начало зарождаться более 200 лет назад. Институт востоковедения был основан в 1818 г. в Санкт-Петербурге как Азиатский музей. Московское здание института в Армянском переулке было воздвигнуто благодаря пожертвованиям, собранным богатыми армянами, желавшими, чтобы историю, культуру, язык и традиции их прекрасной Армении изучали и описывали в Москве. (Надо заметить, что ныне это здание принадлежит армянскому посольству в Москве, а московский Институт востоковедения РАН был размещен в бывшем (до революции) публичном доме при Сандуновских банях; поэтому в этом здании много маленьких комнат.) С 1950 г. московский Институт востоковедения стал ведущим в данной области, а ленинградский институт получил статус филиала.

Российское востоковедение постепенно охватывало все новые и новые страны. Советские востоковеды продолжили и развили лучшие

традиции российского востоковедения. Среди востоковедов было немало евреев (как, впрочем, и во всех других областях науки). Некоторые из них приехали в Израиль и продолжили здесь свою творческую деятельность.

Прежде всего, следует отметить, что российские ученые воспитали целое поколение израильских студентов, которым был привит широкий подход к решению научных проблем. Учащиеся начали понимать ценность большой эрудиции и стремиться к ней. Некоторые из них написали такие работы, которые заслуживают публикации. Российские востоковеды, воспитанные на классической академической традиции, привнесли свои методы в работу в Израиле. Другим важным аспектом деятельности наших востоковедов было их участие в международных конференциях и всемирных конгрессах, где зачастую каждый из них оказывался единственным представителем Израиля, прославляя тем самым израильское востоковедение.

Из России в нашу страну приехали представители различных областей востоковедения.

Начну с описания деятельности известного арабиста, гебраиста и специалиста в области библеистики, знатока Танаха Анатолия Газова-Гинзберга (в Израиле – Амнон Гинзай).

Анатолий Михайлович работал в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, занимался и исследованием кумранских рукописей. Был одним из переводчиков, а также автором введения и комментариев к «Текстам Кумрана» (вып. 2, перевод с древнееврейского и арамейского, СПб., 1997).

В 1974-75 гг. преподавал в Ленинграде иврит готовившимся к репатриации в Израиль. Он приехал в Израиль в 1975 г. и получил предложение работать в Еврейском университете в Иерусалиме. Однако отказался от него и, поступив на работу в редакцию Краткой еврейской энциклопедии на русском языке, отдал все силы и знания этому замечательному и солидному изданию, которое еще долгие годы будет снабжать евреев информацией первостепенной важности для всякого человека, чувствующего свою связь с еврейским народом. (Кстати, эта информация, скрупулезно собранная в энциклопедии, полезна и людям других национальностей, которые читают по-русски, так как сведения, изложенные там, безусловно, могут развеять те мифы и предубеждения против еврейского народа, которые, к сожалению, весьма живучи и распространены.) Вклад Амнона Гинзая в создание КЕЭ на

русском языке очень значителен. Это был человек, обладавший колоссальными знаниями, которые позволяли ему как писать статьи, так и помогать другим авторам в решении различных спорных вопросов.

Амнон также пробовал свое перо и в художественной литературе. Он издал в Израиле книги, написанные в жанре фантастики, – «Золотые хамелеоны» (Тель-Авив, 1986), «Звездные адюльтеры», а также фантастические рассказы и повести на русском языке. Анатолий Михайлович принимал участие в создании русско-ивритского и иврит-русского «Современного словаря» под редакцией доктора И.Гури. Был научным редактором ряда книг, опубликованных издательством «Библиотека–Алия». Он также перевел на русский язык с иврита (в соавторстве с Л.Пеньковским) сборник стихов Иехуды ха-Леви «Сердце мое на Востоке» (Иерусалим, 1976) и с английского роман А.Боржеса «Заводной апельсин» (Тель-Авив, 1977).

К сожалению, он покинул этот мир.

Другой востоковед, проф. Михаэль Занд, приехал в Израиль в 1971 г., будучи убежденным сионистом и борцом за распространение знаний об Израиле и иудаизме. Он также выступал в СССР в защиту гражданских прав, за что был уволен с работы и исключен из Союза журналистов (в 1970 г.). Начав свои научные исследования в области персидской и таджикской литературы в Институте востоковедения АН СССР в Москве, он продолжил научную деятельность в Израиле, в 1971 г. начал работать в Еврейском университете в Иерусалиме. Одновременно с научной деятельностью проф. Занд «большое внимание уделял борьбе советских евреев за развитие еврейской культуры в Советском Союзе» (КЕЭ, Дополнение 3, кол. 175–176). Он также был одним из инициаторов создания Краткой еврейской энциклопедии на русском языке, а затем стал главным редактором 1-го и 2-го томов этого издания (совместно с И.Ореном), главным научным консультантом следующих томов и автором ряда статей в КЕЭ.

За годы работы в Израиле проф. Занд издал многочисленные работы о персидской и таджикской литературе, а также бухарско-еврейской прозе. Он был заведующим кафедрой иранской, армянской и индийской филологии в Еврейском университете в Иерусалиме, преподавал курсы по иранистике.

Во время работы в КЕЭ мне посчастливилось познакомиться с этими замечательными людьми, а моя дальнейшая трудовая деятель-

ность в Еврейском университете предоставила мне возможность познакомиться и с другими славными представителями российской востоковедной науки, одним из которых был Л.Е.Черкасский.

Леонид Евсеевич Черкасский – критик, литературовед, синолог, поэт-переводчик, доктор филологических наук – приехал в Израиль в 1992 г. Долгие годы (1960–1992) он работал в Институте востоковедения АН СССР (затем РАН). Он выпустил в свет семь книг литературно-исторической прозы, много статей по проблемам истории и теории китайской литературы, книги по теории и практике художественного перевода.

Леонид Черкасский – автор замечательных поэтических переводов китайской классической и современной поэзии и прозы. Один из сборников его переводов был издан в Израиле в 1997 г. под названием «Огненная мгла», он содержит как переводы классической поэзии Китая – древнекитайского поэта Цао Чжи, более позднего поэта Ло Биньвана и др., так и стихи современных поэтов.

В Израиле Леонида Черкасского приняли на работу в Еврейский университет в Иерусалиме, где он преподавал (на английском языке) китайскую поэзию. Эта деятельность увлекла его; своим блестящим знанием предмета и умением преподнести эти знания он вызывал восхищение студентов. Многогранность таланта Леонида Евсеевича и его творческая энергия позволяли ему заниматься не только китайской поэзией. Вместе с русской израильской поэтессой Лориной Дымовой Черкасский издал в 1996 г. сборник стихов-диалогов «Стихи о прекрасной даме и одном господине», где в шуточной форме герои сборника устами авторов излагают соображения представителей противоположного пола по разным поводам.

Леонид Евсеевич стал членом Федерации Союза писателей Израиля в 1993 г. (в России он был членом Союза российских писателей с 1970 г.).

Совместно с другим китаеведом-лингвистом Эллой Исааковной Шульгой он работал в Израиле над анализом перевода «Евгения Онегина» на иврит (перевод поэта Авраама Шленского). Эта литературоведческая работа была издана в «Иерусалимском журнале» № 8 за 2001 г. Другой интересной работой в этой области был анализ перевода знаменитого произведения Венички Ерофеева «Москва – Петушки» на иврит, также выполненный совместно с ней (перевела на иврит Нили Мирски, хотя трудно себе представить, как такое, написанное, мягко говоря, не совсем стандартным языком произведение могло

быть переведено на иврит). Эта литературоведческая работа была опубликована в журнале «Слово писателя» в 2004 г.

Последней книгой, написанной Леонидом Черкасским, стало его автобиографическое произведение «Я рядом с корнем душу успокою» (Иерусалим, 2001 г.). Как объясняет в книге сам автор, он взял в качестве названия заключительную строку стихотворения известного китайского поэта Цао Чжи, творчество которого Леонид Евсеевич высоко ценил и стихи которого переводил на русский язык. Эта книга посвящена воспоминаниям автора о годах жизни и творчества в России, о коллегах-востоковедах, об обстановке в стране и о том, как это проявлялось в Институте востоковедения и влияло на жизнь ученых.

Леонид Черкасский

Трудно описать обаяние, многогранность таланта, остроумие и блестящую образованность этого человека. Мне и моей семье посчастливилось принимать его в качестве гостя, и все присутствующие слушали, затаив дыхание, все, что он рассказывал.

Весть о его скоротечной болезни и кончине застала врасплох его друзей и коллег в университете; его курс был уже включен в программу университета на ближайший учебный год (2003)...

Светлая память о нем жива в сердцах его друзей и коллег.

Другой китаист, который трудится на ниве израильского образования, Элла Исааковна Шульга, в прошлом российский преподаватель китайского языка. Среди других мест ее работы стоит отметить Союз писателей Грузии, где она выступала в роли переводчика с китайского языка.

Элла Исааковна приехала в Израиль в 1991 г., с 1992 начала преподавать китайский язык в двух университетах страны – в Еврейском и Тель-Авивском. В 1995 г. в Тель-Авивском университете создали кафедру Восточной Азии, и Элла Исааковна работала там до 2004 г. Продолжая свою деятельность в Еврейском университете, она с 2004 г. работает по специальности и в Хайфском университете, являясь там старшим преподавателем.

Она внесла существенный вклад в развитие израильского высшего образования, написав первый в истории учебник китайского языка на иврите (он используется в Хайфском университете).

Свои знания китайского языка и иврита Элла Исаковна использует также в своей редакторской деятельности: под ее редакцией вышли в свет переводы на иврит произведений современной китайской литературы. В Институте экспорта-импорта Элла Исаковна читает лекции по китайскому языку израильским бизнесменам.

Не ограничивая сферу своих интересов китаеведением, Элла Исаковна сотрудничала с Леонидом Евсеевичем Черкасским в работе над литературоведческим анализом переводов на иврит с русского (см. об этом выше).

Выдающийся представитель российского востоковедения Александр Яковлевич Сыркин, профессор, доктор филологических наук, уже в России был известным ученым-индологом. Являясь специалистом высочайшего класса в своей области и незаурядной во всех отношениях личностью, он украсил палитру востоковедных дисциплин Израиля.

Приехав из Москвы в 1977 г., он в 1978 начал работать в Еврейском университете, сначала в качестве исследователя, а затем преподавателя тех дисциплин, в которых он специализировался долгие годы работы в Институте востоковедения АН СССР.

За 20 лет работы в Еврейском университете Александр Яковлевич преподавал курсы по классическому индуизму, по религии индуизма, по дидактике раннего буддизма, по литературе Веданты (Веданта – религиозно-философская система, возникшая в Индии в начале нашей эры в противовес материалистическому и атеистическому учениям чарваков, по своим взглядам близким эпикурейцам, и основанная на идеалистических концепциях Упанишад), по части буддийского канона (Дигха никая), вел ряд спецкурсов по чтению древних текстов (на санскрите), среди прочих, таких ценнейших для истории культуры и цивилизации, как Упанишады, Махабхарата (ее часть Бхагаватгита), Йогасутра Патанджали, также текстов кришнаитской лирики («Гитаговинда» – кришнаитская лирическая поэма).

Блестящее знание санскрита позволило Александру Яковлевичу преподавать его не только начинающим, но и продвинутым студентам, с которыми он разбираал тексты.

За годы работы в университете он выступал на многих конференциях и международных конгрессах в разных странах мира, достойно представляя там израильское востоковедение. Эта деятельность была естественным продолжением его трудов, связанных с анализом индуистских и буддийских текстов; было опубликовано значительное количество работ Александра Яковлевича по данной тематике на английском и русском языках.

Еще в России он сделал первый в истории перевод с санскрита на русский язык ценнейшего памятника литературы «Упанишады», который представляет собой сложный философский текст, вызвав этим трудом поклонение и восхищение индологов России.

В связи с переводами, сделанными Александром Яковлевичем с санскрита, хочу рассказать одну историю, случившуюся с ним в Москве. Однажды в Отдел литератур народов Востока, где он работал, обратился инспектор уголовного розыска. Его направили к А.Я.Сыркину, которому инспектор объяснил, что пришел с просьбой получить научное заключение по поводу некоего текста, напечатанного на машинке. Оказалось, что этот текст распространял какой-то молодой человек, который утверждал, что данный материал представляет собой отрывок из великого литературного памятника индийской культуры. Александр Яковлевич, взглянув на текст, дал заключение органам милиции, что текст действительно представляет собой небольшой отрывок из знаменитого памятника древнеиндийской дидактики «Камасутра», созданного около полутора тысяч лет назад. Это заключение специалиста сняло с незадачливого распространителя колоритного отрывка обвинение в торговле «порнухой». Что же касается перевода «Камасутры» на русский язык, то он был выполнен Александром Яковлевичем впервые в годы его работы в Институте востоковедения АН СССР (1967-68 гг.) и издан значительно позже (в 1993 г.). Такая существенная задержка с изданием была вызвана «установкой советской цензуры, когда тексты типа “Камасутры”, распространявшиеся в самиздате, вполне могли стать и предметом судебного разбирательства» («Камасутра», перевод с санскрита, статьи, комментарии А.Я.Сыркина, М., 2000. С.55). Выполненный перевод и комментарии к нему, и успех в борьбе за их издание, безусловно, явились значительным вкладом в развитие индологии и предоставили русскоязычному читателю прекрасную возможность познакомиться с замечательным памятником древнеиндийской культуры и повысить свою образованность в той

жизненно важной области, которой посвящена «Камасутра» (дословно «Наставление в любви»).

Следует заметить, что круг интересов ученого весьма обширен. Наряду с индологией (включая буддизм), он занимается также византийской, классической русской литературой, семиотикой, вопросами религиозного поведения. Являясь не только индологом, но и великолепным знатоком религий мира, Александр Яковлевич обратился к анализу русской классики. Результатом этой деятельности стали публикации литературоведческих статей, в которых автор анализирует с новой, неожиданной точки зрения хорошо известные русскоговорящему читателю произведения Достоевского, Толстого, Чехова, Пушкина. Так, например, в сборнике «Спуститься, чтобы вознестись» (изданном Еврейским университетом, Центром по изучению славянских языков и литератур в 1993 г.) Александр Яковлевич отмечает, что «некоторые существенные принципы религиозного поведения, засвидетельствованные в мифологии и обрядности таких систем, как индуизм, буддизм, христианство, находят себе аналогии в произведениях русской классической литературы» (там же, с.7).

Интересны наблюдения, касающиеся определенных принципов поведения Льва Толстого и параллелей, проводимых ученым, с поведением представителей далеких от христианства религий. Так, в разделе «самоосуждение Толстого» он отмечает: «Словно брахман – домохозяин из Упанишад, он [Толстой] снова и снова ищет наставлений у сведущих людей. Так осуществляет он часто повторяемую им мысль о важности неустанного усилия как непрерывного приближения к идеалу, пусть недостижимому», «в последние десятилетия жизни он стремится глубже постичь нехристианские традиции – индуизм, буддизм (встречаясь с известным индологом И.П.Минаевым), конфуцианство, даосизм и т.д.» («Спуститься, чтобы вознестись», с. 88).

Будучи специалистом по санскриту и древнеиндийской философии, Александр Яковлевич, видимо, под влиянием изучаемых им философских учений, ведет аскетический образ жизни, не придает значения всякой мишуре и обходится минимумом предметов в своем быту. Выйдя на пенсию в 1998 г., он продолжает вести жизнь, наполненную духовным содержанием.

Общение с этим человеком всегда приносит радость, он умеет поддержать сомневающегося и утешить отчаявшегося. Он может порадовать собеседника своими энциклопедическими знаниями. Алек-

сандр Яковлевич продолжает писать и издавать статьи по литературоведению.

Представитель более молодого поколения востоковедов – Геннадий Яковлевич Шлумпер, приехал в Израиль в 1994 г. По-видимому, в эти годы устройство ученых в Израиле стало более сложным делом. Геннадий Яковлевич, будучи прекрасным специалистом по языку хинди, был вынужден в течение двух первых лет в Израиле работать «шо-мером» (сторожем), после чего в 1996 г. начал преподавать в Еврейском университете, получив стипендию Голды Меир. Одновременно с началом преподавательской деятельности в университете он приступил к работе над диссертацией, которую успешно защитил в 2003 г. Его написанная по-английски диссертация, посвященная грамматике хинди, явилась новым словом в изучении этого языка.

Продолжая свою деятельность в Еврейском университете, он начал в 1999 г. преподавать также в Тель-Авивском (к большому сожалению университета в Иерусалиме).

В течение израильского периода он составил учебник на иврите по языку хинди, первый в истории изучения хинди, который был издан в «Академоне» (университетском издательстве). Его солидный труд представляет собой прекрасное пособие для всех желающих изучить этот язык, он содержит различные тексты с комментариями, словарь и все необходимые материалы. В 2005 г. Геннадий Яковлевич издал в Германии свою книгу «Модальность в языке хинди» на английском языке.

К большому огорчению, смею заметить, что Еврейский университет в Иерусалиме не считает нужным предоставить достойный статус многим работающим в нем ученым: в списке этих «неvezучих» как Геннадий Шлумпер, так и автор этих строк... К счастью, есть много желающих изучать язык «далекой Индии чудес» (это связано с тем, что среди молодежи всегда есть жаждущие познакомиться поближе с этой загадочной экзотической страной, что обеспечивает «кусочек хлеба» индологам).

Среди тех, кто отдает свою энергию и силы делу развития израильского высшего образования, и иранист доктор Владимир Ильич Месамед. Родившись в еврейском «центре» Биробиджане и получив востоковедное образование в Ташкенте, он преподавал персидский язык в Ташкентском университете, а затем начал работать на радио, в

редакции вещания на Иран, где стал заведующим отделом. В 1994 г. он приехал в Израиль и в 1995 г. получил должность научного сотрудника в Институте им. Трумэна при Еврейском университете. Не изменяя своим вкусам, он и в Израиле стал работать на радио – с 1995 г. в иранском отделе на радио «Коль Исраэль» («Голос Израиля»). Завоевав популярность в качестве политического комментатора по Ирану в актуальных программах радио РЭКА (радио на русском языке для новых репатриантов из стран СНГ), Владимир Ильич был приглашен в 1997 г. на израильское телевидение, где он выступает как политический комментатор по Ближнему Востоку в разных программах. С 1997 г. он также преподает персидский и узбекский языки в школе Берлица (учебное заведение по изучению иностранных языков). В 1998 г. он начал преподавать персидский язык и в Еврейском университете.

С 1997 г. Владимир Месамед является членом редколлегии журнала «Центральная Азия и Кавказ», издаваемого в Швеции. В 2001-02 гг. был научным руководителем Центра социально-политических исследований (ISS). Владимир Ильич также много выступает с лекциями по тематике, связанной с политической ситуацией на Ближнем Востоке.

Семитолог с восточного факультета ЛГУ доктор Яков Грунтфест по приезду в Израиль в начале 70-х был принят на работу в Хайфский университет и долгие годы преподавал там арабскую грамматику. Занимался также древнеюжноаравийским (сабейским) языком.

Его коллега Гитя Менделевна Глускина, преподававшая в ЛГУ семитские языки, по состоянию здоровья не смогла работать в Израиле, однако приняла участие в составлении «Иврит-русского словаря» в 2 томах (1992 г.) под редакцией д-ра Б.Подольского.

Профессор Арон Долгопольский, замечательный лингвист, выпускник, в частности, «Сравнительно-историческую фонетику кушитских языков», около 25 лет (с 1977 г.) вел в Хайфском университете курсы по общему и семитскому языкознанию. Вскоре будет размещен в интернете основной труд его жизни – «Ностратический словарь» в 4 тыс. страниц.

Крупный специалист по древнекитайской философии и истории Виталий Аронович Рубин несколько лет боролся за право репатриации в Израиль. Отказы мотивировались тем, что «Рубин – крупный специалист по Китаю, а Китай ведь стратегически важная страна».

Прибыл в Израиль в 1976 году, стал профессором Еврейского университета в Иерусалиме. Погиб в автодорожной катастрофе в 1981 г. Посмертно вышла книга его избранных трудов «Личность и власть в Древнем Китае» (М., 1993).

Специалистка по истории Ирана и Афганистана Лили Баазова занимается в Израиле исследованием истории Грузии (после приезда в Израиль приглашена преподавать в Институт стран Азии и Африки при МГУ, периодически ездила в Москву) и истории грузинских евреев.

Слева направо: доктора наук Елена Дубнова, Владимир Месамед, Алла Бурман

Барух Подольский, бывший студент-индолог Института восточных языков при МГУ, не смог реализовать себя в СССР как ученый (арестован за сионистскую деятельность). В Израиле он стал семиологом, доктором наук, и издал немало пособий по ивриту как для русскоговорящих (грамматика, самоучитель, несколько словарей), так и для репатриантов из Эфиопии (два иврит-амхарских словаря). Написал диссертацию по исторической фонетике амхарского языка, опубликовал словарь и грамматический очерк урумского (греко-татарского) языка. Преподает в Тель-Авивском университете с 1973 г.

Михаил Израилевич Володарский, специалист по Ирану и Афганистану, репатриировался из Кишинева в 1978 г. после устроенной ему в республиканской прессе травли в связи с письмом Л.И.Брежневу, в котором выразил протест против ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г.

В Кишиневском госуниверситете он читал курс по истории Азии и Африки. В Израиле работал в Тель-Авивском университете, где занимался Ираном, историей советско-иранских и советско-афганских отношений. Его работы опубликованы в научных журналах Англии, Франции, Израиля и др. Он – автор монографии «Советы и их южные соседи (Иран, Афганистан) в 1917–1939 гг.» (на рус. яз.: Лондон, 1985; на англ.: Лондон, 1994). В начале 90-х выступал на радио РЭКА как

комментатор по Ирану. Читал лекции по истории Ирана и Афганистана по приглашению университетов Москвы, Саратова, Астрахани, Кишинева. Недавно вышел на пенсию.

Еще один уникальный специалист, которого израильское востоковедение получило в подарок, – это доктор Алла Дмитриевна Бурман, специалист по языку и культуре Бирмы. Она приехала в Израиль в 1996 г. из Санкт-Петербурга, где работала в Институте востоковедения АН РАН. Она также преподавала в Ленинградском университете на двух факультетах: философском – курс по буддизму, и восточном – курс по бирманской драме. Алла Дмитриевна преподавала также в Театральной академии, где вела курс по традиционному театру Азии, и в Восточном институте – курс по театру Азии и по буддизму. За годы работы в Институте востоковедения она опубликовала три книги и более 50 статей, много раз выступала на различных зарубежных конференциях, работала в качестве Guest Professor в Институте Азии и Африки в Копенгагене.

До появления Аллы Дмитриевны в Израиле никаких курсов, связанных с Бирмой, в университетах страны не было. В 1997 г. она начала работать в Еврейском университете в Иерусалиме, где ведет такие курсы, поскольку является единственным в Израиле специалистом в этой области. Она преподает бирманский язык, а также курсы по традиционной культуре этой страны: шаманизм и народные культы, театр, буддизм и др.

За время работы в Еврейском университете выступала на международных конференциях в Америке, России, Израиле, опубликовала статьи в зарубежных изданиях (на английском языке), а сейчас работает над книгой о традиционной культуре Бирмы. На этих конференциях она была единственным представителем Израиля.

Помимо этой насыщенной академической деятельности, Алла Дмитриевна выступала в роли переводчика с бирманского языка по просьбе комиссии ООН по делам беженцев. Она также преподавала бирманский язык послу Израиля, отправляющемуся в Бирму. Время от времени к ней обращаются из Израильского музея с просьбой перевести рукописи.

Что касается изучения африканских языков, то здесь дело обстоит сложнее. Это связано, по-видимому, с целым рядом причин (политических, социологических, психологических). Имеются в виду такие

моменты, как политическая нестабильность в странах Африки, вспыхивающие то тут, то там конфликты и войны, бедность и экономическая отсталость, многочисленные и страшные болезни и т.п. Все это вместе приводит к тому, что израильтяне мало интересуются Африкой и, соответственно, находится немного желающих изучать африканские языки.

Автор этих строк, однако, много лет преподавала африканские языки в Еврейском и Тель-Авивском университетах. Надо сказать, что каждый (или почти каждый) человек, услышав о таком неординарном занятии, считает своим долгом спросить: «А как ты дошла до жизни такой?». В ответ на этот вопрос я рассказываю свою историю, краткое изложение которой я сейчас и предлагаю вниманию уважаемого читателя.

Началось все с того, что выпускница математического класса одной московской школы не попала на мехмат МГУ. Встал вопрос: что делать дальше? Год терять не хотелось, да и родители подгоняли: «Мы старые, тебе нельзя тянуть с учебой».

Сначала «с горя» я хотела податься в дегустаторы, но тут же выяснилось, что надо сдавать химию в качестве одного из вступительных экзаменов, а потом еще долго ее изучать. А сей предмет никогда меня не привлекал. Поэтому эта идея была отставлена.

Откуда-то поступила информация, что в МЭИ (Московском энергетическом институте) есть факультет, на котором имеется специальность «динамика и прочность машин», и там изучают много-много математики. Вот на эту специальность я и собралась поступать. И в тот же день встретила случайно своего одноклассника, приятеля Алика М., который сказал: «Пойдем со мной. Я поступаю на структурную лингвистику». «А что это такое?» – поинтересовалась я и получила объяснение, что это такая замечательная наука, где используют математические теории для описания языков и получают новый подход к языкознанию, который позволяет описывать любой, даже самый экзотический, язык. Это звучало очень заманчиво, и с того дня моя судьба оказалась связанной с лингвистикой.

В те годы никакой свободы в выборе предметов студентам не предоставлялось, и основным языком в нашей группе был определен немецкий. Особо положительных эмоций у меня изучение этого языка не вызывало, он слишком сильно ассоциировался с фашизмом и со всеми теми ужасами, с которыми мы, студенты 60-х годов, были знакомы по фильмам и книгам. На 2-м и 3-м курсах было предложено

писать курсовые работы, для чего надо было выбрать какой-нибудь язык. Писать что-либо по немецкому или русскому мне не хотелось, а один из преподавателей предложил сделать работу по африканским языкам из группы чадских. С этого и началась моя любовь к африканским штудиям. И чем больше я знакомилась с ними, тем интереснее мне становилось.

По окончании МГУ я получила предложение поступить в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Это предложение было мною с радостью принято, и несколько счастливых лет своей жизни я провела в стенах этого замечательного, уникального, в то время кипевшего жизнью «храма науки», будучи единственной во всей России аспиранткой, занимавшейся языком руанда (это язык страны с таким же названием, которая находится на экваторе, близ Уганды, Танзании и Конго). Для написания своей диссертации я занималась «полевой лингвистикой», что заключалось в том, что я работала с африканцами, которых было в Москве достаточно много (так как поездка в Африку в те времена для сотрудницы-еврейки была по понятным причинам исключена).

Защитив диссертацию в 1976 г. (по грамматике языка руанда), я продолжала работать в том же Институте востоковедения до переезда в Израиль в 1989 г. В 1990 г. начала работать в Краткой еврейской энциклопедии (в качестве редактора) и в Еврейском университете (в качестве преподавателя африканских языков). В КЕЭ я проработала два года и уволилась «по собственному желанию», так как в тот период моя нагрузка в университете требовала от меня полной отдачи сил и времени: оказалось, что преподавать африканские языки и общие курсы на только что выученном иврите – дело не из легких.

Зато работа в Еврейском университете позволила мне осуществить свою давнишнюю мечту – поехать в Африку, Европу и Америку; оказалось, что в разных странах мира и на разных континентах регулярно проходят конгрессы и конференции по африканской лингвистике, и можно разъезжать, не унижаясь и не прося подписи «треугольника» (парторга, профорга и директора). Также, в связи с необходимостью укрепить свои знания языка суахили, мне была предоставлена возможность провести по месяцу в Кении и Танзании, и это дало мне по возвращении в Израиль ощущение, что наш многострадальный Израиль – это рай по сравнению со многими местами на земле.

За 16 лет работы в Еврейском университете мною были подготовлены разные курсы по африканистике (в соответствии с требованиями

ми начальства, так что я «на своей шкуре» почувствовала, что такое «капитализм в действии»: когда из тебя «выжимают все соки», а ты не можешь ничего сделать, так как боишься потерять работу), опубликована в 2003 г. в Германии моя книга по грамматике языка сомали. Был также подготовлен спецкурс по языку суахили для студентов МИДа Израиля. В настоящее время я заканчиваю подготовку к изданию (вместе с Арье Одедом, бывшим послом Израиля в разных странах Африки) учебника по языку суахили для говорящих на иврите, который будет первым учебником такого рода.

Наряду с африканскими штудиями и участием в разных конгрессах и конференциях, был у меня и опыт преподавания иврита в течение года группе русскоязычных израильтян, что оказалось весьма интересным занятием. Потом бюджетные сокращения не дали возможности продолжать.

В Берлице преподавала суахили, а в последнее время и русский язык.

Израильская жизнь предоставила мне возможность излагать свои мысли как на русском, так и на других языках (иврите, английском, суахили), а также убедиться в том, что нет большего наслаждения, чем говорить и писать на родном языке!

Библиография

Ватсьяяна Малланга. Камасутра / Перевод с санскрита, вступительная статья с комментариями А.Я.Сыркина. М., 2006.

КЕЭ. Дополнение 3.

Сыркин А.Я. Перелистывая классику. Иерусалим, 2000.

Сыркин А.Я. Спуститься, чтобы вознестись. Иерусалим, 1993.

Черкасский Л.Е. Я рядом с корнем души успокою. Иерусалим, 2001.

Черкасский Л.Е. Огненная мгла: Китайская поэзия в переводах Леонида Черкасского. Иерусалим, 1997.

Лучшая пора жизни семьи Стражас

Нэда Каменецкайте-Стражас (Иерусалим)

С посадкой огромного «джамбо» в аэропорту Лода 2 ноября 1973 года для Нэды и Абы Стражас началась новая, пожалуй, четвертая, часть их жизни (позади остались жизнь в независимой Литве, Вторая мировая война и 22 послевоенных года, прожитых в Вильнюсе, столице Литовской ССР).

I

Аба родился в 1914 году в местечке Вилкавишки. В начале Первой мировой войны семья переехала в Каунас (Ковно). Окончив хедер, учился в иешиве, но, поняв, что он чужд религии, покинул иешиву и поступил в еврейскую Реальную гимназию. Преподавание в ней велось на древнееврейском (иврите). Аба очень любил этот язык и на нем писал свои первые любовные стихи. В 1933 году он поступил на исторический факультет Каунасского университета, где учился у знаменитого профессора Льва Карсавина, вынужденного в 20-е годы покинуть Россию и переехать сначала в Германию, затем во Францию, а впоследствии принявшего приглашение возглавить кафедру всеобщей истории в университете Каунаса, в то время столице независимой Литвы.

В университете Аба был главой корпорации «Ветария» и представителем национальных меньшинств. На выборах в студенческий совет это представительство ему стоило двух зубов: литуанисты (члены националистической корпорации «Неолитуания») не желали допустить евреев к урнам для голосования. После окончания университета, согласно закону о литовском гражданстве, Аба вступил в литовскую армию. Он был одним из двух евреев, принятых в двухгодичную офицерскую школу. Окончил он ее весной 1940 года. Весь выпуск молодых лейтенантов попал прямо в объятия Красной армии, в ту весну оккупировавшей прибалтийские республики.

Накануне нападения немцев на Советский Союз Аба получил путевку, и война застала его в Кисловодске. Вернуться в Вильнюс уже

Нэда Каменецкайте-Стражас

не было никакой возможности. Он был направлен во вновь образованную 16-ю (Литовскую) дивизию. Вначале командовал ротой, а вскоре батальоном новобранцев. Он всегда заботился о своих подчиненных, старался передать солдатам все свои знания и умения. После войны, в Вильнюсе, мне рассказывали оставшиеся в живых (больше половины первичного дивизии состава – около 60% – полегло под Орлом и под Курском), что в свободное от занятий военной подготовкой время он приходил к ним и беседовал об истории, литературе, искусстве. Каждое его появление, рассказывали они, приносило в нелегкую повседневную службу что-то новое и интересное, облагораживая их жизнь, и одновременно служило передышкой. Этого, однако, не ценили еврейские солдаты-коммунисты. Они чувствовали себя униженными, поскольку вынуждены были, как все новобранцы, проходить нелегкую военную подготовку, вместо того чтобы занимать небоевые должности, на которые они претендовали. Улучшить свое положение они пытались, сетуя командованию дивизии, что не хотят служить «у сиониста». К ним присоединился и один литовец, пьяница и антисемит, впоследствии сбежавший к немцам, который написал в своем доносе, что Аба собирается вывести Литовскую дивизию в... Японию! Подобных незаслуженных и просто абсурдных жалоб и поклепов в политотделе дивизии было на Абу несколько. Его вызвал следователь Яцовский. Вначале страшно обругал, угрожая арестом, а потом вышел из кабинета, оставив на столе свой пистолет, чтобы «виновный» покончил собой. Но «виновный» вместо этого обратился в литовское правительство в эвакуации, находившееся в Москве. Там все вскоре было выяснено, и дивизия получила приказ восстановить его на прежней должности. Несмотря на это, из его «Личного дела» в отделе кадров эти гнусные обвинения не исчезли – они сопровождали его до самого выезда в Израиль. С другой стороны, после победы Израиля в Войне за независимость (1948 г.) Аба получил много сердечных приветов от бывших солдат 16-й дивизии, тех, кто сразу после окончания Отечественной войны уехали в Палестину (через Польшу или Румынию). Они писали, что то, чему в свое

Аба Стражас

время их обучил Аба, очень пригодилось им в боях за независимость своей страны и что они ему за это благодарны.

Аба Стражас неоднократно подавал рапорт с просьбой послать его на фронт. Наконец, его просьбу удовлетворили. В числе боевых операций, в которых он участвовал в качестве командира батальона, было освобождение Клайпеды. Заняв этот портовый город, в котором проживало много состоятельных немцев, солдаты бросились в только что оставленные противником дома, чтобы наконец выспаться в мягкой постели и наесться брошенными немцами при отступлении и бегстве отборными продуктами. Командир Стражас своему батальону категорически запретил ночевать в домах. Солдаты были разъярены: всем можно – только им нет! Но вот в полночь, один за другим, дома начали взрываться, и многие советские военные так бессмысленно погибли. Те же солдаты, накануне почти взбунтовавшиеся, гурьбой окружили Абу и стали его «качать», а верующие литовцы, встав на колени, крестились и извинялись, называя его своим спасителем. Абу в очередной раз представили к ордену, которого он в очередной раз не получил (в конечном итоге он был награжден орденом Отечественной войны и медалями).

После окончания войны Аба командовал школой сержантов в Вильнюсе, называвшейся Отдельным учебным батальоном, выполняющая обязанности, соответствующие званию полковника, но все еще оставаясь старшим лейтенантом из-за старых жалоб своих бывших новобранцев – евреев-коммунистов.

* * *

Я родилась в Каунасе в 1926 году в семье известного адвоката Лейбы (Льва) Каменецкого и с четырех лет обучалась иностранным языкам, ибо папа хотел, чтобы я пошла по его стопам. К десяти годам я свободно говорила на английском, французском и немецком. Дома разговорным языком был русский, а в школе – я училась в частной католической гимназии – литовский. В 1938 году, убедившись в антисемитском отношении ко мне в гимназии, родители, в середине учебного года, забрали меня из нее и повезли учиться в Англию. Там я закончила одну из известнейших средних школ.

Семейные обстоятельства сложились так, что в апреле 1940 года папа, мама и я вернулись в Каунас, где вскоре нас «освободила» Советская власть. Через год после этого грянула война. Мне с мамой

удалось бежать в Россию, а папе нет – советские солдаты никого не пропускали через границу в Белоруссию, пока сами не удрали. Он погиб в гетто Каунаса. Вывезенные в лагерь, погибли и его родители (мои бабушка и дедушка), и его брат с женой. Погибла и мать Абы, сопровождавшая внучку во время «детской акции» уничтожения (27–28 марта 1944 года).

После многих перипетий, в конце 1941 года мама и я очутились в узбекском городе Андижан. Мама, зубной врач, пошла в Городской отдел здравоохранения искать работу. Горздрав был переполнен врачами, сумевшими спастись из Белоруссии, Украины и других мест. Для зубного врача была одна-единственная вакансия. Без всякой надежды и с немалым страхом, что при виде диплома царского времени ее могут послать «в места, не столь отдаленные», мама все же дождалась своей очереди в приемную комиссию. Увидев ее диплом на пергаменте, с огромной красной печатью, прикрепленной красной лентой к пергаменту, выданный Московским университетом весной 1917 года, члены комиссии остолбенели и единогласно отдали вакансию ей. Мама получила звание капитана медицинской службы и стала работать в госпитале, который готовили к отправке на фронт. По доброте души, высокопоставленный комиссар дал указание принять и меня, в качестве вольнонаемной санитарки, в тот же госпиталь.

В 1943 году наш следующий за фронтом госпиталь обосновался под Москвой. Тут я решила попробовать поступить в вуз. Благодаря хорошему знанию английского, которое я приписывала обучению в литовской гимназии и частным урокам (не признавая, что училась в Англии, ибо на нас, «западников», и так смотрели с большим подозрением), меня приняли на отделение английского языка Московского института иностранных языков. Вернувшись в Литву в 1945 году, я закончила учебу и получила диплом уже в Вильнюсском университете, в котором была оставлена преподавать на кафедре иностранных языков, со временем преобразованной в кафедру английской филологии.

В это время, в 1946 году, я случайно познакомилась с Абой. Он, красавец-офицер, приезжал ко мне на коне, принадлежавшем до этого немецкому генералу, у которого Аба принял капитуляцию. Узнав, что он дипломированный историк и к тому же ученик Карсавина, я начала убеждать его уйти из армии: «Хватит считать портянки и воевать с кражами угля и картошки в батальоне», – говорила я. Когда он сделал мне предложение, условием моего согласия была демобилизация. Любовь, видно, не картошка – он подал рапорт с просьбой об уволь-

нении. Его демобилизовали, но не «по собственному желанию», а «за политическую неблагонадежность». «Личное дело» пухло.

Не зная, с чего начать поиски службы на гражданке, Аба первым делом пошел в Дом книги. Там в работе ему отказали, дав понять, что евреи не требуются. Аба, не стесняясь, сказал заведующему: «Если вам нужен историк, то это я, а если вам нужен литовец – пришлю моего денщика».

Следующим шагом было обращение в министерство просвещения. Министр, профессор Жюжда, немедленно направил его на преподавательскую работу в Вильнюсский пединститут. Областью научных занятий и интересов Абы был период от Английской революции до конца Первой мировой войны. За 26 лет работы в пединституте, и частично в университете, он защитил две диссертации – кандидатскую и докторскую – и стал профессором. 22 года подряд его избирали заведующим кафедрой всеобщей истории, и одновременно в течение шести лет он был также деканом исторического факультета.

Первую тему для его кандидатской диссертации (о французских социалистах-утопистах) Ученый совет пединститута не утвердил. Тогда Аба занялся историей Обероста – восточной территории, которую во время Первой мировой войны немцы готовили к колонизации, не желая ее ни аннексировать, ни отдать России или Литве. Работая годами в литовских и московских архивах, он собрал и систематизировал богатейший материал, часть которого, спрятанная на чердаке одного коллеги, так и осталась неопубликованной.

Чем выше он поднимался по научной и административной лестнице, тем чаще на него поступали доносы, в которых возводилась напраслина. В 1953 году, уже после смерти Сталина, когда все газеты Советского Союза печатали только бесчисленные некрологи и уже не было антисемитских материалов, Генрихас Зиманас, главный редактор газеты «Тiesa» («Правда») поместил большую злобную клеветническую статью, которую он самовольно подписал именем старого большевика Пушкиниса, до того отказавшегося ставить под ней свое имя. В этой статье Зиманас обвинил трех евреев: декана Стражаса, адвоката Харита и служащего Томима – в сюрреалистических антисоветских грехах. Мы начали готовиться к худшему – аресту или высылке. Под детской кроваткой уже лежал мешок с валенками и теплым бельем. Но, к нашему счастью, со смертью Сталина ушли и его антиеврейские замыслы. 4 апреля (кстати, в годовщину нашей свадьбы) Берия объявил, что «бывший КГБ» был повинен во всех антиеврейских прово-

кациях, в том числе и знаменитом «деле врачей». Как и многие тысячи других людей, в этот день мы праздновали свое спасение.

Однако и впоследствии Аба подвергался постоянным преследованиям. Когда после интересного доклада на съезде историков СССР и Восточной Германии он попросил разрешение еще раз поехать в Восточную Германию вместе со своим секретарем, чтобы глубже изучить материалы Эрфуртского архива, секретарю дали разрешение, а профессору – нет. Разозлившись, Аба где-то выразился, что чувствует себя, как в люксовом концлагере. Это немедленно дошло до ушей КГБ. Его немало «таскали», но ничего не добились.

Мы были молоды и оптимистичны. Было, конечно, и немало радостных событий и трогательных моментов. Абино пятидесятилетие было очень торжественно отмечено в пединституте – до сих пор у меня хранятся памятные подарки и разные грамоты.

Не могу не описать следующего эпизода. Несмотря на девять лет, проведенных в армии и в соответствующем «лингвистическом» окружении, Аба не заразился армейской грубостью – был и оставался джентльменом. Для торжественного собрания по случаю одной из важных государственных годовщин пединститут арендовал здание Оперного театра. Вначале, как полагалось, на сцене разместился президиум, были речи, а потом вручались грамоты. Будучи деканом факультета, Аба вручил Почетную грамоту своей коллеге Петраускайте, немолодой, благородной, уважаемой женщине. Вместо общепринятого рукопожатия, он нагнулся и поцеловал ей руку. Заполненный студентами театр взорвался аплодисментами в одобрении этого жеста. Для Абы он был само собой разумеющимся, для начальства – проявлением буржуазности, а для студентов ностальгией по ушедшим в прошлое манерам.

После победы Израиля в Шестидневной войне 1967 года в СССР развернулась систематическая антисиионистская пропаганда. В ней вынуждали публично участвовать евреев, главным образом известных личностей. Литва не могла не быть втянутой в эту травлю. Абу пытались всячески, разными способами заполучить для выступления на каком-либо митинге или собрании такого рода, но, к счастью, обычно кто-то из студентов или коллег предупреждал его о предстоящем мероприятии. Аба немедленно шел в поликлинику. Все понимающие врачи «устанавливали» у него высокое давление и прописывали две недели постельного режима. За это время очередная антисиионистская кампания проходила, и так все обходилось до следующей. Сценарий

повторялся много раз. Он так же, наотрез, отказывался вклинивать в свои ежегодные газетные статьи о Парижской Коммуне что-либо об Ульбрихте или что-нибудь антиизраильское (за что просивший статью корреспондент, бывший его студент, поблагодарил, сказав, что, хотя Абин отказ может ему стоить недавно полученной службы, он рад, что в профессоре Стражасе не разочаровался).

Аба гордился своим еврейством; его часто уговаривали поменять имя (на «Альберт» или «Альфред» и т.п.), но он категорически отказывался. Постоянное «инквизиторское» давление с угрозами ареста и т.п. и издевательство над его человеческим достоинством стали просто невыносимыми. Наконец, когда слегка приоткрылся «железный занавес», он решил отказаться от всех благ и почестей и эмигрировать. В марте 1972 года мы подали заявление о выезде в Израиль. Этот рискованный поступок стал сенсацией в Вильнюсе. Не буду описывать моральных пыток, которым мы все, но особенно Аба, подверглись. Ему сразу, в середине семестра, запретили преподавать и даже входить в здание пединститута. И мне, несмотря на то, что я была главным экзаменатором по английской филологии на выпускных экзаменах, запретили даже появиться на них.

Многие друзья и знакомые и даже лично незнакомые нас поддерживали морально. Однажды, поравнявшись с нами на улице, человек в длинном плаще с нахлобученной до глаз шляпой буркнул, проходя: «Стражас, все равно уедешь».

Разрешение мы получили в октябре 1973 года, не без помощи бывших Абиных солдат и студентов-литовцев, в то время уже занимавших высокие посты. Наша виза была действительна не месяц, как бывало у других, а только десять дней. Моими сверхчеловеческими усилиями нам удалось через несколько дней тихонько исчезнуть из Вильнюса. Первого ноября мы сели в поезд «Брест–Варшава–Вена», все еще не уверенные, что едем на Запад, а не в Сибирь. На следующий день мы уже были в объятиях наших детей и родных, которые к тому времени жили в Израиле.

II

Еще шла война Судного дня. На улицах не было мужчин, транспорт работал с перебоями, но магазины были переполнены товарами. Как всегда в общей беде, отношения между израильтянами были активно добрыми. Люди сочувствовали друг другу и оказывали всячес-

кую поддержку и помощь. Имевшие машины подвозили тех, у кого их не было («давали тремп»), считая это своим долгом.

Нас поселили в центре абсорбции в городке Тивон, в 17 км от Хайфы. Еще в Литве мы мечтали жить в Хайфе, этом красивом приморском городе, и в конце концов наша мечта сбылась. Немного отдохнув и собравшись с духом, мы отправились на прием к декану Гуманитарного факультета Хайфского университета проф. Ури Раппапорт. К тому времени от профессора Гельцера, за прием которого в Вильнюсский пединститут Аба в свое время успешно боролся, декан уже знал, что из Союза вырвался профессор истории, хорошо знающий иврит. После длительной беседы с Абой на иврите, а со мной по-английски он сказал просто: «Вы оба будете у нас работать». Мы обрели новую, настоящую alma mater.

С большим успехом Аба читал студентам курсы по новой истории, преимущественно по истории Германии (в то время в этой области на кафедре не было другого специалиста), и руководил диссертациями на степени мастера и доктора. Его оценили, и уже на третьем году работы общее факультетское собрание единогласно избрало его председателем Комиссии по научным делам. В конце двухлетнего срока исполнения этой ответственной обязанности его отчет о проделанной Комиссией работе, на таком же собрании, был встречен вместо обычной критики аплодисментами. Абу любили и уважали и его студенты и коллеги. Никогда не забуду, как, узнав, что ему предстоит операция в иерусалимской больнице «Хадасса», его студенты позвонили в больницу и предложили сдать кровь. Кто-то должен был это сделать – таков был тогда порядок. Мы были тронуты до слез. Студентов, однако, опередил наш зять, получивший для этой цели специальный отпуск из армии, где он проходил свою службу.

Самое чуткое и благородное отношение к новому репатрианту проявилось в следующем: по университетским законам Израиля можно преподавать до 68-летнего возраста, но пенсия полагается проработавшим не менее десяти лет. К пенсионному возрасту Абе не хватало двух лет рабочего стажа в университете Хайфы. Из большого уважения к нему как к профессору и личности в университете создали Комиссию по исключительным делам и пригласили представителей общественности. Учитывая личные и профессиональные качества и биографию Абы, Комиссия постановила продлить ему право преподавания на недостающие для пенсии два года. Это нам очень помогло

морально и материально. А в качестве почасовика он преподавал еще 10 лет.

* * *

Мой путь в Хайфском университете вначале был труден. Моими коллегами на кафедре английского языка были в основном эмигранты из США. У них было предвзятое отношение к советским специалистам. Они не знали моей биографии, и их не интересовало, какие предметы являются моей специальностью, за что я получила степень кандидата филологических наук, доцентуру и т.д. За 27 лет, что я проработала в Вильнюсском университете (кстати, в списке преподавателей, работавших в этом университете, помещенном в специальном издании в честь его 450-летия, моя фамилия отсутствует), у меня накопился большой опыт, и все сотрудники на хайфской кафедре были удивлены высокими оценками, которые я получала от студентов за мои курсы. Со временем, особенно после присвоения мне профессуры, эти же коллеги два раза подряд единогласно выбирали меня заведующей кафедрой. Проработала я на этой кафедре 23 года, а в общем преподавала целых 50 лет. Я имела возможность активно участвовать в научной и общественной жизни университета – организовывать конференции, быть членом и иногда даже председателем разных комиссий (например, по улучшению преподавания английского языка в нашем университете, профессиональных комиссиях по повышению квалификации преподавателей и др.). Одна из комиссий занималась приемом новых преподавателей из русской эмиграции 90-х годов. Я счастлива тем, что помогла нескольким хорошим ученым устроиться в нашем университете.

Наша жизнь, хотя и наполненная радостями, удовлетворением и осознанным счастьем, была нелегкой. Мы работали часто и ночи напролет, готовя новые курсы. По законам университета, кроме обязательных вводных курсов, каждый год надо было вести и несколько новых. В то же время надо было заниматься и научной работой, готовить доклады для международных и местных конференций (нас приглашали каждый год, а то и по два раза в год), писать и публиковать научные работы. Благодаря этому постоянному труду я из преподавателя английского языка для будущих специалистов хотя и высшей категории в Вильнюсе, в Израиле выросла до профессора сравнительной филологии.

Участие в конференциях дало нам возможность побывать в разных странах и городах мира – Германии, Англии, Франции, Швеции, Австрии, Монреале, Вашингтоне и др., установить профессиональные и даже дружеские отношения со многими учеными. Мы всегда выступали и писали от имени Хайфского университета и гордились, когда на тех международных конференциях, где выставлялись флаги стран-участниц, в нашу честь, нередко впервые, появлялся бело-голубой стяг с магендавидом. Аба читал доклады за границей на немецком языке, по темам германской политики в отношении к оккупированным ею странам Восточной Европы и Прибалтики, в том числе и о политике и практической деятельности немецкого военного управления, относящейся к евреям в период Первой мировой войны. Мои доклады, в зависимости от тематики конференции, были по фразеологии литовского языка и сравнительной фразеологии пяти языков: английского, французского, немецкого, русского и литовского.

Годы работы в Хайфском университете были самой счастливой порой нашей профессиональной и семейной жизни. Академическая свобода в Израиле разрешала нам заниматься теми областями, которые нас интересовали. (Сравнения ради: незадолго до нашего отъезда из Вильнюса в издательстве Московского института международных отношений вышел мой словарь «Фразеологические синонимы английского языка». Книга была более чем на треть короче рукописи – редакция выбросила все примеры с цитатами из писателей, неприемлемых для брежневской эры.) За 46 лет в двух высших учебных заведениях Аба опубликовал 51 работу на пяти языках: иврите, идиш, литовском, русском, немецком и английском. Последней его публикацией является книга «Немецкая восточная политика в Первой мировой войне: Вопрос Обероста 1915–1917», вышедшая на немецком языке в издательстве Харрассович в Висбадене в 1993 году. Она основана на дотоле неизвестном архивном материале и получила высокую оценку специалистов. Продолжительная тяжелая болезнь и кончина Абы в 2005 году оставили незаконченным второй том, охватывающий период 1917–1919 гг. и ряд рукописей.

Кроме вышеупомянутого словаря «Фразеологические синонимы английского языка», я издала еще одну книгу – «Мир труда во фразеологии литовского, русского, английского, французского и немецкого языков», вышедшую в Граце в 1990 году, и еще 23 статьи из смежных областей и семиотики, опубликованных в солидных лингвистических журналах разных стран.

Мы с Абой прожили в любви и взаимной поддержке 58 лет. В последние годы, до его болезни, мы часто сживали до полуночи в нашей уютной квартире, радуясь нашему счастью и как-то еще до конца не веря, что оно нам выпало. Мы были окружены новыми сердечными друзьями, весело проводили с ними праздники и концы недели; мы любили свою работу, СВОЙ университет...

* * *

Конечно, наше счастье не было бы полным без достижений наших детей и внуков и благополучного устройства родителей зятя.

Наша дочка Леля (Леона) родилась в 1950 году. Окончила школу с усиленным преподаванием английского, поступила в Вильнюсский университет. В 1972 году она вышла замуж за Гришу Токера. Оба окончили школу с золотой медалью и университет: он – отделение теоретической физики, а она – английского языка и литературы – с отличием (что свидетельствует об объективности преподавателей вильнюсских школ и университета). Как и мы, Гришина семья мечтала об Израиле. Его родители одновременно с нами подали заявления на отъезд. Будучи уже пенсионерами, они с первого раза получили разрешение. Итак, наша Леля с семьей Токеров покинула СССР (за два часа до начала в Израиле войны Судного дня...).

Окончив ульпан в Димоне, Леля и Гриша отправились в Еврейский университет в Иерусалиме хлопотать о приеме в докторантуру. Оба были приняты: Гриша – на факультет физики, а Леля – на английскую кафедру. Когда в 1978 году у них родились двойняшки, Дана и Йонатан, мы все, как говорят по-английски, «считали свои благословения». Детей растили «без отрыва от работы». Двойняшки принесли родителям и удачу – вскоре после их рождения Леле предложили работать в университете, вести занятия по английской литературе (до этого она была учительницей в школе).

Отец Гриши, доктор Хаим Токер, был опытным терапевтом и инфекционистом. Он почти с первого дня, невзирая на возраст, получил работу в купат-холим. Внимательно и трогательно относясь к больным, он пользовался большим уважением как евреев, так и арабов, и проработал целых 20 лет. Умер он в возрасте 98 лет. Его жена, Полина Соломоновна, прошедшая гетто и потерявшая там маленькую дочку, спаслась из концлагеря и выжила благодаря католическим сестрам, скрывавшим ее до конца войны. В Вильнюсе она была известным зуб-

ным врачом-протезистом и в Израиле успешно работала по специальности много лет. Она умерла в преклонном возрасте.

Получив свои докторские степени, Леля и Гриша с детьми поехали на два года в США на так называемый постдокторат. Там Грише предложили остаться, но они хотели скорее вернуться в Израиль. Гриша проработал два года в Институте Вейцмана в Реховоте, а потом перешел в промышленность. Пришлось изменить специальность, изучить совершенно новую для себя научную область и овладеть ею. Талантливый и очень трудоспособный, теперь уже не Гриша, а доктор Цви (Григорий) Токер, энергично взялся за новое дело и, став специалистом по электронной оптике, все время подымался по профессиональной лестнице. Он получил ряд патентов и написал немало научных статей. В данное время, живя в Иерусалиме, он работает постоянным консультантом крупной калифорнийской фирмы.

Леля по возвращении из США снова работает в Еврейском университете в Иерусалиме. Привыкшая много учиться, она значительно расширила круг своих знаний и прошла все ступени, ведущие к вершине научной лестницы. Немало лет, уже не Леля, а Леона Токер, является профессором на кафедре английского языка и литературы. Отслужила каденцию заведующей этой кафедры. Она создала и редактирует академический журнал *Partial Answers*. Международный Комитет по академическим журналам присудил ему звание лучшего нового журнала за 2004 год.

Леона написала и издала три книги, в том числе о Набокове, книгу о литературе ГУЛАГа и более 80 научных статей. Кроме того, она главный редактор сборника «Эссе по литературе и философии морали», а также одна из редакторов сборника, выпущенного в честь 70-летнего юбилея проф. Хиллеля Дальского, лауреата Государственной премии Израиля в области общего литературоведения (2000 г.).

Профессор Токер принимает очень активное участие в административно-научной жизни Еврейского университета и страны. Вот уже четвертый год она является членом Комитета по высшему образованию и в данное время служит в многочисленных других ответственных комитетах. Она приобрела известность в университетах разных стран. Каждый год ее приглашают участвовать в конференциях: она читала доклады в разных городах Германии, Франции, Финляндии, Англии и даже Ирландии. Понятно, что она чрезвычайно загружена и иногда вздыхает, но выполняет все обязанности с полной отдачей и, я бы сказала, даже с удовлетворением. Ведь отдавая все свои знания и

способности, она содействует улучшению образования молодежи Израиля, а за границей поддерживает доброе имя израильских ученых.

* * *

Внуки наши, с честью отслужившие в армии, пошли по стопам отца: оба сейчас работают над докторской диссертацией по физике: Йони – в Институте Вейцмана, а Дана – в Еврейском университете. Я не беспокоюсь об их будущем. Чтобы только не было войн!

Упорным систематическим трудом, терпением и толерантностью в Израиле можно полностью развить свои потенциальные способности, добиться успеха и того хорошего, к чему человек стремится. Это чудесная страна, хотя жить в ней нелегко. А где легко? Я, например, многое тут люблю и многое не люблю, однако, хоть это звучит странно, где-то люблю и то, чего не люблю, – тут ведь все мое: и народ, и страна, с ее бедами и успехами.

Профессор Э.Шифрин и его команда

Юлия Систер (Кирият-Экрон, Израиль)

**Профессор
Эдуард Шифрин**

Еврейская традиция уделяет большое внимание здоровью человека. С древнейших времен и до настоящего времени забота о здоровье является важной стороной жизни евреев.

Выходцы из России внесли заметный вклад в здравоохранение Эрец-Исраэль и Государства Израиль. Началось это еще в пору становления еврейского государства, когда шла отчаянная борьба с малярией на заболоченных землях, с различными инфекционными заболеваниями, с детской смертностью, и продолжается по сей день. В больницах, поликлиниках и других медицинских учреждениях работает множество врачей, медсестер, фармацевтов из бывшего Советского Союза. Их вклад огромен; его оценка ждет своих исследователей.

Одним из ярких примеров самоотверженного служения на ниве врачевания является профессор Эдуард Шифрин. Его опыт и созданная им лаборатория могут служить убедительной иллюстрацией к вышесказанному.

* * *

4 сентября 1941 г. бомбили Москву. Шифра Вениаминовна лежала на кушетке; от сотрясения здания она упала на пол и почувствовала, что начались схватки. Мужа Гриши не было дома, и ей пришлось справляться самой. 5 сентября родился мальчик, которого назвали Эдуардом.

Эдик во многом походил на отца, человека неординарного, щедро наделенного природой всевозможными талантами, умом, умением быстро находить общий язык с людьми, технической смекалкой и золотыми руками. Григорий Анисимович Шифрин работал на знаменитом ЗИСе (автозаводе им. Сталина), руководил цехом, отличался кристальной честностью и принципиальностью. В годы войны на фронте он стал авиационным механиком. Тогда о золотых руках Григория

Шифрина шла слава и среди технического персонала, и пилотов. Удивительно ли, что в детстве и юности папа был для сына непререкаемым авторитетом, а впоследствии – самым близким другом, с которым можно было обо всем поговорить, обсудить любые вопросы.

Мама была современным человеком, с отменным вкусом, развитым чувством стиля и, как говорится, с «умными руками» и огромным трудолюбием. Не зря она стала первоклассной портнихой, и от клиентов у нее не было отбоя. Среди них было немало знаменитостей. Но при этом Шифра прежде всего оставалась в душе истинной еврейской мамой – нежной, заботливой, преданной. Она обожала сына, видела смысл жизни в том, чтобы он вырос счастливым, здоровым, успешным и, главное, честным и порядочным человеком. Ей пришлось беречь своего малыша с первых мгновений жизни, причем беречь от нешуточных опасностей – ведь шла война... С новорожденным Эдиком Шифра эвакуировалась в Ташкент. Только в 1943-м они смогли вернуться в Москву.

Военное детство, трудные послевоенные годы – типичная биография мальчишки, родившегося в сорок первом. От дворовой ребятни отличался разве что тем, что обожал читать и читал запоем. В доме была огромная библиотека, собранная родителями. Эдик любил декламировать стихи, однажды даже выступал в Колонном зале Дома Союзов в Москве.

В 1959-м Эдик окончил школу и поступил во Второй московский медицинский институт. Благородная профессия врача казалась ему окутанной дымкой романтики. Как почти в каждой еврейской семье, ему с малых лет внушали, что врач – это тот, кто больше всего и при любых обстоятельствах нужен людям. А жизнь показывала и другую сторону медали – он столкнулся с грязью, страданиями, кровью, смертью... Однако юноша был трудолюбивым в маму, а от отца унаследовал голову, всегда полную идей. Он был целеустремленным, упорным, почти упрямым, и терпеть не мог отступать от задуманного. Довольно рано решил, что если уж быть врачом, то непременно хирургом, и с этой дорожки уже никогда не сворачивал.

В 1965 г. окончил институт, опубликовав к тому времени уже десять научных статей. Ректор сказал, что выпускник, имеющий столько опубликованных научных работ, должен продолжать заниматься наукой, и его распределили в ЦНИЛ (Центральная научно-исследовательская лаборатория). Через два года Эдуард защитил кандидатскую диссертацию по пересадке почки (консервация пересаживаемой поч-

ки до 24 часов). Молодой ученый работал в ЦНИЛе и одновременно в 55-й больнице 2-го мединститута под руководством профессора Андрея Владимировича Гуляева (того самого, которого в 1958 г. называли самым культурным хирургом Советского Союза) и доцента Михаила Николаевича Молоденкова.

В 1969 г. Эдуард Шифрин перешел на работу в НИИ трансплантации органов и тканей АМН СССР, которым руководил Глеб Михайлович Соловьев. Занимался пересадкой трупной почки. Это была тема его докторской диссертации, которую он не защитил, так как в 1973 г. уехал в Израиль.

После подачи документов на выезд в 1972-м перспективный молодой ученый тотчас был уволен с работы. В декабре 1972 г. он принял участие в первой акции протеста московских евреев-отказников, вместе с Иосифом Бегуном, Валерием Крижаком и др., с ними же сидел в тюрьме, объявил голодную забастовку. В итоге – в апреле 1973 с женой и двумя сыновьями Эдуард Григорьевич прилетел в Израиль. Семью надо было содержать, поэтому в ульпане (курсы по изучению иврита) он не учился, а сразу начал искать работу по специальности.

Свою первую работу в Израиле он нашел в хирургическом отделении тель-авивской больницы «Хадасса». В этом отделении уже работал в должности старшего хирурга приехавший в 1972 г. доктор Яков Левин, который позже стал первым «русским» заведующим отделением. Здесь Эдуард проработал год. Он проявил себя с лучшей стороны, и его «затребовали» в иерусалимскую больницу «Хадасса Эй-н-Карем». Он работал в отделении трансплантации, руководимом проф. Арье Дурстом. Доктор Давид Ольшванг вводил нового коллегу в курс дела и новых обязанностей.

К 1974 г. у доктора Шифрина уже накопился большой опыт по пересадке трупных почек, и он прошел хорошую школу, а в Израиле только начали осваивать эту технологию. Понятно, что он оперировал намного быстрее израильских хирургов, и это их очень удивляло. Опыт, полученный в Советском Союзе, ни с чем нельзя было сравнить. С 1975 г. Шифрин начал работать в отделении сосудистой хирургии, в этой области медицины он трудится до сегодняшнего дня.

В то время недавний репатриант, он успешно провел первую в Израиле пересадку печени собаке. Следующий успех был в области гинекологии. Прекрасный гинеколог профессор Полищук предложил Шифрину провести первую в Израиле операцию по пересадке яичника. Операция прошла успешно, при ее проведении был использован

советский сосудосшивающий аппарат Гудова. После этого случая, вспоминает проф. Шифрин, в снобистской «Хадассе» с ним начали здороваться даже гинекологи.

Многому доктор Шифрин научился во время своей первой стажировки у английских коллег в госпитале Святой Марии (1978, Лондон; руководитель проф. Эндрю Николаидес). Он работал с известным хирургом мистером Исткотом, сделавшим первую в мире операцию на сонной артерии. Именно он ему подсказал очень важное: как сосудистый хирург может найти свой *собственный* путь в этой области медицины.

После возвращения из Англии до 1981 г. Эдуард работал старшим хирургом в «Хадассе». Затем снова уехал, на этот раз – в США. По совету проф. Натана Зальца, он выбрал Институт сердечной патологии в Майами-Бич. Там он успешно стажировался до Ливанской войны 1982 г. Как и многие израильтяне, с началом войны он тут же вернулся в Израиль. Работал в «Хадассе» до 1987 г. В этом году в больнице объявили конкурс на заведование отделением сосудистой хирургии. Эдуарду Григорьевичу не советовали участвовать в конкурсе, говорили, что в этой больнице никогда не было «русского» заведующего. Но он решился и подал документы на конкурс. И... не прошел. После этого доктор Шифрин уехал в очередной раз в Англию в тот же госпиталь, где стажировался в первый раз. После возвращения он подал заявление об уходе из «Хадассы Эйн-Карем» (отметим, что из этой больницы никто и никогда добровольно не уходил). А в 1988 г. он уже работал в больнице «Ассута», где работает и в настоящее время заведующим сосудистым отделением.

В 1989 г. произошло одно событие. Проф. Михаэли, который понимал и ценил квалификацию своего коллеги, предложил Эдуарду Шифрину участвовать в конкурсе на должность заведующего отделением в тель-авивской больнице «Ихилов». И хотя попытка, предпринятая несколькими годами раньше, успехом не увенчалась, предложение было заманчивым, а шансы 50 на 50. Доктор Шифрин, отчаянный человек, где-то игрок, снова идет на риск и выигрывает конкурс. Так больница «Ихилов» приобрела прекрасного опытного специалиста, человека энергичного и деятельного, который всегда старался внедрить в медицинскую практику новые технологии, приборы, аппараты, методики. Он заведовал отделением с 1989 до 2002 г. – до выхода на досрочную пенсию, так как в это время интенсивно и плодотворно работал над своими проектами.

У него всегда было много идей, которые необходимо было реализовать для дальнейшего развития сосудистой хирургии, ставшей делом его жизни. Еще в конце 80-х Шифрин серьезно занялся проблемами пересадки сосудистых протезов малого диаметра с предотвращением их тромбирования. С массовой алией 90-х в Израиль прибыли высококвалифицированные специалисты различных профессий. Именно среди них он нашел тех сотрудников, с помощью которых смог реализовать свои идеи и внедрить их в медицинскую практику.

С января 1992 г. организованная им инновационная компания (совместно с доктором С.Зельмановым и Г.Никельшпуром) в течение нескольких лет вела разработки в области медицинской техники и новых транспортных средств, на которые получены патенты в Израиле, США и два международных.

В 1999 г. начался новый этап в работе: проф. Шифрин основал сразу несколько компаний по разработке и внедрению оригинального «гвоздя» – аппарата, остающегося до сих пор новым и перспективным в лечении переломов шейки бедра; по разработке перспективного гемостатика для быстрой остановки кровотечений; по внедрению в сосудистую хирургию оригинального корректора венозных клапанов при их недостаточности, по аппаратам и методам хирургического лечения аорты и кровеносных сосудов различного диаметра.

Когда стало ясно, что для отработки конструкций и технологий изготовления новых сшивающих аппаратов необходима собственная производственная база, ученый на базе своей фирмы (S.V.SE 2000: Shifrin Vascular Surgent Eddy) в августе 2000 г. создал специализированную лабораторию, снабдил ее высокоточным современным оборудованием, укомплектовал специалистами и наладил собственное опытное и мелкосерийное производство.

Вместе с сотрудниками лаборатории М.Уманским, М.Шварцманом, Г.Никельшпуром, А.Каплуном, Р.Додиныным, В.Шпарбером, В.Сарвером и О.Радовицкой¹ разработан ряд сосудистых сшивающих аппаратов, один из которых, вместе с созданным специальным зажимом, успешно прошел клинические испытания в Германии (Дюссельдорф).

Разработки проф. Шифрина и его команды в течение последних шести лет защищены более чем 50 патентными заявками в Израиле, 5

¹ Краткие сведения о сотрудниках лаборатории Э.Шифрина помещены в конце статьи.

в США и 8 международными. Сейчас заявки проходят процесс патентования в странах Западной Европы, России, Японии.

В своих разработках проф. Шифрин опирается на свой исключительно спаянный коллектив сотрудников и на международных консультантов, таких, как профессора Весли Мур из США, Питер Белл и Эндрю Николаидес из Великобритании, Вики Кернер из Израиля и др. Неоценимую и бескорыстную помощь в проведении клинических испытаний ему оказывает проф. Ральф Кольвенбах из Германии. Начинают такие испытания также профессора Као и Биази из Италии, Лиapis из Греции и др.

Для продвижения своих разработок на международный рынок проф. Шифрин получил разрешение на проведение клинических испытаний от FDA (Federal Drug Administration, США) и от министерств здравоохранения Италии и Израиля. Кроме того, имеются сертификаты на соответствие изготавливаемых в лаборатории сшивающих аппаратов Международным стандартам качества – ISO, что по завершении необходимых клинических испытаний позволит начать продажу новых и защищенных патентами аппаратов в странах Западной Европы, а впоследствии и по всему миру.

Понятно, что такие этапы развития инноваций требуют значительных средств для их продолжения и завершения. Поэтому сегодня проф. Шифрин с присущей ему энергией занимается вопросами акционирования и капитализации своих компаний, проверяет серьезные предложения инвесторов и готов к открытому международному сотрудничеству. А пока он готовит задел на будущее – продвижение нескольких временно отложенных проектов и развитие новой темы (эндоваскулярные степлеры² для доставки и фиксации сосудистых протезов и стент-графтов). Для разработки новых проектов создана компания «ES Vascular» во главе с д-ром Одедом Либерманом.

² Степлеры представляют собой аппарат для сшивания аорты с протезом (графтом). Это используется в том случае, когда отсекается поврежденный участок аорты, чаще всего при удалении аневризмы. Процедура выполняется хирургом вручную иглой с ниткой и представляет собой определенные трудности, так как сшивать нижнюю часть аорты, прилегающую к позвоночнику, с протезом достаточно неудобно и требует значительного времени. Кроме того, игла имеет больший диаметр, чем нитка, что приводит к потере крови. Прибор Шифрина и его команды обеспечивает сшивание аорты с графтом одним нажатием ручки прибора, одновременно выходит 10 скоб, образуя шов.

Подчеркнем, что сейчас в мире существует порядка четырехсот патентов по сосудосшивающим аппаратам. Но аппарат Шифрина первый появился на международном рынке. Это о многом говорит. Не случайно на смену сшивания сосудов вручную приходят специальные аппараты – они не только экономят время, но и уменьшают кровопотерю.

Для полноты портрета проф. Эдуарда Шифрина добавим, что он занимал пост президента Израильского общества сосудистых хирургов (1994–1998); организовал в Израиле два международных конгресса по сосудистой патологии мозгового инсульта (1993, Эйлат; 1996, Иерусалим). В 1996 г. ему присвоено звание профессора. Он является членом Нью-Йоркской академии наук, многих научных обществ в Израиле и за его пределами. Им опубликованы три монографии (см. библиографию), порядка 200 научных статей, 60 патентов. Его работы получили мировое признание, по его книгам учатся студенты, и книги эти переиздаются.

Во время конгресса в Иерусалиме Эдуард попросил своего друга Савелия Юрьевича Дудакова, доктора наук, историка, интереснейшего человека, живущего в Иерусалиме и хорошо знающего этот древний город, провести экскурсию с участниками конгресса. Дудаков провел гостей столицы по Старому городу. Все отправились к Стене плача. В автобусе остались очень пожилой профессор из Москвы и С. Дудаков. Было приятно услышать слова гостя о Шифрине: *«Это великий человек»*.

Эдуард Григорьевич очень любит музыку; его можно встретить на концертах классической музыки, не пропускает концертов с участием дочери, прекрасной оперной певицы. Он очень дружен со своими детьми, обожает жену и друга Эдну, которая поддерживала все его начинания, помогала в проведении опытов, а сейчас работает дизайнером. Гордится своей сестрой Беллой, замечательным врачом, поэтом и композитором. Между прочим, она лечила знаменитую еврейскую певицу, исполнительницу песен на идиш Анну Гузик.

Я беседовала с друзьями и знакомыми Эдуарда Шифрина. Писатель Игорь Губерман настоятельно советовал написать о нем статью. Савелий Дудаков так сказал о своем друге: *«Абсолютно благородный и бескорыстный человек. Уровень его подвижничества невозможно определить – так он высок. Он поставил на ноги артиста Валентина Никулина, писательницу Лидию Либединскую и многих других. Добрейший человек. У Шифрина медицина – это искусство, а он Ма-*

эстро. Шифрин такой же виртуоз, как Ойстрах. Горжусь, что он – мой друг».

Доктор Инна Дудакова, много лет проработавшая с Шифриным в больнице «Хадасса Эйн-Карем»: *«Он хирург божьей милостью. Он родился хирургом; у него две правые руки. Изумителен его контакт с больными, которые его обожают; их лица просто светлеют при его приближении. После разговора с ним пациентам становится лучше, появляется вера в выздоровление. Эдик – потрясающий друг и человек».*

Иосиф Рябой – сотрудник фирмы «Высоцкий» (Шифрин сделал ему две операции): *«Шифрин – специалист высшего класса, человек добрый, вызывающий симпатию и доверие».* Следует отметить, что между пациентом и врачом впоследствии сложились дружеские отношения. Иосиф увлекается приготовлением специальных смесей чая. Особый чай он готовит для Шифрина, который настолько пришелся по вкусу Эдуарду, что он его возит с собой в командировки.

* * *

Не всегда удается воплотить в реальность идею, защищенную патентом. Известно много новшеств, не реализованных только из-за недостатка технических, технологических и других возможностей. В нашем случае, так считает Шифрин, идеи врача осуществлены только благодаря уникальным способностям сотрудников лаборатории, у которых «золотые руки» и блестящие головы. Профессор Эдуард Шифрин с любовью и нежностью рассказывал мне о них. Я поинтересовалась, как он сумел собрать такой коллектив. Шифрин считает, что случайно. Я же думаю, что он хорошо разбирается в людях и у него прекрасная интуиция (качество, необходимое врачу и ученому). Он нашел не только единомышленников, но своих соавторов по претворению в жизнь медицинского проекта. Отметим, что многие его сотрудники и раньше участвовали в различных медицинских проектах, однако именно в фирме Шифрина они нашли достойное применение своим способностям. Шифрин излучает доброжелательность, и они чувствуют себя с ним надежно и спокойно. Так работает в Израиле сплоченный коллектив, команда единомышленников, занятая общим благородным делом.

Все сотрудники лаборатории – прекрасные специалисты, каждый в своей области. У них интересные судьбы, ведь каждый прошел нелегкий жизненный путь. Многие, как и Шифрин, относятся к

поколению детей войны. О каждом из них можно было бы написать отдельный очерк. Это очень увлеченные люди, у многих есть свои привязанности, хобби. Рувим Додин много лет занимается реставрацией антиквариата, в Москве учился ювелирному делу у известного мастера Валентина Сергева. В Москве был участником трех выставок по ювелирному и прикладному искусству. Он пригласил меня на выставку мастеров декоративного и прикладного искусства с его участием, которая проходила в конце мая – начале июня 2006 г. в Мигдаль ха-Эмек. Выставка имела большой успех.

Марк Уманский увлекается книгами по истории, живописи, искусству. Марк Шварцман собирает фигурки из цветного стекла. Это увлечение пришло неожиданно – однажды в витрине магазина он увидел такие фигурки и купил их. С тех пор во время путешествий пополняет свою уже достаточно большую коллекцию. Хорошо играет в шахматы. Только времени свободного мало: увлечен работой.

Анатолий Каплун много читает на русском и английском. Играет на гитаре, фортепиано. Но основное увлечение – работа. Он считает, что работа в таком коллективе – подарок судьбы.

Владимир Шпарбер занимается художественной фотографией, участвовал во многих выставках, работал фотокорреспондентом в разных газетах (армейской, окружной, областной и др.). Хорошо рисует: занимается станковой живописью (масло). В квартире устроил небольшую мастерскую. Когда-то учился в детской художественной школе, один семестр в Суриковском институте.

Геннадий Никельшпур поглощен работой, которой очень много. Но работа эта в радость. Тем не менее он в Израиле, как когда-то в СССР, сам сделал мебель для своего кабинета: стол, книжные шкафы и др. Много читает по истории науки и техники.

Владимир Сарвер любит музыку, на гитаре и фортепиано подбирает любимые мелодии. Играет в шашки и шахматы. Принимал участие в турнирах по шашкам.

Самая молодая сотрудница лаборатории Оля Радовицкая, еще будучи студенткой, работала у Шифрина. Ее подкупила доброта и отзывчивость членов этого коллектива. У Оли много работы, которая ей нравится. Играет в шашки с 5-го класса, участвует в турнирах. Любит путешествовать.

P.S. Закончила статью. Раздался телефонный звонок: звонила старинная (еще с детства) знакомая. И вдруг слышу: «Если бы не про-

фессор Шифрин, мы бы с тобой никогда больше не разговаривали». «Какой Шифрин? – спросила я. – Эдуард?» – «Да!». И она рассказала свою историю, историю болезни и исцеления.

Ее случай считается очень сложным: закупорка артерий обеих ног и закупорка артерии, идущей к левой почке. С операцией медлить было нельзя: жизнь Анны была в опасности. На проведение операции нужно было разрешение кардиолога. Пациентка сделала необходимое исследование сердца, ответ должна была получить через неделю. Она сообщила Шифрину, что ждет ответа. Выяснив, где она прошла исследование, Эдуард тут же связался с врачом, и ответ был получен в тот же день. Операцию Шифрин сделал незамедлительно, она прошла успешно. Потом была еще одна операция. Анна несколько раз прошла амбулаторные проверки у Шифрина: все нормально! Она спросила у него, какой образ жизни теперь должна вести, и получила ответ: «У вас все в порядке, вам все можно».

А несколько лет назад Шифрин сделал операцию ее мужу. У него была закупорка сонной артерии (более 90%). Они приехали к Шифрину в больницу «Ассута» (Тель-Авив), и после осмотра Эдуард сказал, что нужна срочная операция, иначе осталось жить несколько дней... Они согласились, сразу поверив врачу и человеку по фамилии Шифрин. Эдуард предупредил пациента: «Приготовьте анекдоты, вы нам их расскажете, когда мы вас об этом попросим» (операция делалась под местной анестезией). Операция была сложная, Эдуард с ней прекрасно справился. Когда он вышел из операционной, сразу же подошел к моей знакомой и успокоил ее. Свой рассказ Анна закончила словами: «*Шифрин – человек и врач с большой буквы*». Так неожиданно получилось это послесловие.

Библиография

1. *Shifrin E. et al. Cerebral Revascularisation // London–Los Angeles–Nicosia, 1993.*
2. *Shifrin E. et al. Cerebral Ischemia: Investigation and Management // London–Los Angeles–Nicosia, 1996.*
3. *Shifrin E. et al. Treatment of Vascular Disease // Jerusalem, 1999.*

Сотрудники лаборатории Э.Шифрина

Уманский Марк Абрамович род. в Харькове в 1940 г. Окончил Харьковский политехнический институт. Свыше 30 лет проработал на

Харьковском станкостроительном заводе им. Косиора – прошел путь от слесаря-инструментальщика до начальника технологической лаборатории. За два года до выезда в Израиль, в 1990 г., перешел на работу в СКБ на должность начальника отдела и опытного производства. Опубликовал 40 статей, имеет 8 авторских свидетельств, награжден медалями ВДНХ. В Израиле работал механиком, станочником, инженером (1991-96) на разных предприятиях, 3,5 года в технологической теплице в медицинских проектах (1997–2000). С 2000 г. успешно трудится в лаборатории «S.V.SE 2000».

Шварцман Марк Давидович род. в Харькове в 1948 г. С 1966 г. работал слесарем-лекальщиком в инструментальном цехе Харьковского станкостроительного завода им. Косиора. Одновременно учился на вечернем отделении машиностроительного факультета Политехнического института по специальности «Станки и инструменты». После окончания института, отслужив год в армии, перешел в опытно-конструкторское бюро шлифовальных станков на том же заводе. В 1991 г. репатриировался в Израиль. В 1992 г. окончил инженерные курсы при Хайфском Технионе по специальности «Компьютерное проектирование». С 1994 г. работал в различных фирмах инженером-проектировщиком. В 1996 г. окончил еще одни курсы при Технионе и проработал четыре года в технологической теплице в нескольких медицинских проектах. С 2000 г. участвует в деятельности лаборатории как инженер-проектировщик.

Никельшпур Геннадий Семенович род. в Гомеле (Беларусь) в 1949 г. После окончания средней школы работал на Гомельском электротехническом заводе и на заводе «Гомсельмаш». В 1966-72 учился в Белорусском институте инженеров железнодорожного транспорта (на вечернем), после окончания которого работал на заводе «Гомсельмаш» (1972-78). В 1978 г. перешел в бюро патентов; в 1979-82 окончил с отличием курсы при Центральном институте патентования. В 1984 г. назначен руководителем патентной группы, а в 1987 – руководителем сектора патентов и технической информации ГСКБ производственного объединения «Гомсельмаш». Является автором 21 авторского свидетельства СССР и трех международных патентных заявок. В 1991 г. репатриировался в Израиль, в том же году работал добровольцем в лаборатории роботов Хайфского Техниона. В 1992-95 – сотрудник компании «MIND-E.M.S.G» по разработке медицинской и транспортной техники; в 1995-96 – инженер электротехнического проекта в технологической теплице в Нетании, следующие два года работал инженером проекта по меди-

цинской диагностической электронной в технологической теплице Хайфы. В 1998-99 – патентный консультант компании «Plasma-Laser Technologies» (Йокнеам). С 1999 г. старший инженер фирмы «S.V.SE 2000». Был организатором и руководителем опытной лаборатории. Занимается разработкой новых проектов и их патентной защитой. В 2004 г. прошел интернет-курс Всемирной организации интеллектуальной собственности (Женева, Швейцария). В Израиле у него более 20 зарегистрированных патентов и патентных заявок и участие в разработке порядка 100 патентных заявок в области медицинской техники, электроники, технологии, физики и др.

Сотрудники лаборатории, 2006

Сидят в первом ряду слева направо: Р.Додин, А.Каплун, В.Сарвер. Стоят слева направо: Г.Никельшпур, О.Радовицкая, Э.Шифрин, М.Уманский, В.Шпарбер, О.Либерман

Каплун Анатолий Владимирович род. в Донецке в 1962 г. После окончания средней школы поступил на завод «Укрмясомолпромаш» учеником фрезеровщика, затем работал фрезеровщиком. В 1981 г. переехал в Таллин, где трудился на судоремонтном заводе фрезеровщиком. В 1982-84 служил в армии; после окончания службы поступил в Латвийский университет на факультет романо-германской филологии, который окончил в 1989 г. Работал переводчиком технической документации в Донецком политехническом институте (1989-92). В 1992 г. репатриировался в Израиль. Окончил курсы операторов станков с компьютерным управлением; работал (1993-02) на заводе точной механики «Shimshon». С 2002 г. программист и наладчик обрабатывающих центров в фирме «S.V.SE 2000».

Додин Рувим Залманович род. в Смоленске в 1936 г. С 1945 г. жил в Москве. Получил техническое образование. Работал на Братской ГЭС, заводе «Москабель», с 1962 по 1990 г. – в Центральном конструктор-

ском бюро Главэнерго старшим инженером, ведущим конструктором, заведовал лабораторией. Имеет авторские свидетельства. Награжден медалью «Изобретатель СССР», медалями ВДНХ. Лауреат Всесоюзного конкурса молодежи. Репатриировался в Израиль в 1995 г. Работал реставратором в антикварном магазине (1996-99), в Хайфской технологической теплице в четырех проектах (1999-03). С 2003 г. инженер-механик в фирме «S.V.SE 2000».

Шпарбер Владимир Михайлович род. в пос. Крупки Минской обл. (БССР) в 1935 г. В 1954-58 служил в армии (ВВС, Северный военный округ). В 1964 г. окончил Луганский машиностроительный институт (вечернее отделение). Работал в Луганске (б. Ворошиловград, Украина) почти 35 лет на одном предприятии – Производственном объединении «Донец» на разных должностях – от фрезеровщика до начальника лаборатории СКТБ и начальника отдела художественного конструирования СКТБ. С 1993 по 1997 г. – директор Луганского отделения фирмы ДМП (Дизайн-Маркетинг-Производство) Союза дизайнеров СССР (с 1995 г. – самостоятельная фирма под юрисдикцией Украины). В 1980 г. окончил целевую заочную аспирантуру Московского института электронного машиностроения. С 1992 г. – член Союза дизайнеров СССР. В Израиль репатриировался в 1997 г. Работает техником в фирме «S.V.SE 2000» (с 2002 г.). Занимается разработкой и изготовлением приспособлений.

Сарвер Владимир Янкелевич род. в Полтаве (Украина) в 1938 г. После окончания средней школы стал учеником токаря и до 1995 г. работал на предприятиях оборонной промышленности. В 1960-63 гг. учился заочно на общетехническом факультете Харьковского политехнического института. В 1967-71 гг. учился в газонефтехимическом техникуме; получил специальность техника по оборудованию. В 1995 г. репатриировался в Израиль. Работал токарем-универсалом на металлообрабатывающем заводе «MOKED» (Хайфа). С 2002 г. токарь в фирме «S.V.SE 2000».

Радовицкая Ольга Александровна род. в Днепродзержинске (Украина) в 1981 г. После окончания средней школы в 1998 г. репатриировалась в Израиль. В 2000-05 гг. училась в Хайфском университете на факультете статистики (отделение по контролю качества). С 2004 г. в фирме «S.V.SE 2000». Выполняет работу по контролю качества, также занимается документацией для получения сертификатов качества Израильского института стандартов и европейских сертификатов.

«Почетный гражданин Америки», «ученый XXI века» (Кембридж, Англия), «международный посол науки» (США) – все эти эпитеты относятся к обладателю многих научных наград и званий, члену научных обществ разных стран профессору Аркадию Лившицу. Известный нейрохирург, автор многих методов лечения и операций, получивших мировое признание, создатель первого в СССР Всесоюзного центра спинномозговой нейрохирургии и электростимуляции органов с 1993 г. живет и работает в Израиле. В руководимом им Центре в Москве мать Тереза создала пост Ордена милосердия и сама работала в нем некоторое время. Это о нем Михаил Жванецкий сказал: «Его работа – чья-то жизнь».

Жизнь, хирургия, судьба

Аркадий Лившиц (Кфар-Саба, Израиль)

Моя мама – Эсфирь Марковна Эйдельман – родилась в Украине, в Днепропетровске (бывш. Екатеринослав). Родители привезли ее ребенком в Баку. Много лет она работала в Оперном театре.

Отец родился в Ровно; учился в Одесском университете сразу на двух факультетах: юридическом и экономическом, успешно их окончил в 1928 г. Увлекался изучением иностранных языков, причем самостоятельно. Он овладел английским, французским, итальянским, испанским. Уже в зрелом возрасте выучил сербский, азербайджанский, иврит, венгерский и остановился на изучении китайского, в котором тоже преуспел. Диплом в университете защитил на украинском, а русский был его родным.

После окончания университета отец переехал в Баку, работал в коллегии адвокатов, юрисконсультom в различных учреждениях, читал лекции по трудовому законодательству в университете и индустриальном институте.

В Баку мои родители и встретились. В этом городе в 1937 г. родился я. После окончания школы поступил в Бакинский медицинский институт.

В формировании моего интереса к медицине большую роль сыграл тяжелый период в жизни, когда отец, этот

Профессор Аркадий Лившиц

цветущий 42-летний мужчина, вскоре после возвращения с фронта стал на глазах худеть и в течение нескольких месяцев превратился в высохшего больного. Мне было тогда девять лет. Я боготворил отца, после войны мне казалось, что мы больше не расстанемся никогда в жизни.

Потом выяснилось, что он заболел туберкулезом, той его формой, которая отличалась злокачественным течением и тяжело поддавалась лечению. Победа над тяжелой болезнью любимого отца, сила медицины, способной сотворить чудо, вера в волю человека, стремящегося выздороветь, – все это способствовало моему приближению к медицине.

Еще в студенческие годы начал оперировать на дежурствах у старших товарищей-врачей, проводил в операционной многие ночи.

Вскоре задумался над тем, что операция, даже самая блестящая, прекрасно выполненная, не всегда обеспечивает успех в лечении. Мой интерес привлекли функциональные хирургические методы, обеспечивающие полное или частичное восстановление функций, так называемая физиологическая хирургия.

Работать врачом я начал в 1960 г. Именно в это время все большее место в хирургии стала занимать новая медицинская техника, основанная на достижениях микроэлектроники, стекловолоконной оптики и химии полимеров. Были созданы первые лаборатории медицинской кибернетики (в Институте хирургии им. А.А.Вишневского АМН СССР), искусственного кровообращения, начаты операции на открытом сердце, реконструктивные операции на кровеносных сосудах, микрохирургические операции на головном мозге (Институт нейрохирургии им. Н.Н.Бурденко АМН СССР).

Его Величество случай привел меня в выдающуюся школу физиологической хирургии – Институт хирургии им. А.В.Вишневского АМН СССР. Академик А.А.Вишневский, главный хирург Советской армии и флота, возглавлявший этот Институт, способствовал не только моему творческому развитию, но и широкому общению с выдающимися учеными страны: с создателем ракетной техники – академиком С.П.Королевым, академиком-кибернетиком А.И.Бергом, академиком-физиком Л.Д.Ландау, академиками-физиологами В.В.Париным и П.К.Анохиным, проф. Л.Л.Шиком. Особую роль в моей жизни сыграли знакомство и последующая дружба с выдающимися нейрохирургами академиком А.И.Арутюновым и его учеником и последователем,

блестящим нейрохирургом академиком А.Н.Коноваловым, который возглавил институт Бурденко после смерти А.И.Арутюнова.

В дальнейшем судьба связала меня с этим институтом. С А.Н.Коноваловым мы проработали вместе 16 лет, и это – один из самых творчески эффективных и интересных периодов в моей жизни.

Мне посчастливилось оперировать вместе с выдающимися советскими врачами А.А.Вишневым, Б.В.Петровским, А.Н.Коноваловым, М.И.Перельманом, довелось делать операции больным из более чем 50 стран мира, побывать на различных континентах, изучая опыт зарубежных коллег и передавая им свой.

Я благодарен судьбе за то, что она позволила нам создать первый в стране Всесоюзный центр спинномозговой нейрохирургии и электростимуляции органов и разработать много новых операций и методов лечения, получивших признание в мире. Я обобщил этот опыт в более чем двухстах научных статьях, девяти книгах и многочисленных авторских свидетельствах. Особенно мне дорога книга «Хирургия спинного мозга» (М.: Медицина, 1990), которая «была первым в отечественной литературе трудом, обобщающим знания в этой области хирургии спинного мозга» (А.Н.Коновалов).

* * *

После окончания мединститута я мог остаться в аспирантуре, и тогда моя жизнь сложилась бы по-иному. Отец, который оставался для меня огромным авторитетом, посоветовал выбрать другой путь. Поехать в глушь, все делать самому, научиться принимать самостоятельные решения, знать, что такое ответственность за жизнь человека. Я последовал его совету и никогда об этом не пожалел. Я прошел тернистый путь в большую науку, научился ценить дружбу, познал предательство. Со мной всегда рядом была жена, друг и помощник, которая разделила со мной мою судьбу.

Я работал в Арзамасе, а потом в Муроме. Повседневная практика подталкивала к мысли о необходимости разработки объективных приборов для диагностики. Как решить вечный для хирурга вопрос: делать или не делать операцию? Основной была информация, получаемая от больного: «болит?», «не болит?», «где болит?», «сильно?», «слабо?» и т.д. К сожалению, ответы не всегда бывают точными и объективными, а решение следовало принимать очень конкретное.

Естественно, возникала неудовлетворенность субъективностью данных. Конечно, были еще рентген и лабораторные исследования. Однако в районной больнице в ургентном¹ порядке организовать эти исследования – ой как нелегко. И я задумался над тем, как создать диагностическую систему, позволяющую срочно оценить состояние брюшной полости больного. Мысль моя повернулась в сторону электроники, которой я увлекался еще в студенческие годы.

Идея состояла в том, чтобы создать прибор, который улавливал бы биопотенциалы с определенной зоны живота, на которую проецируются соответствующие органы брюшной полости. Каждый орган, в том числе и органы живота, генерирует электрическую активность, которая передается в соответствующие проекционные зоны брюшной стенки по принципам висцеромоторных² рефлексов. При воспалении или какой-либо другой патологии электрическая активность в этих органах повышена. Биопотенциалы, получаемые с брюшной стенки точным прибором, в сочетании с общей клинической картиной позволили бы в значительной мере освободиться от ошибок субъективной оценки. Используя данный метод, можно составить более полную картину патологии.

Прибор, который мы создали, оказался высокоэффективным усилителем биопотенциалов, позволяющим регистрировать и анализировать их. Появилась возможность создания на брюшной стенке своеобразной карты проекций органов живота. Для того чтобы не впасть в ошибку и не идти на поводу у прибора, врач дополнял полученные от него сведения клиническими тестами.

Все это потом стало темой моей кандидатской диссертации (1964), которую я успешно защитил в Москве. Впоследствии за создание этого метода диагностики меня избрали членом Международного общества по электромиографии и кинезиологии, центр которого находится в Монреале. Через год после защиты академик Вишневский пригласил меня на работу в Институт хирургии АМН СССР (позже – Институт им. А.В.Вишневского).

Внедрение микроэлектроники в хирургию сделало возможным создание миниатюрных электростимулирующих аппаратов, где электрический ток, имитируя нервный импульс, восстанавливал деятельность оперированного или заменял функции удаленного органа. И именно

¹ Ургентный – срочный, неотложный (здесь и далее примеч. ред.).

² Висцеромоторный рефлекс – напряжение мышц брюшной стенки.

это позволило нам впервые в СССР разработать новые операции и методы электростимуляции мочевого пузыря, желудочно-кишечного тракта, сфинктеров ряда органов, дыхания, трофической функции нервной системы. Метод тростимуляции мочевого пузыря после не-которого изменения позиции электродов со стенки на нервы стал применяться во многих странах мира.

Впервые в СССР в 1977 г. был создан Центр спинномозговой нейрохирургии и электростимуляции органов; я был утвержден Академией медицинских наук его директором и главным нейрохирургом, где работал до отъезда в Израиль в 1993 г.

Особенностью этого Центра, отличающей его от других спинальных центров мира, стала активная хирургическая тактика в лечении больных в области не только пораженного спинного мозга, но и всех органов, вовлеченных в патологический процесс у спинальных больных: мочеполовой системы, брюшной полости, а также мягких тканей (пластика пролежней в зоне паралича и т.д.).

Одновременно здесь использовались методы электростимуляции всех органов, которые нуждались в восстановлении утраченных функций. Завершалось лечение в бальнеологическом санатории в Крыму, где больные получали физиотерапию и грязелечение. Такой комплексный подход и достигнутые нами высокие результаты притягивали в наш Центр больных со всего Советского Союза и из более чем 55 стран мира. Тысячам больным удалось помочь и более чем 70% из них вернуть к общественно полезной жизни.

Тесное сотрудничество с Институтом нейрохирургии им. Бурденко и Институтом мозга АМН СССР позволило нам разработать новые микрохирургические операции по лечению болевого и спастического синдромов, опухолей спинного мозга, сосудистых мальформаций³, а также продолжить и углубить исследования в области регенерации спинного мозга.

Впервые в мире нами были сделаны успешные операции людям с травмой спинного мозга – вживление в спинной мозг миниатюрных электрических стимуляторов для восстановления утраченных функций спинного мозга. Конечно, этому предшествовали многочисленные экспериментальные исследования.

Мы изучили влияние электростимуляции практически на все органы человека.

³ *Мальформация* – врожденное уродство.

Я был заместителем председателя Всесоюзной проблемной комиссии при Президиуме АМН СССР по разработке методов электростимуляции органов и тканей. Мы проводили симпозиумы по этой проблеме и постепенно методику стали применять почти ко всем органам человека. Были разработаны методы электростимуляции головного мозга, спинного, сердца, матки, желудочно-кишечного тракта, мышц, нервов, разработана противоболевая электростимуляция и электростимуляция дыхания.

Принципы и методы, разработанные в руководимом мною Центре, получили признание в мире. К нам приезжали научные и практические делегации из Америки, Канады, Югославии, Швейцарии, Германии. Меня приглашали для показательных операций в ряд стран: Югославию, Таиланд, Монголию, Аргентину.

Тематика нашего Центра была несколько изменена в сторону интересов союзной нейрохирургии. Наряду с прежней тематикой стали заниматься вопросами микронейрохирургии болевого и спастического синдромов, реконструктивной микрохирургией спинного мозга, а также организацией помощи больным с повреждениями и заболеваниями спинного мозга в союзных республиках.

Проблема боли – очень острая. Она возникает у больных с повреждением спинного мозга, с патологией различных органов, в том числе и позвоночника. Ее порой не удастся снять никакими методами и препаратами.

Для лечения подобных больных мы разработали как хирургическое вмешательство на больпроводящих путях спинного мозга (микрохирургические операции), так и операции, связанные с вживлением стимуляторов в больпроводящие пути. Стимуляторы блокировали прохождение болевых импульсов и таким образом снимали боль.

Мой многолетний опыт нейрохирурга был обобщен в уже упомянутой книге «Хирургия спинного мозга», и результаты более чем 10 тысяч операций, представленных в этой книге, послужили основанием для определенных обобщений. Эта книга была издана в России, Югославии и Америке.

Я уже писал, что в Израиль переехал в 1993 г.

В это время в литературе появилась информация о положительном влиянии лазерного облучения на процесс регенерации поврежденного спинного мозга. В Израиле имелся достаточно большой опыт экспериментальных исследований и возможность клинического применения этого метода в больнице «Ихилон» (Тель-Авив). Доктор,

руководивший этой лабораторией, бывал у меня в Москве, знакомы мы были и по ряду международных конгрессов. Я созвонился с ним, и он предложил приехать. Но до приезда к нему на лазерную терапию пациент захотел полечиться в реабилитационном центре «Тель ха-Шомер», руководимом тогда проф. А.Ори, вместе с которым мы много лет членствовали во Всемирном научном обществе по параплегии⁴ и были хорошо знакомы.

Мы приняли решение лететь в Израиль. Предупредив в своем институте, что улетаю на консультацию в Израиль, в июле 1993 г. вылетел вместе с больным в эту страну. Я был в Израиле до этого в 1990 г. на Международном конгрессе по функциональной нейрохирургии. Ясного представления о стране тогда не составил. Неизгладимое впечатление оставил Иерусалим.

Взял с собой тринадцатилетнюю дочь, которая Израиль никогда не видела.

Я не собирался оставаться, так как дочери надо было в школу. И в этот момент в России началось известное противостояние президента и парламента страны. Завершилось все это пальбой по Белому дому. Я почувствовал, что страна стала другой, а человек оказался в ней совершенно незащищенным. Ученые – академики-физики – продают шоколад, артисты работают грузчиками и т.д. Будущее страны мне показалось очень мрачным, а жизнь и безопасность моей семьи – крайне призрачными. Большая часть сотрудников моей клиники были в полном разброде, некоторые из них – те, что были мною наказаны или уволены, – начали кампанию против моего возвращения.

Все это повлияло на мое решение не возвращаться в Москву. Еще не зная, навсегда или временно, но я решил остаться в Израиле. Это было связано еще и с тем, что много лет с большим интересом изучал проблему регенерации спинного мозга после его травмы. В той обстановке, что сложилась в Москве, думать о продолжении этих исследований было просто невозможно. А в Израиле в Институте им. Вейцмана велись интенсивные и продуктивные исследования в этой области. Я надеялся соединить наш опыт с израильским для решения этой проблемы.

Вскоре из Москвы приехали моя жена, а затем сын: мы снова были вместе.

⁴ *Параплегия* – паралич обеих ног.

Принимая решение о переезде в другую страну, не мог предположить, что психологическая ломка будет столь тяжелой.

Новый язык, новая ментальность, новые обычаи и окружение – все это нелегко воспринимается человеком с устоявшимися взглядами, привычками, жизненными навыками. Особенно трудно приходится тем, чья работа неразрывно связана не только с широким общением с людьми (какой является профессия врача), но с принятием таких важных решений, как, в частности, рекомендация оперироваться, ответственность за жизнь другого человека. Необходимы очень тесный контакт с больным человеком, умение разобраться во всех тонких, интимных сторонах его жизни, мышления; а основным орудием в этом общении является язык. В Израиле врачам приходится особенно тяжело – ведь пациентами являются люди из многих стран мира, и у каждого из них свои особенности, своя ментальность, порой сильно отличающиеся одна от другой.

И вот завершились испытания профессиональные, получены соответствующие дипломы и право работать. Надо начинать. Но все – другое, новое. Мне казалось, что я совершенно один, изолирован, а все, что было раньше, утрачено.

Высший ученый совет при Министерстве здравоохранения Израиля присудил мне диплом специалиста (мумхе) без сдачи дополнительных экзаменов. Ныне мне предоставлено право работать во всех лечебных учреждениях Израиля, а также заниматься частной практикой.

Я был принят на работу в качестве профессора-нейрохирурга в госпиталь «Меир» в г. Кфар-Саба. Наряду с текущей нейрохирургической работой, мною определены приоритеты, где особое место занимает дальнейшее изучение проблемы регенерации и функциональной нейрохирургии спинного мозга.

Материалы научных исследований в этой области были доложены мною в 1999 г. в Дании (Копенгаген). В 2000 г. тоже в Дании (Ольтбург) вновь проходил международный конгресс, организованный Международным научным обществом по функциональной электростимуляции органов (центр в Калифорнии). В это общество входят специалисты из всех стран мира, внесшие определенный вклад в науку и практику по электростимуляции органов. Несмотря на то, что занимаюсь этой проблемой более 25 лет, я не состоял в этом международном обществе.

По окончании датского конгресса там же прошла конференция по невральному протезированию моторной системы человека. Я выступил с докладом по электростимуляции спинного мозга в эксперименте и клинике, а также, по просьбе президента общества г-на Р.Дэвис (США, Калифорния) и вице-президента и президента настоящего конгресса проф. Т.Синклера (Дания), представил свои основные работы и книги по электростимуляции органов, со своей научной биографией, и на этом конгрессе, на генеральной ассамблее общества, был избран членом IFESS (Международного общества по функциональной электростимуляции органов).

После утверждения меня в членстве Общества я начал регулярно получать информацию обо всех новых работах в области функциональной электростимуляции органов, проводимых в мире, меня стали приглашать на все международные и региональные конгрессы и конференции по данной проблеме. К осени 2001 г. накопились приглашения в США, Австрию, Словению, Швейцарию.

Как я уже писал выше, второй приоритетной проблемой является функциональная нейрохирургия спинного мозга. Это в первую очередь хирургия боли, спастичности мышц и создание искусственных путей иннервации органов.

Феномен боли с научных позиций до сегодняшнего дня полностью не раскрыт. Я много лет изучал проблему и опубликовал в Англии и Америке ряд статей о нейрохирургических методах лечения боли, в которых обобщил результаты микронейрохирургических операций, направленных на борьбу с болью, спастикой мышц, создание новых реиннервационных путей, операций, которые были мною произведены в Израиле впервые. Мой опыт с большим интересом восприняли израильские специалисты. Об этих операциях писала израильская пресса – газеты и журналы, выходящие на русском языке: «Вести», «Время», «Панорама», «Наше здоровье». Особенно запомнились два письма, направленные в газету «Глобус». Приведу отрывки из них.

«...Долгожданная операция состоялась 17 февраля 2000 г. в госпитале “Меир” города Кфар-Саба под Тель-Авивом.

Аркадий Владимирович Ливищ провел уникальную операцию на моем спинном мозге под микроскопом, применяя инструменты на основе бритвенных лезвий.

Еще многое мне предстоит пережить. Реабилитация после нейрохирургической операции – дело сложное, требует терпения, сил

и мужества. Но спастика и боль, с которой я прожила семь лет, ушли.

Золотые руки профессора Ливишица, нейрохирурга Божьей милостью, профессионала мирового уровня, могут помочь людям и делают это ежедневно» (Виктория К. «Глобус». № 409. 2001 г.).

«Я пишу Вам, чтобы выразить благодарность за статью о проф. Ливишице, опубликованной в “Глобусе” № 409. Она помогла мне встретиться с этим удивительным человеком, нейрохирургом от Бога, делающим уникальные операции в больнице “Меир” в городе Кфар-Саба. К сожалению, в Израиле о Ливишице и его открытиях в области хирургии знает очень малое количество людей...

О профессоре Ливишице я слышал еще в Союзе. Для всех “спинников” это был неоспоримый авторитет в медицинской науке. Успехи этого человека порождали легенды. О нем говорили еще как о “короле скальпеля”!

Вы можете себе представить мою радость, когда я узнал, что Ливишиц теперь живет и работает в Израиле: продолжает оперировать и заниматься научными работами в больнице “Меир”. Короче, через некоторое время я был на приеме у профессора. А через два месяца он меня прооперировал. Операция, действительно, уникальная: в Израиле ее делает только профессор Ливишиц.

Когда я очнулся от наркоза, то сразу ощутил полное освобождение от плена спастики. Впервые за много лет я мог спокойно лежать на спине – это было подобно чуду! Свободное дыхание вместо привычной одышки, ровный пульс вместо мучительной аритмии: уже ради этого можно было решиться на этот нелегкий, но очень необходимый шаг! ...

Через две недели я уже выписался домой. День ото дня состояние мое улучшалось. Появились новые ощущения. У меня повысилась чувствительность в тех местах, где когда-то она была слабой или совсем отсутствовала. Я начал учиться на компьютерных курсах с целью в дальнейшем зарабатывать что-то самостоятельно. Я смог спокойно развезжать в машине. ...Наконец-то мои родные смогли расслабиться и почувствовать себя намного свободнее. ...Я решил написать это письмо для того, чтобы многие люди узнали, что спасение есть! Оно в больнице “Меир”. В руках профессора Ливишица Аркадия Владимировича из отделения спинальной хирургии!» (А.Р., Ашкелон, «Глобус», март 2001 г.).

Мои операции освещала и пресса на иврите. Приведу выдержки из статьи «Шесть лет без сна» в газете «Цомет ха-Шарон» от 26 февраля 1999 г.

«Месяц тому назад была осуществлена редчайшая операция на позвоночнике, которая завершилась успешно. Во время операции был отсечен болевой центр у инвалида, который страдал от ужасных болей на протяжении шести лет. <...> Операция, которую сделал профессор Лившиц, была одной из первых такого рода в мире. Уже через день после операции у больного исчезли боли».

Действительно, больной сорока с лишним лет, шесть лет буквально не спал и жил на обезболивающих. Когда он обратился ко мне, то был в полном отчаянии и почти утратил надежду.

Я обследовал больного и сказал, что, конечно, не могу гарантировать стопроцентного излечения, но надеюсь, что операция улучшит его состояние.

К счастью, ныне больной забыл о болях, а ведь до операции с трудом мог сидеть в инвалидной коляске. Сейчас он даже может ездить в машине на далекие расстояния, что дает ему возможность видеть жизнь во всем многообразии.

Как-то мне позвонили и пригласили встретиться с господином Ариэлем Шароном – премьер-министром Государства Израиль. Наша беседа проходила у него в кабинете и продолжалась более часа. Шарон живо интересовался моей жизнью и работой, рассказывал о своих корнях из Белоруссии, неплохо говорил по-русски. И, несмотря на огромную занятость и усталость, видно было, как ему интересна наша беседа, и он не торопился ее прерывать. От премьера веяло добротой, спокойствием, и нельзя было себе представить, что рядом со мной боевой генерал, легенда Израиля, видевший столько смертей и горя за свою жизнь.

Немолодой грузный человек с живым острым умом легко переходил от темы к теме, проявляя глубокую осведомленность по многим вопросам.

Он поинтересовался, не нужна ли мне в чем-либо его помощь и, получив ответ, что я ни в чем не нуждаюсь, предложил в случае необходимости всегда обращаться к нему. Я с благодарностью принял его предложение, но им не воспользовался.

В своей практике я применял как открытый метод микрохирургических операций на больпроводящих путях, так и новый бескровный

пункционный способ лечения боли. Этой проблемой я продолжаю заниматься в Израиле.

В докладе на Международном конгрессе в Дании (1999 г.) был обобщен клинический опыт – один из первых в Израиле – лечения болевых синдромов в области позвоночника, его суставов, дисков и нервных корешков путем точных блокад, проводимых под контролем рентгентелевизионной системы. В дальнейшем мы применили не только блокады, но и радиочастотный ток для разрушения нервных, хрящевых образований позвоночника, головного и спинного мозга, которые провоцируют и создают сильнейшие болевые синдромы в области черепно-мозговых и спинно-мозговых нервов и нервных узлов, а также сдавление спинного мозга или его корешков.

Онкологические боли, хорошо известные в народе мигрени, невралгии тройничного и лицевого нервов, заболевания межпозвоночных дисков и корешков – все это поддается лечению без крови и разрезов. Подводят специальные иглы-электроды, через которые пропускают радиочастотный ток, создающий на конце иглы температуру до 80–85 градусов. Эта температура и разрушает образования, ответственные за создание боли в том или ином участке тела. Введение иглы осуществляется под контролем рентгентелевизионной системы при точном анатомическом расчете.

Особое развитие эти методы получили в последнее десятилетие с усовершенствованием радиочастотного генератора и электродов фирмы «Radionix». В Израиле они начаты мною с сотрудниками в 2000–2001 гг. и продолжают развиваться, все больше расширяя сферу применения. Нами сделано уже больше двухсот успешных операций без каких-либо разрезов. Накоплен опыт применения этих методов в Австралии, Техасе и Голландии. В Голландии я находился 10 дней в 2000 г., где работал в клинике города Ситтард, возглавляемой д-ром Олавом Рохов, имеющей большой опыт применения системы «Radionix» для лечения болевых синдромов. В день удавалось провести по 10–15 операций с хорошим противоболевым эффектом.

Вскоре своим опытом мне удалось поделиться со швейцарскими специалистами.

В сентябре 2001 г. я представлял Израиль на Международном конгрессе, посвященном патологии спинного мозга, в котором приняли участие специалисты из более чем 70 стран мира.

После окончания конгресса меня пригласил руководитель Пейн-центра д-р Шлайцнер поработать вместе с ним в операционной их

Центра методом чрезкожной пункционной противоболевой деструкции.

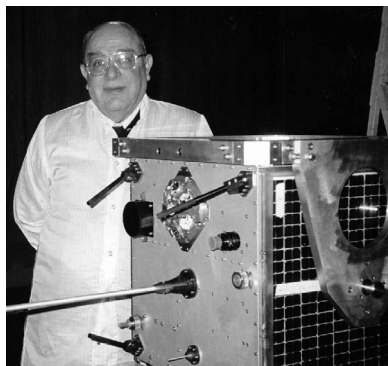
К сожалению, помочь больному человеку, применяя только щадящие методы операции, удастся не всегда. И тогда приходится проводить сложные многочасовые операции по удалению боли и спастики с использованием операционного микроскопа и микрохирургической техники.

Мне первому довелось делать такие операции в Израиле. Накопленный мною опыт позволил провести их успешно.

Я продолжаю работать в Израиле в той области медицины, которой посвятил жизнь, и представлять наше государство на международных медицинских конгрессах и форумах по данной проблематике.

Израиль и космос (Интервью с д-ром Фредом Ортенбергом)

Ефим Лоевский (Бней-Аиш, Израиль)

Доктор Фред Ортенберг рядом с израильским спутником «Техсат» на космодроме Байконур во время подготовки спутника к запуску

Сегодня только США, Россия, Китай, Япония, Индия, а также Объединение европейских государств могут самостоятельно запускать космические летательные аппараты. В этот престижный клуб входит и Израиль.

Я беседовал с одним из ведущих специалистов израильского Института космических исследований при Хайфском Технионе, доктором физико-математических наук Фредом Ортенбергом о прошлом, настоящем и будущем израильской космонавтики.

— Уважаемый доктор, когда возникло само понятие «космический Израиль» и как давно существует ваш институт?

— В начале 80-х годов правительством Израиля было принято решение о необходимости освоения космического пространства. Это был смелый шаг, учитывая ограниченность ресурсов и множество неотложных задач и проблем, стоящих (и до сих пор существующих) перед нашим государством. Космическая программа была разработана и одобрена премьер-министром Менахемом Бегоном в 1981 году, в 1983 году основано Израильское космическое агентство, которое возглавил выдающийся ученый-физик и военачальник Юваль Неман, а в 1984 был создан наш Институт космических исследований при Хайфском Технионе на факультете аэронавтики. Здесь мы проводим космические исследования, разрабатываем спутники Земли и готовим специалистов для работы в космической отрасли.

— Когда и какие искусственные спутники Земли Израиль запустил в космос?

— Запуск первого израильского спутника «Офек-1» был произведен 20 лет тому назад, 19 сентября 1988 года. Таким образом, в 2008

году мы отмечаем 60-летие Израиля и 20-летие израильской космической эры. Первый спутник проработал в космосе месяц. Затем были запущены «Офек-2» и «Офек-3», которые также уже ушли в историю. На спутнике «Офек-3» впервые была установлена аппаратура для получения изображений Земли. В 2002 г. в космосе появился разведывательный спутник нового поколения «Офек-5». Он был запущен с территории Израиля с помощью израильской ракеты «Шавит». В отличие от общепринятой схемы запуска, по направлению вращения Земли, на восток – «Офек-5» запускался в западном направлении, в сторону Средиземного моря. В противном случае траектория выведения на орбиту проходила бы над соседними с нами арабскими государствами, согласия которых на подобный пуск получить невозможно, а запуск без согласия может привести к осложнениям, в особенности в случае аварии. С точки зрения нагрузки на ракету подобная схема выведения является тяжелой, снижает стартовый потенциал ракеты-носителя, но другого выхода у нашей страны нет. К сожалению, запуск следующего спутника этого класса «Офек-6» (2004 г.) был неудачным: вскоре после старта он упал в море из-за неисправности ракеты. Однако уже в июне 2007 г. ракета-носитель «Шавит» стартовала с космодрома Пальмахим и успешно вывела на заданную орбиту усовершенствованный спутник-шпион «Офек-7». Он получает изображения земной поверхности с очень высоким разрешением и является важным элементом израильской системы безопасности.

Сегодня на орбите работают следующие спутники дистанционного зондирования Земли: два спутника военного ведомства «Офек-5» и «Офек-7», о которых мы только что говорили, и коммерческие спутники «ЭРОС А» и «ЭРОС Б», созданные на базе «Офека» и запущенные на российском носителе «Старт» соответственно в 2000 и 2006 гг. с нового российского космодрома Свободный, расположенного на Дальнем Востоке. Отметим, что на снимках, получаемых с помощью спутника «ЭРОС Б», можно различать наземные объекты размером от 70 сантиметров. Однако все эти спутники могут работать только днем, при условии хорошей видимости. Облачность, пыльные бури или туман делают их «слепыми». Поэтому в начале 2008 г. с индийского космодрома был запущен их радарный собрат – спутник «Техсат», которому перечисленные атмосферные явления не мешают и который способен работать круглые сутки. Этот спутник значительно усилил израильскую сеть наблюдений.

Кроме вышеперечисленных низкоорбитальных (с высотой порядка 500 км) наблюдательных спутников, на геостационарной орбите высотой 36 000 км находятся и работают одновременно еще два спутника связи: «Амос-1», запущенный в 1996 г. из Гвианы в Южной Америке, и «Амос-2», стартовавший в конце 2003 г. с известного космодрома Байконур в Казахстане. Наконец, продолжает функционировать на орбите наш неутомимый технионовский спутник «Гурвин-Техсат» – рекордсмен по длительности полета. За время, прошедшее со дня его запуска в космос, спутник-долгожитель передал огромный объем ценной научной информации, на нем были проведены уникальные эксперименты.

– Вы могли бы рассказать о нем более подробно?

– Спутник «Техсат» запущен в 1998 г. российской ракетой «Зенит» с космодрома Байконур. Вместе с ним на круговую орбиту высотой около 820 км были выведены немецкий, чилийский, тайландский и австралийский спутники. Все они – так называемые малые спутники с массой порядка 50 кг. Из этих спутников долгожителем оказался наш «Техсат». При проектировании предполагалось, что гарантийный полетный ресурс спутника составит один год, а он, как уже сказано, до сих пор успешно функционирует на орбите. Мы надеемся летом 2008 г. отметить десятилетие его активного существования на орбите. Учитывая, что Израиль – страна чудес, не исключаем также празднование следующего юбилея.

– Вы употребили термин «активное существование», а что, возможно пассивное?

– Разумеется. Когда перестанет работать его аппаратура и со спутником будет утрачена связь, он прекратит свое активное существование, будет продолжать свой полет в космическом пространстве достаточно долго. По различным причинам, включая сопротивление разреженной атмосферы, спутник будет постепенно терять высоту, торможение будет возрастать по мере снижения, и наконец он попадет в плотные слои атмосферы и сгорит. За прошедшие годы средняя высота полета «Техсата» снизилась лишь на 3 км, так что можно с уверенностью пожелать ему полетного долголетия по израильской традиции – до 120. Конечно, такой полет интереса не представляет, но пока «Техсат» в работоспособном состоянии. На борту спутника находятся служебная аппаратура (с ее помощью происходит ориента-

ция в космосе, обеспечивается подача энергии, поддерживается связь с Землей) и научные приборы, позволяющие выполнить шесть очень интересных экспериментов. Такую разнообразную программу исследований даже не каждый большой спутник может себе позволить.

– Назовите их, пожалуйста.

– Наибольшего успеха мы добились в эксперименте по измерению концентрации озона в атмосфере. Недавно из печати вышла моя книга на эту тему: «Ozone: space vision. Space monitoring of Earth Atmospheric Ozone» (Technion Publishing, Haifa, pp.1-100, 2002), посвященная контролю стратосферного озона из космоса, в том числе при помощи озонметра, установленного на израильском спутнике.

На «Техсате» находится аппаратура, с помощью которой получены снимки поверхности Земли в различных регионах.

Еще один прибор производил измерение тяжелых частиц. Они проникают на спутник из радиационных поясов Земли, из космического пространства, с потоком частиц, приходящих от Солнца. По результатам обработки данных, полученных этим прибором, уточнена конфигурация радиационного пояса, окружающего Землю, в частности, исследована структура Южно-Атлантической аномалии, где радиация наиболее приближена к поверхности Земли.

В отдельном эксперименте в условиях космического пространства изучали свойства так называемого высокотемпературного сверхпроводника. Материал помещали в специальный микрохолодильник, температура в котором понижалась до 70–80 градусов по шкале Кельвина. При этой температуре материал становился сверхпроводником, и были измерены его электрические параметры.

На обращенной к Земле поверхности нашего спутника (он имеет форму куба со стороной грани 50 см) установлен ретрорефлектор. Посылая с поверхности Земли лазерный импульс и измеряя время возвращения отраженного от рефлектора сигнала, можно очень точно определить расстояние между спутником и наземной станцией, а следовательно, с большой точностью рассчитывать орбиты. Кстати, этот ретрорефлектор, а также солнечные панели, покрывающие поверхность «Техсата», были изготовлены в России, а сам спутник и его содержимое – израильского производства.

И в заключение напомним, что оборудование «Техсата» обеспечивает связь радиолюбителей через спутник.

Выступление доктора Ф.Ортенберга на конференции (Израиль), посвященной 50-летию космической эры, с докладом на тему «Вклад ученых – репатриантов из Советского Союза в израильские космические проекты»

– Какие особенности проекта «Техсат» вы считаете наиболее существенными?

– Когда мы начали его разрабатывать, то в мире мало занимались подобными летательными аппаратами, а сегодня малые спутники – одно из важных направлений в космической технике. Более того, они символизи-

руют движение вперед в области самых совершенных космических технологий. В нашем институте проанализированы мировые тенденции в этой отрасли. Исследованы массы проектируемых спутников, их размеры, энерговооруженность, цена, способы запуска и т.д. На основе полученных результатов сделан прогноз на текущую декаду нашего тысячелетия. Оказалось, что в ближайшие десять лет в среднем будет запускаться около 50 малых спутников ежегодно. На последней международной конференции по этому вопросу, которая проводится ежегодно в США, Технион был назван флагманом космического приборостроения, наряду с другими пятью известными космическими фирмами. Приятно сознавать, что израильская наука занимает ведущее положение в данной отрасли.

Второе, что я хотел бы особо подчеркнуть, – наш спутник прекрасно перенес летно-конструкторские испытания на протяжении всего времени пребывания на орбите. А это, поверьте мне (я занимаюсь космическими летательными аппаратами около сорока лет), далеко не каждому спутнику удастся. За прошедший период он совершил вокруг Земли более 50 000 оборотов. Ежедневно он опоясывал Землю более 14 раз, при этом несколько витков пролегли над наземной станцией, расположенной в Технионе. В эти моменты практически ежедневно

проводились сеансы связи со спутником, передавались команды и принимались данные о деятельности спутника. «Техсат» продолжает пересылать на станцию ценную научную информацию по сей день.

И, наконец, последнее. В Советском Союзе я готовил и отправлял в полет много разных спутников. В Израиле работа с «Техсатом» – мой первый космический опыт. Поэтому этот спутник занимает в моей жизни особое место. И я в него просто влюблен. Это не только спутник Земли, это – спутник моей жизни.

– Но, как говорят, чем бы ученые ни занимались, в итоге у них всегда выходит оружие...

– Хорошая шутка... Но действительность такова, что освоение космоса, помимо исследовательских и народнохозяйственных задач, позволило решить целый ряд военных проблем. Недавно я встретил такие статистические данные: начиная с 1961 г., когда Россия и Америка запустили свои первые военные спутники, по сегодняшний день в космос запущено около 3 000 военных объектов. Большинство из них – это спутники-шпионы, спутники связи, навигационные спутники. Сложилась ситуация, при которой нет замены космическим средствам разведки и связи. Последние войны (в Ираке, в Ливане и др.) усилили понимание того, что космическая разведка незаменима и что она является одним из важнейших элементов современных способов ведения войны. Каждое государство, заботящееся о своей обороне, обязано использовать такие средства.

Применительно к нашей стране забота о безопасности выражается в том, что в космосе несут боевое дежурство израильские разведывательные спутники: «Офек-5», «Офек-7», два спутника серии «ЭРОС» и, наконец, спутник «Техсат», оснащенный аппаратурой с синтезированной апертурой, способный получать изображения земной поверхности при любой погоде и в ночных условиях. Установленные на спутниках камеры обладают острым зрением.

Космические снимки позволяют следить за состоянием и динамикой военных объектов в Ближневосточном регионе, изучать виды вооружений, используемых другими странами, следить за иранской ядерной программой и т.д. Кроме спутников дистанционного зондирования Земли, разрабатывается армейский спутник связи, в два раза превышающий по размерам уже упоминавшийся коммерческий спутник связи «Амос-2».

Судя по высказываниям руководства министерства обороны, космическая программа Израиля основана на нескольких параллельных подходах:

во-первых, развитие спутников дистанционного зондирования, позволяющих получать с высоким пространственным разрешением изображения земной поверхности в различных спектральных диапазонах. Они должны обладать возможностью съемок с очень высоким, как говорят, гиперспектральным разрешением, получения стереоскопических изображений для картографии и возможностью получения микроволновых изображений. В настоящее время считается, что Израиль превосходит все остальные страны, за исключением США, в таких областях спутниковой технологии, как разрешающая способность и качество изображений;

во-вторых, развитие (на базе унифицированной платформы) нового поколения спутниковой технологии для малых спутников: микроспутников (до 100 кг) и наноспутников (до 10 кг). Следующий этап военной космической программы предполагает в текущем десятилетии разработать множество полезных нагрузок и связанных с ними технологий с целью развернуть в космосе группировки малых модульных спутников, способных удовлетворить разнообразные запросы военных;

в-третьих, израильские ученые работают над технологией, позволяющей запускать спутники с борта самолета, используя небольшие ракетные системы. Такая технология уже есть в США, она давно и успешно применяется для запуска малых спутников. Возможно, Израиль станет обладателем такой системы через несколько лет. Ее преимущества очевидны: не нужна ракета большой мощности, не нужен полигон; можно запускать спутник в любое время и в любом направлении. В качестве базового самолета предполагается использовать истребитель Ф-16.

– Вы считаете, что все эти планы будут реализованы?

– Я не специалист в области вооружений, но такой авторитет в военных вопросах, как Шауль Мофаз, в одном из своих выступлений поставил космические средства по важности для Израиля сразу же за танками «Меркава» и противоракетной системой «Хец». Это очень высокое место в шкале приоритетов. С другой стороны, создатели космической техники часто сетуют на то, что бюджетные сокращения тормозят выполнение программы создания спутников нового по-

коления. Ученые заявляют, что под удар поставлена стратегическая безопасность Израиля, так как они вынуждены свернуть некоторые работы. Как видите, имеется некоторая неопределенность, не позволяющая дать однозначный ответ на ваш вопрос. Думаю, время расставит все по своим местам. Я надеюсь, что правительственные ведомства и оборонная промышленность найдут компромисс, который позволит открыть государственный заказ на выполнение описанной спутниковой программы и обеспечить Израилю в будущем технологические преимущества в космосе.

– Как повлияла на израильские космические программы и исследования катастрофа, в которой погиб наш первый космонавт Илан Рамон?

– Мне посчастливилось слушать выступления Илана Рамона еще во время его предполетной подготовки. Это был целеустремленный, выдающийся, обаятельный человек, опытный летчик, космический исследователь. На шаттле «Колумбия» он проводил и полностью выполнил два израильских эксперимента:

1) исследование переноса пыли в Средиземноморском регионе и влияние этих процессов на погоду (ответственный – Тель-Авивский университет);

2) выращивание на орбите кристаллов на основе солей кобальта и кальция в условиях микрогравитации (ответственный – Хайфский Технион). Большую часть отснятых материалов и результаты измерений Илан Рамон успел передать на Землю.

Гибель нашего космонавта – пример стечения роковых обстоятельств. Ведь каждый из шаттлов был в космосе десятки раз, и неполадки, поломки, повреждения термической защиты случались, но все обходилось без фатального исхода...

Трагическая смерть нашего космонавта – большая потеря для его семьи и близких, для народа Израиля, армии, науки. Но, отвечая на ваш вопрос, не следует забывать, что Рамон находился на американском космическом корабле, а американская программа пилотируемых полетов и израильские планы освоения космоса между собой непосредственно не пересекаются.

– А может ли Израиль самостоятельно отправить человека в космос?

– Для пилотируемых полетов в космосе нет каких-либо непреодолимых научных или технических проблем. Нет их и для израильских ученых и инженеров. Проблема в деньгах. Отправить человека в космос – значит потратить огромнейшие суммы. Израиль не может вести исследования в космосе с таким размахом, какой могут себе позволить ведущие страны Космического клуба. Затраты Израиля на космос не превышают в среднем 50–60 млн долларов в год, в то время как, например, в Америке на космические программы выделяются ежегодные многомиллиардные ассигнования (порядка 15 млрд в последние годы). У Израиля нет такого мощного экономического потенциала и, кроме того, имеются другие, жизненно важные проблемы. Забор безопасности достроить, например. Да и нужно ли посылать людей в космос? Многие ученые, особенно после гибели «Колумбии», считают, что полезнее, надежнее и безопаснее посылать роботов.

Тем не менее израильское правительство не отказалось от намерений иметь своего астронавта. Вскоре после гибели Рамона сообщалось, что достигнута договоренность о продолжении участия Израиля в американской пилотируемой программе после выяснения причин аварии «Колумбии». После возврата к полетам в рамках шаттла переговоры с НАСА продолжались, но ничего конкретного пока нет. Поэтому рассматривается и российский вариант сотрудничества в пилотируемых проектах.

– Какие еще исследования, кроме тех, которые вы назвали, ведет Израиль в космосе?

– Прежде всего, я хочу сообщить адрес нашего института в интернете. На сайте <http://www.technion.ac.il/ASRI> можно найти историю создания института, данные о коллективе, о спонсорах, подробное описание «Техсата», основные результаты проводимых космических исследований. Вот некоторые из них: разработка звездного датчика для точной системы ориентации, исследование систем межспутниковой лазерной связи, разработка электрореактивных двигателей и средств для их испытаний, создание малого спутника с гиперспектральной аппаратурой, изучение полета группировок спутников и др. Все эти работы являются принципиально важными, новыми, перспективными и актуальными. На нашем сайте приведен перечень научных публикаций и докладов, сделанных на международных конференциях. Только за период с 2000 по 2007 год в этом списке имеется более 50

наименований, что является очень высоким показателем творческой активности сотрудников института.

– Хотелось бы услышать о международном сотрудничестве, о влиянии последней алии из СССР на израильские космические свершения.

– Сотрудники нашего института, который возглавляет известный ученый, профессор Моше Гельман, ведут совместные исследования со своими коллегами из США, Франции, Германии, Южной Кореи, Голландии, Индии. Разумеется, и я уже об этом говорил, мы сотрудничаем и с российскими учеными. Замечу: более половины из 25 специалистов нашего института – выходцы из бывшего Советского Союза. В октябре 2007 года на юбилейной израильской конференции, посвященной 50-летию запуска первого советского искусственного спутника Земли, мне посчастливилось выступить с докладом на тему «Участие ученых-репатриантов в израильских космических проектах», в котором я подробно рассказал о выходцах из СССР. Судьбы ученых и инженеров, занятых в космических и ракетных отраслях, являющихся секретными и в СССР, и в Израиле, отличаются от судеб других репатриантов. В СССР существовали официальные ограничения по приему на работу евреев в указанные отрасли. Поэтому их количество было существенно ниже, чем в других, открытых, отраслях. Выезд их на постоянное местожительство за границу был строжайше запрещен до начала 90-х годов. Небольшое число репатриантов 90-х, имеющих опыт работы в космической сфере, могло получить в Израиле работу по специальности только после нескольких лет проживания в стране. Это были люди в большинстве своем пожилые, прибывшие из страны, переживавшей глубочайший экономический и технический кризис. Они не могли быстро приспособиться к новым требованиям, языку – остались невостребованными и в дальнейшем ушли на пенсию.

Очень небольшой группе более молодых инженеров из смежных областей техники удалось участвовать в космических проектах. Однако не они определили успех израильской космонавтики, и о них в силу закрытости космической индустрии мало что известно. В упомянутом мною докладе о вкладе русской алии в израильский космос я рассказал о коллективе Института космических исследований, который разработал, запустил, испытал в длительном полете исследовательский спутник «Техсат», коллектива, который успешно продолжает космические исследования на академическом уровне. Костяк этого коллектива составляют выходцы из бывшего Советского Союза – конструкторы, элект-

ронщики, программисты, специалисты по небесной механике, управлению, связи. Эти люди сумели применить свои навыки, приобретенные в СССР, в космических разработках. Все они – классные специалисты, достойные упоминания. Некоторые из них покинули наш коллектив и продолжили карьеру в хай-теке. Не хотелось бы выделять кого-нибудь, список сотрудников, поныне участвующих в космических проектах, приведен на сайте нашего института. Идентифицировать выходцев из бывшего Советского Союза не представляет труда. Что касается детей репатриантов, то они обучаются на нашем факультете для дальнейшей работы в космической отрасли и вносят колоссальный вклад в индустрию. Однако, по моим оценкам, представительство в студенческой среде различных групп населения пропорционально численности этих групп, в том числе и детей из семей репатриантов из бывшего Советского Союза. Таким образом, можно сказать, что в силу целого ряда обстоятельств вклад ученых и инженеров советского происхождения в израильскую космическую программу оказался существенно ниже ожидаемого и соответствующего высокому потенциалу технической интеллигенции из СССР.

– В какие страны экспортируется израильская космическая техника?

– Поставщиками космической техники являются фирмы государственного концерна «Таасия авирит» и ряд частных компаний, таких, как «Рафаэль», «Эл-Оп», «Тадиран» и др. Номенклатура поставок обширна и включает космические системы, детали и аппаратуру. Например, упоминавшиеся спутники серии «ЭРОС» разработаны и изготовлены корпорацией Israel Aircraft Industries LTD по заказу компании Image SAT International. К слову, название спутников не имеет ничего общего с эротикой, это – аббревиатура от английского названия программы Earth Resources Observation Systems. Переговоры о продаже целых спутников велись с различными странами, но, насколько мне известно, до конца договоренности не были доведены. Возможно, высказанное недавно пожелание Пентагона (США) приобрести у Израиля серию спутников-радаров, подобных «Техсату», окажется более результативным. Если переговоры о создании такого спутника завершатся успешно – это будет признанием высоких достижений израильской космической индустрии. Несомненно, что международное сотрудничество Израиля с другими странами в области космоса нуждается в расширении. Необходимо активизировать поиски страте-

гических партнеров, практиковать продажу израильских достижений дружественным странам и т.д.

– Какие ближайшие свершения Израиля в космосе вы хотели бы отметить?

– Если идти в хронологическом порядке, то первое важное предстоящее событие – запуск телескопа *Tauvex*, разработанного в Тель-Авивском университете и изготовленного фирмой «Эл-Оп». Телескоп является уникальным прибором, предназначенным для исследования ультрафиолетового излучения из космоса. Предполагается, что его запуск на индийском спутнике Земли будет осуществлен в 2008 году. Второй важной целью является продолжение разработки спутника *Venus*, создаваемого в Израиле по заказу французского космического агентства. Спутник будет оснащен мультиспектральной камерой и электрореактивным двигателем для поддержания заданных параметров орбиты. Наконец, очень значимым в долговременной перспективе является участие Израиля в работах, проводимых Европейским космическим агентством по созданию навигационной спутниковой системы *Galileo*, аналогичной американской глобальной системе навигации и определения положения *GPS*.

– В Институте космических исследований вы ведете не только научную, но и педагогическую деятельность. Расскажите, пожалуйста, кто они, будущие израильские исследователи космоса?

– Я приехал в Израиль в 1993 году, и дальнейшая моя судьба в Израиле определяется очень емким ивритским словом *мазаль* («успех»). Судите сами. Уже в следующем году я начал работать в Технионе, в Институте космических исследований, попал в молодежный коллектив талантливых, одаренных людей. Мы вместе много и интересно работали над созданием и запуском спутника «Техсат».

Разработка этого спутника изначально велась с участием студентов старших курсов. В дальнейшем подобная практика привлечения студентов к работам института стала нормой. На базе нашего института студенты регулярно выполняют различные проекты. При этом сотрудники нашего института являются руководителями и консультантами студенческих проектов. Все эти годы я с большим удовольствием сотрудничал со студентами, подготовил несколько совместных с ними статей и докладов. Такое непосредственное участие студентов

в научных исследованиях повышает их мотивацию в дальнейшем обучении.

В последние годы на факультете аэронавтики стало обязательным выполнение коллективного дипломного студенческого проекта, завершающего обучение. Мне поручили руководить группами студентов (по восемь–десять человек) при их работе над подобными проектами. Я предложил студентам разработать малые спутники, предназначенные для различных целей в будущем. Например, спутник «Инспектор» должен был, в случае необходимости, облететь Международную Космическую Станцию, сфотографировать ее и передать изображения на Землю. Другой, спутник-заправщик, доставлял дополнительную порцию горючего на орбиту. Третий, наноспутник, отделялся на лунной орбите от индийского спутника Луны и мог измерять с помощью лазера расстояние между спутниками. За год работы студенты успевали полностью разработать спутник и успешно защищали проекты. Все работы докладывались на израильской ежегодной конференции по аэрокосмическим наукам, один из проектов был представлен на Международном аэронавтическом конгрессе. Проекты получили высокую оценку научной общественности, включены Астронавтической федерацией в перечень лучших студенческих работ.

Что можно сказать о молодых людях, выполнивших замечательные космические проекты? Эти ребята – будущее израильской науки и техники.

– С помощью вашего Института космических исследований израильтяне становятся ближе к Богу?

– Вы перефразируете известный шуточный вопрос Хрущева, который он адресовал Юрию Гагарину после его возвращения на Землю: «Ну что? Видел там Бога?»... Ваш вопрос об обиталище Бога и Его близости к еврейскому народу достаточно сложный. Я думаю, что Всевышний находится не в космосе, а в каждом из нас, но в тоже время в каждом из нас – космос...

* * *

Фридрих (Фред) Самойлович Ортенберг, известный ученый в области космической техники, родился 17 ноября 1932 г. в г. Днепропетровске (Украина), в семье учителей. Его отец, Самуил Петрович Ортенберг, был высокообразованным человеком с обширными познаниями в различных областях гуманитарных наук; владел, помимо русского, украинского, идиш, ивритом,

несколькими европейскими языками, хорошо знал латынь. Предметом его особой любви была еврейская история и культура. В 1930–1940 гг. он заведовал учебной частью Еврейского индустриального техникума – единственного в стране учебного заведения, где преподавание велось на идиш. Отец занимался литературной работой, печатался в журналах и газетах, активно участвовал в еврейской общественной и культурной жизни. Еврейская самоидентификация Ф.Ортенберга сформировалась под влиянием его отца, самоотверженно любившего свой народ. Интересно, что уже в Израиле Ф.Ортенберг обработал дневниковые записи отца на идиш и издал их на русском языке в виде книги воспоминаний под названием «Ткань жизни» (Иерусалим, 2004). Книга вызвала большой интерес, была тепло встречена русскоязычной публикой, ее журнальный вариант, опубликованный в популярном сборнике «Время искать» (2006. №11), был отмечен хвалебной рецензией в московском журнале «Новый мир».

С раннего детства Ф.Ортенберг выделялся среди своих сверстников исключительными способностями и трудолюбием. Среднюю школу он окончил с золотой медалью. В 1955 г. успешно завершил высшее образование на физическом факультете университета, получив диплом с отличием. Основные результаты его дипломной работы были напечатаны в виде статьи в академическом научном журнале. Свою трудовую деятельность Ф.Ортенберг начал в Украине в качестве ассистента кафедры физики Института металлургии. За пять лет работы, совмещая учебную нагрузку с научной деятельностью, он успел исследовать излучающие свойства двухатомных атмосферных молекул, позволившие создать модель теплообмена для тел, входящих в атмосферу Земли. Эти данные были необходимы для расчета разогрева космических аппаратов, возвращаемых с орбиты. На их основе были разработаны практические рекомендации для проектирования тепловой защиты спускаемых аппаратов. Этот цикл работ получил высокую оценку, лег в основу успешно защищенной кандидатской диссертации. Полученные результаты опубликованы в престижном издании АН СССР «Успехи физических наук». Работа была переведена на английский язык и вышла в свет отдельным выпуском. С 1960 г. Ф.Ортенберг работал в Москве – вначале в Физическом институте АН СССР, а затем в Институте электромеханики, где занимался теоретическими и экспериментальными проблемами космической физики, разрабатывал космические аппараты и их компоненты. Особенно значителен его вклад в создание прикладных спутников: метеорологических, спутников для изучения ресурсов Земли, окружающего нас пространства, спутников «Метеор», «Ресурс», «Электро». Множество приборов космического базирования для навигации, ориентации аппаратов, для съемок из космоса было разработано по его идеям и при его участии. Огромный опыт накоплен им в исследовании Земли и ее атмосферы при проведении измерений из космоса.

Деятельность в космической сфере в СССР относилась к разряду закрытых, и поэтому целый ряд его открытий и изобретений, к сожалению, остается

неизвестным до сих пор. В то же время достижения в гражданской области неоднократно отмечались наградами. За разработку и летные испытания системы метеорологических спутников в 1976 г. он был награжден АН СССР медалью Циолковского. Премия имени Юрия Гагарина была присуждена ему в 1981 г. за успешное осуществление совместного болгаро-советского геофизического проекта на спутнике «Болгария-1300». В 1996 году, когда Ф.Ортенберг находился уже в Израиле, Федерация авиации и космонавтики России вручила ему юбилейную медаль Российской Академии наук за достижения в науке о космосе.

Более 30 лет посвятил Ф.Ортенберг российской космонавтике, участвовал в десятках запусков спутников на орбиту, является автором около 100 научных статей и изобретений, автором нескольких книг, в частности, книги о дистанционном зондировании из космоса в инфракрасном диапазоне спектра; он является участником нескольких международных проектов, среди которых особо следует отметить российско-американский проект «ТОМС-МЕТЕОР», в результате которого был осуществлен один из первых мониторингов атмосферного озона. В процессе работы над этим проектом им была написана и опубликована монография, посвященная контролю озоносферы Земли из космоса. Он является членом ассоциации «Астронавтика – человечеству» Российской Академии естественных наук.

Начиная с марта 1994 г. и по сей день ученый работает в Институте космических исследований (Технион, Хайфа). Он принимал самое непосредственное участие в разработке и испытаниях израильского спутника «Техсат», разработал разнообразное оборудование для спутников, провел цикл исследований так называемых малых спутников. Результаты его исследований докладывались на международных конгрессах, конференциях, печатались в ведущих журналах по вопросам космической науки и техники (около 40 публикаций по исследованиям, выполненным в Израиле). Благодаря этим работам, Технион стал признанным в мире лидером в области разработки небольших, недорогих и эффективных спутников. Коллеги Ф.Ортенберга, научная общественность высоко ценят его вклад в развитие израильской космической отрасли. В октябре 2007 года во время юбилейных торжеств, посвященных 50-летию космической эры, израильский Национальный земельный фонд (Керен каемет) посадил дерево в честь Ф.Ортенберга. Этой высокой наградой была отмечена группа ученых и инженеров за успехи в развитии космической науки и техники.

Библиография (некоторые публикации Ф.Ортенберга, 1994–2007 гг.)

1. *Ortenberg F.* Small Satellite's Role in Future Hyperspectral Earth Observation Missions Paper IAC-06-B5.4.07, 57th International Astronautical Congress, Valencia, Spain, October, 2006.

2. *Ortenberg F.*, Seven-year Flight Testing of the Gurwin-Techsat Microsatellite, SSC05-V-4, 19-th Annual AIAA/USU Conference on Small Satellites, Utah, August, 2005.

3. *Ortenberg F.*, Close Observation of the International Space Station by a Microsatellite. Paper IAC-54-W.03.5, 55th International Astronautical Congress, October 2004, Vancouver, BC.

4. *Ortenberg F.*, Measuring the Lunar Gravity Field Using Inter-Satellites Laser Range-Rate Measurements. Paper IAC-04-A.2.05, 55th International Astronautical Congress, October 2004, Vancouver, BC.

5. *Ortenberg F.*, The Gurwin-Techsat Microsatellite: Six Years Successful Operation In Space. ESA, SP-571, Proceedings of the 4S Symposium: Small Satellites, System and Services, September 2004, La Rochelle, France.

6. *Ortenberg F.*, Ozone: Space Vision. Space monitoring of Earth Atmospheric Ozone. Technion Publishing, Haifa, pp.1-100, 2002 (monograph).

7. *Ortenberg F.*, Small Satellites Development, Performance and Cost: Present State and Trends. Proceedings of the 42nd Israel Annual Conference on Aerospace Sciences, February, 2002, p.8.

8. *Ortenberg F.*, Microsatellites for Science and Technology: TechSat In-flight experiments results. 3rd International symposium of the IAA, Small Satellites for Earth Observation, Berlin, April, 2001, pp. 67-70.

9. *Ortenberg F.*, The Israeli microsatellite TECHSAT for scientific and technological research: development and in-orbit testing. Acta Astronautica, vol. 46/2-6, 2000.

10. *Ortenberg F.*, Space based small ultraviolet photometer for the measurement of the ozone concentration in the Earth atmosphere. Proceeding SPIE, vol. 3110, pp.161-170, 1997.

11. *Ortenberg F.*, An infrared scanning radiometer of high spatial and spectral resolution. Proceeding SPIE, Europto Series, vol. 231, 22-11, 1994.

«...И дышит почва и судьба» (Об израильском ученом Льве Моргулисе)

Лев Фрухтман (Лод, Израиль)

Лев Моргулис

Поскольку глаз есть окно души, она находится в постоянном опасении потерять его...

Кодекс Атлантик, 119

Здесь фигуры, здесь цвета, здесь все образы
частей вселенной сведены в одну точку.
Какая точка столь чудесна? О, дивная,
изумляющая необходимость,
ты понуждаешь своими законами все
действия быть кратчайшим путем
причастными причин своих.
Это чудеса, которые...

Кодекс Атлантик, 345

Есть нечто, в предельной степени
обладающее истиной,
и совершенством, и благородством,
а следовательно, и бытием...

Фома Аквинский

Трудно поверить, что более десяти лет нет в живых израильского ученого Льва Марковича Моргулиса, химика и известного специалиста в области электронной микроскопии, работавшего в Институте Вейцмана в Реховоте. Он не погиб в теракте, в автокатастрофе, в *милуиме* («на военных сборах»). Он просто умер от раковой опухоли в свои неполные 55 лет. Спортивный, молодежавый, весь устремленный в научные исследования, готовый к большой энергичной Жизни...

Можно без преувеличения сказать, что смерть Левы потрясла не только родных и близких (младший сын Макс с горечью сказал: «*Как мы теперь будем без Папы?!*»), жена Лена с полными слез глазами в отчаянии промолвила: «*Господи, за что нам такое!*»), но и многочисленных Левиных друзей-«отказников» (Арон Гуревич с печалью констатировал: «*Да, мы не успели насладиться общением с ним!*») и сотрудников института (д-р Исай Фельдман, коллега и ученик Левы, написал: «*Тяжелая болезнь оборвала жизнь блестящего ученого,*

замечательного человека в самом расцвете его научной карьеры»). Можно было бы привести еще десятки высказываний о нем близких и друзей.

Народная пословица гласит: «На миру и смерть красна». В данном конкретном случае это оказалось неутешительным вздором. Левина смерть была *черна*... Ежегодно собираясь на его годовщины, многие, в том числе и автор этих строк, ощущают, как это черно, непоправимо, незаслуженно.

Я знал Леву еще в Москве, в годы «отказа», с начала 1980-х: он один из тех, благодаря кому окончательно сформировались и обрели реальные очертания и мои сионистские взгляды: «Куда ж нам плыть?..» К Сионским высотам!..

Лева был убежденным сионистом, но не «шумным», не крикливым «агитатором», просто проводил у себя дома семинары по ивриту, устраивал пасхальные седыры и пуримшпили, рассказывал об Эрец-Исраэль, о еврейском государстве, о еврейских обычаях, истории нашего народа; еще задолго до разрешения на выезд в Израиль принял с семьей израильское гражданство. Таких мужественных людей было не так уж много...

Многие и не догадывались, какой он замечательный ученый, какая у него научная биография, какая он интересная личность! После «отказа» он вынужден был покинуть советский НИИ, уже будучи специалистом в области электронной микроскопии с именем, и как заправский работяга с рюкзаком за плечами ездить по Подмосквовью с артельщиками строить дома и дачи... Так начиналась утечка «еврейских мозгов» – вернее сказать, «перетечка» их из России в Израиль.

Биография Левы Моргулиса напоминает биографии многих родившихся в военную годину в России: холод, скудный рацион, мучения, тревоги... Лева появился на свет в самые трескучие морозы 3 декабря 1941 года в эвакуационном городе Кировограде, в интеллигентной еврейской семье.

Отец, Марк Львович Коган, военный журналист, в первые же дни Отечественной войны ушел добровольцем на фронт и погиб 10 декабря 1941 года под Ленинградом, так и не узнав о том, что у него родился сын. Письмо с этим известием к адресату опоздало. (Так рассказывала Роза Львовна Моргулис, мать Левы, в прошлом работавшая в министерстве образования и ставшая репатрианткой вместе с сыном. Она пережила его на несколько мучительных лет!)

В 1942 г. Лева с мамой и сестрой вернулись из эвакуации и жили в Москве. В 1949 г. он пошел в школу, учился блестяще; в старших классах параллельно посещал физико-математическую школу при Московском университете. Это направление его влекло. В 1959 году, подав документы в МФТИ (Физтех, как называли этот институт, Московский физико-технический), Лева прекрасно сдал экзамены, но был «срезан» на собеседовании. (Это был хорошо отработанный трюк тоталитарной системы, всем известный, но никем не запрещаемый, вплоть до минобразования. Вузовские деканы «в штатском» творили что хотели!) В том году почти все абитуриенты-евреи были «завалены» на экзаменах в Физтех. Потом почти все эти ребята с неправильной национальностью были приняты без экзаменов в Московский институт стали и сплавов. Лева Моргулис оказался в их числе. По окончании института в 1965 г. он стал специализироваться в области электронной микроскопии. Сначала работал в НИИ в Черноголовке, под Москвой, затем в Институте черной металлургии и др. За семь лет работы в области электронной микроскопии Лев Маркович накопил достаточный опыт и теоретические познания, чтобы написать кандидатскую диссертацию. В 1973 году он ее успешно защитил.

Но тут, эпически говоря, «грянула» эпоха нового еврейского Исхода, и либеральная еврейская интеллигенция заметалась. (Как пел Булат Шалвович: *«Пока не грянула пора нам собираться понемногу...»*) Прошло громкое «самолетное дело». Началась охота на инакомыслящих и диссидентов. Зародилось еврейское «отказное» движение, захватывавшее все больше и больше народу. В конце 1970-х Лева и Лена получили вызов из Израиля от «родственников»-однофамильцев: Хаима и Ривки, репатриантов из Москвы, живших с начала 70-х в Израиле. Моргулисы подали на выезд в 1979 г. и на восемь лет попали в отказ (в то время, когда о Леве уже говорили как о создателе «школы Моргулиса» в электронной микроскопии!).

Те ученые, инженеры, математики, физики и др. «спецы», прошедшие через многолетние отказы, знают, что, по сути, это время, как говорили в Одессе (не Бабеля, а Жванецкого), – *«вырванные годы»*.

А израильская наука, медицина, производство, оборонка не могли делать скидок на «борьбу советских евреев за выезд в Израиль»... Страна жила в своем ритме, своим «трепетом забот иудейских» (Ал. Воронель). Нельзя отрицать: Сохнут и министерство абсорбции помогали ученым-репатриантам, устраивали всякие стипендии, дотации,

«теплицы»... Но везение не исключалось. И, так сказать, индивидуальный *мазаль* («удача») играл-таки большую роль.

Лева Моргулис, приехав в 1987 году в Израиль, чудом сохранив свою узкую научную специализацию, был через несколько месяцев (тоже как бы чудом!) принят в Институт Вейцмана, и в его распоряжение был предоставлен японский, самый современный, микроскоп. Мол, давай, *оле-хадаш ми Русия* («новый репатриант из России»), покажи, на что ты способен! И д-р Моргулис, скромный, виновато улыбающийся, но внутренне всегда собранный, по-деловому сосредоточенный, *показал*.

Правда, на это ушли долгие месяцы упорного труда, изучения и освоения новых подходов западной науки, принципов, ее узловых моментов. Включая «максимальную компьютеризацию», «высокий» английский и, безусловно, *иврит мале* («знание иврита»). Но Лева был счастлив по-настоящему.

У меня сохранилась пачка писем от Моргулисов – за те два года, 1987–1989, когда мы с женой еще оставались в Москве. В письме от 14.03.1988 из Реховота Лева писал, уже месяц отработав в Институте Вейцмана: *«На работе у меня пока все очень хорошо, но очень многому приходится учиться [заново] – все-таки 7 лет простоя не могут пройти даром»*. Вскоре, в следующем письме, Лева сообщал: *«...Я сейчас работаю очень много, каждый день с 9 утра до 8 вечера – не по принуждению, а просто для того, чтобы побыстрее ликвидировать свое отставание в науке и стать полноправным членом Института»*.

Вот как трезво оценивал Лева свой научный потенциал и как он был требователен к себе! (Жизнь в израильской науке привела его к необходимости стать трудоголиком.) Наш общий друг Арон Гуревич, инженер-электронщик и старый «отказник», предвидел, что в Израиле «не посачкуешь»: *«Надо будет снова доказывать себя: свою профессиональную пригодность, свой опыт и талант, если он есть»*.

Руководитель проекта, в котором работал Лева, профессор Решеф Тенне вспоминает: *«...В короткие сроки Лев сумел достичь высочайшего профессионализма и написал много научных статей... Могу сказать, что благодаря ему у нас был счастливый период с 1990 по 1995 годы, когда электронная микроскопия в Институте им. Вейцмана была на высочайшем уровне»*. (Поистине, как писал Б.Л. Пастернак: «Предвестьем благ приходит гений...»)

А вот как вспоминает о самом начале работы Левы другой его коллега по отделу д-р Тальмон Арад: *«В 1988 году я впервые встре-*

тил Льва, когда он начал работать в отделе микроскопии. Я много слышал о нем как об ученом с богатым опытом в электронной микроскопии... Меня попросили научить Льва обращаться с новыми микроскопами и оборудованием. Уже в первые дни я понял, что имею дело с профессионалом. Через несколько дней обучения он уже мог обращаться с техникой, абсолютно для него новой. Во всем, что он делал, был виден подход настоящего ученого-исследователя и глубокое понимание материала...»

Вероятно, это «глубокое понимание материала» и привело Льва Моргулиса к научному открытию. В области научных открытий всегда существует закономерность, подготовленная целым рядом как бы случайных «малозначительных» открытий, и случайность как счастливая догадка ученого. Коллеги Моргулиса говорили, что у него самый зоркий «микроскопический» глаз.

На самом деле зорким был ум, помноженный на опыт предыдущих лет, на интеллект, на знания. (То же подтвердил ученик Левы, д-р Исай Фельдман, физик, защитивший докторскую диссертацию по фуллеренам, в беседе со мной 20 ноября 2006 года: «Элемент случайности открытия как бы присутствовал, но если бы Лев Маркович не обратил внимания на новые необычные элементы структуры дисульфида молибдена, то, может, прошло бы много времени, прежде чем их открыли бы в нашем Институте Вейцмана, на этом микроскопе».)

Важны были еще серьезная сосредоточенность, погруженность в работу, полное отрешение от земных забот, уход в «параллельный» мир, как говорят компьютерщики. Лена Моргулис свидетельствует о муже: *«Еще в московские годы, садясь за микроскоп, он ничего вокруг не замечал».*

А теперь представьте себе супермощный микроскоп с увеличением в полмиллиона раз (500 000!), посредством которого обычный человеческий глаз проникает в структуру материи, долгие часы живет в том микромире, выискивая среди известных элементов «малознакомые» и чужеродные молекулы: кружочки, палочки, загогулины, как на полотнах супрематистов Кандинского или Малевича. Интересно свидетельство одного из друзей Левы, химика и литератора Марка Львовского, сотрудника Института стандартов, побывавшего однажды, в начале 1990-х годов, в лаборатории Моргулиса и заглянувшего в Левин микроскоп. Ради шутки Лева показал ему «глаз мертвого комара» в сверхсильном увеличении... *«И вот сначала размытый, а потом все более и более четкий и, наконец, совершенный, как рисунок*

Модильяни, перед нами предстал глаз комара, мертвый глаз. Взгляд из другого мира. Он поражал своей незнакомостью, сложностью, совершенной симметрией и неподвижностью. Это был воистину миг соприкосновения с вечностью... Мы ощущали материю. Лева копался в ее "нутре". Мы были зрителями драмы Б-жественного творения. Лева – объективным, бесстрашным ее исследователем. Мы провели внутри таинственного мира не более получаса. Лева торчал в нем каждый день с раннего утра и до полного изнеможения» («Когда строку диктует чувство...» Сборник памяти Льва Моргулиса. Реховот, 1997).

Вот так – повседневный, напряженный труд привел Моргулиса к открытию. Что мы знали о его, так сказать, научном самочувствии, о его научном потенциале?.. Внешне он не выказывал никаких признаков ученого «не от мира сего»: никаких «закидонов», забывчивости или рассеянности, или резких перепадов настроения, или отрешенности; нет, он был прост, улыбчив, откликался на поэзию, музыку, литературу, на юмор (по приезде его из научной командировки в Японию в 1995 г. я все норовил поговорить с ним «по-японски», придумывая вопросы-фразы с окончанием на «-иси», «-таки», «-яма». Поразительно, он тут же находил остроумные «японские» ответы: *«Из Киото Левието возвратяси восворяси»*. Смеясь, я говорил: *«Ну ты настоящий японец!»*). Он был талантливый человек. Политический юмор у него проходил по линии «Зияющих высот» Александра Зиновьева, песен А.Галича, остросатирических стихов Наума Коржавина, таких, как «Стихи о хроническом недосыпе»... Очень любил Владимира Набокова, в частности «Дальние берега», «Защиту Лужина». Но оставался он и интеллигентом старой закваски. Был бесконечно рад, когда я в своем багаже привез оставленный ими в Москве пятитомник И.Ильфа и Е.Петрова. (Думая о Леве как об ученом, я невольно сбиваюсь на характеристику его как человека!) А как же может быть иначе? Простак, в шорах, неосведомленный в искусстве и литературе, может ли что-нибудь «открыть»? Правда, любимый Левой Б.Пастернак говорил как бы всерьез: «Я человек не начитанный...» Но это был юмор особого рода, свойственный великому поэту... Лева, в отличие от поэта, не мог себе позволить быть не начитанным: перед его отъездом в Израиль мы неделю развозили его довольно обширную библиотеку по букинистическим магазинам Москвы. На вывоз научной и художественной литературы за рубеж существовал еще ряд «драконовских» пунктов (и это во времена перестройки!).

И вот спустя пять лет после репатриации, в 1992 году, Лева совершает нечто важное в микроскопии твердых тел – что доступно пониманию лишь группе ученых, работавших в Институте под руководством Решефа Тенне. И Леву выдвигают на звание «Выдающийся ученый», присуждаемое в Израиле ежегодно. (Комментировать такой яркий факт в биографии ученого как бы излишне, но хочется заметить, что это не «советское выдвиженчество», не поощрительная мера научного босса, это серьезное признание таланта ученого, сделавшего что-то конкретное, важное в израильской науке!)

По словам Лены Моргулис, сотрудники Левы говорили, что «такой научной интуицией обладает далеко не каждый ученый».

Интуиция – это нечто сверхъестественное, «шестое чувство», превосходящее опыт. Когда 100 лет назад Альберт Эйнштейн опубликовал в немецком научном журнале «Аннален дер Физик» скромную работу в 30 страниц «К электродинамике движущихся сил», никто не предполагал, что открытие (увенчанное позднее как «Общая теория относительности» Нобелевской премией) даст толчок квантовой теории и приведет к расщеплению ядра и атомным разработкам во всех странах еще при жизни Эйнштейна. (Недаром после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки 2 августа 1945 г. А.Эйнштейн очень серьезно заявил: «*Это я нажал кнопку!*»)

Фуллерены, в области которых работал и совершил открытие Лев Моргулис, пока что новы и загадочны. Куда они приведут?..

Конечно, вся научная группа профессора Решефа Тенне из Института Вейцмана занималась разработкой фуллеренов, совершенно новой структурой материи. Чтобы понять, что это за штука, фуллерены, надо, вероятно, прослушать курс лекций на химическом факультете. Я приложил некоторые усилия, чтобы понять элементарные основы теории фуллеренов, и провел полуторачасовую встречу с учеником Моргулиса Исаем Фельдманом. В популярном изложении *это* выглядит таким образом. Фуллерен – новый тип молекулярной формы углерода. Первой была открыта молекула с магическим числом атомов – C_{60} .

Открыты они были в 1985 году и названы за свою сферическую форму в честь американского архитектора Р.Бакминстера Фуллера, который изобрел «сферический купол» для американского павильона на Международной выставке в Монреале в 1969 г. Купол был «сшит» пяти- и шестиугольными заплатами наподобие кожаного футбольного мяча. В свою очередь Фуллер заметил эту сферическую поверхность в одном из рисунков Леонардо да Винчи – на страницах его многочисленных Кодексов,

посвященных научно-техническим исследованиям. Это интересно как научно-популярное знание, но что за ним стоит, рассказывает Исай Фельдман: «В последние годы своей жизни основной научный интерес д-ра Моргулиса был связан с изучением так называемых фуллеренов. Так же, как пионеры этого материала англичанин Г.Крото и американцы Р.Смолли и Р.Керл (разделившие между собой Нобелевскую премию по химии за 1996 г.) являются первооткрывателями углеродных, другими словами органических фуллеренов, д-р Лев Моргулис является одним из первооткрывателей **фуллеренов неорганических**. Чтобы разобраться, что такое фуллерены, необходимо вспомнить, как из атомов образуются твердые тела. Любое кристаллическое твердое тело состоит из атомов, находящихся в узлах трехмерной, то есть имеющей высоту, ширину и глубину, кристаллической решетки. Чаще всего расстояния между атомами в решетке примерно одинаковы, что является залогом прочности и однородности кристаллического вещества. Но существует и большой класс так называемых слоистых материалов, у которых атомы образуют скорее двухмерную, чем трехмерную решетку. При этом расстояния между атомами внутри самого слоя намного меньше, чем расстояния между атомами в соседних слоях...» (Далее, чтобы понять рассуждения д-ра Фельдмана, надо напрячь свои гуманитарные головы и извлечь из них познания по физике и химии, полученные в средней школе, но и этого мало, надо включить абстрактное мышление. Д-р Фельдман поясняет, что атомы плоскости связаны между собой сильными межатомными связями, как правило, ковалентными, а атомы соседних слоев связаны не столь прочными, так называемыми ван дер Ваальсовскими связями. По этой причине соседние слои в слоистых материалах – графит, слюда и др. – могут относительно легко сдвигаться по отношению друг к другу, сохраняя при этом структуру самого слоя.)

«А при чем тут “сфера”, “купол”, такие изящные архитектурные построения?» – спрашиваю по-дилетантски у д-ра Фельдмана.

«Фуллерены являются особым видом слоистых материалов, в которых атомные слои закручиваются, образуя замкнутую сферическую поверхность. Слои графита, типичного слоистого материала, образованы плоскостью шестиугольников, построенных из атомов углерода. Чтобы лоскут, состоящий из таких шестиугольников, преобразовать в сферу, необходимо часть шестиугольников заменить на пятиугольники. Точной копией такой сферы является футбольный мяч. Все эти опытные сведения касались органических соединений,

Президент Израиля Хаим Герцог вручает Льву Моргулису премию «Выдающийся ученый Израиля», 1992

то есть органических фуллеренов.

...Лев Моргулис был первым, кто открыл, что фуллереноподобные частицы и нанотрубки могут образовываться и в неорганических веществах.

Он обнаружил это, изучая на электронном

микроскопе образцы дисульфида молибдена, синтезированные в лаборатории проф. Р.Тенне в стенах Института им. Вейцмана). (Сам д-р Фельдман, как было выше сказано, ученик Моргулиса, работает сейчас в этой же «фуллереновой» области; за прошедшие годы в Институте им. Вейцмана и других научных центрах было синтезировано около 50 новых фуллереноподобных частиц различных слоистых материалов.)

Для практического применения фуллереновых наночастиц, сказал д-р Фельдман, уже строится в Израиле производственный реактор для выработки 75 килограммов порошкового материала в день.

(«Вероятно, назрела необходимость выпуска хотя бы научно-популярной брошюры под условным названием “Фуллерены”? Очень интересно!», – резюмировал я. И уверен, что скоро это станет общедоступным как атом, но, дай-то Б-г, чтобы в мирных целях!)

В 1996 году, после смерти Льва Моргулиса, Израильское общество по электронной микроскопии учредило ежегодную Премию имени Льва Моргулиса. Она присуждается молодым специалистам, отличившимся в этой области. Ныне, в начале этого столетия, за развитием науки о фуллеренах с интересом наблюдают специалисты израильской промышленности, военной в том числе, медицины, машиностроения и других отраслей...

Говорят: по проторенной дорожке легче идти. Может быть, в мировой науке следующих десятилетий не забудется имя Льва Моргулиса, талантливого израильского ученого, проторившего свою «тропку» в совершенно новой молекулярной области. Ученого, чей прах под мраморной плитой покоится на Реховотском городском кладбище. В дни годовщин на мрамор ложатся букеты свежих цветов: розы, лилии, хризантемы, гвоздики...

В первую годовщину Левы написались такие скорбные посвященные ему строки:

...И мрамор с нами говорит,
И надо с мрамором сдружиться.
И друг тропу к тебе торит,
Чтоб к горькой смерти приобщиться...
Оплакан чистой слезой,
Он памятью с живыми связан,
Но *живый* радостной стезей
Все далее идти обязан.
А ты в кочевье неземном
Друзей за это не осудишь.
Ты – звездной ночью, светлым днем,
Ты мрамором любимым будешь!..

Порой, собираясь узким дружеским кругом у могилы, мы с Ароном Гуревичем читаем по Леве каддиш, величественные, освященные многовековой еврейской традицией слова: *«Исгадал вэискадаш имей раба...»* («Да возвеличено и свято будет имя Твое»), а после каддиша мне на ум приходят слова великого поэта: *«...И дышат почва и судьба»*.

На стене в моем рабочем кабинете висит то ли гравюра, то ли акварель неизвестного японского художника, привезенная Левой из Японии в 1995 году: голубь и голубка на фоне ветки сакуры. Вспоминаю его восторженные рассказы о Японии, о теплом приеме, о вежливом обращении с частицей «сан», о крайней заинтересованности японских ученых открытием неорганических фуллеренов, о том внимании, с каким был выслушан научный доклад д-ра Моргулиса-сан. Что должно было повлечь и, наверное, повлекло долговременные научные контакты японских ученых с Институтом Вейцмана и группой профессора Решефа Тенне... И коллеги всегда помнят, что на алтарь израильской

науки жизнь свою положил выдающийся ученый Лев Маркович Моргулис, да будет светла его память!

Постфактум. У Льва Моргулиса, *зихроно ливрохо*, растут четверо внуков и внучек — два мальчика и две девочки, сабры, родившиеся после его смерти.

Филателист и ученый (О Беньямине Ройтере)

Борис Володарский (Ашдод, Израиль)

Меня всегда интересовала еврейская история. Еще мальчишкой я собирал марки на разные темы. Уже в Израиле соединил свои увлечения и начал составлять коллекцию на тему «Иудаика», познакомился с филателистами в этой области, в том числе с Беньямином (Бени) Ройтером. Наше знакомство перешло в сотрудничество и стало дружбой, продолжавшейся до самой его смерти.

Беньямин Ройтер

Человек он был необыкновенный, интеллигент старой русской закваски. Своей образованностью, культурой, широким кругозором, глубокими знаниями, простотой в обращении очаровывал окружающих.

Я расскажу о Бени все, что знаю из наших бесед, из рассказов его друзей и сыновей – Мики и Адама. Его отец, Яков Ройтер, родился в г. Белая Церковь в 1883 г. Юношей перебрался в Маньчжурию, в город Харбин; мать Бени, Лена, приехала сюда из Подмоскovie. Бени родился 11 ноября 1931 г.; к тому времени в семье уже был ребенок – его старшая сестра Галя, ныне живущая в Австралии.

Через некоторое время семья переселилась на север Китая, в город Тяньцзинь. Яков владел большим магазином лакокрасочных материалов. Семья была зажиточная и часть денег выделяла на финансирование местной еврейской школы. Бени учился в этой школе и окончил ее с отличием в 1948 г.; занимался год в университете в Пекине.

В это время в Китае к власти пришли коммунисты. Жизнь изменилась к худшему. Семья решила репатриироваться в Израиль, что стало возможным в 1953 г. Юноша с матерью приехал в Израиль, они поселились в Мигдаль ха-Эмек.

Вскоре нового репатрианта призвали в ЦАХАЛ (Армию обороны Израиля), в войска связи. Еще в армии Бени начал учиться в Хайф-

ском Технионе на физическом факультете, потом успешно завершил учебу и получил вторую академическую степень. В Институте им. Вейцмана в Реховоте увлеченно работал над докторской диссертацией по теоретической физике (физика высоких энергий). Затем в Гарвардском университете (Бостон) сделал постдокторантуру (1966–1968 гг.). По возвращении вновь работал в Институте Вейцмана – занимался исследованиями в области ядерной физики (физика элементарных частиц) и отвечал за компьютеризацию в отделе. В 1973 г. как резервист участвовал в войне Судного дня – на египетском фронте против 2-й египетской армии. Участвовал в первой Ливанской кампании как лектор в частях нашей армии на территории Ливана. В 1986 г. организовал в институте систему компьютерной поддержки исследований в области биологии, параллельно читал лекции по физике и астрономии в подразделении лекторов ЦАХАЛа до 55-летнего возраста. В 1996 г. вышел на пенсию.

Бени знал пять языков: иврит, английский, китайский, русский, японский. Рассказывал, что в Маньчжурии русскому его учил по настоянию отца православный священник.

Когда Институт Вейцмана посещали гости из Китая, становился переводчиком.

* * *

Бени долгие годы собирал марки. В начале его увлекали темы «Китай» и «Космос», затем «Иудаика», в которой он достиг больших успехов. Этому способствовало хорошее знание иудаизма.

...На марках часто изображены портреты деятелей культуры, науки, национальных героев, политических деятелей и др. Мы быстро узнаем таких евреев, как Карл Маркс, Альберт Эйнштейн или Яков Свердлов. Но встречаются и менее известные личности или популярные только в какой-то отдельной стране. Об их еврейском происхождении не всегда знают. Это художники, архитекторы, скульпторы, конструкторы самолетов, ракет, ученые, инженеры, писатели и др. Идентификация их как потомков Яакова, праотца всех евреев, становится предметом исследования, сбора различных материалов и сведений из разных источников. К иудаике также относятся марки, созданные в разных странах художниками и графиками – евреями.

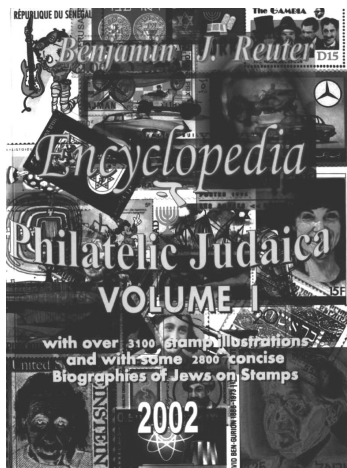
С 1953 г. в Израиле существует Всеизраильское объединение филателистов иудаики. Его создал и возглавил Арье Линдбаум. Он

родился в местечке Бережаны Тернопольской области, в 1946 г. был нелегально переправлен в Эрец-Исраэль (алия бет). Вторым организатором этого объединения – доктор Шауль Догон. Родом из Польши, во время Второй мировой войны был врачом в Красной Армии. Как польский подданный перешел в армию генерала Андерса и вместе с ней прибыл в Палестину.

Бени Ройтер присоединился к Объединению филателистов Израиля в 60-е годы. Они выпускали Листок новостей филателистической иудаики в разных странах, читали лекции, устраивали встречи и выставки. В 1986 г. Бени вышел из объединения и создал Информационный центр коллекционеров иудаики, стал выпускать листок «Хадашот иудаика» («Новости иудаики») на иврите, а с 1996 г. – на английском для стран Европы и Америки. В своем реховотском доме проводил незабываемые семинары, на которые приезжали филателисты со всей страны – из Хайфы, Тель-Авива, Ришон ле-Циона, Ашдода и других мест. Гостеприимный хозяин не навязывал свою точку зрения, прислушивался к мнению коллег.

Бени собрал огромную коллекцию; у него были все виды каталогов марок, он следил за новинками. Его эрудиция и глубокие знания поражали всех, кто с ним встречался. Участвуя в международных выставках, получил признание и награды. Постоянно занимался исследованиями. В этом ему помогало свободное владение английским, а также знание компьютера, умение пользоваться Сетью и другими источниками информации. Он составил список, насчитывающий более 20 тысяч евреев, внесших вклад в мировую цивилизацию, а также списки и биографии евреев – лауреатов Нобелевской премии, героев Советского Союза, генералов и адмиралов в армиях СССР, США, Англии, Франции, Австралии, Польши, глав и членов правительств разных стран мира. Он работал с утра до вечера, очень увлеченно. Собранные материалы систематизировал и вносил в базу данных.

С Большой алией (алия 90-х) в страну приехало много филателистов. Это помогло Бени Ройтеру расширить материалы по иудаике и значительно пополнить коллекцию. Он начинает работать над созданием энциклопедии «Иудаика в филателии», в которой намеревается собрать наиболее полные сведения о марках всего мира за 140 лет (всю историю их существования). В 2002 г. вышел первый том «Encyclopedia Philatelic Judaica», содержащий 418 страниц на английском, богато иллюстрированный, с броской обложкой. В нем в алфавитном порядке указаны все страны мира, которые выпустили марки,

**Первый том энциклопедии
«Иудаика в филателии»**

относящиеся к этой теме, с 1840 по 2000 г.; фотокопии более трех тысяч марок; описания изображений – портрет еврейского деятеля, его имя или произведение. Все марки представлены по годам, странам с указанием их номеров в четырех разных каталогах. Впервые представлены сведения о датах выпуска, имена персоналий по 1489 почтовым конвертам СССР и 1539 почтовым открыткам этой страны. Более 100 страниц занимают различные таблицы (2800 персоналий выдающихся деятелей-евреев, которым посвящены марки, вошедшие в издание) и приложения.

Выпуск этого тома энциклопедии стал важным вкладом в филателию по иудаике, поскольку в нем наиболее полно представлены сведения на данную тему. Стоит отметить, что Бени сам полностью подготовил на компьютере к изданию свое детище – первый том энциклопедии. Новинка быстро разошлась по разным странам и получила высокую оценку специалистов.

Бени Ройтер продолжал работать над энциклопедией, планировал, что оставшийся материал опубликует в 2004 г. – разделы «Танах», «Синагоги», «Еврейские символы и флаги», «Иерусалим», «Холокост», «Спорт», «Евреи – художники марок», биографии выдающихся евреев, в том числе евреев-израильтян.

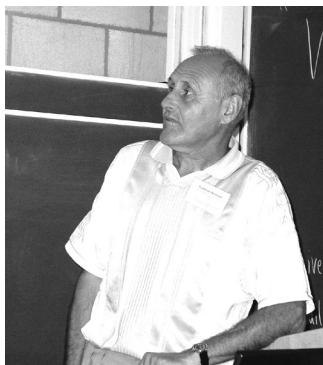
Бени Ройтер умер внезапно, нелепо, на 72-м году жизни, 18 декабря 2003 г. Утром он, как обычно, вышел погулять с собакой. У подъезда кто-то оставил строительный мусор. Не смог равнодушно пройти мимо и начал относить керамические плиты в сторону. Вдруг почувствовал себя плохо. Скончался в больнице Каплан в Реховоте после нескольких инфарктов. Издание осталось незавершенным. Филателия и коллекционеры иудаики потеряли выдающегося филателиста XX века.

На дорогах теории графов

Лена Драгицкая (Иерусалим)

Среди примерно сотни избранных нерешенных математических задач в популярной интернет-энциклопедии «Википедия» довольно долго фигурировала проблема «раскраски дорог», в английской версии – Road coloring problem. Эту проблему оглашали также математические страницы порталов Yahoo и фирмы IBM.

Осенью 2007 года к указанной статье было добавлено примечание, со ссылкой на интернетовский источник, что проблема вроде бы уже решена. Позднее, в 2008 году, появилась и более подробная информация, с указанием и автора решения – профессора университета Бар-Илан в Израиле А.Н.Трахтмана. Если не считать занимаемой должности, то информация была верной. А.Н. же это не первые буквы двух имен автора по европейской традиции, а сохранившиеся с советских времен инициалы Трахтмана Абрама Наумовича, ставшего в Израиле с 1992 года Авраамом.

Абрам Трахтман

С 1995 года Трахтман работает в университете Бар-Илан научным сотрудником кафедры математики факультета естественных наук, успев, впрочем, за три первых года пребывания в Израиле освоить несколько профессий, включая столь экзотическую, как «шомер». Переводится это обычно как «охранник» или «сторож», хотя и не совсем точно. Охранник, как правило, должен следить, чтобы ничего не вынесли, а шомер, наоборот, чтобы не внесли. Пособие по безработице тоже было ему знакомо. В университете (спасибо министерству абсорбции) он начал с известной многим стипендии Шапиро, затем была программа помощи ученым-репатриантам Гилади и, наконец, KAMEA. Ну а ныне официальный сайт израильского консульства в Нью-Йорке (IsRealli, 14.02.08), предварительно просветив публику насчет проблемы «раскраски дорог», с глубоким почтением процитировал президента университета Бар-Илан профессора Моше Каве,

назвавшего ученого-репатрианта «гордостью университета и государства Израиль».

Проблема «раскраски дорог» относится к теории графов, изучающей совокупности объектов и связи между ними. Иногда вместо слова «граф» используется более понятное нам слово «сеть». Объекты здесь графически представлены как точки, или «вершины» графа. Связи – соединяющие их линии, или «ребра». С помощью таких «сетей» можно смоделировать практически любое явление. Теория графов стала активно развиваться в последние полвека – как раз из-за потребности моделировать на компьютере все что угодно, от климатических процессов до последовательности движений какого-нибудь персонажа в анимации. Впрочем, основные ее задачи по-прежнему принадлежат работе мысли и решаются «из головы», с помощью карандаша и листа бумаги.

К теории графов относится и популярная задача, поставленная в 1970 году в статье по символической динамике Адлера и Вайса, ставшая известной как проблема «раскраски дорог». Нужно было доказать, что для любой системы возможно отыскать «синхронизирующее слово» – известное также как «магическое», такую последовательность связей между вершинами графа, которая позволяла бы синхронным образом приводить систему в единое состояние. Чтобы наглядно объяснить, как работает «синхронизирующее слово», придумали термин «раскраска дорог».

Представим себе, например, что одна из вершин нашей сети выделена. Чтобы добраться до нее из любого места, неважно откуда, достаточно следовать вдоль ребер графа, выбирая одну и ту же последовательность «синий-синий-красный», и так далее. А вот последовательность «синий-красный... синий-красный-красный...» обязательно выведет нас (опять из любого места) сети к другой вершине.

Суть задачи можно раскрыть и так. Предположим, например, что мы попали в незнакомый город, в котором к тому же разыгралась снежная буря и не видно ни одной таблички с названиями улиц, ни одного дорожного указателя. Мы не знаем, где конкретно находимся, но должны вырваться на машине к определенному месту. Мы звоним другу, и он ободряет: «Не волнуйся, я буду рассказывать, куда и где свернуть». Постепенно вслепую, следуя лишь указаниям «налево, снова налево, теперь направо», мы добираемся до цели. Так работает «синхронизирующее слово». И доказать, что его можно найти, ока-

залось возможным в сентябре 2007 года, через 37 лет после того, как была поставлена задача: для крупных математических проблем не такой уж долгий срок.

Еще один наглядный вариант теоремы выглядит следующим образом: туристу необходимо попасть в назначенное место, несмотря на то, что он находится в лабиринте. Каждая тропа окрашена определенным цветом, причем можно пройти только по тропам от перекрестка. По слышимой связи может быть дана подсказка о последовательном выборе цвета троп для достижения поставленной цели. Однако удаленному помощнику неизвестно о местонахождении туриста. Но есть разновидности путей в лабиринте, приводящие его в нужное место, где бы он ни был.

Задача же состоит не столько в определении подобной возможности для лабиринта – выборе «синхронизирующего слова» и даже не столько в раскраске троп лабиринта, сколько в доказательстве существования такой раскраски. Так же существенно, что проблема «раскраски дорог» находится на стыке разных областей. Она возникла как задача символической динамики, относится к теории графов, которая, в свою очередь, связана с теорией кодирования. А то, что она позволяет возвращать систему в одно и то же безопасное состояние, связывает ее с теорией автоматов. Многочисленные неудачные попытки решить задачу, поддававшуюся лишь в немногих частных случаях, обеспечили ей репутацию «пресловутой» и даже «безнадежной».

Формально теорема звучит следующим образом: *каждый конечный сильно связный граф (т. е. существует путь из любой вершины в любую), все длины циклов которого не имеют общего делителя большего единицы и все вершины которого имеют одинаковое число исходящих ребер, обладает синхронизирующей раскраской.*

Формулировка коротка и проста, что для математического результата довольно редко. Скорее всего, именно поэтому решение проблемы «раскраски дорог» включено английской версией «Википедии» в относительно небольшой (из полутора десятков) список известных математических проблем, решенных за последние годы. Вместе с такими результатами, как решение проблемы Ферма Уайлсом и проблемы Пуанкаре Перельманом. Различные результаты Трахтмана упомянуты в нескольких статьях «Википедии», в онлайн-версии энциклопедии «Британика» ему также посвящена статья.

Решение задачи «раскраски дорог» нашло широкий отклик в мировой прессе, ей и ее автору были посвящены сотни сообщений СМИ

на десятках языков — от монгольского до датского, включая, естественно, иврит, английский и русский. Это тем более удивительно, поскольку сухая математика нечасто попадает на страницы газет.

* * *

Родился Трахтман в 1944 году на Урале, под Свердловском. Семья отца родом из местечка Сокиряны в Буковине, на юго-западе Украины. Места эти после распада Российской империи прибрала Румыния, а в 1940 году СССР передал местечко Украине. Год спустя с помощью Гитлера румыны вернулись, и то, что они натворили на этой территории, печально известной как Транснистрия, стало одной из многих страниц Холокоста. Большая часть семьи его деда, Идела Трахтмана, находилась в Сокирянах, и в ней мало кто остался в живых. Деда убили за отказ войти в юденрат, а его малолетние внуки, неясно даже сколько, умерли от голода и лишений, однако несколько детей все же уцелели, поскольку румыны (а конкретно Антонеску) отказались депортировать своих евреев в Освенцим.

Надо сказать, в Румынии деда не забыли. По интернету бродит антисемитская брошюра под характерным названием «Еврейский геноцид румынского народа». Текст заполнен списками евреев, виновных в этом самом «геноциде». Идел Трахтман (Idel Trahtman) числится там среди кандидатов в члены коммунистической партии. Явная ложь потому, что не могли принять ни в КПСС, ни в кандидаты верующего старика, служителя культа — кантора синагоги. Неясна также причастность кандидатов в члены КПСС к геноциду румынского народа.

Отец Абрама Трахтмана, Наум (Нухим), находился в годы войны в Красной армии. По специальности часовой мастер, школу в Румынии он не закончил, поскольку в десять лет отдали его учиться ремеслу. Профессия Наума и погубила — после Второй мировой в Советский Союз хлынули трофейные часы из Европы. Власти это не понравилось, и появилась масса запретов, касавшихся часов из-за границы. За нарушения карали. В 1950 году Наума Трахтмана в связи с этим арестовали и на первых же допросах забили до смерти.

Семья матери Абрама Трахтмана, Виляцеры, родом из Гомеля. Появились Виляцеры там в середине XIX века и поселились в районе с характерным названием Кагальный ров. По еврейской традиции в поколениях семьи чередовались два имени: Авраам и Аарон. Семейной была профессия токаря, по дереву или металлу.

Гомель оставил заметный след в еврейской истории. Погром в годы первой русской революции там не удался из-за еврейской самообороны. Судили, впрочем, как погромщиков, так и давших им отпор евреев. Последних – за неадекватную реакцию. Позднее участники этого самого Гомельского процесса, оказавшись в Палестине, заложили основы Хаганы. В те же годы в Гомеле убили полицмейстера, власти ввели войска и применили артиллерию, были жертвы. Известно, например, что гражданин Фейгенберг лишился ноги. Между прочим, представительница той же самой семьи, Евгения Фейгенберг, была женой железного сталинского наркома Ежова. К Гомелю имели отношение позднее и некоторые деятели Советской власти. Некогда там сапожничал Лазарь Каганович, начинали деятельность чекист Агранов и организатор убийства Троцкого Эйтингон. Управление и органы евсекции одно время пребывали не в Москве, а в Гомеле. Ну прямо неофициальная еврейская столица! Но недолго. Вскоре почти всех перестреляли или пересажали.

Илья Эренбург бывал там в конце двадцатых и печатал в местной типографии свои книги. Именно о гомельском портном написана одна из его лучших повестей «Жизнь и необыкновенные приключения Лазика Ройтшванца». Прообразом главного героя был, правда, не портной, а типограф, Григорий Нейман. Кое-что о нем можно прочесть в публикации И.М.Фейгенберга «Л.С.Выготский: Начало пути. Воспоминания С.Ф.Добкина» (Иерусалим, 1996). Впрочем, Эренбург приписал Лазикку частично и собственные приключения. В книге Лазик умер символично – у порога гробницы праматери Рахели. Это место и сейчас нередко мелькает в израильских новостях, там по-прежнему и политически довольно жарко. Дочь Григория Неймана, Гита, была первой учительницей героя этого очерка.

В молодости Абраша неплохо играл в шашки. Участвовал во все-союзных юношеских соревнованиях и во всесоюзных первенствах студенческого спортивного общества «Буревестник».

Окончил Трахтман механико-математический факультет Уральского университета, там же защитил кандидатскую. Еще в студенческие годы примкнул к научной школе по теории полугрупп, созданной Львом Наумовичем Шевриным. Полугруппа является одним из простейших математических объектов. Она состоит из элементов, на которых определена всего одна операция, типа сложения, всего с одним свойством. Свойство это даже не знаменитое «От перемены мест слагаемых сумма не меняется», $a + b = b + a$ – как раз в полугруппе

сумма может меняться – ну, а если уж она не меняется, то это уже коммутативная полугруппа. Свойство это следующее: $(a + b) + c = a + (b + c)$. Скобки можно ставить по-всякому. А можно и вообще не ставить.

Одним из первых результатов Трахтмана в теории полугрупп стало описание полугрупп, все подполугруппы которых являются как раз указанными коммутативными полугруппами. Такое же описание получил примерно одновременно известный венгерский математик Редей. В результате появилась совместная публикация в венгерском математическом журнале на немецком языке.

Коммутативность является простейшим частным случаем свойства, которое называют тождеством. Множество полугрупп, в которых некоторое тождество имеет место, называют многообразием, а многообразие, которое включает данное, – покрывающим. Далеко не во всякой структуре многообразий имеются покрывающие. В 1971 году была даже сформулирована Эвансом гипотеза о существовании покрывающих для многообразий полугрупп. Спустя пару лет гипотеза была доказана Трахтманом [Покрывающие элементы в структуре многообразий универсальных алгебр. Мат. заметки, Москва, 15(1974), 307-312] и даже включена в его кандидатскую диссертацию. Впрочем, это не помешало Высшей аттестационной комиссии засомневаться в достоинствах диссертации и заняться тщательной ее проверкой. Года полтора проверяли. Но пропустили.

Вышеупомянутые тождества иногда являются следствием друг друга. Совокупность тождеств, из которых следуют все прочие, называется базисом. Хотя тождеств в чуть ли не любом классе бесконечно много, в базисе класса их может быть конечное число. В полугруппах это оказалось неверным, даже нашлась шестиэлементная полугруппа, не имеющая конечного базиса тождеств. Поэтому в 1966 году известный математик Альфред Тарский сформулировал проблему конечности базиса тождеств у полугрупп с малым количеством элементов. Почти сразу проблему отметили академик Мальцев и профессор Шеврин. Спустя примерно 15 лет решение нашел Трахтман – все полугруппы с менее чем шестью элементами оказались конечно базизируемыми. Полное доказательство было опубликовано лишь спустя десять лет, в 1991 году. А причина задержки была довольно оригинальной и на первый взгляд не имеющей отношения к математике – у областного отделения Комитета государственной безопасности в Свердловске появилась надежда поймать шпиона.

В каждой профессии, как известно, есть свои мечты. В КГБ, например, юноши шли ловить шпионов. Но шпионов мало, на всех не хватает, и заветные желания нередко оставались лишь мечтами. Как ехидно отмечал Б.Н.Ельцин в своих воспоминаниях, за время его пребывания на посту первого секретаря КПСС по Свердловской области ни одного шпиона там так и не поймали. Но тут вдруг отделу по перлюстрации при КГБ подвернулось письмо за границу. С описанием некоторых деталей «эпидемии сибирской язвы» в Свердловске. Подлые такие детали, хотя и несекретные. С намеками на несуществующее официально советское бактериологическое оружие. Впрочем, и перлюстрации официально при Советской власти не было. Действовали только отделы при крупных почтовых филиалах с отдельным входом, но с общим окошечком, куда почта передавалась любознательным сотрудникам органов. Для нужд КГБ имелась и инструкция о проверке на незаконные филателистические вложения. Вот и проверяли, нет ли в письмах марок, ну и почитывали заодно.

Явно подозрительного автора письма по фамилии Трахтман сразу не взяли, а начали проверять на предмет связей с иностранной разведкой и мировым сионизмом. Не всегда, правда, аккуратно. В высших сферах поползли строго секретные слухи о шпионе. Неопределенные, правда, но жуткие. Дошли они и до профессора Мерзлякова, видного руководителя советской науки, ведавшего редакционной политикой в ряде математических журналов. От слухов о шпионаже профессор рассвирепел и тут же накатал кучу отрицательных рецензий на статьи всех, кого мог заподозрить в шпионаже. Статья Трахтмана о конечной базируемости тоже пострадала. Кстати, была у профессора одна оригинальная слабость – усматривать во всем происки мирового сионизма. К примеру, как-то гуляя со знакомым по родному Новосибирску, Мерзляков обратил его внимание на шестиконечные звездочки в металлической ограде. Профессор объявил эти звездочки явной сионистской провокацией на пути к мировому господству. Но неизвестно, стукнул ли он куда надо на артель жестянщиков, сварганивших эту ограду. Может, и нет.

Еще пример. Одна милая супружеская пара, Сережа с Таней, сняли для органов слежки с ключей от квартиры подозреваемого. Там было два замка, ключи от обоих висели на гвоздике рядом, хозяева же пользовались только одним замком, а ключ от второго всегда оставался дома. Прокол же органов заключался в том, что, уходя, возможно в спешке, они заперли дверь на оба замка, закрыв тем самым гражданам

доступ в собственную квартиру. Пришлось лезть через балкон. Но в квартире все осталось на месте, ничего не пропало. Тут претензий к специалистам из органов госбезопасности никаких. Что они там искали, неясно, скорее всего, разную шпионскую аппаратуру, передатчики и т.п., но ничего не нашли. Даже листовок антисоветского содержания. Прокол был явный во всех смыслах, возможно, соответствующий майор за это даже выговор получил, возможно, и Сережу с Татьяной Яковлевной пожурили. Сережа все-таки являлся человеком достойного происхождения, именем его дедушки, Шейнкмана, даже названа улица в бывшем Свердловске, ныне Екатеринбурге. Существует, впрочем, и иная история причин его с Татьяной Яковлевной связи с органами. Вроде бы Сережа попался на мелком воровстве в студенческой раздевалке, жене пришлось его выручать, записавшись в нештатные агенты. Служба, надо сказать, оказалась интересной. К примеру, некие советские граждане еврейской национальности договорились со своими родственниками из Германии о встрече на румынском курорте, куда им досталась путевка. К сожалению, с путевкой что-то сорвалось в последний момент, и на курорт приехали лишь зарубежные родственники со своими подарками. Подарки девать некуда, и тут им подвернулась общительная советская гражданка Татьяна Яковлевна, еврейка, между прочим, «милейший человек», согласившаяся передать подарки в пункт назначения.

Так и подсовывали органы Сережу с Таней куда надо и кому надо. В следственных мероприятиях, конечно, участвовали не только они. Был там и сын югославского сторонника антититовского Коминформбюро Велемир, дававший полезные советы «объекту» перед поездкой на зарубежную конференцию по математике. Да и саму эту поездку организовали органы, видимо, с целью раскрыть связи подследственного. В бородатом анекдоте о премиях КГБ говорится о первой премии – 20 лет, второй – 10 лет и поощрительной – поездка по ленинским местам за границу; тут как раз была поощрительная премия.

Тянулась вся эта история три с половиной года, пока КГБ не надоело. Тут они предъявили Трахтману злополучное письмо, поугадали статьями УК 64, 65, 70 и 190-прим об измене Родине, шпионаже и антисоветской деятельности и в заключение психологической атаки предложили сознаться в том, что ничего подобного эпидемии сибирской язвы родом из некоего 19-го городка не было, а содержание письма продиктовано зарубежными голосами. Наслушался, мол, и, поддавшись враждебной пропаганде, написал. Для начала надо было

добиться признания в прослушивании зарубежных радиостанций, но подследственный все отрицал, ссылаясь на превосходную работу советских «глушилок» и жалуясь, что из-за них ничего не слышно.

Пришлось Комитету ограничиться письмом по месту работы, в Политехнический институт, с требованием уволить доцента Трахтмана, совершившего аморальный поступок. Секретных деталей «аморалки», правда, не указали.

Эта несколько детективная история попала и в газеты, например, в израильские «Вести» (М.Хейфец. «Из истории бактериологического оружия». 12.02.1998; перепечатано вскоре нью-йоркской газетой «Новая русская жизнь») и в екатеринбургскую «МК-Урал» (А.Ливчак. «Свердловская язва». 25.10.2001).

В конце 80-х, в годы так называемой перестройки, Трахтман оказался в рядах демократического движения. Входил в свердловские политические объединения «Митинг-87» и «Демократический выбор», общероссийские «Демократическая Россия» и СДПР. Печатался в свердловских («На смену!» от 16.10.90, 04.01.91, 13.01.91) и московских («Новая Жизнь», 1991, № 3, «Альтернатива», 1991, № 6) газетах. Письмо А.Н.Трахтмана в «Огонек» от 15.04.88 воспроизвела «Нью-Йорк таймс» 24.04.88 (обзор Д.К.Шиплера). Попадал он, впрочем, не только в газеты, но и в изолятор предварительного содержания, правда пореже.

Надо сказать, что в Израиле политическая жизнь оказалась не в пример спокойнее. Несмотря на участие в разного рода митингах и протестах за права репатриантов вообще и репатриантов-ученых в частности, до полиции дело не доходило. Некоторые прожекты Трахтмана появлялись в русскоязычных газетах.

* * *

Результаты по локально тестируемым полугруппам Абрам Намович получил еще при советской власти. Поэтому переход к локально тестируемым автоматам по приезду в Израиль в 1992 году оказался достаточно плавным. Описание таких автоматов он свел к описанию многообразий, порожденных несколькими маленькими полугруппами, пятиэлементными, со своими собственными названиями A_2 и B_2 . Упомянутое описание использовалось в работе, где была найдена верхняя грань для порядка локальной тестируемости и при построении различных алгоритмов [Optimal estimation on the order of

local testability of finite automata. Theoret. Comput. Sci., 231(2000), 59-74]. Некоторые из алгоритмов реализованы в общедоступном интернет-пакете программ TESTAS [A package TESTAS for checking some kinds of testability. Lect. Notes in Comput. Sci., 2608(2003), 228-232]. Программа «раскраски дорог» была добавлена туда в 2008 году.

Проблема «раскраски дорог», где речь идет о существовании раскраски, допускающей синхронизирующее (или магическое) слово, родственна другой почтенной математической задаче о минимальной длине этого слова, известной как проблема Черны. Чехословацкий математик Ян Черны поставил ее еще в 1964 году, независимо эту проблему отмечали и другие исследователи. Речь идет о верхней грани для минимальной длины синхронизирующего слова у графа с n вершинами. Гипотеза Черны звучит довольно просто и красиво:

Длина синхронизирующего слова у ориентированного полного графа с n вершинами не превышает $(n - 1)^2$.

Сам Черны нашел семейство графов, у которых минимум длины магического слова оказался равным как раз $(n - 1)^2$. То есть он нашел нижнюю грань, а затем предположил, что она равна верхней. Гипотеза Черны до сих пор остается гипотезой, хотя интерес к ней среди математиков не ослабевает. Трахтману принадлежит здесь результат, важный с алгебраической точки зрения – когда полугруппа преобразований графа не содержит нетривиальных подгрупп. Графы такого рода называются аperiodическими, ввел их в научный оборот и изучал знаменитый французский математик Шютценберге. Гипотеза Черны для аperiodических графов оказалась верной.

С помощью своего пакета программ TESTAS Трахтман проверил все графы с числом вершин не более десяти. Хотя таких графов невероятно много, примеров, опровергающих гипотезу Черны, так и не нашлось, обнаружилось лишь несколько графов с минимальной длиной магического слова на границе, предложенной Черны, равной $(n - 1)^2$. Три из них были известны ранее, еще пять обнаружил пакет программ. Все эти примеры оказались относительно малыми – не более шести вершин. Более любопытно, что компьютер установил довольно интересную тенденцию – если исключить семейство графов, найденных Черны, то верхняя грань для минимальной длины магического слова с ростом числа вершин удаляется от значения $(n - 1)^2$ вниз, и разница между ними возрастает.

В работе над упомянутым пакетом программ под руководством Авраама принимают активное участие и студенты университета Бар-

Илан. В частности, третьекурсники Бауэр и Боаз реализовали алгоритм быстрой визуализации ориентированного графа, иллюстрирующий раскраску графа дорог. Алгоритм линеен, что является существенным для скорости такой вспомогательной задачи, как графическое представление полученного графа и его раскраски. Вообще преподавательская деятельность А.Н.Трахтмана в университете Бар-Илан была достаточно успешной, судя по опросу, проводившемуся среди студентов. Читал он лекции по математической логике, дискретной математике, теории автоматов и другим предметам. Хотя проблемы с ивритом были.

Говорят, что Трахтман не только «ходячая энциклопедия», но человек увлекающийся и склонный разбрасываться. К примеру, в ведущем англоязычном научно-популярном журнале *New scientist* от 16 апреля 2005 года появилась статья журналиста Пирса под интригующим заголовком «Пирамиды росы», посвященная увлекательной проблеме извлечения влаги из воздуха. Он пишет и об Израиле: «Для израильтян это отнюдь не праздный вопрос. Их усилия найти воду в пустыне представляют один из ключевых сюжетов в истории израильского государства». Далее с интересом излагается статья двух израильских авторов, Когана и Трахтмана, на эту тему, опубликованная в английском *Journal of Arid Environments*, ведущем научном журнале по засушливым природным зонам. Речь идет об экспериментальном устройстве, созданном в начале XX века крымским лесничим Зибольдом по образцу средневековых систем, обеспечивавших водой, добытой путем осаждения росы, город Феодосию. Роль этого устройства и его прототипов вызывает немало споров, вплоть до отрицания самой идеи. Журналист отмечает: «Авраам Трахтман, математик из университета Бар-Илан в Рамат-Гане, и Борис Коган из Центра экологических систем и технологий в Иерусалиме полагают, что отрицание идей Зибольда было бы чересчур поспешным. В климатических условиях Крыма прототипы пирамид были намного более эффективны, чем более поздние экспериментальные подражания. Ошибка Зибольда состояла в том, что копия была не слишком точной. Первоначальные пирамиды были достаточно большими для того, чтобы камни внутри оставались прохладными достаточно долго, чтобы осаждение росы происходило днем. У пирамид был кратер на вершине, который, по мнению Трахтмана, при солнечном нагреве создавал восходящий поток воздуха, стимулировавший тягу внутри пирамиды, максимизируя осаждение влаги». В упомянутой статье Трахтману пришлось

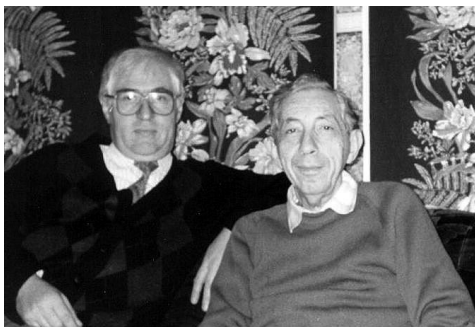
применить свой математический багаж к прикладным расчетам. И не впервой – были у него совместные работы по приложениям алгебры и теории графов к задачам теоретической механики. Трудно сказать, насколько перспективно воплощение этой многообещающей для Израиля идеи осаждения росы, но надежды есть.

Кстати, сейчас, когда все новые позиции завоевывает интернет, в таких довольно интересных онлайн-журналах, как «Заметки по еврейской истории», «Лебедь», можно найти и эссе Авраама Трахтмана на исторические темы с интригующими названиями «Перевод с древнеевропейского», «Алкаш непробудный» и др.

Почему и как я изучаю иврит

Альберт Вильдерман (Петах-Тиква, Израиль)

Вместо предисловия.
Двоюродный брат моего отца Альберт Моисеевич Вильдерман репатрировался в Израиль из Кишинева в декабре 1992. Поскольку родился он 1 мая 1923, то на момент репатриации ему исполнилось без малого семьдесят. Мой дядя Алик (так зовут Альберта близкие) не похож на типичного репатрианта алии 90-х.

**Альберт Вильдерман (справа)
и Владимир Шапиро**

Во-первых, за три года практически с нуля овладел ивритом до такой степени, что смог преподавать основы этого языка вновь прибывшим репатриантам. Сколько мы знаем людей, репатрировавшихся в его возрасте и так и не научившихся читать вывески! Дядя Алик же стал ходячим словарем иврита. Не найдя работы по специальности из-за возраста, бывший главный пульмонолог Республики Молдова, профессор-фтизиатр, все свое умение и желание работать направил на изучение языка.

Во-вторых, написал воспоминания о своей жизни, в которых привел исторический очерк о жизненном укладе бессарабских евреев. И, самое главное, сделал это не на родном русском языке, а на иврите. И все написанное оказалось, по отзывам ивритоязычных наших родственников, вполне читабельно и очень интересно. Чтобы выполнить задуманное в реальные сроки, ему пришлось освоить современную технику, то есть компьютер и азы работы на нем.

В-третьих, он приехал в Израиль, имея четкую политическую и гражданскую позицию, зная историю государства и политических партий в нем. Я усматриваю истоки интереса дяди Алика к истории и политике, наряду с природной любознательностью, в обстоятельствах его жизни. Юность прошла в Аккермане, который до присоединения Бессарабии к СССР в 1940 г. был румынским городом. Альберт рос в интеллигентной еврейской семье, где живо обсуждались политические события в мире. Он с детства знал о противоборстве разных политических партий, целях сионистского движения, ему были знакомы имена и взгляды Герцля, Жаботинского, Дубнова. Как правило, типичный репатриант обо всем этом (если, например, его детство прошло в московской или ленинградской коммунальной квартире, где не то что при

детях, даже в своей комнате за закрытой дверью родители не решались обсуждать политические события) понятия не имел. Про партии всем внушалось, что только одна-единственная может направлять и руководить. Слушать «вражеские голоса» было опасно, да и глушили их грамотно. Однако дядя Алик слушал: у него был «ВЭФ», и ему удавалось «ловить», тем более что в Молдавии заглушали не до конца. Кроме того, он был в курсе событий в мире и в Израиле из передач на румынском и французском.

Несмотря на то, что Вильдерманы обладали неким имуществом, во всяком случае достаточным для того, чтобы одного из дядей Альберта после присоединения Бессарабии советская власть репрессировала, семья скорее относилась к трудовой интеллигенции. Так, отец Альберта был инженером-электриком с дипломом Петербургского электротехнического института, а мама биологом с университетским образованием. Идеи социального равенства не были им чужды. Поэтому, воспитанный на идеях социальной справедливости, Альберт всегда отдавал предпочтение партиям с социалистической направленностью. Не удивительно, что, приехав в Израиль, он стал активистом партии МЕРЕЦ. Однако чем больше он знакомился с конкретной деятельностью партии, тем больше убеждался, что она далека от идеала.

Дядю Алика не устраивали ни отношение партии к новым репатриантам, ни ее подход к решению социальных проблем, которые стояли перед всем израильским обществом. Он написал письмо Йоси Сариду, тогда еще руководителю МЕРЕЦ, в котором изложил по пунктам свои претензии, отмечая, что ни одна партия в Израиле не принимает всерьез проблемы новых репатриантов, а социальные вопросы волнуют только ШАС. Дядя Алик пытался убедить партийного лидера в том, что необходимо четко и неустанно разъяснять новым репатриантам, в чем состоит сионистская идея, чем религиозный сионизм отличается от светского, видящего свою задачу в создании в Палестине еврейского государства с еврейским большинством. К этому стремились известные российские сионисты Усышкин и Соколов. Эта идея была поддержана Сионистским конгрессом. С этой точки зрения партия МЕРЕЦ является сионистской, а значит, должна активно выступать за освоение Галилеи и Негева, за привлечение в эти районы новых репатриантов и освобождение их от налогов, за создание там новых рабочих мест, за предоставление благоустроенного бесплатного жилья в этих районах. Письмо дошло до Сариды, который позвонил дяде, поблагодарил за ценные предложения и обещал учесть их. Тем дело и кончилось.

Сейчас дяде Алику 85, он плохо видит и ходит с палочкой, но по-прежнему дает уроки иврита, правда, теперь дома, продолжает работать над мемуарами, а в качестве отдыха слушает классическую музыку.

Владимир Шапиро

Я приехал в Израиль в декабре 1992 года, и шел мне тогда 70-й. Казалось, знаю кое-что об Израиле и сионистском движении, потому что читал все, что было доступно, слушал радиопередачи, которые не забывались, на нескольких языках. Многое знал с детства: я ведь рос в румынской Бессарабии, имена Герцля и Вейцмана, Жаботинского и Дизенгофа часто звучали в нашем доме – с Жаботинским и Дизенгофом мои родные были хорошо знакомы, не раз встречались с ними в семейной обстановке. До начала Второй мировой войны в Палестину переехали несколько наших родственников, в том числе дядя с семьей из Германии в 1935 году.

Я внимательно следил за происходящим в Израиле, пытался разобраться в межпартийной политике и даже знал, за кого буду голосовать, если попаду когда-нибудь в Государство Израиль (хотя считал это весьма маловероятным). Действительность показала более чем приблизительность моих знаний. И все же они помогли мне: я не испытал шока, разочарования, столь характерного для любого иммигранта, и не почувствовал себя чужим в этом сложном для советского человека мире. Пишу об этом, ибо мое ощущение «причастности» к внутренней жизни Израиля явилось одной из причин, побудивших меня приложить особые старания к изучению иврита.

Увы, раньше я этого не делал. Ни в детстве – по-видимому, родители были уверены, что этот язык мне не понадобится, ни в 20–30-е – когда мало кто верил в реальность возникновения еврейского государства. Тогда мечтали лишь о еврейском очаге в Палестине, и те, кто хотел участвовать в его создании, овладевали языком на месте. В годы советской власти изучение иврита вообще было за пределами реальности. Даже появившиеся в 70–80-е годы подпольные кружки давали в большинстве случаев лишь знание азов, а не владение языком.

За полгода до отъезда в Израиль я попытался самостоятельно по простейшему учебнику «познакомиться» с ивритом. Выучил буквы, пару сот слов и по разговорнику несколько простых фраз в настоящем и прошедшем времени (до будущего времени не дошел...). С этим багажом я приехал в Израиль и был несколько разочарован тем, что не понимаю ни слова из того, что говорят израильтяне. Сказать что-нибудь на иврите вообще не мог – просто не открывался рот, чтобы произнести самую обыкновенную и, казалось бы, хорошо выученную фразу.

И все же даже такой уровень подготовки мне помог. Для пенсионеров были тогда особые «ульпаны» (курсы по изучению иврита), в

которых преподавание велось на самом низком уровне. Меня же направили в обычный ульпан, где занимались репатрианты «рабочих» возрастов, причем достаточно интенсивно – по пять часов в день в течение пяти месяцев. Методика преподавания была рутинной, преподаватели, не знавшие русского, не особенно напрягались, и ученики роптали, что обучение ведется плохо, но многое зависело и от них самих.

Группа, в которую меня определили, на первых порах показалась странной – уж очень разношерстной. Прежде всего возраст: от 18 до 60 (я в мои 70 лет был исключением). И все, по-израильски, обращались друг к другу по имени и на «ты». В иврите нет обращения «Вы», и это положение «новые» израильтяне сразу перенесли в русскую речь. Я достаточно спокойно перенес свое превращение из старого профессора в «безвозрастного» Альберта, но многие переживали и беспрестанно вспоминали (и напоминали!) о своем былом положении и благополучии. Нужно ли говорить, что это вызывало только насмешки, а иногда и раздражение.

Еще больше ученики отличались по происхождению и культуре. Даже внешне: от голубоглазых блондинов (такими рисуют на картинах архангельских мужиков) до выходцев из Бухары и Дагестана – один к одному «лица кавказской национальности». Не много общего оказалось и между рафинированными москвичами и питерцами и выходцами из небольших украинских городов. Различными оставались и жизненные устои, планы. Лишь немногие стремились выучить «высокий» иврит, зато немало было репатриантов, поразившихся обилию и разнообразию товаров в израильских каньонах (в бывшем СССР в те годы полки магазинов выглядели довольно уныло) и занятых поисками любой работы и заработка, чтобы «все» приобрести. Как сказал один молодой человек, «у меня нет терпения, хочу все и сейчас».

Несмотря на все различия, мы довольно быстро «притерлись» друг к другу – все же приехали из одной страны, говорили на одном языке, одинаково чувствовали себя на новой родине если не чужими, то глухонемыми. Потом поразъехались и постепенно стали забывать друг о друге. Но это было позднее, а тогда...

Я чувствовал себя в ульпане довольно уютно. Как я уже отмечал, в то время немногие приезжали в Израиль, имея хотя бы минимальные знания по языку. Считалось почему-то необходимым закупить перед отъездом кучу вещей, большей частью невостребованных в Израиле, а не заниматься языком. Большинство будущих репатриантов даже

ивритских букв не знало, считая, что в Израиле их быстро всему научат. На их фоне я казался «продвинутым», и сидящий рядом со мной парень непрерывно что-то у меня выяснял.

Конечно, молодые ребята быстро стали обгонять, но до конца занятий все же удалось остаться «на уровне». Кстати, мне совершенно не мешала атмосфера панибратства, царившая в ульпане. Важным оказалось другое. Неожиданно я заинтересовался ивритом и стал получать удовольствие от самого процесса его изучения. Это удивительный язык, одновременно самый древний (из разговорных языков) и самый молодой.

Первое время меня удивляли (и умиляли!) дети, говорящие на иврите, – как древнееврейский язык, «мертвый», вроде латыни или древнегреческого, может стать живым для миллионов людей? В дальнейшем выяснилось, что современный иврит все же не совсем язык Торы, а развивающийся еврейский язык. Но основа древнего иврита сохранилась, и сейчас используется почти весь словарный запас Торы.

Однако привлекло меня в иврите другое – логика и музыка языка. Именно так: логика и музыка... Я не полиглот и не филолог, могу говорить лишь о небольшом собственном опыте – такой логичной структуры языка не встречал. Откуда эта четкость закономерностей, которая, при всей его сложности, облегчает и использование и изучение его? Специалисты считают, что логическое начало заложено нашими предками в древние времена, а его нынешняя форма получила почти полное завершение в трудах средневековых талмудистов. Возможно, это так, ведь и грамматика латыни предельно логична, хотя и очень сложна. (Вспоминаю, кстати, что в румынской гимназии на экзамене по латыни на аттестат зрелости давали для перевода одну фразу из сочинений Цезаря, с правом пользования словарем, и далеко не все с этим заданием справлялись.) Вероятно все же, что и создатели современного иврита в XIX–XX веках сумели так отточить грамматические правила, что они доступны (хотя и трудны!) даже нам – новым репатриантам, приехавшим в отнюдь не молодом возрасте.

Так или иначе, усвоение иврита – хорошая гимнастика для ума, а перевод или составление ивритского текста напоминает иногда решение кроссворда. Кстати, кроссворды мне не особенно интересны, вспоминаются слова Гете о шахматах: для игры это слишком серьезно, а для серьезного это все же игра. Чтение ивритских текстов кажется мне куда интереснее; здесь напрашивается сравнение с латынью, но, в

отличие от латыни, изучение иврита преследует совершенно определенную практическую цель. Вторая составная часть иврита – музыка, и, действительно, у каждой грамматической формы иврита есть свое чередование звуков, можно даже сказать – мелодия. Интересно, что в русском языке гласные звуки пишутся, но четко не произносятся (*о* – *а*... и т. д.), в иврите же гласные звуки не пишутся, но должны четко произноситься. Любое изменение гласного звука меняет «мелодию» слова и его смысл, часто – смысл всего предложения. Музыкальное восприятие слов и грамматических форм способствует пониманию структуры языка и его усвоению. К тому же, правильная речь на иврите в его современном варианте (за основу взят «сефардский» диалект, пришедший к нам из средневековой Испании), как мне кажется, звучит мелодично и красиво.

Все это я постигал постепенно, а сначала нужно было научиться хоть как-то объясняться на иврите и понять, что тебе отвечают. После окончания ульпана «алеф» я получил удостоверение и формальное право пытаться устроиться на работу по специальности или добиваться дополнительных курсов, уже с учетом профессии. Мое знание иврита оставалось еще крайне примитивным, а нужно было как-то выяснить, смогу ли я использовать свои профессиональные знания.

Перед выездом в Израиль я знал, что формально возрастных ограничений для врачей нет и экзамен для подтверждения диплома при моем стаже работы сдавать не нужно. Эти сведения были верны в 1990 году, когда ощущалась потребность во врачах, но через два года положение совершенно изменилось: с Большой алией приехало такое число врачей, молодых и готовых на любую работу и на любых условиях, что у пенсионеров не оставалось никаких шансов устроиться по специальности. Более того, вместо экзаменов для врачей со стажем более 15 лет ввели 6-месячную практику в отделении общего профиля с последующим собеседованием.

Такая перспектива не очень радовала, поскольку я плохо представлял себя в роли практиканта, но все же попытался испробовать этот путь. В течение года обращался в разные медицинские учреждения – безрезультатно. В некоторых из них принимали любезно, в частности в Лиге по борьбе с туберкулезом и заболеваниями легких, – даже готовы были к совместным научным исследованиям. Но для допуска в клинику требовалось разрешение на работу в качестве врача. Права на проведение практики у них не было, и в этом мне не могли (а может, и не особенно хотели) помочь. В тех же больницах, где были отделения

общего типа и право принимать врачей для прохождения практики, была такая «перегрузка», что с 70-летним пенсионером не желали даже разговаривать. Пришлось отказаться от дальнейших попыток заняться в Израиле медициной, и не могу сказать, что это особенно огорчило. За это время я убедился в том, что ничего интересного или хотя бы полезного, в том числе заработка, в израильском здравоохранении меня не ждет.

Считается, что туберкулез в Израиле не распространен, а единичные больные подлежат лечению по схеме ВОЗ, которое проводится семейными врачами почти бесконтрольно. Это верно лишь отчасти, некоторые больные такому лечению не поддаются и даже умирают от туберкулеза... Я узнал о таких больных случайно, так как вскрытия в Израиле, как правило, не производятся (по религиозным соображениям). Многие диагнозы (даже в больницах) у умерших больных выставляются «приблизительно».

Впрочем, сейчас схема ВОЗ широко внедряется и в странах СНГ... Фтизиатру в этих условиях делать нечего. А должностей пульмонологов в Израиле так мало, что об этом и мечтать не приходилось. Большинство пожилых врачей-репатриантов, успевших получить право на практику, устраиваются на временную и низкооплачиваемую работу, а по достижении 65 лет даже коренные израильтяне вынуждены уходить с работы.

Уяснив все это, я вернулся к ивриту... И иврит помог мне сохранить «рабочий темп» и ощущение (или иллюзию...) занятости полезным делом. Я поступил в ульпан «бет», но пользы особой не ощутил. Попался удачный учебник, и я самостоятельно, по 8 часов в день, его одолевал. Благодаря этому разобрался в основных положениях ивритской грамматики, что очень помогло мне в дальнейшем. Племянник – Володя Шапиро – нашел в Тель-Авиве ульпан для научных сотрудников, мы оба туда записались и ездили два раза в неделю по вечерам на трехчасовые занятия. На этот раз повезло – хорошая (и очень требовательная) преподавательница сумела прояснить многие неясные для меня вопросы.

Затем повезло еще, и об этом расскажу подробнее. Соседкой по дому оказалась пожилая дама – Рая Риммерман, приехавшая в Израиль из Польши сразу после войны. Жила в Вильне, а перед войной ее выслали в Алтайский край, благодаря чему выжила (большая часть семьи погибла) и неплохо овладела русским. В Израиле она стала

преподавателем английского, конечно, прекрасно говорит на иврите, ставшим за сорок лет родным языком.

Выйдя на пенсию, она стала на общественных началах преподавать иврит в клубе партии МЕРЕЦ в двух группах. Рая предложила прийти на занятия, и я, конечно, согласился. Оказался в более «сильной» группе. Спустя года два заболел муж Раи, и она была вынуждена сократить свою занятость. Рита Клебанова, руководительница клуба, человек чрезвычайно энергичный и настойчивый, на которой «держится» вся работа, стала уговаривать меня взять на себя преподавание в одной из групп.

Вначале и слышать не хотел о таком «нахальстве», но другого кандидата для безвозмездного преподавания не нашлось, и в конце концов я решил попытаться. Так началась моя деятельность в качестве учителя иврита. Конечно, полноценным преподавателем я себя не считаю. Скорее руководителем группы по изучению языка. Так или иначе, эту группу веду уже в течение семи лет, и, хотя состав в значительной степени изменился, среди примерно 20 «учеников» есть и ветераны первого «призыва». За последние годы знания учеников стали значительно выше, и мне непросто оставаться «на уровне». Затем попросили дополнительно вести группу бывших узников гетто в клубе репатриантов, и я не мог отказаться. По просьбе руководительницы клуба провел и курс занятий по грамматике иврита для более молодых слушателей. Не знаю, насколько полезными были эти занятия для учеников, но мне они помогли отработать методику преподавания и закрепить свои знания. Не забыла о своей подвижнической деятельности и Рая – не имея возможности часто выходить из дому, она пригласила нескольких учеников к себе. Раз в неделю мы собираемся и делаем небольшие сообщения на любые темы. Эти занятия особенно интересны: я подбираю статьи из ивритских или русских газет, иногда добавляю кое-что «от себя», стараюсь в течение 20–30 минут рассказать все это на безошибочном иврите.

Удовлетворен ли я своим ивритом? Конечно, нет! Информацию получаю из газет и радио- и телепередач, хотя иногда все еще не улавливаю детали. Понимаю «живую» речь и могу объясниться, но в свободном общении остаются трудности: сказывается отсутствие разговорной практики, нет автоматизма, нередко приходится искать слова, и в результате происходят заминки или ошибки. Контакты с израильтянами редки, и никак не удастся их наладить. Тем, кто работает в ивритоговорящей среде, легче приобрести разговорный навык. При

этом довольно много пишу на иврите, и это связано с обстоятельствами, которые изложу далее. Но прежде о моих израильских родственниках, поскольку это непосредственно связано с занятиями ивритом.

Повторюсь, что приехал в Израиль (вместе с двоюродной сестрой) в декабре 1992 года. А за три месяца до нас репатриировался из Москвы мой племянник (сын двоюродного брата) Володя Шапиро с женой и двумя сыновьями. Шапиро – фамилия моего дедушки по матери и, одновременно, бабушки по отцу (мои родители были двоюродными братом и сестрой). Я хорошо знал хронику семьи Шапиро из Аккермана и многих родственников.

Истоки семейной истории уходят в начало XIX века, когда в составе Российской империи неожиданно оказались такие разные и отдаленные провинции, как Бессарабия и Литва, и их еврейское население впервые узнало друг о друге. В силу ряда политических, демографических и экономических обстоятельств в Бессарабии оказалось много богатых невест, а в Литве – образованных, но бедных женихов. Каким-то образом «сватам» удавалось наладить связь. И когда богатой еврейской девушке из Аккермана Сарре Фукельман пришло время выйти замуж и на месте не нашли подходящего жениха, в дело вступили сваты. Подходящий жених нашелся – «родовитый» и знаток Торы из Литвы. Шая Шапиро приехал в Аккерман, а вскоре состоялась и свадьба. Было у Шай и Сарры Шапиро семь детей, примерно 50 внуков, много правнуков, сейчас уже время 7-го и 8-го поколений их потомков.

В Израиле живет последний представитель третьего поколения потомков Шай Шапиро 90-летний Александр Шапиро. Я довольно хорошо знал его в детстве, он уехал из Румынии в Палестину перед самой войной. Кроме него, сюда же отправилась наша родственница Стелла Спарбер. Она умерла незадолго до нашего приезда, но остались два ее сына. И, наконец, здесь должна была находиться моя двоюродная сестра Эстер. Ее отец, Соломон Шапиро, брат моей матери, выехал с женой и самой Эстер в возрасте трех лет из Германии в Палестину в 1935 году. Мы виделись перед их отъездом, мне было 11, и я хорошо помнил ее и дядю (он потом еще раз приезжал в Румынию перед самой войной, когда я был уже 15-летним), но она помнить меня, конечно, не могла.

Я знал, что дядя умер в Палестине в 1942 году, его вдова (значительно моложе его) вышла повторно замуж, но о судьбе Эстер ничего не знал. И мать, и дочь, выйдя замуж, естественно, поменяли фами-

лии, и найти их было непросто. Александр Шапиро давно потерял с ними связь, да и с остальными родственниками практически не встречался. Нас с сестрой он принял хорошо, но давно отошел от активной деятельности, ни с кем не общался, часто болел. По его мнению, не имело смысла искать родственников-израильтян, так как у нас не будет ни общего языка, ни общих интересов. Так прошло года три. И снова вмешался в дело его Величество случай. В израильских школах нередко предлагают ученикам найти семейные «корни», может быть, в поисках каких-то объединяющих или обогащающих старо-новую нацию идеалов, идущих из исторического прошлого. И однажды Женя, сын Володи Шапиро, потомок Шаи Шапиро в 6-м поколении (сын и внук москвичей), попросил меня составить родословное древо семьи Шапиро из Аккермана. Я добросовестно отнесся к этому заданию и составил список, включающий примерно сотню потомков Шаи Шапиро, живших на протяжении почти 200 лет в разных странах мира. Кроме того, написал краткую историю происхождения семьи и жизни некоторых ее представителей начиная с 20-х годов XIX века. Написал и ивритский вариант, и это был первый текст, который я попытался изложить на «языке предков».

Не знаю, пригодился ли этот текст Жене (кажется, он забыл о том, что был инициатором моих «семейных» поисков), но ивритский текст довольно долго пролежал без движения. Александр Шапиро, единственный израильский родственник, с которым у меня была связь, к тому времени почти потерял зрение и прочесть его не мог. Думаю, ему это было и не особенно интересно, он давно оторвался от этих самых «корней».

И вот неожиданно, вероятно спустя год, при очередном моем посещении он рассказал, что к нему обратился Офер Рабинович, сын Стеллы Спарбер (той самой родственницы, которая молоденькой девушкой уехала из Аккермана в Палестину и, прожив здесь долгую жизнь, умерла незадолго до моего приезда в Израиль). После смерти матери Офер, родившийся в Израиле в 1951 году и не знающий русского языка, тоже заинтересовался «корнями». Почему он этого не сделал при жизни матери, не знаю, но его сведения за пределами узкого круга родительской семьи были довольно скудными. Чтобы узнать больше о своих предках, он выписал из Саратовского университета копии личных дел бабушки и дедушки, учившихся там в годы Первой мировой войны. Он получил кучу документов на русском языке и на-

деялся, что Александр Шапиро поможет ему разобраться. Александр не мог этого сделать и посоветовал обратиться ко мне.

Офер позвонил мне в тот же вечер, и наш разговор длился более получаса. Это был мой первый разговор на иврите, без предварительной подготовки и на общие темы, и я немало намучился, пытаясь не ударить в грязь лицом. Вскоре Офер приехал в гости (а живет он, по израильским понятиям, далеко от Петах-Тиквы – у самой ливанской границы), а затем мы подружились. Офер оказался симпатичным и общительным человеком, мы познакомились с его женой и пятью детьми. В детстве я довольно хорошо знал всю его родню, виделся с ними перед самой эвакуацией из Одессы; они остались (среди них его бабушка и прабабушка) и погибли... Я перевел ему русские тексты, рассказал то, что знал о его близких. Насколько помню, именно по его просьбе я написал на иврите очерки о довоенном Аккермане и о начале войны – эвакуации из Аккермана и Одессы. Офер – сабра, инженер, много лет отдавший ЦАХАЛу и дослужившийся до подполковника, взялся помочь в поисках моей двоюродной сестры – Эстер. И это ему удалось, хотя и с трудом.

Оказалось, что Эстер уже лет сорок живет в Англии, где она вышла замуж также за израильтянина, выходца из Германии, и где оба они работали начиная с 50-х. В Англии у Эстер родились два сына, для которых родным языком стал английский. Муж давно умер, но она осталась в Англии, где, помимо сыновей, у нее уже несколько внуков. Но в Израиле оставалась ее мать Бетти – жена моего дяди, умершего в 1942 году. Ей в то время было немногим более 30, впоследствии она вторично вышла замуж, судя по рассказам, за очень хорошего человека, который тоже давно умер.

Бетти живет одна, в свои 90 (теперь уже больше) на удивление бодрa и энергична, она умная, тактичная и добрая женщина. Когда мы встретились (раньше, чем с Эстер, которая была в это время в Англии), выяснилось, что она лишь смутно помнит, что в семье мужа был мальчик... Тем не менее она обрадовалась моему приходу, фотографиям, которые сохранились у меня, да немало было и общих воспоминаний. А спустя некоторое время приехала из Англии Эстер (она часто навещает мать). Она очень заинтересовалась моими рассказами, фотографиями, в том числе Володиными (он родился в Москве в квартире, принадлежавшей раньше ее отцу...).

Эстер хорошо помнит отца, ей было 11 лет, когда он умер, она и раньше искала сведения о его жизни и семье, и все, что имеет отноше-

**Обложка книги А.Вильдермана
«За железным занавесом (моя
жизнь в эпоху бурь и революций)»
на иврите**

ние к отцу, ей интересно. Встреча с нею и просьба подробнее написать не только о семье и об Аккермане, но и о нашей жизни в СССР, о которой она не знает ничего, побудили меня взяться за «отрывки воспоминаний» на иврите (русского Эстер не знает). При этом Эстер справедливо предположила, что для меня это будет неплохим упражнением в иврите. Я написал десять таких отрывков, примерно 150 машинописных страниц. Первой «правит» наша соседка Рая, потом читает Эстер и делает свои замечания. В последние годы эта работа не только стала моим основным занятием, но и приносит мне чувство удовлетворения. Потом, по просьбе некоторых моих друзей и товарищей по Аккерманскому землячеству, я написал и русские

варианты некоторых из этих отрывков. Но к русским текстам у меня отношение «настороженное»: я знаю, что нет у меня «писательских» способностей, и то, что может быть приемлемо на языке, который я начал изучать в 70 лет, не воспринимается по-русски.

Сейчас я занимаюсь переработкой ивритских текстов. Очень многое меня в них не удовлетворяет, особенно в первых отрывках, написанных лет пять тому назад. Если доведу их до более «удобоваримой» формы, может быть, сделаю небольшую брошюру¹, хотя число моих ивритоговорящих читателей можно сосчитать по пальцам одной руки...

Пока же все свободное время отдаю ивritу: два раза в неделю веду занятия в группах, раз в неделю занимаюсь у Раи и готовлю очередные рефераты, затем работа над ивритскими текстами. К этому нужно

¹ В 2008 г. Альберт Моисеевич Вильдерман опубликовал на иврите книгу воспоминаний «За железным занавесом (моя жизнь в эпоху бурь и революций)» (Тель-Авив, 244 стр.).

добавить чтение газеты на иврите: стараюсь ежедневно просмотреть две первые (политические) части газеты, на что уходит (если не халтурю) часа два. Конечно, читаю я далеко не все, для этого и дня бы не хватило, а в основном заголовки и аннотации, но 2–3 статьи обычно штудирую. Бывают интересные статьи по истории, культуре, литературе, искусству. Они даются мне труднее, чаще приходится прибегать к словарю и не всегда хватает терпения, но если статья стоящая, стараюсь дочитать до конца. Слушаю новости по радио, смотрю израильское телевидение, но в основном новостные передачи. Книги на иврите читаю редко, предпочитаю газеты – в них более «живой» язык. Я и по-русски сейчас предпочитаю мемуары, книги по истории. Но для «отдыха» все равно просматриваю русские газеты. К сожалению, в последнее время (это совпало с моим 80-летием) стало быстро снижаться зрение, и это необратимое явление, обусловленное возрастной дегенерацией сетчатки, значительно ограничивает мои возможности. Пытаюсь не сдаваться и «держаться форму», однако – увы! – и этому есть пределы...

И последнее: иврит обладает особым качеством – выбивает из головы все «лишнее»... В первую очередь изучаемые раньше языки (кроме русского, разумеется). Даже румынский, бывший для меня почти вторым родным языком, начал куда-то проваливаться, а французский пока еще понимаю, но ни слова сказать не могу: вместо французских «выскакивают» ивритские слова, даже те, которые, когда это нужно, почему-то не припоминаются. Но иврит выбивает и «лишние» мысли, а это нередко помогает жить, особенно в новой стране и новой среде. Так и получается, что я благодарен ивриту, который помогает мне адаптироваться в Израиле. В этом и ответ на вопрос, почему я изучаю иврит.

«Русские» учителя в израильской школе

Зеэв Фрайман (Беэр-Шева, Израиль)

Статью хочу предварить несколькими абзацами, чтобы, по возможности, максимально точно определить то, о чем я пишу.

Во-первых, считаю, что вести сегодня разговор об учителях-репатриантах нет особого смысла – таковых фактически в сегодняшней израильской школьной системе просто не имеется. Отчасти потому, что уровень репатриации в последние несколько лет настолько низок, что не в состоянии обеспечить израильскую школьную систему настолько заметным количеством учителей-репатриантов, чтобы о них стоило вести речь. Отчасти потому, что наша школьная система сегодня фактически совершенно не нуждается в учителях-репатриантах, поскольку в стране есть достаточное количество учителей-сабр и учителей-репатриантов с таким стажем пребывания в Израиле, что под определение «репатриант» они попадают исключительно потому, что все еще с точностью до дня могут назвать дату своего приезда в страну. Многие аспекты, связанные с учителями-репатриантами сегодня, по сути дела, перестали быть актуальными, и попытки различных общественно-политических фигур и движений поднять эту тему «на щит» лично мне представляются в лучшем случае популистскими по сути.

Во-вторых, мне кажется ненужным в этой статье говорить о тех, кто пришел учителем в израильскую школу, окончив один из здешних вузов. Это, как правило, категория преподавателей, практически ничем не отличающихся от «обычных» молодых учителей, во всяком случае, с точки зрения подхода к преподаванию, уровня знаний, ментальности и так далее. Их очень сложно, по моему глубокому убеждению, отнести к тем, кого обычно имеют в виду, употребляя термин «русские учителя».

В-третьих, я не хотел бы тут говорить о группе учителей, фактически работающих исключительно с репатриантами и преподающих на русском языке (исключение – учителя русского языка как второго иностранного). Они, по сути дела, находятся вне стандартной системы преподавания, хотя, безусловно, в абсолютном большинстве случаев делают дело чрезвычайно полезное и, как правило, делают его очень хорошо. Однако мне трудно назвать их относящимися к тому, что

обычно имеют в виду под «школьной системой» – это скорее люди, работающие в «параллельной» или «дополнительной» структурах.

Так о ком же пойдет речь?

Есть несколько категорий учителей в израильской школьной системе, которых можно бы назвать «русскими» – точнее, есть две такие категории.

Во-первых, это преподаватели из волны 70–80-х годов – и мне трудно представить, что сегодня они каким-либо образом заметно отличаются от «стандартного» израильского учителя. По этой причине мне не кажется верным относить их к категории «русских», хотя несколько особенностей их я бы все же хотел отметить.

Во-первых, с ними прошли очень интересные изменения в 90-е годы. Встретив волну учителей-репатриантов, «старожилов», как правило, пытались убедить новичков в том, что следует, безусловно, принять правила игры, устоявшиеся к началу 90-х, стереотипы отношений и поведения в школьной системе – как в рамках «учитель–начальство», так и в рамках «начальство–школа». В определенном смысле они были даже более сабрами, чем учителя-сабры; в их позиции парадоксальным образом сочетались желание опекать учителя-репатрианта – и нередко прорывавшееся старание дистанцироваться от него же. Впрочем, парадоксальность эта, несомненно, может быть достаточно точно объяснена – но я не ставлю себе задачи сейчас этим заниматься. Однако через несколько лет большинство из них оказались в числе сторонников достаточно радикальных изменений, инициаторами которых были как раз опекаемые ими учителя-репатрианты.

Во-вторых, это репатрианты из бывшего СССР и СНГ, которые в 90-е годы в достаточно большом количестве влились в израильскую школьную систему. Вот о них-то и пойдет речь.

Из учителей в учителя

Одна группа – это те, кто в той или иной степени занимался педагогической, преподавательской деятельностью и на «доисторической Родине»; автор этих строк относится к данной группе. Заметным преимуществом ее следует назвать и педагогическое образование, и опыт работы, так что их профессиональная абсорбция должна была пройти достаточно гладко. И, действительно, часть из них и в самом деле очень быстро нашли себя в израильских школах, более того – за прошедшие 10–15 лет многие сделали даже определенную карьеру,

в частности, заняв руководящие должности среднего звена: заместителей директоров, руководителей методических объединений, региональных инструкторов-предметников. Как правило, это люди с достаточно сильной мотивацией, которые в свое время выбрали профессию педагога сознательно. Не менее важным фактором в их успехе оказался приобретенный ими в СССР–СНГ опыт работы в сложных, «трудных», как принято было выражаться, классах. Дело в том, что разница между советской школой до начала–середины 90-х и израильской школой того же периода с точки зрения подхода к дисциплине оказалась просто поразительной – и выстояли в ней в первую очередь те учителя, которые, как я уже сказал, имели «закалку» в прошлом. Несмотря на то, что я не располагаю статистикой (и не уверен, что кто-то вел такого рода статистику), у меня есть твердое убеждение в том, что из учителей-репатриантов этой категории (с педагогическим прошлым) как раз ушли (более-менее добровольно) из израильской школы те, кто в СССР–СНГ имел дело со спецклассами. Например, учителя, работавшие в СССР в классах с усиленным преподаванием наук естественно-научного цикла (физико-математические классы, например), испытывали серьезные затруднения в смысле подхода к распределению учебной нагрузки, домашних заданий, а также дисциплины во время уроков – и в итоге ушли с преподавательской работы. Это была безусловная потеря для израильской школьной системы, поскольку сегодня практически каждому ясно, какой потенциал не был использован в результате описанного мной процесса.

Сменившие профессию

По моему мнению, большинство «русских» учителей, к данному времени вполне благополучно работающих в израильской школе, относятся к тем, кто преподавательской деятельностью в «прежней жизни» либо не занимался вовсе, либо преподавал в средних специальных и высших учебных заведениях, либо имел опыт педагогической работы в качестве работы дополнительной.

Не исключено, что как раз отсутствие прошлого педагогического опыта сделало для этой категории нынешних израильских «русских» учителей сравнительно «мягким» процесс профессиональной, педагогической абсорбции. В результате сегодня среди «русских» учителей можно найти много бывших инженеров, программистов, научных работников

среднего звена, бывших вузовских преподавателей среднего звена – тех, кого в СССР определяли как «инженерно-технические работники».

Одним из замечательных результатов абсорбции этой категории в израильской школьной системе стало, как это не покажется странным, заметное повышение уровня требовательности к дисциплине. Не исключено, что определенную роль сыграло отсутствие предубеждений в этом отношении, им не приходилось сравнивать, что было, с тем, что есть, они просто требовали то, что, по их представлению, является нормальным. Кроме того, в значительной степени их удачной профессиональной абсорбции поспособствовало и то, что практически все они имели уровень профессиональных знаний, заметно превышающий тот, который требовала от них израильская школа.

Сыграл свою роль и возрастной фактор: как правило, педагогическую карьеру из описываемой группы людей выбрали те, кому на момент репатриации в Израиль было от 30 до 40 лет (разумеется, имели место и отклонения от этого возрастного диапазона, причем в основном в большую сторону).

Профессиональное распределение

Неудивительно, что большинство «русских» учителей (с учетом сделанных мной в начале этого материала оговорок) преподают предметы естественно-научного цикла: программирование, математику, физику, химию, специальные предметы вроде электроники и тому подобных технических дисциплин, а также, разумеется, иностранные языки (как правило – английский и русский).

Связано это, само собой, в первую очередь с уже имевшимися у репатриантов профессиональными знаниями и относительно простыми языковыми требованиями: разговорный иврит плюс профессиональная терминология.

Что есть

На сегодняшний день присутствие «русских» учителей в израильской школьной системе практически повсюду представляется явлением естественным настолько, что давно уже не рассматривается как нечто особенное. По некоторым из предметов (например, информатика, которую в Израиле называют «Основы компьютерных наук») доля «русских» учителей заметно выше, чем доля «русских» в населении страны. Аналогичная ситуация сложилась в математике и физике; при

этом, судя по всему, процент «русских» на периферии выше, чем в таких регионах, как, например, Большой Тель-Авив.

Заметным воздействием «русских» на преподавание вышеперечисленных предметов является, безусловно, повышение уровня требовательности, повышение качества преподавания и, как правило, повышение уровня успехов учеников (хотя последнее менее ярко выражено, поскольку подвержено влиянию дополнительных – кроме «учительского» – факторов).

Что будет

В большинстве мест, где с последней волной репатриации возникли большие группы «русского» населения, почти с самого начала стали возникать «параллельные» или «дополнительные» учебные структуры. В одних местах это были кружки, в других – вечерние школы для разных возрастов школьников и дошкольников, в третьих – своего рода группы для дополнительных внешкольных занятий. Между прочим, специалисты указывают, что процесс создания подобного рода «параллельных» образовательных структур характерен для общин выходцев из СССР–СНГ по всему миру, вне всякой зависимости от страны «прихода» и от национальных особенностей «условно-русской» общины. Специалисты считают, что это объясняется приоритетным восприятием образования с точки зрения родителей, получивших образование в бывшем СССР, а также пониманием того, что высокий уровень образования является одной из гарантий для карьерного продвижения репатрианта или эмигранта.

Урок ведет Зеев Фрайман

Волна репатриации 90-х годов совпала с сильными настроениями «уравниловки», царившими в этот период в израильской педагогике. И хотя официально это, разумеется, не называлось «уравниловкой», а определялось как «система равных возможностей», однако в действительности проблемы с учебной дисциплиной и требовательностью как раз и привели к снижению общего уровня.

Пришедшие в израильскую школу «русские» учителя уже через несколько лет стали фактически по собственной инициативе, «де-факто», чуть ли не подпольно, под видом самых различных оговорок и отговорок стимулировать создание классов с усиленным изучением соответствующих предметов. В большинстве мест это прикрывалось созданием «репатриантских классов» якобы для предоставления особой помощи испытывающим трудности ученикам-репатриантам. Якобы – поскольку от года к году числу учеников, соответствовавших официально определению «репатриант», неуклонно снижалось. Кроме того, в ряде школ директора достаточно быстро поняли, что «русские» учителя могут заметно повысить уровень успеваемости и успешности главным образом в отношении экзаменов на аттестат зрелости, тем более если создать несколько особые классы – не столько репатриантские, сколько с повышенным количеством учебных часов по соответствующим предметам.

Очень важным моментом стало создание школ «Мофет», когда недвусмысленно и однозначно было показано, что система «уравниловки», как бы демократично ее не называть, фактически не дает возможности реализовать истинный потенциал учеников. В школах стали создаваться специализированные классы, в большинстве мест обозначаемые как классы «с научной ориентацией», – и это давало возможность производить в них отбор учащихся. Доля «русских» учителей в таких классах заметно выше средней, что понятно, поскольку они в известном смысле и были инициаторами создания таких классов.

Несомненно, что в ближайшие годы, в связи с резким снижением уважения к «уравниловке» и ростом признания конкурентности как естественной составляющей общественной жизни, число такого рода «спецклассов» будет увеличиваться. Нельзя не признать, что именно «русские» учителя были главным стимулом этого процесса.

Взаимодействие формального и неформального образования

(К 15-летию педагогического центра МАПАТ и школы «Шевах–МОФЕТ»)

Ольга Кардаш-Горелик (Тель-Авив)

Если бы я сегодня решал, куда послать
учиться своих детей, я, безусловно,
послал бы их в школу «Шевах–МОФЕТ».

*Лауреат Нобелевской премии
академик Даниэль Кахенман*

Когда я поступила в математическую школу, в класс к известному математику Александру Семеновичу Кронроду, на одном из первых уроков он сказал: «Ребята, напишите, пожалуйста, сочинения на тему “Почему я люблю математику?”». Кто-то из ребят засмеялся и спросил: «А если я не люблю математику?» – «Тогда напишите, почему вы не любите математику». Времени он дал нам полчаса. Может быть, это был первый раз, когда я попыталась определить свои отношения с математикой. В итоге я написала не о том, почему я люблю математику, а о том, почему я люблю математиков и хочу принадлежать к их числу. Я писала, что не знаю никого умнее, выше, интересней, чем люди этого странного племени. С ними можно говорить обо всем на свете, и всегда услышишь в ответ что-то неожиданное, оригинальное, что увлечет и заставит задуматься. А про любовь к математике мне сказать было нечего. Я и не знала, люблю ли я математику. Зато я понимала, что люблю тех, кто учит меня математике.

А началось все так. В МГУ на мехмате была организована встреча будущих школьников с группой ученых.

На сцену походкой победителя вышел, почти выбежал человек: он был высокий, стройный, с черными волосами, синими глазами – и ни на кого не похожий. Голосом, ни на один голос не похожий тоже, он стал рассказывать, какая будет школа. И, конечно, мое пятнадцатилетнее сердце немедленно рухнуло к его ногам. Я старалась слушать изо всех сил, но думала только одно: «Я буду учиться у него, что бы Он ни преподавал». Выяснилось, что через неделю вступительные экзамены. Пришлось забыть, что мы с сестрой не любим математику.

Мы схватились за олимпиадные сборники. Сидели каждый день до ночи. Сначала ничего не получалось, а потом – как второе дыхание открылось. Короче – экзамены мы сдали.

И началась учеба. Ой, как это было трудно! И как интересно!

На первый урок математики он вошел – мы все вскочили. Он кивнул нам – садитесь. Подошел широким шагом к доске и написал:

$1 + 2 + 3 + \dots + 98 + 99 + 100 = ?$ И сказал: «Кто первый догадается, чему эта сумма равна – тяните руку! А кто знает – скажите сразу: я дам другую задачу». Он пришел не один. С ним были его коллеги, тоже математики. Все «с лица необщим выраженьем». Довольно быстро стали подниматься руки. Меня удивило, что это были мальчики. К каждому из них подходил математик, и начинался негромкий диалог.

А я сидела и думала: «Как бы так сделать, чтобы ко мне подошел Он?» И вот из неясной мглы стала выплывать ко мне задача. Никак не могла я ухватить суть, пока вдруг не услышала чей-то тихий шепот: «с того и другого края...» Я взглянула – и обомлела! Задача стала выпуклой, совершенно понятной. Дело осталось за пустяком – дожждаться, пока он станет против моего ряда. Он, а не тот молодой человек, который издали на меня посматривает, и не та женщина, которая сейчас стоит около соседней парты...

Хотя, конечно, все эти люди были необычны, и с любым из них было бы интересно. Но ведь я хотела заниматься именно с Кронродом! И я дождалась его взгляда – и скорей-скорей подняла руку. И он быстро пошел ко мне и спросил – сколько? Я говорю: «еще не сосчитала, но делать нужно так и так...» Он говорит: «Верно».

Подсел ко мне, и дальше начался странный разговор. Его вопросы. Мои попытки сразу ответить. А он каждый раз говорит: «А вы не спешите, подумайте. Я минут через 5–10 еще к вам подойду». К концу урока у меня образовался листочек с несколькими заданиями.

Как потом выяснилось, у всех учеников оказались такие листочки. А задания были разные. Каждый преподаватель успел «поговорить» с группой учеников. Когда урок закончился, было у меня новое потрясение: на перемене никто не гоняется друг за другом, мальчишки не кидаются тряпками, не слышно визга девчонок... А у доски стоят мальчишки и обсуждают задачи. Я в них во всех влюбилась сразу и на всю жизнь! А потом были тяжелейшие испытания: задачи надо было решать самостоятельно, а они не решались. Нам немножко подсказывали, немножко намекали, когда не получалось. Но, в общем, пускали в свободное плавание. Помню свою первую контрольную. Там было

много задач. Одна из них была – рисовать графики. Среди функций была квадратичная функция. Значит, парабола. Но ведь никто не объяснил! И вот я, найдя какие-то произвольные точки, взяла линейку и аккуратно начертила график. И только после контрольной, анализируя задачи, поняла, что я натворила. Боже мой! Теперь меня, конечно, выгонят. А главное, Он поймет, какая я дура! Когда я получила контрольную с отметкой «5» (система была пятибалльной), я увидела рядом с этой задачей «+»! Но ведь он не мог не заметить моей грубейшей ошибки! Этот первый урок великодушия и понимания поразил меня на всю жизнь...

Наша школьная жизнь – это было три года настоящего счастья. Потом был университет на Ленинских горах – механико-математический факультет. Пятнадцать человек из нашего класса учились там. Двое мальчиков пошли в физико-технический институт – знаменитый «физтех». Двое пошли по гуманитарному пути. Одна – во ВГИК, на режиссерский факультет. Другая стала замечательным специалистом по сербохорватскому языку. Это она перевела «Хазарский словарь» Милорада Павича и другие его книги.

Недавно я встречалась в Москве со своими друзьями – «мальчишками» и «девчонками» из моего класса. Я не буду говорить об их достижениях в этой жизни. Но эта встреча была, как всегда, встречей людей очень родных, содержательной, волнующей. Говорили о новой книге Ларисы Савельевой, о серьезнейшем открытии в физике Кирилла Мицена, об интуиции и об исторических связях и т.д. Расстаться, как всегда, было трудно. И хотелось сказать, как всегда: «Отечество нам – Царское Село». И мы хорошо знаем, что за этим стоит. Нас всех учила жить и размышлять группа прекрасных людей – А.С.Кронрод, Ф.М.Филлер, Т.Богданова, Е.Лиферов, Т.Усков, И.Корнфельд.

Это особое братство – наш класс. Как будто на всех лежит ответ незабываемого – наших уроков, походов, вечеринок, песен под гитару. Наш вкус формировали великие менестрели того времени: Визбор, Галич, Окуджава и им подобные. Мы учились преодолевать преграды, которые расширяли наши горизонты и давали нам понятие о новых, ранее не подозреваемых проблемах. Но это – тема отдельного разговора.

А сейчас это скорее размышления о проделанном эксперименте и о причинах его удачи. Необыкновенная атмосфера, созданная в нашем классе, вызывала у нас, школьников, уважение и даже преклонение

перед науками и теми, кто ими занимался. Ничего бы не получилось, если бы учителя наши были заурядными людьми.

Ничего бы не получилось, если бы они не продумали способ обучения нашего класса. Надо заметить, что кроме набранных по конкурсу в классе было около десяти человек «микрорайонных» детей, вообще не сдававших экзамены, но рекомендованных школьным учителем. Часть из них, не выдержав уровня работы, перешла в обычные классы. Ничего бы не получилось, если бы внутри класса не было произведено разделения на группы по уровням, а всего в классе было двадцать девять человек.

Ничего бы не получилось, если бы нашим математикам и физикам не дали определенную степень свободы.

Ничего бы не получилось, если бы они сами не испытывали удовольствия от этого эксперимента и от общения с нами, «юными дарованиями»; если бы они не тратили на нас свое время, если бы не говорили с нами о тысяче разных вещей, вообще не связанных с математикой, не пели бы с нами песен, не ходили бы с нами в походы... Да и было их несколько. И работу с нами им удалось построить индивидуально.

А ведь кроме них нас учил математике «обычный» школьный учитель Василий Алексеевич Ефремов, преподававший еще в кадетском корпусе (он вел у нас геометрию). И на него мы смотрели во все глаза. И старались изо всех сил. А русской литературе нас учила Надежда Ивановна Ускова, лично знакомая со многими большими писателями, в том числе и Маяковским. И уроки ее тоже были совсем не обычными уроками.

В общем, было к чему и к кому тянуться, «делать жизнь с кого». С тех пор и на всю жизнь осталось у меня ощущение, что каждому ребенку необходимо встретить в жизни своего Учителя. И осталось крепнущее желание дать что-то подобное следующим поколениям.

И хотя на мехмате МГУ было замечательно, до нашей школы ему было далеко. И я, хотя и работала программистом, хотя и преподавала в высших учебных заведениях математику, всегда мечтала работать в школе с детьми и попытаться создать для них что-то хоть немного похожее на то, что было у нас.

Это необыкновенно сильное чувство долга, видимо, естественное для человека. Не зря ведь радость хочется разделить с другим. А здесь – радость совместного открытия или созидания. Как же ее не передать нашим детям? Мне кажется, похожие чувства испытывают мои

коллеги из ныне действующей школы «Шевах–МОФЕТ», многие из которых соприкоснулись с чем-то подобным.

Основы обучения в бывшем СССР

I. Массовая школа

- Была единая программа и постоянно действующие курсы повышения квалификации учителей как по деталям этой программы с разработками уроков по темам, так и по методическому усовершенствованию. Это была необходимая составляющая массовой школы.
- Существовали кружки при университетах, которые вели наиболее способные студенты; росла и развивалась заочная математическая школа (ЗМШ), преподаватели которой вели переписку с учениками из любых уголков страны. Тем самым формировались как олимпиадные команды, так и целые школы: например, знаменитый колмогоровский физико-математический интернат №18 г. Москвы.
- Издавался журнал «Квант» для школьников под редакцией и при участии высококвалифицированных педагогов и ученых, а также журнал «Математика в школе» для учителей. В этих и подобных им журналах велась дискуссия в масштабе всей страны по любым актуальным темам и направлениям. Там разбирались интересные и трудные задачи. Форма общения была живой и увлекательной. Детей учили всерьез, начиная с младших классов. Учить старались, опираясь на природное детское любопытство, с учетом возрастных особенностей детей.

II. Физико-математические школы

- Наряду с массовой школой существовала сеть физико-математических школ. В эти школы детей набирали по конкурсу.
- Была подробно разработанная особая программа обучения, которая создавалась годами и оттачивалась десятилетиями. Основу учительского коллектива составляла команда единомышленников. Это были наиболее квалифицированные педагоги и ученые, а также лучшие студенты физико-математических факультетов. Набранных учителей при этом учили работать именно по таким программам.
- В спецшколах была особая атмосфера сотрудничества, открытости, демократичности. В них существовала разносторонняя внеучебная деятельность: студии, кружки, художественная самодеятельность; ученики и учителя вместе ходили в походы.

- Ребенок сам выбирал себе школу. Тем самым закладывалась основа сознательного отношения к учебе.
- Ученики массово участвовали в олимпиадах всех уровней. Они достигали больших успехов и потом составляли ядро сборных команд страны.
- Выпускники школ поддерживали связь со школой, потому что они ее любили. Они уважали профессию учителя, и естественно, что часть учеников шла потом по этой дороге. В дальнейшем некоторые из них возвращались в свои школы уже в качестве учителей.

III. Как это было здесь?

Все началось с вечерних кружков при Сионистском форуме в 1991 году. Помогла в организации этих кружков Зоя Гамбург, вели их Яков Мозганов и его бывшая ученица Таня Соколовская. А потом была физико-математическая школа для 5–11 классов. Организацию и руководство взял на себя Яков Мозганов, физик, бывший руководитель подобной школы в Москве. Педагогический коллектив составляли преподаватели-энтузиасты, которые с первых дней в Израиле искали способ заняться любимым делом. Летняя трехнедельная школа прошла с необыкновенным успехом и потом переросла в вечернюю школу по просьбе родителей. В ней преподавались: математика, физика, русский язык и литература, английский язык, история и традиции еврейского народа. После полугода деятельности нашей школы, бесменным директором которой был Яков Мозганов, 60-летний новый репатриант, работавший одновременно *шомером* («сторожем»), нас пригласили в стены тель-авивской школы «Шевах». Это была профессиональная школа, обучающая подростков из неблагополучных окрестных районов, а также тех, кто не смог учиться в более престижных школах. Школа в это время стояла перед угрозой закрытия. Преподаватель физики д-р Инна Левинов, узнав о нас, убедила директора школы Ривку Цук пригласить в школу нашу команду.

Приближалось лето. Вечерняя школа разрослась. Директор дневной школы «Шевах» Ривка Цук, вдохновленная увиденным чудом педагогики (желание детей учиться вечером, после обычных дневных занятий, ее удивляло и восхищало) и лично Яковом Мозгановым, договорилась в муниципалитете Тель-Авива об открытии дневных классов, начиная с 7-го. До того в «Шевах» была только старшая школа – *тихон* под названием «МОФЕТ». Название было изобретено Зеэвом Гейзелем, в прошлом учеником московской спецшколы, и Яковом. Кроме своего

первоначального значения, это была и аббревиатура: математика + физика + культура (*табрут*). Мы начали с 250 учеников. Это был сентябрь 1993 г.

Сейчас в школе «Шевах–МОФЕТ» учатся одновременно около 1500 учеников. Вместо специальностей «Слесарное дело», «Обработка дерева», «Воспитатели детских садов» и т.п. у нас два направления – естественное и гуманитарное: математика и программирование, электроника, компьютерная графика, делопроизводство; гуманитарные классы с изучением психологии, философии, истории и других предметов гуманитарного цикла. В школе действует культурный центр, в котором около 25 кружков и порядка 800 участников. Музыка, танцы, хор, драма, рисование, спорт, в том числе шахматы, поэзия и художественная литература и т.п.

IV. Как это произошло?

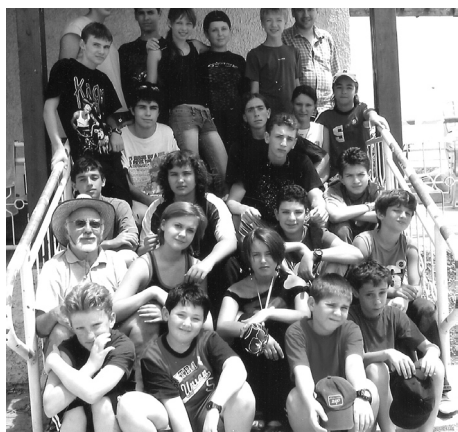
- Аксиома: школа стоит на учителе. «Главная задача директора – пригласить хороших учителей и не мешать им работать» (В.И.Овчинников, директор московской физико-математической школы №2). Это и было главным принципом нашей школы под руководством Якова Мозганова (в свое время он вел физику во 2-й физико-математической школе в Москве и был там завучем). Все наши учителя проходили своеобразное собеседование, которое начиналось с общения с Яковом, а продолжалось беседами с ведущими учителями. В итоге наш коллектив в большой степени состоит из людей, прошедших этот экзамен. Так мы начинали при поддержке администрации школы, которая через некоторое время получила имя «Шевах–МОФЕТ», коллектив науки и культуры.

- В школе под руководством разносторонне одаренного физика, д-ра физико-математических наук Владимира Дацковского была создана уникальная лаборатория-музей. В нем представлены: археология, история, география, действующие модели различных природных явлений (торнадо, гейзеры и т.п.). Здесь и кабинеты биологии, химии, физики с практическими занятиями. Здесь и фотографии наших безвременно ушедших учителей и детей, погибших в «Дольфи»...

- А всей олимпиадной деятельностью у нас руководит д-р физико-математических наук Анатолий Шульман. Раньше вместе с ним работал ушедший из жизни незабываемый д-р физико-математических наук Арнольд Блох (память его благословенна). Олимпиадами занимаются учитель математики Михаил Розенберг, работавший в

Я.Мозганов с группой учеников

В летнем лагере, 2006

Москве в одной школе с Яковом, а также д-р физико-математических наук Борис Коневский из Иерусалима. Работу этих людей трудно переоценить.

V. Как мы объясняем метаморфозу школы?

С аией 90-х приехало большое количество уникальных специалистов, которые собрались в одном месте (учителя спецшкол, выпускники спецшкол, научные сотрудники, ученые) и стали учить детей.

- Когда школа нас приняла, она находилась под угрозой закрытия; уровень обучения был низок. Но коллектив школы во главе с директором Ривкой Цук не побоялся пойти по новому пути.

- Учителя-репатрианты, пришедшие в школу,

готовы были на любых условиях заниматься своим любимым и избранным делом – учить детей. Они стремились влиться в существующую систему израильской государственной школы и изменить ее, по возможности, к лучшему. При этом необходимо понимать, что без высокого профессионального уровня педагогического коллектива в целом ничего бы не вышло.

- В нашей школе создана атмосфера сотрудничества учеников и учителей, атмосфера открытости и демократичности. К нам приходят ученые, чтобы читать нашим детям лекции. Часть наших выпускников – начинающие ученые; другие – работают в области высоких технологий. Третьи – служат в армии. Все они при случае приходят к нам. Все они говорят, что скучают по атмосфере школы. Большинс-

тво наших выросших учеников признаются, что они состоялись как личности, студенты, специалисты благодаря благотворному влиянию школы и учителей.

Пока еще наших выпускников не исключают из университетов (так как они научены учиться и имеют прочные основы знаний), в то время как отсеб с первых курсов многих факультетов составляет 40–50% от количества студентов.

В школе за это время менялись директора. Ривка Цук, первый директор школы, никогда не забывала сказать учителю спасибо за проделанную работу. Она умела поддержать инициативу учителей, платила ставкой за факультативы и кружки, сотрудничала с нами по всем вопросам, несмотря на неоднократные споры. Это было истинное сотрудничество, а не показуха и красивые слова. Но через два года Ривка оставила школу. Ее сменил новый директор – доктор социологии Ави Бенвеништи. Ави с трепетом относился ко всему, что было создано в школе до него, и поддерживал новые начинания. После десяти лет работы ушел и он, и в настоящее время директором школы является Дов Урбах, тоже доктор социологии.

В начале нашего пути количество детей было небольшим, и в основном они обладали чувством учебной мотивации.

Но по мере разрастания школы число таких детей уменьшалось, а количество желающих попасть в нее росло. При этом процент тель-авивских детей относительно мал, и дети едут к нам из разных городов (от Ариэля до Ашкелона). Почему же количество детей, приходящих к нам на экзамены, практически не уменьшается? Попробуем разобраться.

Отметим еще раз, что только небольшая часть учеников поступает в школу с учебной мотивацией. Основная часть детей приходит к нам по другим причинам:

- их родители сами учились в математических школах или видели что-то подобное в детстве, и они хотят дать то же своим детям;
- их родителей пугает другая система обучения, непривычная и непонятная;
- многим родителям, недостаточно освоившим иврит, легче общаться с нашими учителями (в школе около 30% русскоязычных учителей).

Часть родителей старается перевести к нам своих детей и тогда, когда выявляются специфические трудности обучения, на которые в

школах бывшего СССР смотрели иначе (или не обращали внимания, или считали это признаком лени и не знали, как с этим справиться).

Между тем в мире, в том числе и в израильских школах, такими отклонениями занимаются специально подготовленные учителя и психологи. Родители же, как правило, боятся вмешательства психолога в жизнь ребенка и вместо этого переводят его к нам, считая, что это проблема школы, а не ученика. К сожалению, с некоторых пор количество детей со специфическими трудностями обучения растет, и мы не можем помочь всем. При этом надо понимать, что, как правило, родители именно таких детей рассчитывают на школу, не умея и не пытаясь помочь своему ребенку и школе в этой тяжелой работе.

Мы все очень стараемся создать в школе такие условия, чтобы каждый ученик чувствовал дружеский, но и требовательный надзор над собой, чтобы он знал, что ему помогут, но и спросят с него, и чтобы в итоге дети с радостью шли в школу, чувствуя, что это их место, их общий дом.

VI. О системе вечерних школ МАПАТ

Все это время продолжает существовать и развиваться система вечерних школ от амуты (ассоциации) МАПАТ, которой бессменно руководит Яков Мозганов. В нее входят И.Белинская, Т.Соколовская, О.Кардаш, генеральный директор Эмилия Слезингер. Филиалы работают по всей стране. В частности, при нашей школе «Шевах–МОФЕТ» продолжает работать вечерняя школа (директор Галя Мозганова, завуч Ирина Кравчик). Физику преподает Яков Мозганов, математику в младших классах ведет Ирина Кравчик, в старших – Ольга Кардаш и Яков Мозганов. Дети от четырех лет и старше учатся по программе гармоничного развития: ритмика, лепка, рисование, музыка, танцы, английский, русский. Ежегодно в дневную школу поступают около 20 выпускников вечернего отделения. Большинство из них попадает в наиболее продвинутые классы и успешно учатся.

Неформальное образование делает то, чего не может сделать обычная школа. Оно не связано жесткой программой, не ограничивает свободу учителя, стимулируя его творческий поиск. Группы в вечерней школе небольшие, их легко формировать в соответствии с уровнем детей, что позволяет им в полной мере реализовать свои способности. В зависимости от интересов детей можно вводить новые дисциплины, например, в нашем отделении проводятся занятия по переводу стихов с иврита на русский и обратно, а также по рисованию.

Неформальное образование незаменимо в подготовке учеников к обучению в дневной школе, в их разностороннем развитии и выработке позитивного отношения к учебе.

Крупным планом

Необыкновенная, заразительная уверенность нашего коллектива в необходимости нового подхода (вернее, хорошо забытого старого) к образованию и очевидные его преимущества сыграли свою роль. Все неформальные объединения, которые сейчас занимаются образованием, основаны на идее серьезного отношения к обучению детей начиная с раннего возраста.

Как сказано выше, движение началось с кружков при Сионистском форуме, организованных Яковом при участии Тани Соколовской, с помощью Зои Гамбург, при одобрении и заинтересованности Зезва Гейзеля, Натана Щаранского, ученых-математиков Владимира Мацаева, Евгения Горелика (светлой памяти), Леонида Полтеровича, Сергея Яковенко и других. Позже директор школы «Шевах» Ривка Цук, увидев действие «нового образования», начала задавать вопросы: «какие вы знаете волшебные слова, что ваши дети не носятся на переменах, как сумасшедшие, а окружают учителя и требуют продолжить начатое на уроке? И почему они вообще приходят сюда два раза в неделю, уже отсидев в обычной школе? Что их тянет?»

Примерно через полгода деятельности нашей неформальной школы открылись дневные классы в рамках школы «Шевах». Нам дали подписать что-то. Потом мы узнали, что там были два прелестных пункта:

- 1) мы не претендуем на квиют («постоянство»);
- 2) нас могут уволить в любую минуту.

В школу, которая раньше была «тихоном», пришли младшие дети – с 7-го класса. И Ривка, с тревогой и умилением глядя на них, говорила: «Да как же они могут учиться, да что же я буду с ними делать? Это же *тинокот* (“младенцы”)!» Сама Ривка – маленькая женщина, невероятно энергичная, уверенная в себе и обаятельная – ухитрялась присутствовать сразу в нескольких местах – такое создавалось впечатление. Это была хозяйка школы, и ее касалось все абсолютно. О каждом учителе вечерней школы Ривка судила отдельно, побывав на его уроке. Помню такой урок математики Жени Минаева, на котором

мы не столько слушали его объяснения, сколько пытались понять реакцию Ривки. Ведь она была не математик. Это был прекрасный урок! И вот, мы все ждем, смотрим на Ривку. Все наши взгляды выражают одно – «ну что?» И она сказала: «הוא מורה» («Он – учитель!»). И мы поняли, что он принят в дневную школу. На этом уроке был старый учитель школы «Шевах» Арье Биковицкий; он сказал, что первый раз в жизни видит такой выстроенный урок.

Она была очень заинтересована в научном потенциале детей и учителей, относилась – и это было видно – с непритворным уважением к каждому из нас, не требовала, чтобы мы сразу преподавали на иврите. Она мечтала тогда об этом, и мы старались изо всех сил, не стесняясь учиться у детей. Мы тогда начали вести разные факультативы. Ривка очень серьезно относилась к этим занятиям и платила за них ставкой, понимая, что это более высокий уровень работы. Сегодня, оглядываясь назад, легче анализировать все произошедшие в школе перемены. А началось это в сентябре 1993 года. Тогда в учительской, всегда со стопкой книг, сидел математик Арнольд Блох (ушедший из жизни в 2001 году). Он работал, строил программы, создавал учебники для факультативных занятий. И всегда был готов ответить на любой вопрос. Вокруг него всегда как будто светилось что-то. Как будто бы он был погружен в себя, но стоило подойти с вопросом, как он выглядывал из-под очков своим неповторимым, мгновенным взглядом, и ты тут же был вовлечен в увлекательную беседу или слышал реплику, которую потом долго можно было обдумывать, так она могла быть содержательна.

А Леня Хейфец? Он ушел от нас в 35 лет – сгорел от лейкемии. Какое счастье, что он был с нами, и как непоправимо, что его так быстро не стало! Когда он болел, дети прислали ему в больницу ведро цветов с запиской: «Леня! Мы уже устали скучать!» А когда надо было сдавать для него кровь, то добровольцев среди детей и учителей набралось столько, что не было отбоя. Последние свои дни он писал учебник для детей. Он уже не мог держать карандаш, он диктовал... Это человек, который мог бы стать крупным ученым, но он предпочел учить детей. Мне посчастливилось работать с ним в одном классе. Это невозможно забыть: дети становились другими, когда он входил в класс, какими-то невидимыми нитями он соединял их всех и притягивал к себе. Я часто оставалась сидеть на его уроках. Передать словами это ощущение невозможно! Он излучал необыкновенный свет, вокруг него всегда все кипело! Таких людей,

как Леня и Арнольд, заменить невозможно, и они оставили след в нашей судьбе.

Я все пытаюсь ответить на вопрос, что нам удалось, а также что не удалось. Пожалуй, удалось создать особую, коллегиальную атмосферу между учителями и учениками, переориентировать ребят в их отношении к учебному процессу. Это началось при Ривке. Как она хотела, чтобы мы все подружились! Например, в перемену она придет в учительскую и спросит нас, учителей-олим: «Что же вы отдельно сидите? Надо всем вместе быть». И пересадит нас к старожилам. Вот и беседуем на своем еще скудном иврите. Или идет по коридору, встретит ученика с тетрадкой и просит: «Покажи тетрадь». И серьезно так просматривает, похваливает его, замечания делает, успехов ему желает. Это нас глубоко трогало.

Вот так потихоньку создавалось то, что сегодня называется «שבח מופת משפחה» («семья “Шевах–МОФЕТ”»). **Академический дух**, несмотря на то, что в школе учатся ребята всех уровней развития, от самого низкого и до самого высокого. Опираемся на лучших, и постепенно удастся вытащить многих и многих, которые без нас, кажется, вообще бы не вырулили, может быть, бросили бы школу. Дети менялись на глазах и все вместе превращались в коллектив. Родители тогда очень нам доверяли и готовы были помогать во всем. Сейчас это не так. Я не знаю, что творится с сегодняшними родителями, которые научились жаловаться, обвинять и требовать, не разобравшись ни в чем для начала... И прежде всего винят учителя. Это понятно, он ведь близко... Среди учителей, работающих в школе сегодня, немало ярких, одаренных людей. Именно такие должны работать в школе. Они и создают особую атмосферу уважения к личности каждого члена школьного коллектива, будь то учитель или ученик. Это атмосфера, где учатся все, взаимно обогащая друг друга: ученики и учителя.

...Потом Ривку сменил доктор социологии Ави Бенвиништи. Помню, как он пришел в школу, зашел в учительскую. Было уже поздно, уроки кончились. Мы сидели – д-р математики Арнольд Блох (светлой памяти), Таня Соколовская, я, еще кто-то – и обсуждали насущные проблемы. Он вошел, познакомился с каждым из нас. Удивился, что мы еще не разбежались по домам. Кстати, это одна из прекрасных привычек в нашей школе: учителя частенько засиживаются в учительской, чтобы разработать новые программы, обсудить проблемы тех или иных учеников и т.п. Думаю, что цель, которая

даже не формулировалась нами, была и есть следующая: создать элитную школу для всех, как это ни парадоксально звучит, школу, в которой самое главное – образование и культура, в том числе и культура общения. Ведь не секрет... и это быстро понимают те учителя, которые приходят работать в нашу школу, что у нас – особый, не типичный для других израильских школ, контингент. Я поясню: это дети всех социальных слоев – от самого низкого уровня развития и до тех, которые прекрасно воспитаны и достаточно образованны для того, чтобы их учить всерьез. Это, в основном, дети из бывшего Советского Союза, из разных его регионов. И нельзя закрывать глаза на то, что у нас много детей вообще не еврейской национальности. Это проблема не простая... Я говорила с детьми. Многие из них не понимают и не чувствуют, куда они приехали. Иногда болит душа, когда слышишь их разговоры: «Вот я подучусь и уеду в Штаты или в Канаду...» Это больно. И об этом надо думать, как сделать, чтобы они почувствовали, что их дом здесь. Но делать это надо осторожно, «не насильно»...

Вначале, еще при первом директоре Ривке Цук, у нас был создан постоянный учительский совет для взаимодействия с администрацией школы. Этот совет был выбран нами и одобрен дирекцией. В нем были математики, физики, учителя русского и английского языка, представители культурного центра школы, а также ученые из ведущих университетов страны (Тель-Авив, Бар-Илан, Технион г. Хайфы, Институт им. Вейцмана). Такой совет жизненно важен для школы, так как мы (члены совета) были гораздо ближе к детям, чем дирекция, мы смотрели не на отметки, а на способности и склонности ребенка; для продвинутых учеников работали научные кружки, им читали лекции ученые и лучшие наши учителя. Летом действовали научная школа и подготовительная школа для поступающих. Несмотря на каникулы, дети с удовольствием шли на занятия и жалели, что это всего лишь одна неделя!

К сожалению, сейчас этот совет упразднен.

Мы знаем, что есть огромная разница между обучением и натаскиванием. При правильном обучении детей в школе (и при поддержке администрации школы) повышаются требования учеников к себе, доверие и уважение к учителю, создается коллегиальная, творческая атмосфера в учительском и ученическом коллективе. При грамотном администрировании можно сдвинуть горы.

VII. Незабываемое («Дольфи»)

Так все в Израиле называют бывший дельфинарий на берегу Средиземного моря в Тель-Авиве. Раньше там плавали дельфины, а потом на этом месте создали дискотеку. 1-го июня (Международный день защиты детей) 2001 года в толпе детей у входа на дискотеку взорвал себя 22-летний террорист-смертник. Этот взрыв унес жизни 21 подростка и покалечил еще десятки. Семеро из погибших – ученики нашей школы. Они в этот день хотели отметить последний звонок, им предстояли экзамены на аттестат зрелости.

Страшные подробности этих дней никогда не уйдут из нашей памяти. Нашей – учителей, которые учили погибших детей, бывших наших учеников, уже окончивших школу, с которыми переживали эту катастрофу. Первый день, когда мы все примчались в школу (это было в субботу), еще не зная, кто ранен, кто погиб, когда в ужасе просматривали списки пропавших без вести. Растерянные, плачущие школьники. Не менее растерянные, но сдерживающие слезы и переполняющий душу ужас учителя: ведь надо было поддерживать детей, приехавших в школу; организовать немедленную помощь семьям, где погибли или пострадали дети. О, как все наши дети вечером этого дня молча сидели на школьной спортивной площадке вокруг множества горящих свечей памяти! Сидели, обнявшись, и молчали. И Юда Киршенбаум, завуч по дисциплине, остался с ними. А потом мы ездили по семьям, где погибли дети. Трое среди погибших были мои: Марьяна Медведенко и Аня Казачкова из 9-го класса и Марина Берковская из 10-го. А потом мы ездили в больницы к раненым школьникам. Особенно запомнился мне один из них (В.У.): он лежал на животе, а я готовила его к экзаменам на аттестат зрелости по математике. Повернуться он не мог: в спине остались гвозди, которые постепенно передвигались ближе к коже, и тогда можно делать очередную операцию. Как он терпел боль! Как он старался заниматься! Конечно, у него это не очень получалось. Но экзамен по математике в итоге был сдан. А вот Мариночка Берковская, которую подруги уговорили пойти на дискотеку в первый или второй раз в жизни, уже никогда не сдаст свои экзамены.

В школе в этот учебный год до конца занятий стояла напряженная, невыносимая, неестественная тишина. Полторы тысячи детей – и тишина... Этого не забыть. Да и нельзя забывать. В кабинетах и комнатах некоторых «завучей» и учителей висят или стоят на столах портреты погибших детей. В музее есть памятная стела. На спортивной площадке стоит памятник. Директор того времени Ави Бенвеништи активно

помогал семьям погибших детей, организовывал для них неформальные встречи и вечера. Он смягчал их горе, сделав для них школу, по их собственным словам, вторым домом. Ежегодно 1-го июня на церемонию поминовения съезжаются родные и друзья, а потом все едут в «Дольфи»...

О преемственности и новаторстве педагогического труда

Арнольд Блох, д-р физико-математических наук. Я уже писала о нем. Его нельзя забыть. Он был всем нам примером отношения к работе и к людям. Он, ничего не декларируя, задавал высшую планку. Никогда я не слышала от него плохого слова ни о ком. С ним рядом просто невозможно было говорить о ком-то плохо. Доброжелательный, но и строгий взгляд; всегдашняя готовность выслушать, помочь, объяснить. А как интересно с ним было! Он всегда был занят, учился, как и полагается ученому. И учил. Не словами – просто своим примером. Он умер в тот же ужасный год, незадолго до трагедии в «Дольфи». Это было в первый день каникул, в Песах. Несколько дней в больнице – и смерть: сердце. Как его не хватает сейчас! Таких всегда не хватает.

Леня Хейфец. Тридцатипятилетний – навсегда. Умный, большой, красивый, честный, искренний, с огромными руками, которые захватывали и обнимали сразу по охапке счастливых детей. Как мы дружили! Как его любили все, кто его знал! Он, бывало, и ссорился с учениками: всерьез обижался на тех, кто не делал уроки, но и прощать умел, и признавать свою неправоту, если был неправ.

Зоя Гамбург, филолог, преподаватель русского языка в школе «Шевах–МОФЕТ», еще в 1991 г. организовала вместе с библиотекарем Раей Хазанович при Сионистском форуме кружки для детей-олим по английскому языку, рисованию, движению, математике; с 1993-го Зоя работает в нашей школе, а с 1994-го также выполняет функции координатора по русскому языку. Зое присуще глубочайшее чувство собственного достоинства. Рядом с ней каждый – и взрослый, и маленький – невольно подтягивается. И как важно для учеников учиться у Зои, чтобы тянуться, становиться лучше, чище, умнее. В нашей школе большинство учеников имеет русские корни. Большая часть из них говорит со своими родственниками на русском языке. «Через язык, – говорит Зоя, – осуществляется связь детей и родителей, дедушек, бабушек и других родственников. Эта связь должна быть как можно более разносторонней, глубокой. А если язык упрощен, эта связь сводится к информативному

общению. Бедный язык порождает бедное мышление. По крайней мере, на данном этапе, когда дети так или иначе разговаривают на русском языке, мы должны обогащать их язык, задавая возможный уровень интеллекта и стремясь к постоянному его повышению».

Юля Крейнин, одна из молодых преподавательниц, в школе с 1994 г., выпускница знаменитой московской математической школы №57, пришла с прекрасным ивритом, сразу получила классное руководство, через три года Таня Соколовская передала ей и Ане Айзенберг координаторскую деятельность по математике, и Юля занималась всем этим не на страх, а на совесть.

Интересно, что в 57-й школе в Москве Юля училась у физика Игоря Лисинкера. Сейчас Игорь преподает физику в нашей школе, выучил не одного будущего физика, тренировал команду будущих победителей олимпиад. Игорь и Юля, его бывшая ученица, сегодня коллеги. Такая вот преемственность. Юля работает в классах любого уровня (в средних и старших). Она в много сил и души вкладывает в своих воспитанников.

Рассказывает Леонид Полтерович, муж Юли, профессор Тель-Авивского университета – Юлин класс должен был выпустить журнал. Одна из девочек не выполнила свою часть, и Юля пригласила ее домой. Был вечер. Папа привез дочь на машине, и девочка сидела и работала, пока ее часть не была сделана. Леонид сказал, что обстановка дома напоминала последний авральный вечер перед сдачей плана в конструкторском бюро советского образца. Так воспитываются чувство долга и ответственности перед взятыми на себя обязательствами не только у детей, но и у их родителей.

Юля все эти годы еще и осуществляет координацию между школой и университетом, где существует специальный поток для старшеклассников, которые параллельно со школой учатся там наравне со студентами. Этот поток курирует профессор Бно Арбель. Параллельно Юля работает на подготовительных курсах в Тель-Авивском университете.

Таня Соколовская, в прошлом ученица в классе, где Яков Мозганов преподавал физику и ездил с детьми в колхозы копать картошку. Таня, доктор экономических наук, математик, одна из создательниц школы, раньше работала в математическом кружке при Сионистском форуме, Яков там же вел математику. Таня ведет еще подготовительные курсы при Тель-Авивском университете, работает в классах любого уровня, неоднократно вела кружки математики в нашей школе.

Борис Коневский, д-р физико-математических наук, работавший в нашей «ученой» команде, готовящий ребят к олимпиадам, был вынужден уйти из школы, и никто его не удержал. А жаль! Он работал одновременно в школе, в университете им. Бен-Гуриона, и в Тель-Авивском на специальном факультете с особо одаренными учениками. Сейчас Коневский поддерживает связь с теми нашими школьниками, которые попадают на этот факультет.

Сегодня в школе занимается всей олимпиадной деятельностью д-р наук Анатолий Шульман, один из всей этой команды. С 1994 года он работает не только в обычных классах, а еще занимается с ребятами индивидуально и в группах по углубленной программе, готовит их к соревнованиям. В декабре 1994 года двое из этих ребят после победы на всеизраильской олимпиаде были включены в сборную страны и привезли золото и серебро с международной олимпиады. Деятельность Анатолия – это и математические бои между классами, и внутришкольные олимпиады, и индивидуальные занятия, и связь с учеными, организующими международные олимпиады. Он же из года в год возит детей на всевозможные соревнования внутри и вне Израиля с обязательным последующим разбором задач.

Таня Соколовская и Ольга Кардаш также ведут математические кружки в различных классах. Ольга Кардаш ведет еще и кружок поэзии, а также постоянно работает в вечерней школе и в летнем лагере науки и искусства.

Миша Розенберг преподавал с нами еще в вечерней школе. Он также занимался олимпиадами и готовил к ним способных детей.

Аня Штайнер, математик, училась с Ольгой Кардаш на одном курсе мехмата МГУ. Она пришла в школу в середине 1995 года. Начиная с 1997 г. Аня – классный руководитель. В свое время она была старшим научным сотрудником НИИ и занималась численными методами математики. И теперь, обучая детей, она старается (и ей это явно удается!) научить их другому видению мира, связывать теорию математики с ее практическими приложениями. Анины воспитанники отличаются хорошей дисциплиной и глубокими знаниями.

Аня Айзенберг, математик, уже упомянутая выше, в свое время проработала 15 лет в физико-математическом колледже в Харькове.

Женя Минаев, один из основателей нашей школы, обладает великолепной математической культурой, высоким профессионализмом. Он, как и Аня, работал в Харькове в математической школе.

Эдуард Велиулин, д-р наук, профессор, в школе с 1996 года. Кроме преподавания физики, проводит с учениками различные опыты. Вместе с учащимися сделал ряд приборов, демонстрирующих принципы преобразования энергии и дающих представление о физических основах полета летательных аппаратов.

Марк Кудрицкий, выпускник 1998 года, под руководством Эдуарда сделал работу по физике, вышедшую в финал конкурса молодых ученых и опубликованную впоследствии в научном журнале «Scientific Israel – Technological Advantages SITA». 2007. Vol.9. No1). Эдуард уже 10 лет вместе с Софой Лернер, педагогом по русской литературе, отвечает за вступительные собеседования по математике. Раньше их постоянно проводили Таня Соколовская и Ольга Кардаш, затем Арнольд Блох (светлой памяти) и Евгений Минаев, а сейчас почти все математики по очереди и по мере возможности участвуют в еженедельных собеседованиях по приему в школу.

Лаборатория естествознания и музей науки и природы были построены в школе на площади 500 кв. м. Кроме лабораторий по физике, химии, биологии, этот комплекс включал в себя также завод «Синергетика», созданный под курс «Наука и технология», которым руководил д-р наук физик Владимир Дацковский. Была малая академия, где с учениками делались исследовательские проекты. Мини-завод и академия просуществовали восемь лет. Действовал кружок по электронике. Ученики, будущие победители физических олимпиад, учились у Владимира. Среди них Анатолий Сокол, Василий Галка, Дима Файфман. «Умный солнечный бойлер» получил золотую медаль на конкурсе по робототехнике (А.Сокол). На международной олимпиаде по физике серебро завоевал Файфман, а бронзу – Галка. Работа по исследованию живой и мертвой воды проводилась с коллективом детей: Хаимом Бендером, Светланой Цизиной, Машей Ульяниченко в течение трех лет, с 7-го по 9-й класс. Эта работа заняла первое место на конкурсе по экологии в Тель-Авивском университете. Ученики Андрей Столярченко, Виктор Мэй и другие внесли большой вклад в развитие лаборатории. Они работали не только в школе, но и домой к Володе Дацковскому приезжали. Их работа – «Автоматизированная система машинного проектирования» – вышла в финал конкурса молодых ученых Израиля до 21 года (а им было 13–14 лет). Их электротехнические изделия выставлены в Иерусалиме в музее науки. В исследовательских работах также участвовали Таль Эфрос, Пелег Левин, Юра Солодкин, Эдик Мительман, Семен Иоффе – ученики с 8-го

по 12-й класс. Кроме этого, в лаборатории был создан раздел «Наука и религия» совместно с учительницей Танаха Тали Даян. Работа о сосуществовании светского и религиозного общества была представлена на конкурс минпроса и вошла в число победителей в 2005/06 учебном году. Каждый год создавалось около 10 проектов. В них участвовали Керен Шулейкин, Люда Домникова, Марина Клеонская, Полина Беленькая и другие.

Вместе с преподавателем Геннадием Рашапом, ведущим проекты по программированию, была создана программа построения физической и математической модели исследования тепловых режимов радиоэлектронных аппаратов. Участвовали школьники: Алеша Прилуцкий (светлой памяти) и Юра Бурда, член сборной Израиля по физике, бронзовый призер олимпиады по математике. Юра разработал программу «Моделирование удара с угловым поворотом (эффект Магнуса)» с трехмерной графикой. В школьном музее были действующие модели гейзера, торнадо, землетрясения. Была историческая диорама (периоды истории земли), электронная модель Израиля размером 6 кв. м, станция погоды и т.д.

Изабелла Тэвлин, в школе с 1992 года. Вначале преподавала секретарское дело. Переквалифицировалась на компьютеры. Несколько лет была классным руководителем. Следит за заполнением школьного сайта. Является бессменным школьным кинокорреспондентом и оператором. Совместно с Анатолием Эдельштейном, инженером из Кирьят-Ата, создала фильм про «Дельфинарий», про семерых погибших, которые учились в нашей школе. Нет в школе такого события, на котором не было бы Изабеллы с ее кинокамерой. Используя свой архив, Изабелла с Таней Виноградовой создает школьный музей.

Таня Виноградова вначале, в 1993 году, работала добровольно вместе с Зоей Пиговат: вела в классах уроки по искусству, кружки фортепиано для ребят. В 1994 году огромными усилиями Лены Рахутиной (первой учительницы истории и права из СССР, которую привлекли к разработке багрудных программ) был организован Культурный центр с бесплатными кружками для ребят, в чем помогла директор школы Ривка Цук. Центр не успел открыться, как его участники стали выступать в домах престарелых, в детских больницах и т.д. – вплоть до дворца президента, где школе был вручен приз от министерства просвещения. Там выступал детский хор школы, которым уже десять лет руководит прекрасный дирижер-хоровик Лена Аважанская. Наш центр дает возможность многим ребятам не только развить свои творческие

способности, но и преодолеть неуверенность, справиться с личными проблемами, которых немало у наших детей. Назовем некоторые имена: Илья Скибинский начал заниматься саксофоном в 7-м классе (преподаватель Зиновий Семенгауз), поступил сразу на 2-й курс Академии музыки в Иерусалиме, а сейчас работает в США и готовится к защите 2-й степени; Марина Клеонская (скрипка) сейчас играет в различных оркестрах и ансамблях; Маргарита Мисихаева, выпускница 2004 года, защитила 1-ю степень в музыкальной академии, прошла отбор и получила стипендию для дальнейшего обучения в Нью-Йорке. У Тани Виноградовой за эти годы обучалось больше 60 учеников, почти все сдали экзамены на аттестат зрелости по сольфеджио и теории музыки, в том числе 15 человек – по классу фортепиано. В общем и целом музыкальный центр работает как малая филармония. Под руководством Тани Виноградовой проходит все – от домашних концертов до церемоний в муниципалитете, от ежегодных дней поминовения в «Дольфи» до постоянных посещений домов престарелых и других событий. Бессменные руководители танцевальных кружков – Алла Глушкова, Таня Гасенко. Недавно к ним присоединился Федор Ваксин. Многие выпускники стали профессионалами. При центре работают: Александр Раер, который уберег многих проблемных ребят, занимаясь с ними боксом и другими видами спорта; Олег Лернер, тренер по шахматам и настольному теннису, вырастивший нескольких чемпионов.

Таня Барашкова зимой 1994 года начала преподавать рисование в нашей вечерней школе. Через два года в дневной школе начались официальные уроки рисования. С тех пор ежегодно 12–17 выпускников школы сдают экзамен на аттестат зрелости на высшем уровне по живописи и истории искусств. Одновременно Таня продолжает вести кружки в младших классах, где обучает детей основам искусства и языка живописи. Из каждого выпуска три ученика продолжают учебу в университетах, а потом работают в области архитектуры, дизайна, фотографии и т.п. В школе постоянно действовала выставка рисунков участников кружка, а также ежегодная выставка выпускников. Тем самым Центр искусств и спорта, созданный и поддерживаемый Леной Рахутиной, дает, по сути, дополнительное гуманитарное образование, выявляет и развивает творческий потенциал детей, спасает их от одиночества.

Сама Лена Рахутина, помимо работы в Центре, является классным руководителем, готовит ребят к экзаменам на аттестат зрелости по истории и праву.

Список наших учителей, из тех, которые являются лицом школы, далеко не полон. Хотелось бы упомянуть учителей русского и литературы таких, как Ирина Каленковицкая, Софа Лернер и др., биологов – Полина Журавский, Ольга Дорошенко и др., химиков – Галина Авербух и др., «англичан» – Ольга Егорова, Наталья Пахаль, Наталья Шошин, Даниэла Фельдман и др., учителей литературы – Мордехай Миллер, Сари Готлиб и др., учителей Танаха – Тали Даян, Мики Миллер, историков – Авивит Кауфман, Алена Голан.

В нашей школе постепенно сформировался дружный коллектив единомышленников, которые «дышат» одним и тем же – любовью к своей работе и к детям, желанием передать им свои знания и, главное, – научить их учиться. В этом коллективе – выходцы из разных стран и уроженцы Израиля. Яков Мозганов, оставшийся работать в вечерней школе и продолжающий быть нашим предводителем и вдохновителем, доктора физико-математических наук Алекс Платков, Михаэль Михаэли, Евгения Габай.

VIII. Наш взгляд на проблему образования

Известно, что проблема образования – одна из серьезнейших социальных проблем в нашей стране.

К сожалению, израильская система школьного обучения имеет ряд существенных недостатков: во многих школах отсутствует система поощрения хороших учителей, а вместо этого поощряется система доносительства. Ребенку с трудностями обучения и его родителям проще жаловаться на учителей, чем упорно работать. Директору проще заменить учителя, чтобы было тихо, а не разбираться в истинных причинах жалоб. В такой атмосфере в школе возникает тяжелая обстановка подозрительности, бессилия, неумения справиться с возникающими трудностями.

И без того нелегкая работа перестает удовлетворять учителя. Он чувствует пренебрежение со стороны администрации, а иногда, как это ни грустно, и коллег. Коллектив учителей и учеников прекращает свое существование как творческий, взаимно заинтересованный. Вместо обучения начинается натаскивание не по принципу настоящего обучения с постановкой целей, с вопросами «почему это так» или «как достичь данной цели», как сформулировать мысль или решить задачу, а по принципу «делай так».

В результате даже при удачно сданных экзаменах истинных знаний нет, интереса к предмету нет, и школа тем самым не выполняет свою задачу перед учеником.

Как это изменить?

По мнению Якова Мозганова, качество образования зависит, в основном, от четырех параметров:

1. Образования и квалификации учителя (*кто учит*).
2. Выбора учебных предметов и программ обучения (*что изучать*).
3. Соответствия между учебными программами и эмоциональным развитием детей различных возрастов (*чему и кого учить*).
4. Методики преподавания, нацеленной на развитие творческих способностей ребенка, умение осмысливать и анализировать изучаемый материал, выполнять практические задания и тем самым обучающей ребенка учиться самостоятельно (*как учить*).

Профессия учителя – одна из сложнейших. Она требует творческих и душевных сил, высокой профессиональной квалификации и в значительной мере является искусством. Учителя самого надо сначала выучить в университете, а потом вырастить в школе. Это длительный процесс. Опытный учитель, много лет работающий в школе, – большая ценность для общества. По нашему разумению, учитель должен иметь право и возможность требовать от ученика выполнения его обязанностей (дисциплина, работа на уроке и дома, соблюдение принятых норм отношения к учителям и товарищам).

В настоящее время к нам в школу приходят дети, очень разные по способностям, но одинаковые в том, что совершенно не умеют учиться. Создается впечатление, что шесть лет большая часть детей просто ничему не обучалась. Вернее, их как будто бы отучали задавать естественный детский вопрос «*почему это так?*», зато научили задавать вопрос «*как это делать?*». По нашему мнению, эту ситуацию можно изменить только притоком в начальную школу учителей высокого уровня с соответствующим финансовым стимулированием. Тогда можно будет уже с 1-го класса заложить в основу обучения развитие мышления и памяти детей.

А пока что у нас с 7-го класса начинается тяжелейшая работа как для учителя, так и для учеников. Мы начинаем учить их математике, физике и другим предметам. Домашние задания регулярно проверяются в той или иной форме. После полудня в школе начинают работать кружки по интересам. Каждый ученик имеет возможность посещать кружки 2–3 раза в неделю бесплатно.

Два работы дают свои результаты. Следует заметить, что эти два года приходятся на «золотой» для учебы возраст (12–14 лет). В 9-м классе мы видим совершенно других детей.

Каково их будущее? Во всех университетах Израиля наши выпускники получают очень высокие отзывы об уровне знаний, и, главное, они не бросают учебу до окончания университета или колледжа. Не секрет также и то, что костяк сборной Израиля по физике и математике составляют ученики именно нашей школы. Говорят, это потому, что у нас «другие», особые дети. Это очередной миф. Каких детей берет школа «Шевах–МОФЕТ» и как организован прием? Дети получают листочки с заданиями по математике; после самостоятельной работы с каждым ребенком работает учитель индивидуально, на удобном ребенку языке. Если ученик не владеет техникой работы с дробями и техникой раскрытия скобок, то после ряда советов и рекомендаций его приглашают прийти еще раз для повторной беседы. Этот процесс продолжается до тех пор, пока ребенок не обучится элементарным приемам счета и не овладеет минимальным уровнем понимания прочитанного, чтобы решать задачи или хотя бы фрагменты задач. Потом он проходит процедуру распределения по остальным ведущим предметам (иврит, английский, элементарный психотест) и при необходимости направляется к психологу или к администрации школы. Тем самым, уже на пороге школы, ученик начинает представлять уровень предстоящей деятельности, а учителя получают первое представление об этом ученике. То есть дети поступают к нам практически без отбора, но наши первоначальные собеседования уже являются частью учебного процесса. На данный момент основная проблема школы в том, что количество детей с учебной мотивацией резко уменьшилось и перед школой встали новые задачи. Надо заново создать эту мотивацию. А для этого в школе должна быть атмосфера сотрудничества, открытости, постоянной поддержки со стороны администрации. Уникальный контингент учителей продолжает притягивать учеников в нашу школу. Но состав детей в школе колеблется от учеников с высокой мотивацией до большого количества детей, вообще не наученных и не желающих учиться. Поэтому мы, со своей стороны, стараемся создать и приумножить в нашей школе условия для того, чтобы дети с удовольствием шли в школу и чтобы количество истинных учеников росло и влияло на остальную часть. Мы очень надеемся, что в системе образования произойдут серьезные изменения, которые позволят нашим детям свободно развиваться и обеспечить будущее процветание Израиля.

Об авторах и редакторах

Эфраим Баух — поэт, прозаик, переводчик. Пишет на русском и иврите. Родился в 1934 в Бесарабии. В 1958 окончил геологический факультет Кишиневского госуниверситета. Работал геологом на Байкале, в Крыму. С 1964 — член Союза писателей СССР. С 1967 — зав. отделом литературы и искусства республиканской газеты. В 1971-73 учился на высших литературных курсах в Москве. С 1977 — в Израиле. Работал главным редактором литературных журналов «Сион» и «Кинор». С 1985 — председатель Союза русскоязычных писателей Израиля, с 1994 — председатель Федерации Союзов писателей Государства Израиль. С 2000 — президент Израильского филиала международного ПЕН-клуба. Лауреат премий Рафаэли (1982), Всемирного сионистского конгресса (1986), Президента Государства Израиль (2001). Автор известных романов, сборников стихотворений.

Татьяна Вайсман см. том 3(8).

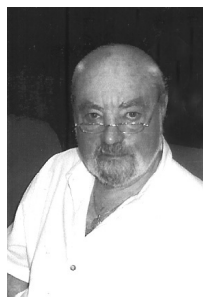
Альберт Вильдерман см. статью «Почему и как я изучаю иврит» в настоящем томе.

Борис Володарский (1956, г. Коростень Житомирской обл.), окончил в 1976 Житомирский техникум механической обработки древесины, в 1981 — Ленинградскую лесотехническую академию. Инженер лесной промышленности. Работал в леспромпхозах Сибири и Украины. В конце 80-х стоял у истоков возрождения еврейской культурной жизни в г. Коростень; был руководителем курсов по изучению иврита. С 1991 в Израиле. Работает лесным инженером в Еврейском национальном фонде (Керен камет ле-Израэль). Филателист-коллекционер и исследователь темы иудаики в филателии. Член Совета объединения коллекционеров иудаики во Всеизраильском объединении филателистов. Публикует статьи по теме «Иудаика в марках» в «Еврейском камер-

тоне» (приложение к газете «Новости недели»), в журнале «Шовель» Всеизраильского общества филателистов (на иврите).

Зезв Грин (1934, Яссы, Румыния) окончил Одесский политехнический институт. Инженер-теплоэнергетик. Работал на Новолипецком металлургическом комбинате (монтаж оборудования), затем в проектных организациях Одессы и Кишинева. С 1969 по 1978 трудился в области эстетики производственной среды, возглавляя соответствующий отдел в Молдавском республиканском центре НОТ. В 1978 репатриировался в Израиль. С 1979 по 2000 – на государственной службе. Участвовал в качестве основного разработчика в подготовке ряда государственных стандартов, технических условий и указаний в области конструирования, эксплуатации и безопасности теплоэнергетического оборудования. В настоящее время занимается консультационной и лекционно-педагогической деятельностью.

Лена Драгицкая см. том 11.

Елена Дубнова см. статью «Востоковеды – репатрианты из России в Израиле» в настоящем томе.

Савва Дудаков см. том 11.

Нэда Каменецайте-Стражас см. статью «Лучшая пора жизни семьи Стражас» в настоящем томе.

Ольга Кардаш-Горелик родилась в г. Ленинабаде (сегодня г. Ходжент, Таджикистан), с трех лет – в подмосковном городе Подлипки (сегодня г. Королев). С 15 лет училась в московской физмат школе №7, потом на мехмате МГУ им. Ломоносова, работала программистом, преподавала математику в Архитектурном институте. С 15 лет пишет стихи. В Израиле с 1992. Имеет ряд литературных публикаций в Москве и в Израиле, лауреат и дипломант

поэтической премии им. Ури Цви Гринберга. Параллельно с работой в школе занимается в литературной студии Иерусалима «Мастер-класс по переводу поэзии Ури Цви Гринберга на русский язык». Участвовала в организации Ассоциации МАПАТ и школы «Шевах–МОФЕТ». В настоящее время продолжает работать в школе «Шевах–МОФЕТ» как математик, а также руководит школьной литературной студией.

Константин Кикоин см. том 3(8).

Михаил Лев (1917, местечко Погребище Киевской губ.), в 1926 г. его семья занялась сельским хозяйством на целинных землях Криворожья, которые в 1931 г. вошли в Сталиндорфский еврейский национальный район. Миша учился в еврейской школе, затем в еврейском машиностроительном техникуме в Харькове. В 1935 поступил в Московский государственный пединститут на отделение еврейского языка (идиш) и литературы. Работал в Центральной еврейской библиотеке Москвы. Его первые публикации появились в 1936 г. С началом Отечественной войны, в 1941, ушел добровольцем в армию, зачислен в Подольское пехотное училище (под Москвой), участвовал в оборонительных боях на дальних подступах к Москве. Был ранен и попал в плен, откуда бежал, и, чудом оставшись в живых, примкнул к одному из партизанских отрядов на территории Белоруссии, где прошел путь (с октября 1942) от рядового бойца до начальника штаба партизанского полка. Награжден боевыми орденами и медалями. В Израиле с 1996 г. За более чем полвека творческой деятельности написал около 20 книг на идиш, иврите и английском: «Длинные тени» (М., 1988) о концлагере Собибор, автобиографическую повесть «Если б не друзья мои» («Советиш геймланд», 1961, №3; 1962, №4) и др., шесть из них издано в Израиле. В 2007 г. издательский дом «Гефен» (Иерусалим–Нью-Йорк) издал его книгу «Собибор» на английском. Им также написано множество статей и эссе о еврейской литературе XX века. Постоянный автор газеты «Форвертс» (Нью-Йорк, идиш), ряда журналов на идиш, издаваемых в Израиле. Его произведения переведены на польский, французский, болгарский.

Аркадий Лившиц см. статью «Жизнь, хирургия, судьба» в настоящем томе.

Ефим Лоевский см. том 11.

Лидия Подольская (литературное имя Лида Камень) родилась в России. В 1958 окончила Днепропетровский металлургический институт, работала в Сталинграде мастером на Трубном заводе. В том же 1958 году ее отец Иосиф Камень был арестован и осужден «за хранение сионистской литературы», вместе с Барухом Подольским, другом Лиды. Лида в 1960 перешла на Новокраматорский машиностроительный завод (НКМЗ) в проектный отдел, где занималась расчетами динамики машин, освоила компьютерное программирование. В 1967 вышла замуж за Баруха Подольского, который к этому времени освободился из лагеря, как и родители Баруха и отец Лиды. В 1969 Семен Подольский и Дора Кустанович, родители Баруха, уехали в Израиль. Кандидатскую диссертацию Лидия защищать не стала, а вместе с семьей подала заявление на выезд в Израиль. В 1971, после двух лет отказа, Лидия с мужем и родителями выехала в Израиль.

В Израиле с 1971 по 1991 Лидия работала в авиационной промышленности инженером-исследователем. Участвовала в проектах по разработке беспилотного самолета (мазлат), программ бортового вооружения для боевых самолетов, включая истребитель-бомбардировщик «Лави».

Параллельно с инженерной работой занималась общественной деятельностью, помощью в трудоустройстве новых репатриантов, в 1988 организовала при поддержке Джойнта и ОРТa курсы для инженеров-репатриантов и полтора года ими руководила. В 1989 инициировала создание первой в Израиле строительной репатриантской ассоциации – амуты ГАЛ, которая с 1989 по 1994 построила около 3 тыс. единиц жилья для репатриантов – в Лоде, Ашдоде, Рамле, Явне.

С 1992 работала научным советником по трудоустройству ученых-репатриантов в министерстве науки и науки под руководством профессора Юваля Неэмана, организовала ассоциацию по реализации

проектов репатриантов ИМПЕРС. Эта ассоциация действует до сих пор, и Лидия – ее бессменный председатель.

В 1994 начала писать стихи и прозу. В 1998 издательство «Иврус» выпустило в свет в ее переводе с английского книгу Т.С.Элиота «Old Possum's Book of Practical Cats» (вместе с избранными текстами песен из знаменитого мюзикла «Cats»). В 2000 вышла оригинальная книжка «Поэмы на кулинарные темы – на кухне у Лиды», в 2004 – перевод на русский язык поэмы Ицика Мангера «Мегиле-лидер» (пародия на Книгу Эсфири). В 2008 перевела с идиш на русский и опубликовала поэму Михаила Фельзенбаума «Моя черная ночь».

Нелли Портнова (1936, Ленинград), доктор филологии, до репатриации – доцент кафедры русской литературы Ташкентского университета. В Израиле с 1990. Работала в Еврейском университете исследователем на кафедре русского и славянских языков над темой «История и культура русского еврейства», по которой в 1995 выпустила книгу «С.Г.Фруг. Иудейская смоковница. Избранная проза». В следующие годы расширила тему и подготовила два тома комментированной хрестоматии «Быть евреем в России»: 1 том – период 1880–1890 (Иерусалим, 1999) и 2 том – период 1900–1917 (Иерусалим, 2002). Продолжала также публиковать статьи по русской литературе и проблемам культурной абсорбции (в газете «Вести»). В последние годы занимается исследованием наследия еврейского философа А.З.Штейнберга, по материалам архива которого подготовила ряд публикаций в журналах и сборниках «Новый мир», «Новый журнал», «Архив еврейской истории», «Параллели», «Лехаим» и пр.

Ася (Батья) Рожанская приехала в Израиль в 1974 из Кишинева, где 18 лет преподавала русский язык и литературу в средней школе. Руководила практикой студентов филологического факультета университета и пединститута. Регулярно публиковалась в различных газетах. Награждена знаком «Отличник народного образования».

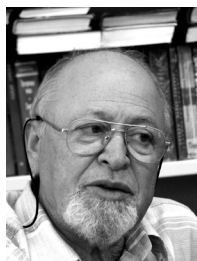
В Израиле после окончания ульпана (курсы иврита) два года училась в «Семинаре ха-киббу-

цим» (когда-то в России это называлось учительской семинарией), получила диплом и с 1976 преподавала в начальных классах школы «НИВ» в Холоне.

В 1982 стала первой и единственной учительницей из новоприбывших, которая получила звание «Мора мицтайенет» («Отличная учительница»).

С первого года приезда в страну занималась общественной работой. Около 30 лет является бессменным председателем Холонского отделения Федерации русскоязычных израильтян. На общественных началах занимается с детьми-репатриантами, преподает иврит и иудаизм в клубах ветеранов и инвалидов войны. Участвует в работе клуба «Клаин».

Юлия Систер см. том 11.

Леонид Финкель родился в 1936. Прозаик, публицист, драматург, автор 13 книг прозы и целого ряда пьес, окончил Литературный институт им. Горького (1971). В Израиле с 1992 г. Лауреат премии им. Юрия Нагибина. Ответственный секретарь Союза русскоязычных писателей Израиля, президент Израильского филиала Международной академии просвещения, индустрии, искусств (Калифорния).

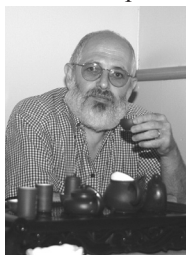

Роза Финкельберг (Горелик) по образованию инженер-геолог. С 1973 участвовала в еврейском подпольном движении за право на выезд евреев из СССР. Ее знали сотни московских «отказников»; она была организатором и душой столичных Пуримшпилей. Репатрировалась в Израиль в 1986 из Москвы и сразу включилась в деятельность Центра информации о советском еврействе, оказывавшего помощь людям в их борьбе за право жить в еврейском государстве. Роза была и в инициативной группе создателей Сионистского форума, где возглавляла отдел по связям с диаспорой. Затем занялась журналистской деятельностью и компьютерной графикой. Ее перу принадлежат серьезные аналитические статьи; несколько лет она возглавляла еженедельник «Вести Иерусалима». В январе 2008 г. после тяжелой болезни ушла из жизни

молодой. Она была замечательным человеком, другом нашего Центра. Да будет светла ее память.

Герц Финкенберг (1918, Замостье, Польша) после окончания еврейской польской гимназии поступил в Сорбонну в Париже. После начала Второй мировой войны несколько месяцев находился на оккупированных нацистами территориях, смог перейти границу и оказался в Западной Украине. Добровольцем вступил в Красную армию, учился на курсах младших лейтенантов. С июня 1941 был в частях Красной армии в батальоне, состоявшем из бывших польских граждан. Демобилизовали батальон в конце 1945 г., и польские евреи вернулись в Польшу, чтобы затем перебраться в Палестину. В Польше был руководителем кибуца «Ха-шомер ха-цаир». В 1946, после Чехии, Австрии, перешел Альпы и оказался в Италии. Работал в Риме в правлении «Ха-халуц». В Израиль прибыл в конце 1948, работал учителем и воспитателем с проблемными подростками. Параллельно получил первую степень по истории еврейского народа. В 1964 направлен в Бельгию руководителем Еврейского центра в Брюсселе. С 1967 работал директором семинара для руководителей матнасов (домов культуры и спорта). Читал лекции в Хайфском университете. Там же получил вторую степень по еврейской истории. В 1972 вторично послан в Бельгию – руководителем отдела образования и молодежи. После возвращения преподавал в Институте Вингейта. Владеет многими европейскими языками. В 1984 переехал в Гедеру и стал одним из основателей Музея билуйцев. Работал как историк и исследователь до 2000. Затем продолжил эту работу на общественных началах. В 1989 вместе с женой организовал кружок для выходцев из СССР по изучению истории страны, который в 1998 стал Ассоциацией по изучению наследия билуйцев. Вместе с нашим Центром в 2004 и 2008 провел конференции в Гедере, посвященные 120-летию Гедеры и 125-летию Первой алии.

Зеэв Фрайман (1954, Пенза) после окончания в 1977 Пензенского педагогического института (учитель физики) преподавал физику и с середины 80-х – информатику. В 1989 репатриировался в Израиль. С 1990 – снова учитель, снова физики и компьютерных наук в одной из средних школ (7–12 классы) Беэр-Шевы. С 1998 – преподаватель компьютерных

наук в государственно-религиозной школе системы АМИТ в Беэр-Шеве, в которой сегодня – полтора десятка специализированных физико-математических классов, в основном «заселенных» «русскими». В 1997–2001 – корреспондент по вопросам экономики, бизнеса и хай-тека интернет-газеты «Деловой Израиль». В 2002–2003 – экономический обозреватель газеты «Новости недели», иногда публиковался и в газете «Вести».

Как экономический обозреватель участвует (с 2006) в еженедельной программе «Израиль за неделю» телеканала RTVi; несколько раз заменял ее постоянного ведущего Михаила Джагинова. Выступает на радио РЭКА как экономический комментатор.

С 2005 – редактор-издатель независимой интернет-газеты IsraMir.

С 2008 – ведущий раздела «Консультант» русскоязычного израильского интернет-проекта IzRus (isrus.co.il).

В 2007 указом президента Польши награжден орденом «Серебряный крест заслуги».

Лев Фрухтман см. том 11.

Дан Харув см. том 11.

Арон Черняк см. том 11.

Шуламит Шалит см. том 11.

Алек Эпштейн см. том 11.

Указатель имен

- Абдул Хамид II 13
Аважанская Лена 367
Авербух Галина 369
Авербух-Орпаз Ицхак 77-78, 81
Аверинцев Сергей 72
Авиви Ави 209
Аврахами Йосеф 50
Аврутин Мойше 167
Агеев Борис 225
Агнон (Чачкес) Шмуэль Йосеф
77-78, 84-86
Агранат Шимон 44
Агранов Яков 321
Аграчева Иудит 111
Аджиашвили Иосиф 225
Адлер Р.Л. 318
Адмон 216
Азбель Марк 104
Азуз Рахель 141
Айзенберг Аня 364-365
Аквинский Фома 302
Аксенов Василий 112
Александров Григорий 199
Александрович Михаил 122
Алексин Анатолий 145
Алигер Маргарита 224
Альперин Янкеле 162
Альтерман Натан 213, 220, 229
Альтман Натан 181
Альтшулер Мордехай 157
Андерс, генерал 315
Андреев Герман 101
Анохин П.К. 274
Антонеску Ион 320
Антониони М. 201, 211
Арад Тальмон 305
Аран Зяма 226
Арари Мати 163
Арафат Ясер 50, 109
Арбель Бно 364
Аролович Инна 50, 55
Аронсон Леонид 131
Арутюнов А.И. 274-275
Арци Ицхак 223
Арци Шломо 223
Атар Тирца 213
Ахад-ха-Аам (Гинцберг
Ашер Цви) 8, 9, 46
Ахаронович Йосеф 34
Ахимеир Йоси 65-66
Ацмон-Вирцер Шмуэль 162
Ашкенази Цви (Чири) 215-216
Ашман Аарон 213
Баазова Лили 242
Бабанова М.И. 153
Бабель Исаак 304
Бакст Леон 136, 177
Балтер Борис 112, 206-207
Бальзам Шломо 63
Бараш Ашер 77-79
Барашкова Тania 368
Бард Леонид 55
Бар-Лев Хаим 42, 108-109
Басов Владимир 210
Баух Эфраим 72, 104, 131
Бауэр 327
Башевис-Зингер Ицхак 121, 162
Бегин Менахем 286
Бегун Иосиф 262
Безродный Леонид 223
Беленькая Полина 367
Беленький 148

- Белинская И. 357
 Белковский Григорий (Цви) 11
 Белл Питер 265
 Беллини Джованни 176
 Беллоу Сол 88
 Беляев Владимир 182
 Бенвеништи Ави 356, 360, 362
 Бен-Гурион (Грин)
 Давид 16, 17, 23, 219
 Бендер Хаим 366
 Бендерский В. 110
 Бенджамин Э.Ф. 37
 Бен-Иехуда (Перельман
 Элизер) 18, 19
 Беннинсон Белла 32
 Бен-Цви (Шимшелевич)
 Ицхак 16, 45
 Бен-Цион (Бен-Ави Итамар) 19
 Берг А.И. 274
 Бергман Ингмар 195, 201
 Бердичевский Миха
 78, 80-82, 84
 Берия Лаврентий 251
 Берковская Марина 362
 Берлин Исая 196
 Берлиц М. 241, 246
 Берман-Штернфельд Эльвира 6
 Берсенов И.Н. 153
 Биози, профессор 265
 Биковицкий Арье 359
 Бирман Серафима 197
 Бласбергер Пауль 103
 Блок Александр 85
 Блох Арнольд 354,
 359-360, 363, 366
 Блох Илан 63
 Боаз 327
 Богданова Т. 350
 Бодо Яков 162
 Бодюл Иван Иванович 210
 Бокштейн Илья
 Вениаминович 123-132
 Бокштейн М.Ф. 124
 Болдуман М.П. 153
 Боржес А. 234
 Борис и Вера Поляковы 90-113
 Борохов Бер 8
 Борщаговский 199
 Босх Иероним 126
 Брагинская Нелли 52
 Брагинский Александр 52
 Бранован Игорь 55
 Брежнев Л.И. 210, 242
 Брейгель П. 131
 Бреннер Иосеф Хаим 30,
 34, 77-78, 81-84, 86, 223
 Бреннер Хая 223
 Брук Питер 207
 Бруцкус Борис Дов 29
 Бубер Мартин (Мордехай) 85
 Буковский Владимир 196
 Бурда Юра 367
 Бурла Иехуда 226
 Бурман Алла Дмитриевна
 242-243
 Буровая Фира 213-215
 Буровая-Астрахань Фаня 213
 Бураковская Наталия 35
 Бутман Гилель 104
 Бухарин 198
 Бухмилль Иехошуа 11
 Бялик Хаим Нахман
 45, 77-79, 213, 229
 Бялый Г. 110
 Вайзер-Санеш Илана 163
 Вайс Бенджамин 318

Вайсман Татьяна 133
 Вайсман Яков 33
 Ваксин Федор 368
 Вальдман Илана 163
 Ван-Гог Винсент 131
 Вахтангов Евгений 157
 Вейс, д-р 192
 Вейцман Хаим 10, 16, 331
 Велиулин Эдуард 366
 Верлен Поль 130
 Верфель Франц 88
 Визбор Юрий 350
 Вильдерман Альберт
 Моисеевич 329-341
 Вильдерманы 330
 Виляцеры 320
 Виноградова Таня 367-368
 Винокур Семен 196, 199
 Виткин Иосеф 21-34, 46
 Виткин Лея 24
 Виткин Сарра 24, 32-33
 Виткин Шимон 21
 Вишневский А.А. 275
 Войтовецкий Илья 64
 Володарский Борис 313
 Володарский М. И. 242
 Волохонский Анри 127-128
 Волошин Максимилиан 96
 Воронель Александр 104, 304
 Вортман Дудик
 (Ванька) 214-215
 Вучетич Евгений
 Викторович 186-187
 Габай Евгения 369
 Гагарин Юрий 298, 300
 Газов-Гинзберг (Амнон Гинзай)
 Ан. Михайлович 233-234
 Галич А. 307, 350
 Галка Василий 366
 Гамбург Зоя 353, 358, 363
 Гао Ман (Сунь) 180
 Гасенко Таня 368
 Гварьяу Хаим 57
 Гейзель Зеэв 353, 358
 Гейне Генрих 224
 Гелбер 139
 Геллер Бинем 117
 Гельман Моше 295
 Гельцер, профессор 254
 Герасимов С. В. 169-170
 Герцль Теодор 6, 8, 9, 10,
 11, 12, 13, 14, 18, 329, 331
 Герцог Хаим 180, 310
 Герштейн Лариса 109
 Герштейн Юз 97-98
 Герштейн, семья 97
 Гестатнер 139
 Гете И. 73, 130, 333
 Гилады 317
 Гилевич Соломон 176
 Гилель 179
 Гилельс Эмиль 155
 Гиндина Марина 113
 Гинцбург Аарон 26
 Гирш, барон 10,
 Гитлер Адольф 320
 Глизэр Ю.С. 153
 Глускина Гитя Менделевна 241
 Глушкова Алла 368
 Гнесин Ури 77-78, 83
 Гоголь Николай Васильевич 120
 Годар Жан-Люк 201
 Голан Алена 369
 Головащенко Юрий 153
 Гольденфельд Нахум 225
 Гольдфаден А. 151

Гольдштейн Йосеф 10, 11
 Гольцфарб-Лурье Елена 6
 Гомберг Б. С. 171, 174
 Гордон Аарон (Ахарон)
 Давид 8, 28, 29, 34
 Горелик Евгений 358
 Горен Шломо 45
 Горький Максим 167, 208
 Готлиб Сари 369
 Грабарь И. Э. 169-170, 177
 Гранот, д-р 192
 Гржебин Зиновий 177
 Грин Зеэв 90
 Гринберг Анна 55
 Гринберг Ури Цви 78, 144
 Гроссман Василий 96
 Грулев В. М. 175
 Грунтфест Яков 241
 Губельман М. И. 205
 Губер Ривка 174
 Губерман Игорь 266
 Гудериан Х. 43
 Гудов 263
 Гузик Анна 266
 Гуляев А. В. 262
 Гуревич Арон 302, 305, 311
 Гури И. 234
 Гутенберг Иоганн 76
 Гутман Нахум 213, 229
 Гутман Сарра 223
 да Винчи Леонардо 308
 Давыдова Ася 225
 Дай Тали 104
 Дальский Хиллель 258
 Дanelия Георгий 196
 Даниэль Юлий 169
 Данте Алигьери 130
 Дацковский Владимир 354, 366
 Даян Аси 209
 Даян Моше 43
 Даян Тали 367, 369
 де Сика Витторио 211
 Дер Нистер 147
 Джордж Элиот 130
 Джорджоне 176
 Диаз 172
 Дизенгоф Меир 331
 Добришман Ева Львовна 176
 Добужинский М. В. 176-177
 Довженко Александр 201
 Догон Шауль 315
 Додин Рувим Залманович
 264, 268, 271
 Долгопольский Арон 241
 Домникова Люда 367
 Дори Яаков 43
 Дорощенко Ольга 369
 Достоевский Ф.М. 76,
 78, 82, 84, 159, 239
 Дотан Реувен 160
 Драгицкая Лена 3, 4, 317
 Дразнер 219
 Друц Ефим 126
 Друянов Алтер 46
 Дубнов С. 329
 Дубнова Елена 232, 242
 Дубовский Н. 168
 Дудаков Савелий Юрьевич
 165, 190, 266
 Дудакова Инна 267
 Дункельман Бен 41-42
 Дурст Арье 262
 Дымова Лорина 235
 Дымшиц Ал. 210
 Дэвис Р. 281
 Дюшамп-Виллон 136, 139

Евтушенко Евгений 181, 224
 Егоров 198
 Егорова Ольга 369
 Ежов Н. 321
 Ельцин Б.Н. 323
 Ермаш А. 209
 Ерофеев Веничка 235
 Ефремов В. А. 351
 Жаботинский Владимир
 (Зезв) 8, 9, 329, 331
 Жванецкий Михаил 273, 304
 Журавская Полина 369
 Жюгжда, профессор 251
 Завадский Юрий Александрович
 145-146, 157-158, 160
 Зальц Натан 263
 Заменгоф Людвиг (Лазарь) 17
 Занд Михаэль 234
 Зарицкий 191, 213
 Збарский, академик 155
 Зеира Мордехай (Митя
 Гребень) 213-230
 Зеира Сарра 214-217,
 220, 225-226, 228-229
 Зеленая Елена (Елишева) 171
 Зеленые Мойше бен Перл
 и Шмилек Бейля бас 165
 Зеленый Борис (Борух)
 Моисеевич 4, 165-175
 Зельманов С. 264
 Зибольд 327
 Зильберштейн Борис 110
 Зиманас Генрихас 251
 Зиновьев Александр 307
 Зускин Вениамин 145,
 154, 156-157
 Иваницкий, профессор 178
 Изхар Самех 84,
 Ильичев Л.Ф. 211
 Ильф И. 307
 Иогансон Б. В. 186
 Иоселиани Отар 196
 Иоффе 126
 Иоффе Семен 366
 Исткот 263
 Каве Моше 417
 Каган Мордехай 18
 Каганович Лазарь
 Моисеевич 167, 187, 321
 Казачкова Аня 362
 Каленковицкая Ирина 369
 Калик Михаил Наумович 194-212
 Каменецкий Лейба (Лев) 249
 Каналенштейн Рувен 138-139
 Кандель Феликс 104
 Кандинский Василий
 131, 177, 306
 Канюк Йорам 81
 Као, профессор 265
 Капитайкин Эдик 173
 Каплун Ан. Владимирович
 264, 268, 271
 Кардаш-Горелик Ольга
 348, 357, 365-366
 Кардовский Дмитрий 177
 Карпаччо Витторио 178
 Карсавин Лев 247, 250
 Кастель 191
 Кауфман Авивит 369
 Кафка Франц 88, 110
 Кахенман Даниэль 348
 Кац Ю. 128
 Кацир (Качальский) Эфраим 16
 Кацнельсон Берл 8, 30
 Кедров 154
 Керл Р. 309

Кернер Вики 265
 Кикоин Константин 3, 4
 Кимельфельд Яна 56
 Кишшенбаум Юда 362
 Кишон Эфраим 162
 Клебанова Рита 336
 Клементьев А.Н. 176, 181
 Клементьев Е.А. 177
 Клементьева В.А. 176-177
 Клементьевы 177
 Клеонская Марина 367-368
 Клер Рене 195, 201, 211
 Климов Элем 194, 209
 Кнебель Мария Осиповна 154
 Ковенская Этель 119, 122,
 145-164
 Ковнер Абба 40
 Коган Борис 327
 Коган Лев 119, 149-150, 159, 163
 Коган Марк Львович 303
 Козинцев Г.М. 207
 Козловский Иван Семенович 155
 Кольвенбах Ральф 265
 Коневский Борис 355, 365
 Коновалов А.Н. 275
 Конфуций 179
 Коонен А. Г. 153-154
 Копелиович Михаил 112
 Корен Иегуда 208
 Коржавин Наум 307
 Корн Рохл 118
 Корнфельд И. 350
 Королев С.П. 274
 Кравчик Ирина 357
 Крейнин Юля 364
 Крижак Валерий 262
 Кронрод А. С. 348-350
 Крото Г. 309
 Кторов А. 154
 Кудрицкий Марк 366
 Кузковский Иосиф 140
 Кузнецов Анатолий 222
 Кузнецов Эдуард 125
 Кузьминский К. 127
 Кук Авраам Ицхак ха-Коэн 8
 Куросава Акира 195
 Кутепов Александр 205-206
 Кучерский Александр 6
 Ламорис Альбер 211
 Ландау Л.Д. 274
 Ласков (Хен) Шуламит 21, 44-46
 Ласков Хаим 35-46
 Ласков Ханан 45
 Лев Михаил 114, 117-118
 Леванон М. 191
 Леви Гирш 187
 Леви Питер 130-131
 Леви Ури 209
 Левин 27
 Левин Пелег 366
 Левин Яков 262
 Левина Полина 103
 Левинов Инна 353
 Левинский 217
 Левитан Исаак 173, 224
 Левитанский Ю. 194
 Лейбович Дов Ариэль 46
 Лейн Мина 124, 132
 Лейн Фрида 123
 Лемешев Сергей 150
 Ленин В.И. 155
 Лепешинская О.В. 153
 Лермонтов М.Ю. 81, 130
 Лернер Олег 368
 Лернер Софа 366, 369
 Лехциор Маша 225

Лиapis, профессор 265
 Либединская Лидия 266
 Либерман Одед 265, 271
 Либрихт Савьона 163
 Ливни А. 163
 Лившиц А. В. 273-285
 Лившиц Нехама 122
 Лидин Вл. 152
 Лиленблум Моше 9
 Линдбаум Арье 314
 Лисинкер Игорь 364
 Лисицкий Эль 181
 Лиснянский Илья 53, 56
 Литвинов М.М. 153
 Лиферов Е. 350
 Ло Биньван 235
 Лоевский Ефим 286
 Лозовский А. 153
 Лорка Федерико Гарсиа 130
 Лундквист Артур 203
 Львовский Марк 306
 Любецкий Арик 163
 Любимов Юрий Петрович 160
 Люмбер, братья 209
 Мак-Кинли Ричард 130
 Маклеф Мордехай 36, 43
 Маламуд Бернард 88
 Малевич Казимир 131, 306
 Малер Г. 102
 Мальцев, академик 322
 Мангер Ицик 162
 Мандельштам Н. Я. 96
 Мандельштам Осип 96,
 101, 175, 194, 200, 210
 Мане-Кац 181
 Манн Томас 73
 Манор Далия 141
 Маор Ицхак 9
 Марецкая В.П. 153, 158
 Маркес Маконд Габриэль 88
 Маркиш Давид 104
 Марков 154
 Маркс Карл 224, 314
 мать Тереза 273
 Мацаев Владимир 358
 Маяковский В. 146, 220, 351
 Медведенко Марьяна 362
 Меир (Меерсон) Голда 16, 17, 240
 Менаше Равина 217
 Мендельсон Ф. 224
 Мерзляков, профессор 323
 Месамед Владимир Ильич 240-242
 Микеланджело Буанарроти 131
 Микоян Анастас Иванович 169
 Миллер Мики 369
 Миллер Мордехай 369
 Минаев Евгений 358, 365-366
 Минаев И.П. 239
 Мирски Нили 235
 Мисихаева Маргарита 368
 Мительман Эдик 366
 Михаэли Михаэль 369
 Михаэли, профессор 263
 Михл Йехиэль 28
 Михозлс Соломон Михайлович
 145-156, 158, 160, 197, 199
 Мицен Кирилл 350
 Могилеввер Иосиф 190
 Могилеввер Лев (Арье)
 Осипович 190-193
 Могилеввер Шмуэль 190
 Модильяни Амедео 307
 Мозганов Яков 353-355,
 357-358, 364, 369-370
 Мозганова Галя 357
 Мойхер-Сфорим Менделе 82

Молоденков М. Н. 262
 Молотов В.М. 151
 Мольер Жан-Батист 76, 120
 Монтеня Андреа 176
 Монтефиоре Моше 13
 Моргулис Лев Маркович 302-312
 Моргулис Лена 302, 306, 308
 Моргулис Макс 302
 Моргулис Роза Львовна 303
 Моргулисы 304
 Мордвинов Николай 145-146, 158
 Мофаз Шауль 292
 Моцарт Вольфганг Амадей 131
 Мур Весли 265
 Мур Г. 139
 Мурашко Александр 177
 Мушкатины 112
 Мэй Виктор 366
 Набоков Владимир 258, 307
 Навон Ицхак 180
 Наполеон Бонапарт 35, 133
 Нахшон Илан 136
 Нейман Григорий 321
 Неман Юваль 286
 Никельшпур Геннадий
 Семенович 264, 268, 270-271
 Николаидес Эндрю 263, 265
 Николай II 114
 Никулин Валентин 266
 Ницше Фридрих 81-82
 Нуржиц Вадим 50-51
 Нуржиц Давид 51
 Нуржиц Ирина 51
 Нуржиц-Бринберг Татьяна 50-51
 Овчинников В.И. 354
 Овед Арье 246
 Оз Амос 6, 81
 Ойстрах Давид 267
 Окуджава Булат Шалвович
 206, 303, 350
 Ольшванг Давид 262
 Орен И. 234
 Ори А. 279
 Орланд Яков 216-217,
 219-220, 226-229
 Орлова Любовь 158-159
 Ортенберг Самуил Петрович 298
 Ортенберг Фридрих (Фред)
 Самойлович 286-301
 Осмеркин А. 186
 Островский А.Н. 177
 Ошерович Гирш 114-122
 Ошерович Ривка 115
 Ошерович Шолом 114
 Ошеровичи 115
 Павич Милорад 350
 Павленок Борис 209-210
 Параджанов Сергей 196
 Парин В.В. 274
 Пархомовский Михаил
 Аронович 4, 6
 Пастернак Б.Л. 130, 200, 305, 307
 Паустовский К.Г. 206-207
 Пахаль Наталья 369
 Певзнер 136
 Пеньковский Л. 234
 Перельман Григорий 319
 Перельман М.И. 275
 Перес Шимон 43
 Перец Г. 153-154
 Перец Маркиш 155
 Петр I 134
 Петраускайте 252
 Петров Е. 307
 Петровский Б.В. 275
 Пешкова Екатерина Павловна 155

- Пиговат Зоя 367
 Пикассо Пабло 139
 Пинес Иехиэль 11
 Пинскер Лео 6, 8, 9, 13
 Пирс 327
 Платков Алекс 369
 Плятт Ростислав 158
 Подольская Лидия 57
 Подольский Барух 232, 241-242
 Подрядчик Элизер 117
 Полищук, профессор 262
 Поллак 131
 Полтерович Леонид 358, 364
 Поляк Арье 173, 174
 Поляков Валентин Иванович 169
 Поляков Шмуэль 93
 Порат Орна 162
 Портнова Нелли 21-22, 46
 Постовой 210
 Премингер Отто 208
 Прилуцкий Алеша 367
 Прокофьев Сергей 227
 Пружанский, ребе 73
 Пудовкин Всеволод 201
 Пухачевские 31
 Пушинис 251
 Пушкин А.С. 73, 120,
 127, 181, 239
 Пэн Ю. 181
 Пэнн Александр 213, 220, 229
 Рабин 117
 Рабин Ицхак 44
 Рабинович Офер 338-339
 Радзивилловский И.Н. 144
 Радовицкая О.А. 264,
 268, 271-272
 Раер Александр 368
 Рамон Илан 293-294
 Раневская Фаина Георгиевна 158
 Раппапорт Ури 254
 Рафаэли (Ценципер) Арье-Лейб 104
 Рафаэль Санти 169
 Рахель 213
 Рахутина Лена 367-368
 Рашап Геннадий 367
 Раши 70
 Редеи Л. 322
 Рембрандт 131, 142, 169, 178
 Репин Илья Ефимович
 170, 176, 186, 209
 Рехтер Поля 223
 Рильке Райнер Мария 130
 Риммерман Рая 335-336
 Римский-Корсаков 217
 Ритова Нюта 225
 Ровнер А. 126
 Рожанская Ася 57, 65
 Розен Е. 127
 Розенберг Михаил 354, 365
 Розенштейн Бейреш и Хая 182
 Розенштейн Семен 181-189
 Розенштейны 182
 Розинер Феликс 101-103
 Рознер Эдди 199
 Розовский Соломон (Шломо)
 213, 217-218, 226
 Ройтер Бенъямин (Бени) 313-316
 Ройтер Яков 313
 Ромм Михаил Ильич 195, 202
 Ронен Меир 136, 139, 173
 Росновская Анна 103
 Росселини Р. 201
 Рот Филип 88
 Ротшильд Эдмон 10, 190
 Рохов Олав 284
 Рубашев А. И. 181

- Рубин Виталий Аронович 241
 Рубин, художник 213
 Рубина Ривка 117
 Рубинчик Израэль 161
 Рубинштейн А. К. 191
 Рутенберг Пинхас 219
 Рыбник Александр 110
 Рыцарев Борис 205
 Рябой Иосиф 267
 Савельева Лариса 350
 Саде Ицхак 45
 Садуль Жорж 202
 Салтычиха 214
 Самокиш Н. 168
 Самсонов Рэма 226-227, 229
 Сапир Пинхас 208
 Сарвер Владимир Янкелевич
 264, 268, 271-272
 Сарид Йоси 330
 Свердлов Яков 314
 Сегал Мирьям 215
 Семенгауз Зиновий 368
 Семенова М.Т. 153
 Сергев Валентин 268
 Сергеева Наталия 227
 Серова Валентина 158
 Синклер Т. 281
 Синявский Андрей 169
 Систер Юлия 3, 4, 6, 260
 Скибинский Илья 368
 Славина Ида Ильинична 93-94
 Слезингер Эмилия 357
 Смилянский М. 84
 Смоленский Перец 18
 Смолли Р. 309
 Смоляр Гирш 117
 Смушкевич Г. М. 179
 Смушкевич Леонтина
 Соломоновна 175-181
 Смушкевич Яков 179
 Смушкевичи 179
 Сокол Анатолий 366
 Соколов 186
 Соколов Нахум 9, 10, 330
 Соколовская Таня 353,
 357-358, 360, 364-366
 Соловьев Глеб Михайлович 262
 Солодкин Юра 366
 Солоухин Вл. 126
 Сомов К. 177
 Сонг 180
 Сосонко Г.Б. 181
 Спарбер Стелла 337-338
 Сталин И. 251
 Стемацкий А. 213
 Столяренко Андрей 366
 Стражас Аба и Каменецкайте-
 Стражас Нэда 247-257
 Струцовская Белла 6
 Стучевский И. 213
 Сурков Алексей 187
 Суцкевер Авром 115
 Сфард Давид 117
 Сыркин А.Я. 237-239
 Сыркин Нахман 8
 Элинджер Джером 88
 Эмюэл Герберт 19
 Таиров Александр Яковлевич 153
 Таль Мирьям 173
 Таммуз (Камерштейн)
 Бениамин 77-78
 Тарасова А.К. 154
 Таривердиев Микаэл 200
 Тарковский Андрей
 195-196, 201-202, 211
 Тарковский Арсений

- 116, 120, 201
 Тарский Альфред 322
 Темкин Владимир 11
 Тенне Решеф 305, 308, 310-311
 Тинторетто 176
 Тициан 131, 176
 Токер Дана 257, 259
 Токер Йонатан 257, 259
 Токер Леона 257-258
 Токер Хаим и Полина 257
 Токер Цви (Григорий) 257-258
 Толковский Дан 42
 Толстой Л.Н. 73, 78,
 82, 207, 209, 239
 Толстой Никита Ильич 181
 Томим 251
 Топаллер Александр 66
 Тополянский Григорий 55
 Трахтман Абрам
 Наумович 317-328
 Трахтман Идел 320
 Трахтман Нухим (Наум) 320
 ТрEDIAковский Василий 127
 Троцкий Л.Д. 321
 Трумпельдор Йосеф 45, 219
 Трюффо Франсуа 201
 Турчанинова Е.Д. 197
 Тухачевский Михаил 198
 Тынянов Ю. 201
 Тэвлин Изабелла 367
 Уайлс 319
 Уланова Г.С. 153
 Ульбрихт Вальтер 253
 Ульяниченко Маша 366
 Уманский Марк Абрамович
 264, 268-269, 271
 Урбах Дов 356
 Усков Т. 350
 Ускова Надежда Ивановна 351
 Усышкин Менахем 8, 9, 10,
 14, 19, 23, 30, 192, 330
 Утесов Леонид Осипович 155
 Уфимцев В.И. 177
 Фаворский В.А. 170
 Фадеев А. 194, 205
 Файнштейн-Шульман
 Сарра 60-61, 63-64
 Файфман Дима 366
 Фейгельсон Израиль 225
 Фейгенберг 321
 Фейгенберг Евгения 321
 Фейгенберг И.М. 321
 Феллини Ф. 195, 198,
 201, 204, 211
 Фельдман Даниэла 369
 Фельдман Исай 302, 306, 308-310
 Ферма П. 319
 Фермо Мишель 160
 Фиалков Лев 110
 Филлер Ф.М. 350
 Финкель Леонид 127, 145
 Финкель Шимон 147, 160
 Финкельберг Роза 47
 Финкенберг Герц 35
 Фихман Я. 222
 Флавий Иосиф 69
 Фомин Валерий 199
 Фрайман Зезв 342, 346
 Франц-Иосиф 184
 Фрейд Зигмунд 81-82
 Френкель Йонатан 16,
 Фруг Семен 166
 Фрухтман Лев 114,
 121-122, 194, 302
 Фукельман Сарра 337
 Фуллер Р.Бакминстер 308

Фуманти, профессор 179
 Фурцева Екатерина 202
 ха-Ям Зеэв (Володя
 Ицкович) 215, 219
 Хазанович Рая 363
 ха-Леви Йехуда 234
 Халупович Вадим 112
 Хальс Франц 177
 Харит, адвокат 251
 Харув Дан 3, 4
 Хаскина Това 223
 Хачатурян Арам Ильич 163
 Хвостенко Алеша 127
 Хейфец Иосиф 205
 Хейфец Леся 359-360, 363
 Хен Перец 44
 Херц Тур-Синай
 (Торчинер) Нафтали 19
 Хисин Хаим 46
 Хмельницкий Богдан 86
 Холлоши Шимон 177
 Хрущев Н.С. 298
 Хуциев Марлен 196, 211
 Цанин Мордхе 117
 Цао Чжи 235-236
 Цвейг Стефан 88
 Цедербаум Александр 13
 Цезарь Юлий 333
 Цизина Светлана 366
 Цинман Лара 22
 Цлаф Абрам 64
 Цук Ривка 353,
 355-356, 358-361, 367
 Цур Цви 44
 Чарли Чаплин 224
 Черкацкий Абрам Маркович 168
 Черкацкий Л.Е. 232, 235-237
 Черниховский Шауль (Саул) 77, 118
 Черны Ян 326
 Чернышев Н.М. 170
 Черняк Арон 123
 Черняховский Д.А. 181
 Черняховский И.Д. 187
 Черчилль Уинстон 37-38
 Чехов 78, 110-111, 165, 207, 239
 Членов Йехиэль (Ефим) 13
 Чуйков Семен Афанасьевич 170
 Чэдвак 139
 Чюрленис М. 128
 Шагал Марк 147, 156, 181
 Шазар (Рубашов) Залман 16
 Шаламов Варлам 200
 Шалит Шуламит 213
 Шамир Шломо 42
 Шапир Герцль 42
 Шапира Авраам Каане 64
 Шапира Иосеф 22, 33
 Шапиро 317
 Шапиро Александр 337-339
 Шапиро Владимир
 329-330, 335, 337-338
 Шапиро Женья 338
 Шапиро Соломон 337
 Шапиро Шая 337
 Шарет (Черток) Моше 16, 226
 Шарон Ариэль (Арик) 217, 283
 Шац Борис 191
 Шварцман Марк Давидович
 264, 268, 270
 Шеврин Лев Наумович 321-322
 Шейнкман Я.С. 324
 Шекспир Уильям 120, 159
 Шенхар Ицхак 226
 Шик Л.Л. 274
 Шиплер Д.К. 325
 Шифрин Г.А. 260-261

Шифрин Эдуард
 Григорьевич 260-272
 Шифрина Ш.В. 260-261
 Шкловский В. 201
 Шлайцнер, д-р 284
 Шлионский (Шленский) Авраам
 77, 117-118, 120, 213, 223, 235
 Шлумпер Г.Я. 240
 Шмерлинг Алекс 56
 Шнеерсон Менахем-
 Мендель 93, 113
 Шнирер Реувен 11
 Шнитке Альфред 102
 Шолом-Алейхем 145, 148, 162
 Шопенгауэр 82
 Шор Давид 217
 Шорр Валентин 133-144
 Шорр Моисей Анисимович 133
 Шостакович 102
 Шошин Наталья 369
 Шпарбер Владимир
 Михайлович 264, 268, 271-272
 Шрайман Анатолий 48-49, 51, 53
 Шрайман Галина 48-56
 Штайнер Аня 365
 Штернберг Я.М. 116, 119
 Шулейкин Керен 367
 Шульга Элла Исааковна 235-237
 Шульман Анатолий 354, 365
 Шульман Муна 117
 Шульман Элизер 57-70
 Шульман Юдифь 60, 63
 Шульманы 63
 Шульман-Эпельман
 Дина 60-63, 65
 Шульц Бруно 88
 Шютценберже 326
 Щаранский Натан 358
 Щербатов Сергей 177
 Эванс 322
 Эвен-Шошан Шломо 222
 Эдельштейн Анатолий 367
 Эдри Яаков 49
 Эйдельман Э.М. 273
 Эйзенштейн Сергей 201, 209
 Эйнштейн Альберт
 131, 224, 308, 314
 Эйтингон Н.И. 321
 Эйхенбаум Б. 201
 Элиян Йона 209
 Элияу Мордехай 65
 Эль Греко 136
 Эльазар Давид (Давид) 41-42
 Эм Эль-Абед 223
 Энгель И. 213
 Эппельбойм 122
 Эпштейн Алек 6, 8
 Эпштейн Марк Исаевич
 (Моисей Цалерович) 168
 Эренбург Илья 321
 Эфрос Таль 366
 Эшколь (Школьник) Леви 16
 Юзовский 199
 Юнг Карл Густав 80
 Юниверг Леонид 6
 Юткевич Сергей 206, 211
 Яблочкина А.А. 153
 Явленский Алексей 177
 Ядин Игаэль 43
 Яковенко Сергей 358
 Яркони Яффа 221-222
 Яцовский, следователь 248

Аннотации

Создание Государства Израиль как национальный проект российского еврейства. Алек Эпштейн (Иерусалим). С.8-20. Основоположником политического сионизма принято считать Т.Герцля. Не будет преувеличением сказать, что без российского еврейства сионистская идея не имела ни малейшего шанса на успех. В Российской империи родились почти все основоположники основных направлений сионистской мысли. Л.Пинскер задолго до Т.Герцля высказал идеи сионизма (палестинофильские). Это признавал и сам Т.Герцль, и другие политические деятели. Более того, Т.Герцль сделал ставку на русских евреев. Именно российские евреи добились того, что сионистский проект стал осуществляться не в Уганде, а в Эрец-Исраэль. Русские евреи на практике стали претворять сионистскую идею. В конце XIX – начале XX века некоторая часть российских евреев была единственной группой населения, которая от сионистских лозунгов перешла к сионистскому делу, и именно эта группа заложила политические, социальные и культурные основы будущей израильской государственности.

Застенчивый лидер: Иосеф Виткин в письмах. Нелли Портнова (Иерусалим). С.21-34. И.Виткин является одним из лидеров сионистского движения и одним из инициаторов 2-й алии, хотя прибыл в Эрец-Исраэль в 1897 г. Работал учителем в Гедере, основанной билуйцами, затем в Нижней Галилее, а с 1901 г. – в школе в Ришон ле-Ционе. Он был застенчивым человеком, очень скромным, но активным. В статье приведена его переписка с политическими деятелями, с родными. Перед нами предстает образ необычного человека, который успел за свою короткую жизнь сделать поразительно много.

Жизненный путь генерала Хаима Ласкова (1919–1982). Герц Финкенберг (Гедера, Израиль). Авторизованный перевод с иврита Наталии Буряковской. С.35-46. Героический период возрождения Израиля богат личностями, заложившими основы сионизма и воплощения мечты в действительность. Биографии этих людей дают четкую картину истории нашего государства. В настоящем очерке рассказывается о жизни и деятельности пятого начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля Хаиме Ласкове, о его особом вкладе в обороноспособность страны. Коротко говорится и о его супруге Шу-

ламит Ласков, авторе нескольких монографий, в том числе о билуях, переводчице с русского на иврит.

Факел надежды. Роза Финкельберг (Иерусалим). С.47-56. В статье описана удивительная судьба Галины и Анатолия Шрайман, которые по зову сердца организовали ассоциацию «Лапид» («Факел») для помощи детям, пострадавшим от террора. У них есть добровольные помощники. Все вместе они вселяют надежду. К сожалению, автор публикации – Роза Финкельберг – не дожидая до того времени, когда деятельность ассоциации расширилась – ее филиалы уже действуют в Сдероте и других населенных пунктах.

Элиэзер Шульман – исследователь Библии и Талмуда. *Ася Рожанская, Лидия Подольская (Холон, Израиль).* С.57-70. Статья посвящена интереснейшему человеку Элиэзеру Шульману, предложившему свой способ изучения Библии и Талмуда, который он назвал графоаналитическим. Министерство обороны Израиля издало книги Элиэзера Шульмана в качестве учебного пособия для солдат, изучающих Танах и древнюю еврейскую историю, чтобы оптимизировать учебный процесс, сделав обучение более наглядным. В статье также описана непростая жизнь этого уникального человека и его долгий путь на землю предков.

Евреи России в современной литературе Израиля. *Эфраим Баух (Холон, Израиль).* С.72-89. Когда говорят о современной литературе Израиля, имеют в виду литературу на иврите последних десятилетий XIX века. Выдающиеся поэты Хаим Нахман Бялик, Шауль Черниковский, Авраам Шлионский, прозаики Миха Бердичевский, Иосеф Хаим Бреннер, Ури Гнесин, Шмуэль Иосеф Агнон, Ашер Бараш, Бениамин Таммуз, Ицхак Авербух-Орпаз и др. дали ивритской литературе достаточно сильную моральную прививку, благодаря которой она сумела сохранить внутреннюю свободу, открытость любой идее, верность правде жизни. Автор намеренно назвал эти десять имен классиков ивритской литературы – все они родились в Российской империи, отлично знали русский язык и литературу, но еще лучше – иврит, и потому их переводы русских классиков на иврит изучались в школах Израиля еще до провозглашения государства. Нет ни одной страны в мире, где можно назвать сразу десять классиков, родившихся в России, которых воистину можно назвать предтечей современной

литературы. Статья включает рассуждения автора, многочисленные примеры, в ней говорится о взаимовлиянии литератур, о писателях алии 70-х и 90-х годов, о Союзе русскоязычных писателей.

Сага о Борисе и Вере Поляковых. Зезв Грин (Кирьят-Ям, Израиль). С.90-113. Борис Поляков (1940–1986) – писатель, лауреат израильской литературной премии им. Рафаэли. Родился в Ленинграде. В 1976 году вместе с женой Верой репатриировался в Израиль. Страдая от неизлечимого недуга, в состоянии полной неподвижности, подключенный к дыхательной аппаратуре, полностью лишенный речи, писатель создал роман-трилогию «Опыт и лепет» (ок. 650 стр.) о жизни нескольких поколений российского еврейства. Процесс создания романа не имеет аналогов в мировой литературной практике. С беззвучных губ Бориса – слово за словом – каждый день Вера считывала и записывала текст на протяжении около трех лет (1982–1984). Первые две книги трилогии были опубликованы в израильском литературном журнале «Двадцать два». Полностью роман издавался дважды – в 1985 и 1998. Стихи и публицистика выходили в периодической печати. Личности и творчеству писателя посвящены два сборника воспоминаний, эссе, критических статей – «Памяти Бориса Полякова» (2001) и «Преодоление. Жизнь и судьба Бориса Полякова» (2007).

Гирш Ошеревич, поэт и человек (1908–1994; Из цикла «Писатели моего поколения»). *Михаил Лев (Реховот, Израиль). Перевод с идиш и примечания Льва Фрухтмана.* С.114-122. Гирш Ошеревич – еврейский поэт XX века. В 1971 г. Г.Ошеревич с женой репатриировался в Израиль. Здесь его талант раскрылся наиболее полно, достиг зрелой силы. Автор очерка делится воспоминаниями о своих встречах с этим неординарным человеком, рассказывает о его жизни и творчестве, приводит некоторые его стихотворения в переводе на русский.

Об Илье Бокштейне – поэте и аутсайдере. Арон Черняк (Хайфа). С.123-132. Рассказывается о жизни и творчестве талантливого поэта Ильи Бокштейна, его борьбе за свободу слова в СССР. Он приехал в Израиль в 1972 г. Поэт известен и в Израиле, и за его пределами. Творческое наследие включает произведения на еврейскую тематику – «Еврейская мелодия», «Рабби Акива», «Иов» и др., философские и литературоведческие концепции. В статье делается попытка анализа

поэзии Бокштейна, приводятся отрывки из стихотворений разных лет, отзывы современников.

Свободная пластика Валентина Шорра. Татьяна Вайсман (Реховот, Израиль). С.133-144. Герой очерка родился в Ленинграде, там получил образование, работал художником-прикладником, затем в Худфонде СССР. Разработал новое художественное направление – «свободную пластику». В Израиль В. Шорр репатриировался в 1980. Здесь он продолжил свою творческую деятельность, внося в израильское искусство свое слово. Автор очерка приводит отзывы известных искусствоведов в израильской и зарубежной прессе. На одной из выставок художник выступил с протестом против всего серого, посредственного, вторичного в израильском искусстве; цитируется его мемуардум. В. Шорр пишет стихи, он – автор двух сборников, лауреат и дипломант поэтических конкурсов им. Ури Цви Гринберга. С успехом прошла его выставка фотокартин «Световая западня». Он – лауреат нескольких премий за скульптурные работы, в том числе премии Радзивиловского (2008) за скульптурную композицию «Сдом».

Актриса будущего (Этель Ковенская). Леонид Финкель (Ашкелон, Израиль). Предисловие Анатолия Алексина. С.145-164. Писатель Леонид Финкель рассказывает о талантливой актрисе с яркой судьбой. 16-летнюю Этель Ковенскую Соломон Михоэлс пригласил на главную роль в спектакле ГОСЕТа «Блуждающие звезды». Он открыл в ней звезду первой величины. В Израиль Этель приехала в 1972 г. с мужем, известным композитором Львом Коганом. Она работала в «Габиме», театре «Идишпил», успешно снималась в израильских художественных фильмах, быстро выучив иврит по специальной методике. Она часто выступает на ТВ, радио, перед любящей ее публикой.

Древо живописи. Савва Дудаков (Иерусалим). С.165-189. Статья состоит из трех частей, посвященных израильским художникам, с которыми автор был знаком лично и творчество которых высоко ценил. Он пишет о них с теплотой и любовью.

1-я часть – «Художник и время» – посвящена жизни и творчеству Бориса Зеленого, интересного живописца, который придавал большое значение цвету и свету. С 1973 г. он жил в Иерусалиме, кото-

рый очень любил и воспел в своих произведениях. Он считал, что Израиль, с его небом, светом, рельефом, камнями, растительностью и хамсином, – подарок для художника. Очень любил рисовать в дни хамсина. Он был рыцарем и добрейшим человеком.

2-я часть – «Любовь моя – Россия, Китай, Израиль, Европа» – посвящена Леонтине Смушкевич, художнице, в чьем творчестве соединились русская, китайская и европейская школы живописи. В 1972 г. обосновалась в Израиле, в искусство которого внесла заметный вклад. Ее картины находятся в музеях и частных коллекциях во многих странах от Израиля до Австралии и США. Ее имя вошло в различные энциклопедии.

3-я часть – «Воин и мастер» – посвящена Семену Розенштейну. В Еврейском квартале Старого города в Иерусалиме находилась студия художника С.Розенштейна, которую любили посещать туристы, там побывали Е.Евтушенко, Н.Толстой и другие знаменитости. С.Розенштейн прошел войну, а после воссоздавал в своем творчестве уничтоженное еврейское местечко. Он обожал иерусалимский пейзаж, цветы. Много рисовал, участвовал в выставках, имел успех. Его работы покупали японцы, новозеландцы, австралийцы, евреи из Южной Африки и почти из всех европейских стран.

Последний из могикан (Лев Осипович Могилевер, 1904–1996).
Савва Дудаков (Иерусалим). С.190-193. Л.О.Могилевер принадлежал к семье, которая была символом возрождения Государства Израиль. Правнук знаменитого раввина и общественного деятеля Шмуэля Могилевера (1824–1898), одного из создателей «Ховевей Цион», Лев знал иврит с колыбели, поэтому, когда семья переехала в 1920 г. в Эрец-Исраэль, сразу вошел в жизнь ишува. Издавал первый шахматный журнал на иврите (1922 г.). Был основателем и руководителем шахматного клуба им. А.К.Рубинштейна на протяжении 72 лет, участником шахматных состязаний. Стал одним из основателей Палестинской (Израильской) шахматной федерации. Был знатоком живописи и занимался коллекционированием. С начала 30-х годов прошлого столетия работал в «Керен каemet ле-Исраэль» экономическим советником. На протяжении 40 лет был финансовым и экономическим директором этого учреждения, а в жизни обаятельным и отзывчивым человеком.

«Я родился свободным человеком...» (*Заметки о творчестве кинорежиссера Михаила Калика*). **Лев Фрухтман** (*Под, Израиль*). С.194-212. Эссе Л. Фрухтмана об израильском режиссере М.Калике (р. 1927) касается одной из актуальных проблем искусства: личность и свобода творчества. Под этим углом освещаются узловые эпизоды большой жизни Мастера – одного из талантливых режиссеров так называемой «поэтической волны», чьи работы вошли в анналы мирового кино. Пройдя суровую жизненную школу – сталинские лагеря, лабиринты хрущевской оттепели, гнет тоталитарного режима, М.Калик, после долгих лет «отказа», приехал с семьей в Израиль в 1972 г. Вначале был принят на самом высоком уровне, снял художественный фильм «Трое и одна» (1974) – о любви плотской и свободной, о бунтарском характере израильской молодежи в канун Войны Судного дня, недооцененный израильской кинокритикой. В последующие полтора десятилетия (70–80-е) снял цикл документальных картин о земле Израиля, ее людях и городах, о науке и искусстве страны.

После распада советской «империи» М.Калик был приглашен российскими кинематографистами в Москву, где снял автобиографический фильм «...И возвращается ветер», своего рода киномемуары, сравнимые лишь с «Амаркордом» Ф.Феллини. В последнее десятилетие фильмы М.Калика участвуют в международных кинофестивалях и ретроспективных показах, о нем пишет мировая пресса. Есть персоналии М.Калика в кинословарях и еврейских энциклопедиях.

Мордехай Зеира – классик израильской песни. Шуламит Шалит (*Тель-Авив*). С.213-230. Мордехай Зеира писал музыку. Время требовало новых песен, и сегодня, собранные вместе, звучащие одна за другой, они вырастают в символ времени, земли, судьбы... Мордехаем Зеирой на еврейской земле Митю Гребня назвал поэт Аарон Ашман. Композитор М.Гребень родился в Украине, участвовал в молодежном сионистском движении и в 1924 вместе с другом приехал в Эрец-Исраэль, где они открыли сапожную мастерскую и этим зарабатывали на жизнь. Но друзья сочиняли и музыку, в частности, написали первую израильскую оперу «Кармела». Чуть ли не подпольно Мордехай сочинял мелодии, вошедшие в «золотой фонд» израильской песни. С 1933 работал в Электрической компании, созданной выходцем из России Пинхасом Рутенбергом. Зеира написал песню, ставшую гимном Электрической компании. Затем он был солдатом британской армии, служил в Еврейской бригаде. Его песни известны

и очень популярны: «Лайла, лайла», «Давид Мелех Исраэль», «Шней шошаним» и многие другие – не только в Израиле, но и в Америке, Грузии, России. Эти песни живут, их поет каждое новое поколение израильской молодежи.

Востоковеды – репатрианты из России в Израиле. Елена Дубнова (Иерусалим). С.232-246. В статье дан обзор деятельности, которую вели или ведут прибывшие из России в Израиль ученые-востоковеды и отмечен их вклад в израильскую науку и систему образования, в том числе в развитие израильского востоковедения. Автор знакомит нас с деятельностью Анатолия Газова-Гинзбурга (в Израиле – Амнон Гинзай), проф. Михаэля Занда, д-ров Леонида Черкасского, Геннадия Шлумпера, Владимира Месамеда, проф. Александра Сыркина, д-ров Эллы Шульги, Аллы Бурман, Елены Дубновой, Боруха Подольского, Михаила Володарского и др. Из статьи видно, как много сделали приехавшие из СССР ученые, какие уникальные проекты они реализовали.

Лучшая пора жизни семьи Стражас. Нэда Каменецайте-Стражас (Иерусалим). С.247-259. Автор статьи – профессор английского языка и литературы – рассказывает о жизни своей семьи в Литве и в Израиле, где она с 1973. Нэда, ее муж Аба, дети и внуки достигли здесь значительных результатов и внесли заметный вклад в израильскую науку, каждый в своей области. Жизнь в Израиле Нэда считает лучшей порой жизни своей семьи.

Профессор Э.Шифрин и его команда. Юлия Систер (Кирият-Экрон, Израиль). С.260-272. Очерк посвящен замечательному человеку, светилу в области сосудистой хирургии проф. Эдуарду Шифрину. За долгие годы работы в Израиле он спас много жизней, занимался научной деятельностью. Он – автор многих патентов по сосудосшивающим аппаратам. Создал специальную лабораторию по изготовлению таких аппаратов. Сотрудники этой лаборатории – прекрасные специалисты и интересные люди. О них приводятся краткие биографические сведения.

Жизнь, хирургия, судьба. Аркадий Лившиц (Кфар-Саба, Израиль). С.273-285. В автобиографическом очерке автор рассказывает о своей жизни, о пути в большую науку, где он достиг значительных

успехов, став нейрохирургом с мировым именем, профессором, обладателем многих наград, дипломов, членом международных научных обществ. Автор около 200 печатных работ, девяти книг. С 1965 по 1993 работал в Москве директором Всесоюзного центра спинно-мозговой нейрохирургии и электростимуляции органов АМН СССР, зав. отделом нейрохирургии в Институте им. А.В.Вишневского АМН СССР, вице-директором по науке Института нейрохирургии им. Н.Н.Бурденко АМН СССР. С 1993 живет и работает в Израиле. Здесь он внедрил новые микрохирургические операции на больпроводящих и ассоциативных путях спинного мозга, новый метод радиочастотной деструкции нервных ганглиев и нервных корешков при болевых синдромах. Разработал методы пункционной бескровной хирургии позвоночника и спинного мозга. Представляет израильскую науку на международных конгрессах, симпозиумах, конференциях.

Израиль и космос (Интервью с д-ром Фредом Ортенбергом). Ефим Лоевский (Бней-Аиш, Израиль). С.286-301. Сегодня только США, Россия, Китай, Япония, Индия, Объединенные европейские государства могут самостоятельно запускать космические летательные аппараты. В этот престижный список входит и Израиль. Автор взял интервью у ведущего специалиста израильского Института космических исследований при Хайфском Технионе д-ра Фреда Ортенберга. Ученый рассказал об израильских искусственных спутниках Земли «Офек-1», «Офек-2», «Офек-3», «Офек-5» (последний был запущен с территории Израиля с помощью израильской ракеты «Шавит»), «Офек-7» (стартовал в 2007), о проекте «Техсат» и других работах, о своих студентах – будущих исследователях космоса. Ф.Ортенберг отметил значительный вклад исследователей – уроженцев СССР, СНГ во многие программы освоения космического пространства. В статье приведена биография Фреда Ортенберга.

«...И дышит почва и судьба» (Об израильском ученом Льве Моргулисе). Лев Фрухтман (Лод, Израиль). С.302-312. Известный ученый в области электронной микроскопии д-р Лев Моргулис после семи лет отказа репатриировался в Израиль в 1987 г. Вскоре он начал работать в Институте Вейцмана по специальности. Быстро освоил новейший электронный микроскоп и успешно работал в группе проф. Р.Тенне. Лев Моргулис обладал необыкновенной научной интуицией. Он исследовал фуллерены и явился одним из первооткрывателей не-

органических фуллеренов. Он показал, что фуллереноподобные наночастицы могут образовываться и в неорганических веществах. Он обнаружил это, изучая на электронном микроскопе дисульфид молибдена, синтезированный в Институте Вейцмана. Это открытие имеет практическое значение, уже существует фирма для производства фуллереновых наночастиц. Льву Моргулису была вручена премия «Выдающийся ученый Израиля». К сожалению, он рано ушел из жизни, в неполные 55. Существует Фонд им. Л.Моргулиса: ежегодно лучшему молодому специалисту в области электронной микроскопии вручают премию им. Льва Моргулиса.

Филателист и ученый (О Беньямине Ройтере). Борис Володарский (Ашдод, Израиль). С.313-316. Беньямин (Бени) Ройтер родился в Харбине в 1931, репатриировался в Израиль в 1953. Вскоре нового репатрианта призвали в армию, в войска связи. Во время службы в армии он начал учиться в Хайфском Технионе на факультете физики. Получил вторую академическую степень и начал работать в Институте Вейцмана над докторской диссертацией по физике высоких энергий. Постдокторантуру прошел в Гарвардском университете. По возвращении все годы работал в Институте Вейцмана, занимался физикой элементарных частиц. Владел пятью языками: ивритом, английским, китайским, русским и японским. Бени многие годы собирал марки – в итоге остановился на теме «Иудаика». Собрал огромную коллекцию. Устраивал в Реховоте незабываемые семинары для филателистов. Приступил к созданию энциклопедии иудаики в филателии. В 2002 вышел первый том, прекрасно оформленный, на английском языке (418 стр.). Подготовил материалы для следующих томов, но внезапно умер в 2003 на 72-м году жизни. Издание осталось незавершенным.

На дорогах теории графов. Лена Драгицкая (Иерусалим). С.317-328. Из Британской Энциклопедии: «Поразительная новость 2008 года – в сентябре 2007 израильский математик Авраам Трахтман решил известную проблему теории графов (поставлена в 1970 г.). Задача касалась сети путей на карте. Существование такой сети имеет значение для реальных проблем в информатике. Решение Трахтмана примечательно его краткостью и весьма изящно. Трахтман получил 2-ю (1967) и 3-ю степень (1973) по математике в Уральском госуниверситете (Свердловск–Екатеринбург). С 1995 года Трахтман работает в Бар-Иланском университете.

Почему и как я изучаю иврит. Альберт Вильдерман (Петах-Тиква, Израиль). Предисловие Владимира Шапиро. С.329-341. Профессор медицины Альберт Моисеевич Вильдерман репатриировался в Израиль в возрасте около 70 лет (1992). Поняв, что работу по специальности вряд ли найдет, все усилия направил на изучение иврита. Довольно быстро усвоил его до такой степени, что смог преподавать основы иврита на общественных началах пожилым репатриантам. Интерес к языку помог ему адаптироваться в Израиле. По просьбе израильских родственников и друзей написал книгу воспоминаний на иврите «За железным занавесом (моя жизнь в эпоху бурь и революций)» (Тель-Авив, 2008, 244 с.) о жизни семьи и наиболее ярких событиях, сохранившихся в его памяти. Продолжает преподавать иврит, получая удовольствие от этого удивительного языка.

«Русские» учителя в израильской школе. Зеэв Фрайман (Безр-Шева, Израиль). С.342-347. В статье рассматриваются аспекты взаимной адаптации учителей – выходцев из СССР–СНГ и израильской системы школьного образования.

Автор выделяет несколько характерных типов «русских» учителей.

Процесс «вхождения» каждого из представителей этих групп в израильскую школу имел и имеет свои особенности самого разного плана: сугубо профессионального, психологического, поведенческого, эмоционального, управленческого. Каждый из описанных в статье типов учителей столкнулся со сходными сложностями, однако реакция на них, способы их преодоления, формы и особенности адаптации были и остаются достаточно разными.

Рассматривается в статье и то влияние, которое «русские» учителя оказали на общую атмосферу в системе израильского школьного образования, те изменения в системе, которые они в определенной степени стимулировали, интенсивность этих изменений, готовность системы к этим изменениям и влиянию.

Взаимодействие формального и неформального образования (К 15-летию педагогического центра МАПАТ и школы «Шевах–МОФЕТ»). Ольга Кардаш-Горелик (Тель-Авив). С.348-372. Это статья о том, как произошли серьезные, по существу революционные, изменения в образовательной системе страны. После многих неудачных попыток различных энтузиастов что-то изменить в системе

образования шестидесятилетний репатриант Яков Мозганов, бывший директор физико-математической школы, преподаватель от Бога, со своей бывшей ученицей Таней Соколовской, выпускницей мехмата МГУ (третья степень), организовал физико-математический кружок при Сионистском форуме.

В статье описано, как команда Якова была приглашена в стены школы «Шевах». Это произошло в ноябре 1992. Директор этой школы Ривка Цук добилась в муниципалитете Тель-Авива открытия дневных классов, начиная с седьмого. В школу пришли новые учителя, открылись новые отделения и культурный центр. Школа получила физико-математическое направление, ее ученики начали побеждать на олимпиадах, вплоть до международных. Школа стала называться «Шевах–МОФЕТ». Она получила приз министерства образования. С 1999 – это педагогический центр «МАПАТ Шевах–МОФЕТ». При школе успешно действует вечернее отделение под руководством Галины Мозганов-Кациш, обучающее и развивающее детей от 4-летнего возраста и до 9-го класса. Дополнительно в рамках вечерней школы работают курсы подготовки к экзаменам на аттестат зрелости. Подобные отделения под эгидой МАПАТ действуют в разных регионах нашей страны. По инициативе некоторых депутатов кнессета и директоров школ возник проект создания еще в 2–3 школах разных регионов страны отделений по модели «Шевах–МОФЕТ» под руководством педагогического центра МАПАТ.

Abstracts

Zionism as the National Project of Russian Jewry. *Alek Epstein (Jerusalem)*. S.8-20. While it is Theodor Herzl who is widely credited with the establishment of the Jewish state in the land of Israel, it must be emphasized that without the contribution of the Russian Jewry the success of the Zionist enterprise would not have been feasible. The tenets of Zionism originated in Russia, in the thoughts of Pinsker who had long before Herzl articulated the claims that today are associated with Zionism. Pinsker saw Russian Jews as the key to success. Moreover, it is in the Russian Jewry that the Zionist ideology made the shift from theory to practice by voicing their objections to The Uganda Proposal. Russian Jews advanced the establishment of the Jewish state in the land of Israel and later laid the political, social and cultural foundations for the State of Israel.

The Bashful Leader: Joseph Vitkin in His Letters. *Nelly Portnov (Jerusalem)*. S.21-34. J.Vitkin, a modest, retiring yet indefatigably industrious individual, was one of the leaders of the Zionist movement and the initiators of the 2nd Aliyah. Citing letters addressed both to his loved ones and to various political activists, the article recreates the image of an extraordinary individual.

The Life of General Haim Laskov (1919–1982). *Hertz Finkelberg (Gedera, Israel)*. S.35-46. Authorized translation from Hebrew by Natalia Buryakovsky. General Laskov's life belongs to the heroic period that marked the rise of Israel. A man of courage and resourcefulness, Laskov made an invaluable contribution to the defense of this country during his many years in the military forces. The article also introduces Laskov's spouse Shulamit, author of several books and translator from Russian to Hebrew.

The Torch of Hope. *Roza Finkelberg (Jerusalem)*. S.47-56. The article relates the extraordinary story of Galina and Anatoly Shraiman who, entirely of their own will, created the "Lapid" ("torch") organization, with the purpose of rendering help to the child victims of terror. The organization employed volunteers who assisted in the mission of instilling hope into the injured innocents. Sadly, the author of this article did not live to see the activities of the organization expand to Sderot and other cities.

Eliezer Shulman, Bible and Talmud Scholar. Asya Rojansky, Lidia Podolsky (Holon, Israel). S.57-70. The article delineates the life and work of Eliezer Shulman, an extraordinary man who formulated a new method in Bible scholarship, which he called "Graphoanalytics". Shulman's innovations were endorsed by Israel's ministry of Defense. The ministry issued his books as study guides for Israeli soldiers.

Russian Jews in Contemporary Israeli Literature. Efraim Baukh (Holon, Israel). S.72-89. H.N.Bialik, Shaul Tchernichovsky, Avraham Shlonsky, M.J. Berdyczewski, Y.H. Brenner, S.Y. Agnon, Uri Gnesin, Asher Barash, Benjamin Tamuz, Yitzhak Orpaz-Auerbach - these ten giants of Israeli literature are united by their Russian extraction. One would be hard pressed to name another national literature of which ten great authors are immigrants from the same country. Their apprenticeship in the great literary tradition of Russia enabled them to permeate the literature of their host country with imaginative vigor and moral consciousness that continue to enrich Israeli literature to this day. The article discusses the complicated history of the interrelations and mutual influence of the two great literatures and reviews some of Israel's literary institutions.

The Story of Boris and Vera Polyakov. Zeev Grin (Kiryat-Yam, Israel). S.90-113. The life of Boris Polyakov (1940-1986), laureate of the Rafaeli literary award, is truly astounding: he created his magnum opus *Trial and Twaddle*, a saga relating the story of several generations of Russian Jews, while being on life support in a state of complete paralysis and obmutescence. The process of the trilogy's creation is unparalleled in world literature: day after day for three years, Vera deciphered the movement of Boris' silent lips and wrote down the words. Polyakov's work is extensively published and enjoys posthumous acclaim with two volumes of criticism dedicated to it.

Hirsh Osherovitch, Poet and Man. From the cycle "Writers of My Generation". Mikhail Lev (Rehovot, Israel). S.114-122. Hirsh Osherovitch is a 20th century Jewish poet. His talent fully developed in Israel after his repatriation together with his wife in 1971. The author shares his recollections of this extraordinary man citing some of his poems in Russian translation.

Ilya Bokshtein – Poet and Outsider. Aron Chernyak (Haifa, Israel). S.123-132. Ilya Bokshtein is a highly gifted poet whose name is well known in Israel as well as beyond it. Bokshtein repatriated to Israel in 1971

after a lengthy struggle for freedom of speech in the USSR. His oeuvre is replete with bold critical and philosophical speculations and Jewish themes, especially in such works as “Job”, “A Hebrew Melody”, “Rabbi Akiva”. The article cites fragments of Bokshtein’s poetry attempting an analysis and a survey of contemporary responses.

The Free Plastics of Valentin Shorr. Tatiana Vaisman (Rehovot, Israel). S.133-144. Valentin Shorr was born in Lenigrad and completed there his formal artistic education while being employed in arts and crafts. Shorr envisioned a new style, which he described as “Free Plastics”. He immigrated to Israel in 1980 and established himself as a diverse and original artist publishing volumes of poetry and organizing exhibitions. Never one to shy away from controversy, Shorr voiced his protest against what he perceived as inferior and pedestrian strands in Israeli art. This, however, did not hinder his success with the Israeli establishment - he won a number of poetry and sculpture prizes, among them the Radzivilovsky prize for his composition “Sodom”.

Ethel Kovensky, Actress of the Future. Leonid Finkel (Ashkelon, Israel). With preface by Anatoly Alexin. S.145-164. The writer Leonid Finkel relates the remarkable story of the gifted actress who was discovered as a teenager by the legendary director Solomon Mikhoels. In 1972, already a star performer, she repatriated to Israel. Kovensky frequently appears on Israeli television and stage, performing to admiring audiences.

The Tree of Art. Savva Dudakov (Jerusalem). S.165-189. Written in his original style, the article consists of three parts, each dedicated to an artist whom the author holds in the highest professional and personal esteem.

“Artist and Time” is dedicated to Boris Zeleny, an extraordinary artist absorbed in color and shade. The Israeli landscape and climate held a special charm for Zeleny and gave him inspiration. He is remembered not only as an outstanding painter, but also as a noble and kindly human being.

The second part is dedicated to Leontin Smushvitch, an artist whose work merges and negotiates influences of European, Russian, and Chinese traditions. Having settled in Israel in 1972, she contributed a great deal to this country’s art scene. Her tworks decorate the museums and private collections around the globe.

The third part is dedicated to Semion Rozenstein. A survivor of World War II, Rozenstein established his studio in the Jewish quarter of the Old

City which became a popular tourist attraction, frequented by celebrities such as E. Evtushenko and N. Tolstoy. His art, inspired by love for Jerusalem, enjoyed considerable commercial and critical success.

“The Last of the Mohicans”. Lev Osipovitch Mogilever, 1904–1996. *Savva Dudakov (Jerusalem)*. S.190-193. As the grandson of the famous rabbi and social activist Samuel Mogilever, Lev Mogilever was a descendant of a family that embodied the revival of Israel. Speaking Hebrew from the cradle, Mogilever was able to take an active part in the life of Israel immediately after repatriation. He founded the first chess periodical in Hebrew, headed the A. K. Rubinstein chess club for nearly 72 years and was one of the co-founders of the Palestine (later the Israeli) Chess Federation. His career, though, was in finance and accounting: over 40 years he was director of Keren Kayemet and, above all, a loving human being.

“I Was Born a Free Man” (notes on the work of the director Mikhail Kalik). *Lev Fruhtman (Lod, Israel)*. S.194-212. The essay discusses key episodes in the life and art of the Israeli film director, touching on issues of creative freedom and personal vision. A noted representative of the so called “poetic wave” in the world cinema of the 1960s, Kalik suffered through the countless vagaries of the Soviet regime, including Stalinist Gulags and years of “otkaz” (refusal), finally ending in his repatriation in 1972. In the USSR he filmed the risqué and alluring *Three and One*, a masterpiece underestimated by the Israeli film critics upon its release. In the following decades Kalik filmed a number of documentaries on the Land of Israel, its cities, its men and women. Following the fall of the Iron Curtain, he was invited to Moscow to film *And the Wind Returneth*, a personal memoir comparable with Fellini’s *Amarcord*. The last decade saw Kalik’s work beginning to receive due acclaim: his films are shown at international film festivals and enjoy great critical attention.

Mordechai Zeira – A Classic Israeli Songwriter. *Shulamit Shalit (Tel-Aviv)*. S.213-230. Mordechai Zeira belongs to that rare breed of artists whose craft, deriving its power from social and political upheaval, becomes deeply imprinted on his times to the point of modifying them. Born Mitya Greben, he took part in the Zionist movement and made Aliyah in 1924. Even while employed in shoe making and later in the Israel Electric Corporation (for which he composed its hymn), he continued his creative production which was forever composition of music. He is remembered for works such

as Carmella, the first Israeli opera; his numerous songs, including such timeless hits as “Layla, Layla”, “David Meleh Israel”, “Shney Shoshanim” and countless others are beloved by each new generation of Israeli youth.

Russian Orientalists Emigrants in Israel. Elena Dubnov (Jerusalem). S.232-246. The article offers a survey of the work of a few prominent Russian-born scholars of Islam who made important contributions to this burgeoning and important field of study. Among the scholars are Amnon Ginzai, Prof. Mikhail Zand, Leonid Cherkassky, Genadiy Shlumper, Vladimir Mesamed, Prof. Alexander Syrkin, Ella Shulga, Ala Burman, Elena Dubnov, Borukh Podolsky, Mikhail Volodarsky and others. The article unfolds and emphasizes their impressive achievements.

The Happiest Period in the Life of the Strazhas Family. Nedda Kameneckaite-Strazhas (Jerusalem). S.247-259. The author, professor of English, relates her family’s life in Lithuania and Israel, their residence since 1973. Nedda Strazhas, her husband Abba, as well as their children and grandchildren have all achieved success and made valuable contributions to Israeli scholarship, each in his or her own field. The author considers life in Israel as the best period in the career of her family and the happiest part of their life.

Professor Shifrin and His Medical Team. Yulia Sister (Kiryat-Ekron, Israel). S.260-272. The paper introduces a truly special individual, a luminary in the field of vascular surgery and deviser of new methods dealing with vascular staplers. Having saved many lives in addition to authoring an impressive number of research articles, Prof. Shifrin established a laboratory where these apparatus are manufactured. The article also characterizes the people working in this extraordinary laboratory.

Life, Surgery, Fate. Arcady Lifshitz (Beer-Sheva, Israel). S.273-285. In this autobiographical sketch, the author, professor of medicine and world renowned neurosurgeon, chronicles his life and career. Following a highly successful career in the former USSR, Lifshitz repatriated to Israel and embarked on a fruitful and successful career that includes the development of new methods and patents in neuroscience. Author of 9 monographs, Lifshitz regularly represents Israel at international conferences and symposiums.

Israel and the Cosmos (Interview with Dr. Fred Ortenberg). *Efim Loyevsky (Bney-Aish, Israel)*. S.286-301. Israel belongs to the exclusive nations (USA, Russia, China, Japan, India and the European Union) that are capable to independently launch rockets into outer space. Dr. Fred Ortenberg, a leading specialist at ASRI (Asher Space Research Institute) dwells on Israel's projects in outer space, and characterizes his students -- future explorers of the cosmos. He calls special attention to the contribution of Russian repatriates to the development of this field in Israel.

The Israeli scientist Lev Morgulis. *Lev Fruhman (Lod, Israel)*. S.302-312. A noted specialist in the field of electronic microscopy, Dr. Morgulis repatriated to Israel in 1987, after seven years of "otkaz" (refusal). He started working in the Weizman Institute of Science in Rehovot. Endowed with uncommon intuition and a capacity for quick adaptation, he soon made a number of important discoveries in his field that are of great theoretical as well as practical importance. He tragically passed away shortly before his 55th birthday. Following his untimely death, a foundation bearing Morgulis' name was established. Every year it awards scholarships to outstanding young scientists in the field of electronic microscopy.

Benjamin Rojter, Philatelist and Scientist. *Boris Volodarsky (Ashdod, Israel)*. S.313-316. Benjamin (Beni) Rojter was born in Harbin in 1931. In 1953 he repatriated to Israel. The new repatriate was drafted to the army. During his service he started studying physics in the Weizman Institute of Science where he completed his PHD. He proceeded with postdoctoral studies at Harvard University. On his return to Israel he was given tenure in his alma mater. Fluent in five languages, he engaged in philately, gathering a formidable collection of Judaism themed stamps. B.Rojter was in the process of compiling a philatelist's Encyclopaedia Judaica. The lavishly illustrated first volume came out in 2002; other volumes were designed for publication, but Rojter's sudden death in 2003 at the age of 73 left this edition unfulfilled.

On the High Way of Graphs Theory. *Lena Dragicky (Jerusalem)*. S.317-328. "The astounding news of 2008: in September 2007 the Israeli mathematician Abraham Trakhman arrived at a solution to the notorious crux (postulated in 1970) in graphs theory regarding networks of pathways"- (From Encyclopaedia Britannica). The finding holds crucial implications

for information theory at large. Trakhman's solution is remarkable for its succinctness and elegance.

Why and How I Study Hebrew. *Albert Wilderman (Petah-Tikva, Israel).* With preface by Vladimir Shapira. S.329-341. Following his repatriation at the age of 80, Albert Wilderman, professor of medicine, realized that finding employment in his field was not possible. Therefore he channeled his energies into the study of Hebrew. Soon he could teach Hebrew to elder fellow emigrants, what he continues to do to this day. His passion for Hebrew greatly assisted his process of adaptation opening for him a powerful entry into Israeli society. In answer to requests from his Israeli family members, he wrote a book of memoirs conjuring up his eventful life "Behind the Iron Curtain: My life in the epoch of revolutions" (2007).

Russian Teachers in Israeli Schools. *Zeev Frayman (Beer-Sheva, Israel).* S.342-347. The essay examines the varying patterns of mutual adaptation of the Israeli educational system and the immigrants from the former Soviet Union whom it was to absorb in mass numbers. The author identifies different types of teachers, distinguished according to psychological, professional, behavioral and administrative criteria. Each type met with similar difficulties, yet the conduct and methods of overcoming them differed. The article also discusses the multifarious impact of the Russian born teachers on the Israeli educational system.

The Interaction of Formal and Informal Education (marking the 15th anniversary of the pedagogical center MAPAT and the school Shevah-Mofet). *Olga Kardash-Gorelik (Tel-Aviv, Israel).* S.348-372. The article traces the history of a revolutionary initiative to advance and improve primary and secondary education in Israel through the development of Shevah-Mofet. The initiative belonged to two extraordinary teachers, Yaakov Mozganov and Tanya Sokolovsky. What started out as merely an informal math tutorial for children, operating under the aegis of the Zionist Forum, grew, with the cooperative effort with the Shevah school, into an established pedagogical center. Undergoing a number of transformations, it is today called MAPAT Shevah-Mofet. Specializing in physics and mathematics, it boasts a large number of local and international awards garnered by its students. The name of the pedagogical center is today synonymous with a truly unrelenting standard of excellence.

Содержание

От редактора-составителя. <i>Юлия Систер</i>	6
--	---

История

Создание Государства Израиль как национальный проект русского еврейства. <i>Алек Эпштейн (Иерусалим)</i>	8
Застенчивый лидер: Иосеф Виткин в письмах. <i>Нелли Порт- нова (Иерусалим)</i>	21
Жизненный путь генерала Хаима Ласкова (1919–1982). <i>Герц Финкенберг (Гедера, Израиль)</i> . Авторизованный перевод с иврита <i>Наталии Буряковской</i>	35
Факел надежды. <i>Роза Финкельберг (Иерусалим)</i>	47
Элиэзер Шульман – исследователь Библии и Талмуда. <i>Ася Рожанская, Лидия Подольская (Холон, Израиль)</i>	57

Литература и искусство

Евреи России в современной литературе Израиля. <i>Эфраим Баух (Холон, Израиль)</i>	72
Сага о Борисе и Вере Поляковых. <i>Зеэв Грин (Кирият-Ям, Из- раиль)</i>	90
Гирш Ошерович, поэт и человек (1908–1994; Из цикла «Пи- сатели моего поколения»). <i>Михаил Лев (Реховот, Израиль)</i> . Пере- вод с идиш и примечания <i>Льва Фрухтмана</i>	114
Об Илье Бокштейне – поэте и аутсайдере. <i>Арон Черняк (Хай- фа)</i>	123
Свободная пластика Валентина Шорра. <i>Татьяна Вайсман (Реховот, Израиль)</i>	133
Актриса будущего (Этель Ковенская). <i>Леонид Финкель (Аш- келон, Израиль)</i> . Предисловие <i>Анатолия Алексина</i>	145
Древо живописи. <i>Савва Дудаков (Иерусалим)</i>	
1. Художник и время (О судьбе Бориса Моисеевича Зеленого)	
2. Любовь моя – Россия, Китай, Израиль, Европа (Леонтина Соломоновна Смушкевич)	
3. Воин и мастер (Семен Розенштейн)	165

Последний из могикан (Лев Осипович Могилев, 1904–1996). <i>Савва Дудаков (Иерусалим)</i>	190
«Я родился свободным человеком...» (Заметки о творчестве кинорежиссера Михаила Калика). <i>Лев Фрухтман (Лод, Израиль)</i>	194
Мордехай Зеира – классик израильской песни. <i>Шуламית Шалит (Тель-Авив)</i>	213

Наука и образование

Востоковеды – репатрианты из России в Израиле. <i>Елена Дубнова (Иерусалим)</i>	232
Лучшая пора жизни семьи Стражас. <i>Нэда Каменецкайте-Стражас (Иерусалим)</i>	247
Профессор Э.Шифрин и его команда. <i>Юлия Систер (Кирият-Экрон, Израиль)</i>	260
Жизнь, хирургия, судьба. <i>Аркадий Лифшиц (Кфар-Саба, Израиль)</i>	273
Израиль и космос (Интервью с д-ром Фредом Ортенбергом) <i>Ефим Лоевский (Бней-Аиш, Израиль)</i>	286
«...И дышит почва и судьба» (Об израильском ученом Льве Моргулисе). <i>Лев Фрухтман (Лод, Израиль)</i>	302
Филателист и ученый (О Беньямине Ройтере). <i>Борис Володарский (Ашдод, Израиль)</i>	313
На дорогах теории графов. <i>Лена Драгицкая (Иерусалим)</i> . . .	317
Почему и как я изучаю иврит. <i>Альберт Вильдерман (Петах-Тиква, Израиль)</i> . Предисловие <i>Владимира Шапиро</i>	329
«Русские» учителя в израильской школе. <i>Зеэв Фрайман (Беэр-Шева, Израиль)</i>	342
Взаимодействие формального и неформального образования (К 15-летию педагогического центра МАПАТ и школы «Шевах–МОФЕТ»). <i>Ольга Кардаш-Горелик (Тель-Авив)</i>	348
Об авторах и редакторах книги	372
Указатель имен	380
Аннотации	393
Аннотации на английском языке	404

Contents

Editor's Note. Yulia Sister	6
---------------------------------------	---

History

Zionism as the National Project of Russian Jewry. <i>Alek Epstein (Jerusalem)</i>	8
The Bashful Leader: Joseph Vitkin in His Letters. <i>Nelly Portnov (Jerusalem)</i>	21
The Life of General Haim Laskov (1919–1982). <i>Hertz Finkelberg (Gedera, Israel)</i> . Authorized translation from Hebrew by <i>Natalia Buryakovsky</i>	35
The Torch of Hope. <i>Roza Finkelberg (Jerusalem)</i>	47
Eliezer Shulman, Bible and Talmud Scholar. <i>Asya Rojansky, Lidia Podolsky (Holon, Israel)</i>	57

Literature and the Arts

Russian Jews in Contemporary Israeli Literature. <i>Efraim Baukh (Holon, Israel)</i>	72
The Story of Boris and Vera Polyakov. <i>Zeev Grin (Kiryat-Yam, Israel)</i>	90
Hirsh Osherovitch, Poet and Man. From the cycle "The Writers of My Generation". <i>Mikhail Lev (Rehovot, Israel)</i>	114
Ilya Bokshtein – Poet and Outsider. <i>Aron Chernyak (Haifa, Israel)</i>	123
The Free Plastics of Valentin Shorr. <i>Tatiana Vaisman (Rehovot, Israel)</i>	133
Ethel Kovensky, Actress of the Future. <i>Leonid Finkel (Ashkelon, Israel)</i> . With preface by <i>Anatoly Alexin</i>	145
The Tree of Art. <i>Savva Dudakov (Jerusalem)</i>	
1. Artist and Time – of Boris Moiseyevitch Zeleny	
2. My Love – Israel, China, Russia, Europe – of Leontin Solomonovna Smushvitch	
3. Warrior and Master – Semion Rozenstein	165
"The Last of the Mohicans" (Lev Osipovitch Mogilever, 1904–1996). <i>Savva Dudakov (Jerusalem)</i>	190

“I Was Born a Free Man” (notes on the work of the director Mikhail Kalik). <i>Lev Fruhtman (Lod, Israel)</i>	194
Mordechai Zeira – A Classic Israeli Songwriter. <i>Shulamit Shalit (Tel-Aviv)</i>	213

Science and Education

Russian Orientalists Emigrants in Israel. <i>Elena Dubnov (Jerusalem)</i>	232
The Happiest Period in the Life of the Strazhas Family. <i>Neda Kameneckaite-Strazhas (Jerusalem)</i>	247
Professor Shifrin and His Medical Team. <i>Yulia Sister (Kiryat-Ekron, Israel)</i>	260
Life, Surgery, Fate. <i>Arcady Lifshitz (Beer-Sheva, Israel)</i>	273
Israel and the Cosmos (Interview with Dr. Fred Ortenberg). <i>Efim Loyevsky (Bney-Aish, Israel)</i>	286
The Israeli scientist Lev Morgulis. <i>Lev Fruhman (Lod, Israel)</i> . .	302
Benjamin Rojter, Philatelist and Scientist. <i>Boris Volodarsky (Ashdod, Israel)</i>	313
On the High Way of Graphs Theory. <i>Lena Dragicky (Jerusalem)</i>	317
Why and How I Study Hebrew. <i>Albert Wilderman (Petah-Tikva, Israel)</i> . With preface by <i>Vladimir Shapira</i>	329
Russian Teachers in Israeli schools. <i>Zeev Frayman (Beer-Sheva, Israel)</i>	342
The Interaction of Formal and Informal Education (marking the 15th anniversary of the pedagogical center MAPAT and the school Shevah-Mofet). <i>Olga Kardash-Gorelik (Tel-Aviv)</i>	348
Authors and Editors of v. 17	372
Index of Names of v. 17.	380
Abstracts	393
Abstracts in English	404

Научно-исследовательский центр
«РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ»

Центр изучает историю более 4 млн евреев, покинувших Российскую империю (СССР, СНГ) за два последних столетия. С 1992 г. Центром издано 17 книг, посвященных их вкладу в современную западную цивилизацию.

Первые пять томов вышли в серии «Евреи в культуре русского зарубежья» (ЕВКРЗ), следующие – под общим названием «Русское еврейство в зарубежье» (РЕВЗ). Они включают книги о русских евреях в Англии (т.7), во Франции (тома 8 и 9), в Палестине/Израиле (эта серия называется «Идемте же отстроим стены Йерушалаима» – тома 11, 14), в Америке (тома 12 и 15, т.18 – в печати), в Германии и Австрии (т.16). Отдельным изданием выпущена монография «Евреи России в зарубежье. Очерки истории».

Труды Центра открыли новое направление в иудаистике и являются одним из основных источников знаний о Русском Зарубежье. Сотрудники Центра проводят научные конференции, семинары, лекции, участвуют в международных форумах, разрабатывают учебные программы по данной теме.

Некоторые материалы Центра размещены в интернете (echo.oranim.ac.il). Рецензии на издания Центра (в настоящее время их более ста) см.: www.litcatalog.al.ru/periodics/evkrz.html

Научный руководитель Центра:

Dr. Mikhail Parkhomovsky. 648/4 Mishlat Str., Bet-Shemesh 99013, Israel. Tel.: 972-2-9917039; e-mail: mipar@013.net

Генеральный директор Центра:

Dr. Yulia Sister. P.O.B. 6464, 9/14 Narkis Str., Kiryat-Ekron 76920, Israel. Tel.: 972-8-9350332; e-mail: ysister914@gmail.com

Research Center for Study of Russian Jewry Abroad

The Center's studies focus on the lives and activities of the 4 million Jews who emigrated from Russia (USSR, Russian Federation) in the course of the last two centuries. Starting in 1992, the Center has published 17 volumes perpetuating the multiple contributions of Russian Jewish migrants to contemporary Western Culture.

The first five volumes were published in the series "Jews in the Culture of Russian Emigration", the following under the general heading "Russian Jewry Abroad". This includes monographs on Russian Jews in Great Britain (v. 7), France (v. 8-9), Palestine/Israel (as "Let Us Build the Walls of Jerusalem"; v. 11, 14), in America (v. 12, 15 and 18 – in print). The monograph *Jews Abroad: Sketches of History* was issued separately.

The pioneering research carried out in the center has in effect established a new domain in Jewish studies. It continues to provide an important reference for the study of Russian Jewry abroad. The Center's academic staff is noted for its organization of and active participation in scholarly conferences, seminars, and public lectures, as well as for developing educational and academic programs on the Russian Jewry abroad.

Part of the materials can be accessed at echo.oranim.ac.il.

Reviews of the Center's publications are available at www.litcatalog.al.ru/periodics/evkrz.html.

Head of Research:

Dr. Mikhail Parkhomovsky. 648/4 Mishlat Str., Bet-Shemesh 99013, Israel. Tel.: 972-2-9917039; e-mail: mipar@013.net

General Director:

Dr. Yulia Sister. P.O.B. 6464, 9/14 Narkis Str., Kiryat-Ekron 76920, Israel. Tel.: 972-8-9350332; e-mail: ysister914@gmail.com